

БЕЛАРУСКІ ДЗЯРЖАЎНЫ ЎНІВЕРСІТЭТ

ЗАМЕЖНАЯ БЕЛАРУСІСТЫКА

Цімафей Ломцеў

ВЫБРАНЫЯ ПРАЦЫ
ПА БЕЛАРУСКІМ І РУСКІМ
МОВАЗНАЎСТВЕ

Пад агульнай рэдакцыяй
М. Р. Прыгодзіча

МІНСК
БДУ
2024

УДК 811.161.3+811.161.1
ББК 81.411.3+81.411.2
Ц61

Серыя заснавана ў 2021 г.

Навуковы рэдактар серыі
доктар філалагічных навук прафесар *І. С. Роўда*

Рэдакцыйная калегія серыі:

М. Р. Прыгодзіч (гал. рэд.),
С. А. Важнік, Я. Я. Іваноў, І. Л. Капылоў, У. І. Коваль,
Г. І. Кулеш, Т. В. Мальцэвіч, Н. Б. Мячкоўская,
А. А. Прыгодзіч, І. Э. Ратнікава, І. В. Саверчанка,
М. І. Свістунова, Л. Д. Сінькова, В. Д. Старычонок,
М. М. Хмяльніцкі, І. А. Чарота

Складальнікі:
М. Р. Прыгодзіч, І. С. Роўда

Рэцэнзенты:
доктар філалагічных навук прафесар *Д. В. Дзятко*;
кандыдат філалагічных навук дацэнт *В. М. Нікалаева*

Цімафей Ломцеў. Выбраныя працы па беларускім і рускім мовазнаў-
Ц61 стве / склад.: М. Р. Прыгодзіч, І. С. Роўда ; пад агул. рэд. М. Р. Прыгодзіча. –
Мінск : БДУ, 2024. – 256 с., [8] арк. каляр. іл. – (Замежная беларусістыка).
ISBN 978-985-881-528-8.

Выданне прысвечана вядомаму беларусісту і русісту, першаму дэкану філалагічнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта Цімафею Пятровічу Ломцеву. Прыводзяцца найбольш значныя працы навукоўца па актуальных праблемах гісторыі і стану беларускай мовы ў першай палове XX ст., падаецца тэкст аднаго з першых падручнікаў па беларускай мове для студэнтаў рускіх аддзяленняў філалагічных факультэтаў дзяржаўных універсітэтаў СССР.

Адрасуецца навукоўцам, студэнтам і выкладчыкам вышэйшых навучальных устаноў, а таксама ўсім дбайным рупліўцам роднага слова.

УДК 811.161.3+811.161.1
ББК 81.411.3+81.411.2

ISBN 978-985-881-528-8

© БДУ, 2024

АД СКАДАЛЬНІКАЎ

У зборніку выбраных прац доктара філалагічных навук прафесара Цімафея Пятровіча Ломцева змешчаны дапаможнік «Белорусский язык», рэкамендаваны Міністэрствам адукацыі СССР для рускіх аддзяленняў філалагічных факультэтаў дзяржаўных універсітэтаў, а таксама асобныя навуковыя артыкулы, апублікаваныя на працягу першай паловы XX ст. Складальнікі палічылі неабходным поўнасьцю захаваць аўтэнтычны тэкст прац з улікам іх арыгінальнасці і адпаведнасці таму перыяду гісторыі мовазнаўства. Аднак у тэкст рускамоўнага выдання «Белорусский язык» (Масква, 1951) былі ўнесены неабходныя графіка-арфаграфічныя ўдакладненні, не заўважаныя выдаўцамі кнігі.

Што датычыцца выбару артыкулаў, то мы кіраваліся найперш прынцыпам навуковай значнасці даследаванняў Ц. П. Ломцева і іх ролі ў гісторыі як беларускай лінгвістыкі, так і ўсходнеславянскай славістыкі ў цэлым. Шмат якія працы навукоўца выклікалі неадназначны водгук у філалагічнай грамадскасці, асобныя з іх сталі грунтоўнай асновай і арыенцірам для далейшага паглыбленага вывучэння сінтаксісу і гістарычнай граматыкі ўсходнеславянскіх моў. У кнізе прадстаўлены таксама навукова-папулярныя працы даследчыка, што былі надрукаваны ў газетах і літаратурных часопісах даваеннага і пасляваеннага часу.

Выданне выбраных прац прафесара Ц. П. Ломцева ў серыі «Замежная беларусістыка» абумоўлена найперш той акалічнасцю, што большую частку жыцця ён правёў у Расіі, у адрозненне ад вучоных (Г. Бідэр, Г.-Б. Колер, А. Золтан, Р. Піўтарак), што працавалі толькі на радзіме. Згадаем таксама, што Цімафей Пятровіч быў дэканам філалагічнага факультэта з першых дзён яго арганізацыі (1939) у Беларускам дзяржаўным універсітэце, а пасля доўгія гады працаваў у Маскоўскім дзяржаўным універсітэце імя М. В. Ламаносава на пасадзе прафесара і загадчыка кафедры рускай мовы, прыкметна ўзбагаціўшы айчыннае мовазнаўства.

Кожная з апублікаваных прац суправаджаецца даведачна-бібліяграфічнай інфармацыяй як аб першай, так і аб наступных публікацыях. Бібліяграфічны спіс прац вучонага ўключае асноўныя беларускамоўныя і найбольш значныя рускамоўныя публікацыі, у якіх асвятляюцца пытанні рускага і славянскага мовазнаўства.

НЕ СПЫНЯЮЧЫСЯ НА ДАСЯГНУТЫМ

У асобе доктара філалагічных навук прафесара Цімафея Пятровіча Ломцева ўдала спалучыліся адміністрацыйна-кіраўнічыя і чыста навуковыя інтарэсы. У кожным з гэтых напрамкаў дзейнасці ён выявіў сябе як таленавіты арганізатар і ўдумлівы даследчык-лінгвіст, асноўнай рысай поглядаў якога «быў пастаянны пошук новых метадаў і прыёмаў вывучэння розных узроўняў мовы і асобных моўных з’яў»¹. Менавіта такім быў і застаўся ў памяці калег, а таксама шматлікіх вучняў і паслядоўнікаў Ц. П. Ломцева.

Будучы лінгвіст нарадзіўся 15 кастрычніка 1906 г. у пасёлку Новахапёрскі Варонежскай вобласці ў сялянскай сям’і. Скончыў мясцовы педагагічны тэхнікум (1925), філалагічны факультэт Варонежскага ўніверсітэта (1929) і аспірантуру пры Інстытуце чырвонай прафесуры (1931). Працаваў дацэнтам Маскоўскага дзяржаўнага педагагічнага інстытута, прафесарам Камуністычнага інстытута журналістыкі, старшым навуковым супрацоўнікам Навукова-даследчага інстытута мовазнаўства (1931–1933). Пасля пераезду ў жніўні 1933 г. у Мінск быў намеснікам дырэктара Інстытута мовы Акадэміі навук БССР, прафесарам БДУ (з 1937 г.), дэканам філалагічнага факультэта і адначасова загадчыкам кафедры рускай мовы і літаратуры БДУ (з 1939 г.). У гады вайны (1941–1943) быў прафесарам і загадчыкам кафедры рускай мовы Свярдлоўскага ўніверсітэта, з лютага 1943 г. працаваў у Маскве на пасадзе прафесара і загадчыка кафедры рускай мовы БДУ, што размяшчаўся на станцыі Сходня. У чэрвені 1944 г. яму была прысуджана вучоная ступень доктара філалагічных навук за працы па гісторыі сінтаксісу беларускай мовы. На працягу 1944–1946 гг. быў загадчыкам аддзела школ ЦК КПБ, з 1946 г. і да апошніх дзён жыцця (1972) працаваў у Маскве.

Пераезд Ц. П. Ломцева ў Мінск у 1933 г. быў прадыхтаваны не толькі неабходнасцю ўзмацніць беларускае мовазнаўства, але і ў цэлым складанай сітуацыяй у лінгвістыцы ў перыяд да дыскусіі 1950 г. Менавіта ў той час былі неабгрунтавана рэпрэсаваны беларускія навукоўцы П. Бузук, М. Гарэцкі, У. Ігнатоўскі, В. Ластоўскі, Я. Лёсік, С. Некрашэвіч, Б. Тарашкевіч і інш. На гэты перыяд і прыпадае плённая праца Ц. П. Ломцева, які стварыў

¹ Булахов М. Г. Восточнославянские языковеды : библиогр. слов. : в 3 т. Минск, 1976–1978. Т. 3 : Л–Я. 1978. С. 43.

першы навуковы курс сучаснай беларускай літаратурнай мовы (Беларуская граматыка. Фанетыка і правапіс : навук.-даслед. нарыс. Мінск, 1935), а таксама стаў суаўтарам такіх практыкаарыентаваных прац, як «Беларуская граматыка. Ч. 2 : Марфалогія» (Мінск, 1936; сумесна з К. Гурскім і М. Баркоўскім), «Сінтаксіс беларускай мовы» (Мінск, 1939; сумесна з К. І. Гурскім, С. Л. Рохкінд, С. І. Рысінай, Г. З. Шкляр), «Курс сучаснай беларускай мовы (Фанетыка, марфалогія, лексіка)» (Мінск, 1940; сумесна з К. І. Гурскім, З. І. Шкляр і С. Л. Рохкінд). Ён жа падрыхтаваў вялікую манаграфію пра выказнік і спосабы яго выражэння ў гісторыі беларускай мовы (Уч. зап. БГУ. Серия филологическая. 1941. Вып. 2, № 3), тэкст якой лёг у аснову доктарскай дысертацыі.

Не менш насычаным стаўся і пасляваенны маскоўскі перыяд дзейнасці Ц. П. Ломцева. Менавіта на гэты час прыпадаюць яго асноўныя славесныя працы, многія палажэнні з якіх былі апрабаваны на міжнародных лінгвістычных форумах у Расіі і іншых краінах. Расійскія мовазнаўцы адзначаюць распрацоўку вучоным тэорыі фаналогіі, арыгінальнай канцэпцыі сказа, агульнай тэорыі значэння. Па словах прафесара Ніны Давыдаўны Аруцюнавай, «Т. П. Ломтев, как никто другой, владел даром системного подхода к материалу, умением видеть связь между, казалось бы, разрозненными явлениями языка. <...> В исследованиях Т. П. Ломтева теория никогда не остается голословной, отделенной от фактов, а факты всегда предстают в свете общей теории»¹.

Прафесар Ц. П. Ломцеў да апошніх дзён жыцця не парушаў сувязі з беларускімі лінгвістамі, падтрымліваў іх навуковыя пошукі, многім з іх прэзентаваў свае кнігі.

Мікалай Прыгодзіч,
доктар філалагічных навук, прафесар

¹Арутюнова Н. Д. Теоретические проблемы языкознания в лингвистических воззрениях Т. П. Ломтева // Ломтев Т. П. Общее и русское языкознание. Избранные работы. М., 1976. С. 11.

СКАРЫНА ЯК ПАЧЫНАЛЬНІК БЕЛАРУСКАЙ ЛІТАРАТУРНАЙ МОВЫ*

Беларуская мова, як жывая мова народа, да часу дзейнасці Скарыны, зусім сфармавалася. Яна ўжо мела ўсе тыя рысы, якімі характарызуецца цяпер; ёй уласціва было аканне, дзэканне і цэканне, цвёрдае *р* і г. д.

Аднак у літаратуры беларуская мова не ўжывалася. У эпоху феадалізма ў Маскоўскай дзяржаве ў якасці такой мовы выступала стараславянская мова, якая знаходзілася ў блізім радстве з рускай мовай; у дзяржавах Заходняй Еўропы – лацінская, якая знаходзілася ў рознай блізкасці з рознымі мовамі Заходняй Еўропы. З перамогай капіталізма над феадалізмам пачынаюць заваёўваць права на ўжыванне ў літаратуры і родныя мовы народаў.

У сувязі з гэтым на аснове нацыянальных моваў народаў выпрацоўваюцца свае літаратурныя. Так выпрацаваліся французская, нямецкая, руская і іншыя літаратурныя мовы.

Не прадстаўляе выключэння і Беларусь у гэтых адносінах. Але на тэрыторыі Беларусі моўныя адносіны былі больш складанымі. На Беларусі не было адзінай царквы, побач з праваслаўнай царквой існавала і каталіцкая, якая была дзяржаўнай. Духоўнае жыццё беларускага насельніцтва абслугоўвалася не адной якой-небудзь мовай. Для гэтай мэты ў праваслаўных епархіях ужывалася царкоўна-славянская мова, а ў каталіцкіх – лацінская і польская. Беларуская мова ў гэтай сферы літаратурнай дзейнасці пакуль што не ўжывалася. Яна ўжывалася толькі ў граматах, актах і кодэксах Літоўскага княства. Аналагічнае становішча мы назіраем і ў Маскоўскай Русі. Тут руская мова таксама культывіравалася ў пераважнасці ў граматах і актах, а духоўнае жыццё народа абслугоўвалася царкоўна-славянскай мовай; пропаведзі і навучанні гаварыліся на гэтай мове, а не на рускай, на гэтай-жа мове адбывалася школьнае і першапачатковае навучанне. Ламаносаў быў першым рускім вучоным і літаратарам, які ўзаконіў ужыванне ў пэўных памерах рускай мовы ў літаратуры.

На Беларусі, як і ў Маскоўскай Русі, пісьмовая фіксацыя мовы не была адзінай. У розных сферах пісьмовай дзейнасці ўжываліся розныя мовы: у граматах і актах ужывалася беларуская мова таго часу, у школах і царкве – або царкоўна-славянская, або польская і лацінская.

* Упершыню надрукавана: Беларусь. 1935. № 3. С. 7–13.

Гістарычная задача літаратурнага развіцця беларускай мовы ў пачатку XVI стагоддзя заключалася ў тым, каб распаўсюдзіць ужыванне беларускай мовы ва ўсе сферы пісьмовай дзейнасці. Неабходна было, значыцца, пашырыць ужыванне беларускай мовы не толькі на галіну актавай і юрыдычнай пісьмовасці (граматы, акты, юрыдычныя кодэксы, даравальныя запісы і т. п.), але і на галіну школьнай, царкоўнай і іншай пісьмовасці. Паколькі ў гэтай апошняй сферы беларуская мова спачатку не ўжывалася, дык увядзенне яе не магло адбыцца шляхам поўнай замены і выпяцнення ранейшай мовы, г. зн. мовы царкоўна-славянскай. Паколькі беларуская мова не культывіравалася раней для выражэння патрэбнасцей разглядаемай галіны пісьмовасці, пастолькі яна не мела ні адпаведных форм, ні адпаведных тэрмінаў: яна не мела багаслоўскай, філасофскай тэрміналогіі, у ёй не было тэрміналогіі школьнага ўжытку, тэрміналогіі тых навук, якія падлягалі вывучэнню ў той час, у ёй не былі развіты адпаведныя сінтаксічныя звароты, напрыклад складана-падпарадкаваныя тыпы сказу або формы перыядычнай мовы.

Усё гэта не магло быць створана літаратурным вопытам аднаго чалавека, не магло з'явіцца адразу ў гатовым выглядзе, яно магло развіцца толькі паступова.

Адзіная магчымасць літаратурнай апрацоўкі беларускай мовы таго часу заключалася ў тым, каб формы і лексіку беларускай мовы ўключыць ва ўсе поры мовы духоўнай пісьмовасці, г. зн. царкоўна-славянскай. Спачатку не было магчымасці выключыць з ужывання ўсе багацці гэтай мовы, накопленыя стагоддзямі яе літаратурнага развіцця. Тэкст перакладаў Скарыны здаваўся даследчыкам стракатым з боку мовы. Адны гаварылі, што па характару мовы ён з'яўляецца царкоўна-славянскім, другія – беларускім; нарэшце, былі нават такія выказванні, быццам мова Скарыны з'яўляецца механічнай і штучнай сумессю рускай, царкоўна-славянскай і польскай моваў.

Само сабою зразумела, што падобныя выказванні аб мове Скарыны з'яўляюцца абстрактнымі, антыгістарычнымі. Нацыянальную прыналежнасць мовы выданняў Скарыны нельга вызначаць па колькасных суадносінах элементаў. Па думцы А. А. Шахматава, палову слоўніка сучаснай рускай літаратурнай мовы складаюць стараславянскія элементы. Не дзіва, што некаторыя знаходзяць, што сучасная руская літаратурная мова з'яўляецца ў аснове царкоўна-славянскай. Але, вядома, сучасная руская літаратурная мова з боку нацыянальнай сваёй ролі ёсць перш за ўсё руская, які-б процант ні складалі ў ёй царкоўна-славянскія элементы.

Спробы вызначыць нацыянальную прыналежнасць мовы Скарыны, абапіраючыся на колькасную перавагу царкоўна-славянскіх элементаў, з’яўляюцца нядобрасумленнымі ўжо па аднаму таму, што яны грунтуюцца на механічным аналізе і не ўлічваюць функцыянальнай ролі мовы, а таксама грамадска-гістарычных умоў яе функцыянавання.

Кожная народная мова, якая яшчэ не культывіравалася ў той ці іншай сферы пісьмовасці, пачынае функцыянаваць у гэтай галіне пры падтрыманні іншай мовы. І той, хто ўпершыню пачынае культывіраваць сваю родную мову ў літаратуры, па неабходнасці прымушан бывае абапірацца на гэтую іншую мову, у даным выпадку – царкоўна-славянскую.

Ламаносаў быў рускім пісьменнікам і яго мова была мовай рускай, хоць царкоўна-славянскія элементы ў ёй пераважалі. Гэтакай была функцыянальная роля мовы Ламаносава з боку яе значэння ў гісторыі асветы Расіі. Але Ламаносаў жыў у больш познюю эпоху, чым Скарына. У эпоху Ламаносава руская мова ўжо мела вопыт функцыянавання ў літаратуры і большую гатоўнасць выступлення ў ролі органа літаратуры, чым беларуская мова ў эпоху Скарыны.

І калі процант царкоўна-славянскіх элементаў у мове выданняў Скарыны вышэй, чым процант адпаведных элементаў у мове твораў Ламаносава, дык гэта сведчыць не аб тым, што мова Скарыны па сваёй нацыянальнай прыналежнасці ў процілегласць мове Ламаносава павінна быць кваліфікавана як мова царкоўна-славянская, а аб тым, што гэтыя дзве вялікія асобы дзейнічалі ў розных агульнагістарычных умовах, пры рознай гатоўнасці родных моваў да выступлення ў ролі органа літаратуры.

У выданнях Скарыны, асабліва ў яго прадмовах, ёсць такія месцы, якія па характару мовы ніяк нельга назваць царкоўна-славянскімі, гэтыя месцы маюць вельмі яркую беларускую афарбоўку з боку мовы. Вось адзін з гэтых урыўкаў:

«Едины (знаходящяць любоў) в царквах и в пановании, друзии в богастве и в скарбох, инии в мудрости и в науце, а инии в здравии, в красоте и в крепости телесной, неции же во множестве имения и статусу, а неции в роскошном ядении и питии и в любодеении, инии же в детех, в приятелех, во слугах и во иных различных многих речах. А тако единый каждый человек имат некоторую речь пред собою, в ней же ея наболей кахает и о ней мыслит».

(З прадмовы Скарыны ў кнігу «Еклезіястес»)

З такога роду ўрыўкамі мы сустракаемся і ў перакладах Скарыны, напрыклад:

«Поцалуи мя поцалованнем уст своих яко лепшая суть млсти твоя над вино воннейшая над масти драгие. Олей излиян имя твое, сего для отроковици возлюбиха тебе. Тягни мя за собою: побегнем в добровонности мастей твоих».

(«Песнь Песней», гл. I)

Тут «лепшая», «тягни», «олей» і т. п. – маюць такую афарбоўку, якая дазваляла ім выступаць у ролі беларускіх элементаў мовы. Нарэшце, параўнальная ступень «воннейшая над масти» створана па ўзору беларускіх форм.

Справа, аднак, не ў тым, што ў выданнях Скарыны ёсць такія месцы, якія маюць ярка выражаны беларускі каларыт, хоць гэта мае і немалаважнае значэнне пры вызначэнні асноўнага характару мовы Скарыны. Нацыянальную прыналежнасць мовы пісьменніка, тым больш такога, які ўпершыню ўводзіць сваю родную мову ў літаратуру, нельга вызначаць па колькаснаму складу іншамовных элементаў. Мова такога пісьменніка павінна вызначацца па характару той ролі, якую яна адыгрывала ў грамадскай свядомасці і ў асвеце свайго народа.

Аналіз тых крыніц, якія мы маем, паказвае, што Скарына разглядаў мову сваіх выданняў, як мову, адметную ад мовы царкоўна-славянскай. Ён заўсёды мову сваіх перакладаў называе рускай і ведае, што яе нельга змешваць з мовай славянскай. У прадмове да кнігі Сірых Скарына пісаў, што ён «приложил працу, выложит книгу сию на русский язык» «для посполитого доброго и размножения мудрости».

З гэтай прадмовы відаць, што Скарына лічыў, што выдадзеныя ім біблейскія кнігі прадстаўляюць сабою пераклад на мову, якую ён называе рускай. Значыць, мову перакладзеных і выдадзеных ім біблейскіх кніг ён не лічыць славянскай. Гэта тым больш характэрна, што аб мове некаторых іншых выданняў сваіх ён выражаўся інакш. Вядома, што псалтыр ён выдаў у 1517 годзе «не рушаючи ни в чем же», г. зн. захоўваючы асноўны царкоўна-славянскі тэкст. Ён толькі «на боках» даў тлумачэнне асобных незразумелых слоў, часта перакладаючы іх на беларускую мову. Цікава, што Скарына ў прадмове і не назваў гэта сваё выданне перакладам. У прадмове Скарына выразіўся па поваду гэтага наступным чынам: «Я, Франциск Скоринин сын, из Полоцка, в лекарских науках доктор, повелел псалтирь тиснути русскими словами, а словенским языком».

Што гэта азначае «слова русские, а язык славянский»? Гэтае месца з прадмовы Скарыны выклікала розныя тлумачэнні. Сабалеўскі бачыў у гэтым адлюстраванне таго факта, што ў свядомасці дзеячоў таго часу славянская мова не аддзялялася ад рускай. Ён не абгрунтаваў сваёй думкі. Між

тым яна не з'яўляецца бясспрэчнай. Выраз Скарыны аб тым, што ён ціснуў псалтыр «словами русскими, а языком славянским» цалкам супадае з фактычным становішчам справы. Гэтыя словы можна вытлумачыць у тым сэнсе, што ва ўяўленні Скарыны мова псалтыра, якая выдадзена ім «не рушаючы ні в чым же», з'яўляецца славянскай, рускімі з яго пункту гледжання з'яўляюцца толькі словы, якімі ён карыстаўся «на боцех». Такое тлумачэнне разглядаемага тут месца з прадмовы да выдання псалтыра 1517 года пацвярджае, што ва ўяўленні Скарыны царкоўна-славянская мова, якую ён называў славянскай, не змешвалася з мовай беларускай, якую ён называў, па звычаю таго часу, рускай.

Такім чынам, у свядомасці Скарыны мова яго выданняў не ўяўлялася царкоўна-славянскай. Яна ўяўлялася яму ў якасці мовы рускай. З гэтага вынікае, што ў гісторыі рускай асветы мова выданняў Скарыны выступала ў ролі мовы роднай, зразумелай для чытаючай масы беларускага народа. Гэта тым больш неабходна падкрэсліць, што Скарына неаднокраць напамінаў аб тым, што ён хоча выдаць поўную і зразумелую для прастата народа біблію.

Гэтакая была грамадская роля мовы выданняў Скарыны. Але з гэтага нельга рабіць вывад, што мова выданняў Скарыны была беларускай у тым сэнсе, у якім мы называем беларускай нашу сучасную літаратурную беларускую мову. Гэтая апошняя з'яўляецца беларускай не толькі па сваёй грамадскай ролі, але і па сваёй генетычнай аснове: яна з'яўляецца беларускай па тоеснасці з роднай мовай беларускага народа і па сваёй ролі ў гісторыі беларускай культуры. Мову Скарыны нельга назваць беларускай у гэтым сэнсе, яна з'яўляецца беларускай па сваёй ролі ў гісторыі беларускай асветы, але яна не з'яўляецца ў той-жа ступені беларускай мовай, як наша сучасная літаратурная мова па сваёй тоеснасці з роднай мовай беларускага народа таго часу.

Скарыне прыходзілася ўпершыню ўводзіць у літаратурны ўжытак беларускую мову. Роля беларускага элемента ў выданнях Скарыны вызначалася тым фактам, што беларуская мова да гэтага не культывіравалася ў літаратуры і не была гатова заняць месца стараславянскай мовы, якая, трэба памятаць, знаходзілася ў блізкім сваяцтве з беларускай мовай. Скарына рабіў свае выданні па мове беларускімі ў той ступені, у якой літаратурная апрацоўка беларускай мовы магла дазволіць абыйсціся без тых ці іншых слоў або форм стараславянскай мовы, у агульным блізкай да беларускай і рускай моваў.

Такім чынам, мова выданняў Скарыны па яе ролі ў гісторыі беларускай культуры была мовай беларускай, але па свайму складу яна была беларускай толькі ў той меры, у якой ступень літаратурнай апрацоўкі дазваляла ёй выступіць у ролі органа літаратуры і навукі.

Аналіз мовы Скарынінскіх выданняў паказвае, што ўсе асноўныя рысы беларускай мовы таго часу Скарына пусціў у літаратурны зварот у сваіх прадмовах і перакладах.

Пачнём з агляду фанетычных рысаў.

Беларускай мове, як і яе бліжэйшым суродзічам – рускай і ўкраінскай мовам, уласціва так званае поўнагалоссе, г. зн. двухбаковая агаласоўка плаўных *р* і *л* у такіх словах, у якіх стараславянская мова ведае аднабаковую агаласоўку пасля плаўных, напрыклад: бел. *карова*, ст.-сл. *крава*, бел. *золата*, ст.-сл. *злато*, бел. *мароз*, ст.-сл. *мраз*, бел. *бераг*, ст.-сл. *брег* і г. д.

У выданнях Скарыны паданы значны спіс з наяўнасцю поўнагалосся, напрыклад: *палон*, параўн. ст.-сл. *плен*; *малодшый*, ст.-сл. *младишый*; *огороды*, ст.-сл. *ограды*; *беремя*, ст.-сл. *бремя*; *середина*, ст.-сл. *средина*; *порох*, ст.-сл. *прах*; *похороню*, ст.-сл. *храню*; *соромляся еси* ст.-сл. *срам* і т. п.

У літаратуры была выказана думка, што такіх слоў значна менш у параўнанні з тымі, якія маюць аднабаковую агаласоўку плаўных царкоўна-славянскага тыпу, што яны такім чынам не парушаюць царкоўна-славянскай асновы Скарынінскай гутаркі. На гэта трэба заўважыць, што і ў сучаснай рускай літаратурнай мове няпоўнагалосных форм вялікая колькасць і, можа быць, лік іх не меншы за лік поўнагалосных форм; дастаткова спаслацца на пералік слоў з няпоўнагалоснымі формамі, які даў акад. А. А. Шахматаў у сваім курсе рускай літаратурнай мовы. Але тым не менш гэта не можа служыць доказам таго, што сучасная руская літаратурная мова з’яўляецца стараславянскай па сваёй аснове.

Тыя або іншыя процантныя суадносіны паміж словамі з наяўнасцю поўнагалосся і словамі з наяўнасцю царкоўна-славянскай агаласоўкі, засведчаныя ў выданнях Скарыны, вызначаліся стылістычнымі патрэбнасцямі і не могуць служыць апорай для доказу таго, што мова Скарыны была стараславянскай.

У беларускай мове параўнальная ступень шыпячых зычных мае гук *е*, у адпаведнасці з рускім і стараславянскім *а* з *ять*, узыходзячага да доўгага *е*, напрыклад: *мекчайшый*, *легчайшыми*, параўн. руск. *легчайшый*, *крепчайших*, параўн. руск. *крепчайшый*, *должнейшый* і т. п.

У беларускай мове шырока распаўсюджана лексіка з галосным перад плаўным у пачатку слова, за якім раней ішоў выпаўшы потым рэдукаваны

гук, напрыклад *ілгачь з лгати*. Такія формы выкарыстоўваюцца і ў выданнях Скарыны, напр.: *иржавяет, илжеть, слово илживое, хитрости и илсти, о илстивом средцы, илжу, не илжите, ильстивый, ильстец*.

У адпаведнасці з рускімі формамі, якія маюць пад націскам *ей і ой*, напрыклад: *бей, пей, шея, мою, вою* і т. п., у беларускай мове ўжываюцца формы *і* або *ы* з адпадатнем *й* у канцы слова, напрыклад: *пі, бі*, і з захаваннем яго перад галоснымі, напрыклад: *мыю (мыйу), выю (выйу)* і г. д. Такія беларускія формы культывіруюцца і ў выданнях Скарыны, напрыклад: *биш, бишся, убиште, напишся, не крийся, не сокрий, излий, вылий*.

Тое-ж самае назіраецца і ў канчатках прыметнікаў. У рускай мове пад націскам ужываюцца формы на *ой*: *слепой, хромой* і т. п., у беларускай у адпаведнасці з рускім *ой* ужываецца *ы*. Такія формы адзначаны і ў выданнях Скарыны, напрыклад: *гадовыи, седми, осмый, убогый, живый, другой, хромый, злый, иной* і т. п.

У выданнях Скарыны гукі *д і т* перад *і ў* запазычаных словах захоўваюць цвёрдасць, як і ў сучаснай беларускай літаратурнай мове; у сувязі з гэтым замест гук *а* і з’яўляецца гук *ы*, напрыклад: *палестынскому, еклезиастыкус, Валтызар, еретыческое* і г. д.

У беларускай мове галосны гук *у ў* канцы склада скарачаецца і стварае нескладовае ў. Гэта нескладовае кароткае ў адзначана і ў выданнях Скарыны, у якіх яно перадаецца літарай *в*, напрыклад: *навчил, навчу, навчение, люди вченые, вкоризна і вмением (умением), не вмер, вбогий (убогі)* і т. п.

Прыназоўнік *в* перад словам, якое пачынаецца з зычнага гук *а*, у беларускай мове пераходзіць у галосны *у*, гэта знаходзіць адлюстраванне і ў выданнях Скарыны, напрыклад: *у храме, кто есть там у сеньях, у еврейских книгах, жезл у змию обратился, гудяше у гусли, потопил их у великой воде, трубяще у трубы*; тое-ж самае адбываецца і з прыстаўкай *в-* у дзеясловах, напрыклад: *ускормити, узышол, усход* і т. п.

У частцы сучасных беларускіх гаворак мяккі гук *р* зацвярдзеў, і гэтым гаворкам уласціва цяпер толькі цвёрдае *р*. На гэтыя гаворкі абапіраецца і сучасная беларуская літаратурная мова, якая ведае толькі цвёрдае *р*: *писар, парайнаем*: рус. *писарь*; *рад*, рус. *ряд*; *крык*, рус. *крик*. Гэтая рыса знайшла адлюстраванне і ў выданнях Скарыны, напрыклад: *вихор, вихром, вихру, цару, крык, пастыр, брытва, трыдцать* і г. д.

У Скарыны сустракаюцца словы з мяккім *н*, якія ў такой форме ўжываюцца і ў сучаснай мове, напрыклад: *должися, ширина, вышися* і т. п.

У беларускай мове вядома падваенне зычных перад *ёт*; само падваенне прадстаўляе сабой асіміляцыю *ёт* папярэдніму зычнаму, напрыклад: *жыццё*,

суддзя, насенне і г. д. Слова з такімі формамі культывіруюцца і ў выданнях Скарыны, напрыклад: *возданне, беззаконие, искоренение, вспоминание, в день отдавания его* і т. п.

Перад націскным галосным *о* ці *у* ў пачатку слова і склада ў беларускай мове развіваецца другі зычны гук *в*. Напрыклад: *вочы, навука* і г. д. Падобнага роду формы ўжываюцца і ў выданнях Скарыны, напрыклад: *воко, не иди «прямо у вочи им, в водежу», у вовцах, ядро у вореху, у возни, уесть его вуж, глава вужева, облечешися в водежу* і т. п.

У адпаведнасці з рускімі формамі *ро, ло (ле)* беларуская мова ўжывае пры пэўных умовах формы *ры, лы (лі)*, напрыклад: *крыху*, параўн. рус. *крош-ка; блыха*, рус. *блоха*. Такія формы ведаюць і выданні Скарыны, напрыклад: *дрыжащее, задрожало, проклину*.

Беларускія фанетычныя рысы адлюстроўваюцца, нарэшце, у формах асобных слоў, напрыклад: *попел, тебе, собе*, параўнаем: суч. бел. *табе, сабе*, рус. літар. *тебе, себе; кожды*, параўн. рус. *каждый*.

Такім чынам, амаль усе асноўныя фанетычныя рысы беларускай мовы атрымалі літаратурную апрацоўку ў выданнях Скарыны.

Таксама і марфалагічныя рысы беларускай мовы таго часу шырока былі прадстаўлены ў выданнях Скарыны. Прывядзем толькі некаторыя з’явы гэтага роду.

У беларускай мове шырока ўжываецца форма роднага склону назоўнікаў мужчынскага роду адзіночнага ліку на *у*: *сахару, табаку* і т. п. Вялікая колькасць такіх форм сустракаецца і ў выданнях Скарыны, напрыклад: *окно ковчегу; сошиного веку; дострелити с луку; смерть скоту; боиться суду; звук грому; двери шатру; рост гневу; день смутку; от великого плачу и воплю; вместо плоду* і г. д.

У выданнях Скарыны, як у сучаснай беларускай мове, ужываюцца формы меснага склону назоўнікаў мужчынскага роду адзіночнага ліку на *у*, напрыклад: *о хитром сыну, о приятелю льстивом, о плачу, во сыну своем, в суду* і г. д.

У сучаснай беларускай мове, як вядома, пасля лічэбнікаў *тры, чатыры* ўжываецца ім’я ў назоўным склоне множнага ліку, напрыклад: *тры сыны, чатыры дубы* і г. д. Тое-ж самае знаходзім і ў выданнях Скарыны, напрыклад: *чатыры воны, четыре возы, акрамя таго*; канчатак *ы (и)* сустракаецца і ў іншых выпадках, у якіх ён мае месца і ў сучаснай беларускай мове, напрыклад: *облаки, боки* і г. д.

У некаторых беларускіх дыялектах сустракаецца яшчэ ў множным ліку імён мужчынскага роду ў назоўным склоне форма *ове*, яна пранікае нават

у літаратурную мову, сустракаецца ў Янкі Купалы: «Чаго вам хочацца, панове?». Падобнага роду форма шырока ўжываецца і ў выданнях Скарыны, напрыклад: *доктарыне, ангелове, паслове, внукове, народове, волове, лесове, арабове* і т. п.

У беларускай мове канчаткі *-оў, -аў, -еў* і г. д. у родным склоне множнага ліку ўжываюцца не толькі ад слоў мужчынскага роду з цвёрдай асновай тыпу «братоў, сталоў» і г. д., але і ў іншых выпадках, напрыклад, ад слоў ніякага роду (*окнаў*), а таксама ад слоў мужчынскага роду з мяккай асновай (*рублёў*). Тое-ж самае мы назіраем і ў выданнях Скарыны, напрыклад, словы мужчынскага роду з цвёрдай асновай – *братов, домов, хлебов, судов*; словы ніякага роду з цвёрдай асновай – *правов*; словы іншых катэгорый – *мужов, овоцов, дворянов, ступнев* і т. п.

У старажытных беларускіх помніках наогул і ў выданнях Скарыны ў прыватнасці шырока ўжываліся прыналежныя прыметнікі; у Скарыны сустракаем вялікую колькасць прыкладаў гэтага роду, напрыклад: *гласа насильникова, от потока Египтова, из руку нальниковы, Скоринин сын, на улице градове, душа работячова, от гневу братова*.

Вядома, наколькі шырока ўжываюцца такія формы ў сучаснай беларускай мове.

Форма роднага склону адзіночнага ліку прыметнікаў у сучасных беларускіх гаворках канчаецца на *-ае (-ое)*, напрыклад: *добрае жаны*. Гэтая форма да 1933 года функцыянавала ў якасці літаратурнай формы. У выданнях Скарыны яна таксама шырока прадстаўлена, напрыклад: *матери рожноное, праведное, з доброе воли, красы женское, крови человеческого, муки пшеничное, з земли египетское, реки великое, силы небесное* і г. д.

Адлюстроўваюцца беларускія асаблівасці і ў займеннікавых формах, якія ўжываюцца ў выданнях Скарыны, напрыклад: *тыи иудеи, тых, тыми, мое, твое*.

Ужываецца ў Скарыны параўнальная ступень з прыназоўнікам *над*, як і ў сучасных беларускіх гаворках, напрыклад: *что сладшего над мёд або что сильнейшего над льва; над сребролюбца нет горшего*.

Нарэшце, беларускія асаблівасці адлюстроўваюцца і ў слоўніку Скарыны, напрыклад: *але, абы, братаничек, боханце (хлеба), боронить, вдатный, выхование, виры (у рацэ), вжитку, водле можности, горшии, господарие (гаспадары), дедич, дяля (сего дяля – дзеля чаго), дяковали, жадали, забил, ласка (милость), лепиши, матка, недармо, невдячность, полон, пилность, речи (справы, рэчы), смуток, становище, статку, шкода, шолом* і г. д.

Усе гэтыя разгледжаныя факты бяспрэчна даказваюць, што Скарына быў першым беларускім дзеячам, які стаў ужываць беларускую мову ў якасці органа літаратуры і навукі.

Скарынінскі вопыт ужывання беларускай мовы ў якасці органа літаратуры і навукі быў прадоўжаны, пашыраны і паглыблены дзеячамі наступных часоў, у якасці прадаўжальнікаў справы Скарыны трэба назваць раней за ўсё Сымона Буднага, Васіля Цяпінскага, Мілеція Сматрыцкага, Лаўрэнція Зізання і шмат іншых.

ДА ГІСТОРЫІ ЎЗНІКНЕННЯ БЕЛАРУСКАЙ МОВЫ (ПІСЬМО Ў РЕДАКЦЫЮ)*

Газета «Звязда» змясціла кароткае выкладанне выступлення т. Александровіча на менскім гарадскім партыйным актыве. У гэтым выступленні т. Александровіч узяў пад крытыку мае работы па беларускай мове. Я лічу, што мае работы па беларускай мове далёка не дасканалыя, адчуваюць патрэбу ў большэвіцкай крытыцы. Гэта тым больш неабходна падкрэсліць, што мае кнігі з'яўляюцца адзінымі спецыяльнымі работамі, якімі карыстаюцца ў даны момант савецкія чытачы. У асаблівасці першая частка маёй «Беларускай граматыкі» мае вялікія недахопы: яна не завострана па-баявому на выкрыццё варожых тэорыі і не стаіць на належным партыйна-палітычным узроўні, яна напісана ў значнай меры ў аб'ектывісцкім духу. У ёй ёсць памылковая фармулёўка: «на гэтай мове (г. зн. на літаратурнай мове Літоўскага княства) захавалася багацейшая пісьменнасць як юрыдычная, так і царкоўна-рэлігійнага зместу». Гэта фармулёўка з'яўляецца няправільнай і можа быць выкарыстана нацдэмамі ў мэтах апраўдання тэорыі залатога веку. У ёй быў ужыт зусім няверны тэрмін «Літоўска-беларускае княства» нацдэмаўскага характару.

Але на гэтай падставе нельга рабіць вывад, што я паўтараю нацыяналістычныя «тэорыі», даўно выкрытыя і да канца разбітыя нашай партыяй. Робячы падобнае заключэнне, т. Александровіч не затрудніў сябе азнаямленнем з сутнасцю пытання. Ён лёгкадумна паверыў нейкаму Гурло, які здолеў працягнуць у журнале «Полымя рэвалюцыі» № 11 за 1936 год ілжывую антымарксісцкую і палітычна шкодную страпню па пытаннях мовы пад відам крытыкі маёй кнігі.

Прадметам абвінавачванняў аказаліся наступныя мае палажэнні:

1. Выходзячы з указанняў Энгельса аб тым, што «дыялект з'яўляецца мовай племені і што ўзнікненне і развіццё дыялектаў трэба шукаць у канкрэтнай гісторыі плямён, а ўзнікненне і развіццё моў – у канкрэтнай гісторыі народаў і племянных аб'яднанняў» («Франкский диалект», стар. 7–8), што «ў сапраўднасці племя і гаворка (г. зн. дыялект. – Т. Л.) па сутнасці супадаюць» («Происхождение семьи, частной собственности и государства»),

* Упершыню надрукавана: Звязда. 1937. № 88 (16 крас.). С. 3.

1932 г., стар. 94), я сцвярджаў і сцвярджаю, што беларуская мова склалася не ў эпоху развіцця капіталізма, як сцвярджаюць сучасныя фашысты, а прыкладна ў XIII–XIV вяках.

Што гэта сцвярджэнне з’яўляецца правільным, відаць з указанняў Энгельса (Тв., т. XIII, ч. 1, стар. 159), які прызнае існаванне беларускай мовы, як асобнай мовы, ужо ў XIV веку.

Гэты адзіна правільны пункт погляду вышэйпамянёны Гурло абвясціў нацдэмаўскім і ў процівагу выставіў бязглуздную антымарксісцкую страпню аб тым, што мовы, у тым ліку і беларуская, як прызнакі нацый узнікаюць разам з нацыяй, г. зн. у эпоху развіцця капіталізма. Што гэта «тэорыя» не мае нічога агульнага з марксізмам, відаць з наступнага ўказання таварыша Сталіна: «Грузіны дарэформенных часоў жылі на агульнай тэрыторыі і гаварылі на адной мове (падкрэслена мною. – Т. Л.), тым не менш яны не складалі, сурока кажучы, адзінай нацыі». «Тое ж самае трэба сказаць і аб іншых народах, прайшоўшых стадыю феадальнага і развіўшых у сабе капіталізм» («Национально-колониальный вопрос», стар. 5–6).

2. Выходзячы з указанняў Энгельса аб наяўнасці беларускай мовы, як асобнай мовы, ужо ў XIV веку, а таксама выходзячы з указанняў Энгельса аб тым, што беларускае дваранства ў XVI веку апалічылася (Тв., XVI, ч. II, стар. 10–11), я сцвярджаў і працягваю сцвярджаць, што афіцыйная літаратурная мова Літоўскага княства не была царкоўна-славянскай, як заяўлялі рускія вялікадзяржаўнікі, не была польскай, як заяўлялі польскія нацыяналісты, не была беларускай нацыянальнай мовай, як заяўлялі беларускія нацдэмы. Я сцвярджаў і працягваю сцвярджаць, што афіцыйная літаратурная мова Літоўскага княства не была народнай беларускай мовай, але была лінгвістычна блізкай да яе, г. зн. што гэта мова беларускага феадальнага дваранства была ў аснове сваёй беларускай, як яна ні была далёка ў класавых адносінах да мовы народных мас. Гэта афіцыйная мова потым апалічылася і была выцеснена польскай мовай. Такім чынам, сапраўдным носьбітам і творцом беларускай мовы быў беларускі народ.

Гэты мой пункт погляду тым-жа Гурло кваліфікаван як нацдэмаўскі, у процівагу якому выстаўлена ім другая, па сутнасці, фашысцкая «тэорыя». Згодна гэтай «тэорыі», беларускай мовы не было да эпохі капіталізма. Да эпохі капіталізма, па гэтай «тэорыі», былі толькі раздробленыя племянныя і памясцовыя дыялекты, што ніякай літаратурнай гісторыі беларуская мова і народ, гаварыўшы на гэтай мове, не меў, што ўся старая беларуская пісьменнасць была творчасцю духавенства, дваранства, магнатаў, памешчыкаў, епіскапаў і мітрапалітаў і напісана на царкоўна-славянскай мове,

што народ у XV–XVI вяках не мог прымаць удзелу ў культурным жыцці і не меў ніякіх адносін да літаратурнай мовы таго часу.

Маё зусім правільнае палажэнне аб паланізацыі літаратурнай мовы Літоўскага княства, выцякаючае з названага вышэй указання Энгельса аб тым, што беларускае дваранства ў XVI веку апалячылася, Гурло абвясціў фашысцкім, бо яно нібы дае ў рукі польскіх фашыстаў аргумент для інтэрвенцыі БССР. У сапраўднасці-ж, наадварот, гэта палажэнне ў корні знішчае падобныя аргументы, бо яно паказвае, што ні беларуская шляхта сярэдніх вякоў, ні сучасныя контррэвалюцыйныя нацдэмы, якія з’яўляюцца яе гістарычнымі наследнікамі, у сапраўднасці не былі прадстаўнікамі беларускага народу, што яны прадавалі сваю радзіму оптам і ў розніцу, што ні мова, ні культура беларускага народу для іх у сапраўднасці не мелі ніякага значэння, што тварцом беларускай мовы ў сапраўднасці быў беларускі народ. Вось які палітычны і гістарычны сэнс разглядаемага ўказання Энгельса.

Такавы мае погляды па пытаннях старой гісторыі беларускай мовы. Я іх адстойваў раней, калі пісаў першую кнігу па граматыцы, адстойваю і зараз.

З камуністычным прывітаннем *Т. П. Ламцёў*.

31 сакавіка 1937 г.

Ад рэдакцыі: Друкуючы пісьмо праф. Ламцёва, рэдакцыя запрашае таварышоў, якія працуюць на мовазнаўчым фронце прыняць удзел у распрацоўцы пытанняў гісторыі і сучасных праблем развіцця беларускай мовы.

ГЕОРГІ СКАРЫНА – ПЕРШЫ БЕЛАРУСКІ КНІГАВЫДАЎЦА*

Георгі Скарына быў адным з першых выдаўцаў славянскіх кніг.

Славянскія першадрукаваныя кнігі знаходзяцца ў цеснай сувязі з рукапісамі. Літары ў славянскіх першадрукаваных кнігах узаўяляюць літары рукапісаў, так што часам цяжка адрозніць друкаваны тэкст ад рукапісу. Такімі былі выданні аднаго з першых выдаўцаў славянскіх кніг Феоля. Славянскія першадрукаваныя кнігі ў гэтых адносінах не ўяўляюць выключэння. Такімі-ж былі і выданні нямецкія і французскія.

Першадрукаваныя славянскія кнігі з выдавецкага боку характарызуюцца некаторымі рысамі, якія неабходна ўлічыць, каб вызначыць своеасаблівасць скарынінскіх выданняў. Да ліку іх адносіцца адсутнасць выходных лістоў. Кніга, як і рукапіс, пачынаецца застаўкай, затым ідзе кароткая назва ўсёй кнігі ці яе першай часткі. Імя выдаўца звычайна не ўказваецца, нічога не ўпамінаецца таксама аб абставінах выдання. Непасрэдна за назвай ідзе тэкст, пасля якога звычайна змяшчаецца пасляслоўе. Нумаруюцца ў кнізе не старонкі, а сшыткі. Нумарацыі старонак у першапачатковых выданнях не было.

Кнігі Скарыны ўяўляюць сабою параўнальна большую дасканаласць з папярэднімі выданнямі. У выданнях Скарыны ўпершыню ўведзена нумарацыя па лістах, адваротны бок якіх не азначаецца. У якасці лічбаў прыняты кірылаўскія літары, як ва ўсіх царкоўна-славянскіх рукапісах. Скарына ўвёў у свае выданні выходныя лісты. Выходны ліст кожнай асобнай кнігі памечаны ў Скарыны літарай **а** па кірылаўскай нумарацыі лістоў. На выходным лісце Скарына звычайна змяшчае гравюру, па якой набіраецца назва кнігі. На выходным лісце Скарына дае паведамленне аб перакладзе і выдаўцу. Тут звычайна ўпамінаецца, што пераклад зрабіў доктар Францыск Скарына «З Полацка». За выходным лістам змяшчаецца прадмова Скарыны. У сваіх выданнях Скарына захоўвае і застаўкі; яны змяшчаюцца да пачатку тэкста, перад якім ідзе заглавак кнігі. Такая будова кніг, выданых Скарыною.

Шрыфт у выданнях Скарыны рознастайны: адна і тая-ж літара, як малая, так і вялікая маюць розныя памеры і вонкавыя формы. Шрыфт Скарыны па размерах і форме літар набліжаецца да поўстатутнага пісьма славянскіх рукапісаў беларускага паходжання XV стагоддзя.

* Упершыню надрукавана: Беларусь. 1945. № 6. С. 13–16.

У тэкстах выдадзеных Скарыною кніг змешчана вялікая колькасць гравюр. Мэта гэтых гравюр, па словах Скарыны, заключаецца ў тым, каб прастыя людзі лягчэй разумелі друкаваны тэкст. У прадмове да кнігі Царстваў Скарына піша: «Положил в этих книгах образцы храма господня и сосудов его, и дому царева... Это для того, чтобы братия моя Русь, люди посполитые, читая, могли лучше понимать».

Разгледзім асобныя выданні Скарыны.

Першым друкаваным выданнем Скарыны быў псалтыр. Ён быў надрукаваны ў 1517 годзе «в великом славном месте Пражском», г. зн. у чэшскай Празе. Псалтыр складаецца з трох частак: прадмовы, тэкста псалмаў і дзесяці выбраных песняў. У прадмове Скарына гаворыць аб мэце выдання; сваю кнігу ён прызначае перш за ўсё для навучання дзяцей грамаце. Ён гаворыць, што выдаў тэкст, «не рушаючы самой псалтыры ні в чым же». Для тлумачэння незразумелых для простага народа месцаў і асобных слоў у тэксце псалтыра ён дадае на палях тлумачэнні і пераклады на прастай мове. Пра гэтую асаблівасць свайго выдання Скарына піша так: «Положил есми на боце некоторыи слова для людей простых (против церковно-славянских слов, удержанных в тексте, “которые неразумныи простым людям”) русским языком, что которое слово знаменует»¹.

Усе псалмы Скарына разбіў на вершы, якія аддзяляюцца адзін ад аднаго вялікімі кропкамі з адступленнем ад заключных слоў кожнага папярэдняга верша.

У аснову свайго выдання Скарына паклаў царкоўна-славянскі тэкст псалтыроў у рускіх спісах эпохі XV–XVI стагоддзяў. Асобныя збліжаюцца перш за ўсё з указанымі тэкстамі псалтыроў. Рад асаблівасцей у скарынінскім тэксце псалтыры збліжаецца таксама і з тэкстам чэшскіх выданняў. З гэтага можна зрабіць вывад, што пры падрыхтоўцы свайго выдання Скарына карыстаўся і чэшскімі крыніцамі, акрамя асноўных – царкоўна-славянскіх у рускай рэдакцыі.

Псалтыр выйшла ў свет 6 жніўня 1517 года, размерам у 142 лісты. Пасля гэтага сістэматычна сталі паяўляцца асобныя кнігі бібліі: 10 верасня 1517 года паявіліся кнігі Іова, 51 ліст; 6 кастрычніка 1517 года – кнігі Прытчаў, 48 лістоў; 5 снежня 1517 года – кніга Прэмудрасць Сіраха, 81 ліст; 2 студзеня 1518 года – кніга Екклезіят, 18 лістоў; 9 студзеня 1518 года – Песня Песняў, 11 лістоў; 19 студзеня 1518 года – Прэмудрасць Саламона, 32 лісты; 10 жніўня

¹ *Владимиров П. В.* Доктор Франциск Скорина. Его переводы, печатные издания и язык. СПб., 1888. С. 85.

1518 года выйшлі ў свет чатыры кнігі царстваў, размерам у 241 ліст, з адной вялікай прадмовай; праз пяць месяцаў, 20 снежня 1518 года, паяўляецца кніга Ісуса Навіна, 48 лістоў; 9 лютага 1519 года выйшла маленькая кніжка Юдыф, 26 лістоў. З іншых кніг, выдадзеных Скарыною ў Празе ў 1519 годзе, дакладную дату мае толькі адна кніга Судзей; яна выйшла ў свет 5 снежня 1519 года. Другія кнігі, выдадзеныя ў гэтым годзе, не маюць указанняў на дакладную дату выхаду ў свет; яны ўсе памечаны адной датай 1519 года. Кнігі гэтыя наступныя: Пяцікніжка Маісея, Руф, Есфір, Плач Іерэміі і Даніл. У 1519 годзе спыняецца выдавецкая дзейнасць Скарыны ў Празе і аднаўляецца толькі ў 1525 годзе ў г. Вільні.

Па словах Скарыны, усе біблейскія кнігі, выдадзеныя ў Празе «выложены на руский язык». Такім чынам, біблейскія кнігі ў разуменні Скарыны ўяўляюць сабою пераклад на мову, якую ён называе рускай. Гэтым адрозніваюцца біблейскія кнігі ад псалтыры, якая не з’яўляецца перакладам, паколькі яе тэкст выдадзены «не рушаючы ни в чем же».

У кожную біблейскую кнігу чытач уводзіцца прадмовай, якая належыць пяру Скарыны. Такім чынам, Скарына выступае перад намі як выдаўца, перакладчык і аўтар. У сваіх прадмовах Скарына знаёміць чытачоў са зместам і сэнсам той ці іншай кнігі, з яе прызначэннем. У іх выказвае Скарына свае патрыятычныя пачуцці і асветніцкія мэты, свае адносіны да пытанняў маралі, грамадзянскага ладу і г. д.

Прадмовы Скарыны з’яўляюцца галоўнейшай крыніцай для характарыстыкі яго як гістарычнай асобы.

Асабліва выдатнае вялікае «предисловие во всю библию русскую», змешчанае пры першай кнізе быцця. Гэта прадмова змяшчае дзве часткі: у першай Скарына тлумачыць, што такое біблія; ён указвае тут, што па-грэчаску «біблія», а па-рускі «Кнігі»; у гэтай частцы прадмовы Скарына падкрэслівае, што кніжкі бібліі могуць разумець не толькі дактары і людзі вучоныя, але ўсякі просты чалавек. Ён мімаходзь упамінае, што біблію неабходна чытаць «к душному спасению», але грунтоўна развівае думку аб асветніцкім значэнні бібліі. Скарына ўводзіць упершыню ў гісторыю беларускай культуры разуменне аб сям’і, свабодных навукх таго часу – граматыцы, логіцы, рыторыцы, спевах, арыфметыцы, геаметрыі, астраноміі.

Другая частка прадмовы Скарыны «во всю библию» прысвечана значэнню склада біблейскіх кніг. Тут Скарына падзяляе біблію на «ветхий закон» і новы і дае агляд асобных кніг, якія ўваходзяць у гэтыя дзве галоўныя часткі бібліі.

Пры падрыхтоўцы перакладаў біблейскіх кніг Скарына карыстаўся рознымі крыніцамі. Галоўнай крыніцай для пераклада былі царкоўна-славянскія тэксты біблейскіх кніг у рускай рэдакцыі.

У адных выпадках Скарына даваў тое, што можна назваць перакладам, у другіх выпадках ён выпісваў асобныя месцы з царкоўна-славянскіх біблейскіх тэкстаў, робячы некаторыя папраўкі да тэкста, якія здаваліся яму неабходнымі для лепшага разумення простым народам.

Пабочнай крыніцай для Скарынінскага пераклада бібліі быў чэшскі тэкст бібліі 1506 года. З чэшскай крыніцы ў пераклад Скарыны пранікла нямала чэшскіх слоў.

Біблейскія кнігі Скарыны былі прызначаны да распаўсюджвання сярод праваслаўнага беларускага і ўкраінскага насельніцтва.

Выдаючы свае асобныя біблейскія кнігі, Скарына меў на ўвазе даць сваім чытачам поўную біблію і зразумелую для простага народа; дасягненню апошняй мэты служылі тлумачэнні незразумелых царкоўна-славянскіх слоў, прадмовы і шматлікія гравюры.

Выдавецкая дзейнасць Скарыны ў Празе спынілася, як указана было вышэй, у 1519 годзе. У Празе Скарына выдаў псалтыр і асобныя кнігі бібліі. Далейшая выдавецкая дзейнасць Скарыны працякае ўжо ў Вільні. З віленскіх выданняў вядома ўсяго два: Апостал і Малая падарожная кніжыца. Дату выхаду ў свет мае толькі першая кніга. Яна вышла ў сакавіку месяца 1525 года. У вядомых экзэмплярах другой кнігі няма дат выхаду яе ў свет. Па агульнапрынятай думцы яна выдадзена пазней Апостала.

Па думцы Владзімірава, Апостал мог служыць працягам папярэдняй працы Скарыны па перакладу біблейскіх кніг. За выданне гэтай кнігі раней за ўсё і павінен быў узяцца Скарына. Малая падарожная кніжыца была для Скарыны новай працай, і ён мог узяцца за яе пасля завяршэння сваіх папярэдніх заняткаў. Праф. Владзіміраў думаў, што Малая падарожная кніжыца павінна была з'явіцца хутка пасля выдання Апостала. Аднак у апошні час было выказана меркаванне, не пазбаўленае падставы, што Малая падарожная кніжыца была выдадзена пасля 1530 года.

У гэтым годзе Скарына пакінуў Кенігсберг, куды ён быў перасяліўся, і тайна вывез з сабою друкара, за што наклікаў на сябе гнеў прускага герцага Альбрэхта.

Віленскія выданні Скарыны, як і пражскія, маюць кірылаўскую нумарацыю лістоў. Акрамя таго, кожнае выданне па нумарацыі разбіваецца на некалькі кніг. У Апостале 4 кнігі з асобнай нумарацыяй; у Малой падарожнай кніжыцы налічваецца больш 25 кніжак з асобнай нумарацыяй.

У Апостале маецца два выходных лісты; у Малой падарожнай кніжыцы пяць выходных лістоў.

Шрыфт у віленскіх выданнях Скарыны адрозніваецца ад шрыфта пражскіх выданняў. Малы шрыфт у віленскіх выданнях значна меншы шрыфта пражскіх выданняў; пражскі малы шрыфт Скарына выкарыстоўвае ў віленскіх выданнях у якасці вялікіх літараў.

Застаўкі таксама дадзены ў паменшаных памерах; сам Скарына называе іх «заставіцамі». У віленскіх выданнях ёсць таксама невялікая колькасць гравюр: іх усяго пяць.

Апостал заключае ў сабе дзеяння апостальскія і пасланні апосталаў. Апостал Скарыны 1525 года з'яўляецца першым славянскім выданнем Апостала. Пазней, у 1564 годзе, быў выдадзены Апостал у Маскве, першадрукаром Іванам Фёдаравым: гэтае выданне Апостала амаль без змяненняў было перадрукавана ў Львове ў 1574 годзе і ў Вільні каля 1576 года.

Скарына называе сваё выданне «выкладом». Такім чынам, у разуменні Скарыны тэкст яго Апостала быў перакладам. Асноўнай крыніцай для гэтага пераклада былі таксама царкоўна-славянскія тэксты. Па росшуках Васкрэсенскага трэба адрозніваць чатыры рэдакцыі славянскага Апостала. Асноўнымі спісамі гэтых чатырох рэдакцый Васкрэсенскі лічыць наступныя: першай – Толковы Апостал 1220 года, другой – Талстоўскі Апостал XIV стагоддзя, трэцяй – Чудаўскі і чацвёрты – поўны спіс бібліі 1499 года¹. Апостал Скарыны па характару сваіх асобных чытанняў больш падыходзіць да чацвёртай рэдакцыі славянскага Апостала. Такім чынам, пераклад Апостала Скарыны па характару сваёй асноўнай крыніцы прадаўжае традыцыі ўсходнеславянскай культуры. Гэта сведчыць аб непарушнай дружбе беларускага і рускага народаў на працягу многіх стагоддзяў.

Акрамя ўсходнеславянскіх тэкстаў Апостала, Скарына выкарыстоўваў у сваім перакладзе і чэшскія крыніцы, аб чым сведчаць супадзенні ў чытанні асобных месц скарынінскага Апостала з адпаведнымі чытаннямі чэшскай бібліі 1506 года.

Аб часе паяўлення Малой падарожнай кніжыцы мы ўжо гаварылі. Яна складаецца з наступных шасці частак: псалтыр, Часасловец, акафісты і каноны, Шасцідневец кароткі, святцы кароткія і пасхалія. У сучасны момант вядомы толькі першыя пяць частак, пасхалія да гэтага часу не выяўлена.

¹ *Воскресенский Г. А.* Древний славянский перевод Апостола и его судьбы до XV века: опыт исследования языка и текста славянского перевода Апостола по рукописям XII–XV вв. М., 1879.

Псалтыр, які ўвайшоў у склад Малой падарожнай кніжыцы, мае некаторыя адрозненні ад пражскага выдання псалтыра. Маюцца адрозненні ў форме літараў, у правапісе асобных слоў. Акрамя таго, у віленскім выданні псалтыры Скарына апусціў тлумачэнні царкоўна-славянскіх слоў «руским языком», якія ў пражскім выданні ён даваў «на боках». Аднак некаторыя з такіх тлумачэнняў ён увёў у тэкст віленскага выдання псалтыры. Некаторыя царкоўна-славянскія словы тлумачацца ў віленскім выданні інакш, чым у пражскім. Па ўсім астатнім віленскае выданне псалтыры паўтарае пражскае выданне 1517 года.

Другая частка Малой падарожнай кніжыцы – Часасловец. Ён складзены па статуту ўсіх усходніх цэркваў. У гэтым відна арыентацыя Скарыны на ўсходнеславянскую культуру. Тэкст часаслоўца ў асноўным супадае з славянскімі тэкстамі часаслоўцаў пры псалтырах. Часасловец Скарыны быў выдадзены для ўжывання ў быту ў міран, а не для правядзення царкоўных служб.

Трэцяя частка Малой падарожнай кніжыцы – акафісты з канонамі. У тэксце пададзены акафісты архангелу Міхаілу, Іоанну Прадцечы, прасвятой багародзіцы, апосталам Пятру і Паўлу і г. д.

Параўнанне Скарынінскіх акафістаў, якія ўвайшлі ў Малую падарожную кніжыцу, з вядомымі кіеўскімі выданнямі акафістаў XVII века, паказвае, што Скарына і для гэтай часткі ў якасці асноўных крыніц браў усходне-славянскія тэксты акафістаў. Значыць, і ў гэтай частцы сваёй Малой падарожнай кніжыцы Скарына абапіраўся на ўсходне-славянскія тэксты.

Чацвёртая частка Малой падарожнай кніжыцы – Шасцідневец. Ён, як і Часасловец, складзены па звычайу ўсіх усходніх цэркваў; аб гэтым гаворыцца адразу і ў загаловку. Ён, як Часаслоў, абапіраецца на царкоўна-славянскія крыніцы ў рускай рэдакцыі. У ім гаворыцца аб праваслаўнай веры, аб «братии нашей, иже суть в православной вере».

Пятую частку Малой падарожнай кніжыцы складаюць святцы, злучаныя з календаром. Тут пададзены цікавыя формы ўласных імён: Якаў, Ларыон, Олена, Надежа; цікавы таксама назвы месяцаў: врэсьень, лістопад, грудзень, красінец, стычэнь, марэць, квецень, май, чарвець, ліпець, серпень. У гэтай кнізе Скарына даў і іншыя календарныя звесткі, напрыклад, звесткі аб працягласці таго ці іншага дня ў тым ці другім месяцы, так, па сведчанню Скарыны, 14 верасня «день бывает равен с ночью»; цікава адзначыць, што календар Скарыны не змяшчае астралагічных дадзеных, якія мае польскі календар таго часу.

У гэтым апошнім, напрыклад, гаворыцца аб тым, што і калі трэба рабіць, згодна «различных планетских аспектов». Нічога такога ў выданнях Скарыны не было.

Такім чынам, календарныя весткі Скарыны з'яўляюцца для свайго часу цалкам навуковымі і стаяць на ўзроўні станоўчых ведаў таго часу.

Апошняй часткай Малой падарожнай кніжыцы з'яўляецца пасхалія. Ні ў адным з вядомых экзэмпляраў гэтай кнігі яна не захавалася.

Такія былі віленскія выданні Скарыны.

Выданні Скарыны мелі вялікі ўплыў на развіццё беларускай культуры. Пасля Скарыны ў Беларусі шырока разгарнулася выдавецкая дзейнасць у розных цэнтрах краіны. Васіль Цяпінскі перакладае і выдае евангелле. Сымон Будны – катэхізіс. Арганізуюцца адна за другой друкарні, напрыклад у Нясвіжы, Заблудаве, братоў Мамонічаў у Вільні, у Ев'е, у Магілёве і г. д.

Узоры друкарскага мастацтва Скарыны былі настолькі дасканалыя, што ім наслідавалі ў Германіі, іх выкарыстоўвалі паслядоўцы Скарыны ў Беларусі.

Тэксты Скарынінскіх выданняў былі потым выкарыстаны другімі выдаўцамі і складальнікамі ў якасці сваіх крыніц; так біблейскія тэксты Скарыны былі выкарыстаны пры выданні Астрожскай бібліі.

Выданні Скарыны распаўсюджваліся не толькі ў друкарскім выглядзе, яны распаўсюджваліся і шляхам перапісвання; захаваліся многія рукапісныя спісы з друкарскіх кніг Скарыны.

Такім чынам, выданні Скарыны адыгралі вялікую ролю ў гісторыі беларускай культуры, яны з'яўляюцца выдатным помнікам усходнеславянскай культуры XVI стагоддзя; яны служаць доказам таго, што беларуская культура XVI стагоддзя развівалася на агульнай глебе, на якой развівалася культура руская і ўкраінская. Гэтай агульнай глебай была культурная спадчына Кіеўскай Русі, якая прадаўжала жыццё культурныя пачынанні і ў XVI стагоддзі, як у Расіі, так і ў Беларусі і на Украіне. Гэта дакладна даведзена тымі фактамі, што ўсе выданні Скарыны перш за ўсё абапіраюцца на стараславянскія крыніцы.

АВАЛОДАЦЬ КУЛЬТУРАЙ МОВЫ*

Вайна савецкага народа супроць нямецка-фашысцкіх захопнікаў пабеданосна завершана. Цяпер галоўныя намаганні народа павінны быць накіраваны на аднаўленне і далейшае развіццё народнай гаспадаркі і культуры. Адукацыйны і культурны ўздым насельніцтва з'яўляецца важнейшай умовай павышэння прадукцыйнасці працы і агульнага ўздыму эканамічнай магутнасці народа. Культура вуснай і пісьмовай мовы з'яўляецца значным паказчыкам у стане агульнай культуры асобы. У школе павінна быць значна больш удзелена ўвагі навучанню вучняў культуры мовы. Вядомы канструктр Якаўлеў у сваёй кнізе «Рассказы из жизни» прывёў прыклады той увагі, якую ўдзяляе культуры мовы таварыш Сталін.

«...Сталін, – гаворыць Якаўлеў, – не церпіць непісьменнасці. Калі яму даюць непісьменна складзены дакумент, ён абурецца:

– Вось непісьменны чалавек! А папрабуй папракнуць – зараз пачне сваю непісьменнасць растлумачваць рабоча-сялянскім паходжаннем. Гэта няправільна. Гэта некультурнасць, неахайнасць. Асабліва ў абароннай справе недапушчальна рабочым і сялянскім паходжаннем тлумачыць недахопы сваёй адукацыі, сваю тэхнічную непадрыхтаванасць, некультурнасць або няведанне справы. Ворагі нам скідкі на соцыяльнае паходжанне не зробіць. Іменна таму, што мы рабочыя і сяляне, мы павінны быць усебакова і беззаганна падрыхтаваны па ўсіх пытаннях не горш ворага».

«Аднойчы, – прадаўжае Якаўлеў, – прышлося і мне пісаць пад яго (Сталіна) дыктоўку. Ведаючы, як ён адносіцца да гэтай справы, я напружваў усю сваю памяць і стараўся не зрабіць ніводнай граматычнай памылкі. А ён дыктуе і часам падыйдзе і праз плячо паглядзіць, як атрымліваецца. Раптам ён спыніўся, паглядзеў напісанае і маёй-жа рукой з алоўкам паправіў коску.

У другі раз я не зусім удала пабудаваў сказ.

Сталін і гаворыць:

– Што-ж вы дзейнік пасля выказніка паставілі. З дзейнікам у вас штосьці не ў парадку! Вось як трэба! – і паправіў.

Пасля этага выпадку я вельмі ўважліва перачытаў граматыку рускай мовы. Правільнаму, пісьменнаму выкладанню думкі таварыш Сталін надае вельмі вялікае значэнне.

* Упершыню надрукавана: Звязда. 1945. 25 жн. С. 3.

– Калі чалавек не можа пісьменна правільна выкласці свае думкі, значыць ён і думае таксама бессістэмна, хаатычна. Як-жа ён у даручанай справе навядзе парадак?»

(Якаўлеў А. С. Рассказы из жизни. М., 1944. С. 98–99)

Вынікі экзаменаў паказалі, што культура мовы вучняў яшчэ ў значнай ступені нізкая.

Многія вучні стараюцца пісаць свае творы або адказваць на экзаменах так, каб выходзіла слова ў слова па падручніку. Такія вучні, збіўшыся з завучанага тэкста падручніка, пачынаюць пісаць або гаворыць грубай, няразвітай мовай з вялікай колькасцю граматычных і стылістычных памылак. Яны з цяжкасцю падбіраюць словы, мова атрымліваецца забытаная, цяжкая, часам бяссэнсная.

Вучаніца 8-га класа 28-й Мінскай школы Л., адказваючы на пытанне аб сіверскіх князях з «Слова аб палку Ігараве», гаворыць: «Ён (аўтар Слова) тут выводзіць сіверскіх князёў, што яны пайшлі раз’еднана». Вучаніца Калужскай сярэдняй школы (Чырвонапольскі раён) наступнымі словамі ахарактарызавала вобраз Тамары па твору Лермантава «Дэмон»: «Тамары стаў з’яўляцца нячысты чалавек, ён ёй п’е, што-б яна з ім гуляла».

Другая вучаніца гэтай школы гаворыць, што «Фанвізін выпрацаваў сваю камедыю “Недоросль”».

Гэтыя прыклады гавораць аб неабходнасці самым сур’ёзным чынам палепшыць пастаноўку выкладання мовы ў школе.

У многіх нашых выкладчыкаў вывучэнне мовы зводзіцца да завучвання падручніка, да дыктовак. Вучыць падручнік і практыкаваць дыктоўкі неабходна: без гэтага нельга вывучыць мову. Але было-б вялікай памылкай, калі-б мы рашылі, што гэтых прыёмаў дастаткова, каб прывіць вучням высокую культуру мовы.

Культура мовы павінна прывівацца шляхам прымянення ўсялякіх відаў работ па мове і перш за ўсё шляхам расшырэння практыкі творчых самастойных работ вучняў на самыя рознастайныя тэмы. Для літаратурнага выкладання гэтых тэм вучні павінны прыцягваць не толькі тыя веды, якія ўсвоены імі з падручніка, але і тыя веды, якія атрыманы шляхам чытання кніг і з самастойных назіранняў над прыродай, жыццём.

Вынікі экзаменаў мінулага навучальнага года паказалі, што многія вучні могуць здавальняюча напісаць творы на тэму з падручніка. Многія вучаніцы 8-га класа 28-й Мінскай школы гладка напісалі творы на тэмы па раману Пушкіна «Евгений Онегин» і па твору Грыбаедава «Горе от ума».

Але агульным недахопам гэтых твораў з'яўляецца тое, што яны паўтараюць падручнік амаль слова ў слова.

Наадварот, творы вучаніц гэтага-ж класа на тэму аб савецкай жанчыне ў Вялікай Айчыннай вайне напісаны не ярка, малавыразна. У творах амаль не сустракаюцца імёны гераінь нашай краіны, Лізы Чайкінай, Аляксандры Чэркасавай, Ольгі Ржэўскай і др.

Аб Зоі Касмадзем'янскай вучаніца Г. змагла напісаць толькі наступныя словы: «Многа адважных дзяўчат і жанчын вялі баявую работу ў партызанскіх атрадах. Яны для абароны сваёй Радзімы не шкадавалі свайго жыцця. Так, партызанка Зоя Касмадзем'янская загінула ад рук нямецкіх катаў».

Ніякіх другіх слоў не знайшлося ў гэтай вучаніцы для таго, каб апісаць магутны і благородны вобраз Зоі Касмадзем'янскай.

З гэтага трэба зрабіць той вывад, што ў школьніц гэтага класа мала на-чытанасці.

Самастойныя творчыя работы – важны сродак развіцця культурнай мовы. Але гэты сродак застанецца беспаспяховым, калі вучні будуць мала чытаць. Трэба развіць у іх імкненне да чытання. Успомніць, як вучыліся нашы правадары Ленін і Сталін. Увесь вольны ад іншых неабходных заняткаў час яны прысвячалі чытання.

Чытанне твораў Леніна і Сталіна, класікаў рускай мастацкай літаратуры з'яўляецца важнейшым сродкам развіцця культуры мовы.

Развіццё культуры мовы з'яўляецца асновай для авалодання вышніямі сучаснай навукі і культуры. Хто не валодае правільнай мовай, той ніколі не авалодае вышніямі навукі і культуры.

Надыходзячы навучальны год павінен быць годам далейшых поспехаў у развіцці культуры мовы нашых вучняў.

ЛЁС КНІГАДРУКАВАННЯ НА БЕЛАРУСІ ПАСЛЯ СКАРЫНЫ*

Пасля Скарыны кнігадрукаванне на Беларусі аднавілася не адразу. Новыя выданні сталі паяўляцца толькі ў другой палове XVI стагоддзя. Мы ўжо адзначалі, што ў пачатку першай паловы XVI стагоддзя палітыка прыгнечання і нацыянальнага ўціску на беларускіх землях была некалькі паслаблена з прычыны таго, што літоўскі цар Аляксандр, які стаў потым і царом польскім, пацярпеў паражэнне ў вайне з маскоўскім царом Іванам III. Гэта спрыяла развіццю кнігадрукаванай справы Скарыны. Але з пачатку другой паловы XVI стагоддзя палітыка чужаземнага гнёту стала ўзмацняцца, сталі ўзрастаць памеры рэпрэсій супроць беларускага народа. Стала неймаверна ўзрастаць эксплуатацыя беларускіх сялян, якія былі ў асноўнай сваёй масе праваслаўнымі, з боку памешчыкаў, якія былі ў сваёй асноўнай масе католікамі, палякамі. Еўрапейскі рынак патрабаваў тавараў, якія вырабляліся ў Беларусі. Да ліку такіх тавараў адносіліся: збожжа, воск, поташ, смала і г. д. Памешчыкі імкнуліся, каб як мага больш выцягнуць з беларускай вёскі эканамічных каштоўнасцей. У асяроддзі беларускага сялянства расло збыдненне, пашыралася галечка. У асяроддзі шляхты развіваліся апетыты да раскошы, да багацця. Асабліва добра гэты працэс паказаны ў «Прамове Мялешкі». Аўтар гэтага твора абурэцца раскошшу панюў; ён бічуе разбэшчанасць нораваў польскай шляхты; «коли до тебе паничек приеде, – гаворыць ён, – частуй же его достатком, да и жонку свою подле его посади, а он сидит как бес, надувшись, махает шапкою или капелюшем, з жонкою нашептывает и в ладонь сребеть».

Побач з ростам эканамічнага ўціску ўзрастаў і духоўны ўціск беларускага народа. Для таго, каб паралізаваць волю беларускага народа да супраціўлення, польскія паны-католікі паставілі мэтай ліквідаваць беларускую народнасць, апалячыць і акаталічыць беларускія масы, адарваць іх духоўна ад брацкага рускага народа і, ізаляваўшы іх такім чынам, поўнасцю заняволіць.

Іезуіт Скарга з такімі словамі звяртаўся да заходне-рускага народа: «... ітак, чаго чакаць табе, заходне-рускі народ! Кінь грэкаў і маскалёў, ад іх не будзе добра, і звярніся да Рыма. І як гэты зварот будзе карысны грамадзянскаму

* Упершыню надрукавана: Беларусь. 1945. № 7–8. С. 17–19.

саюзу і сіле Польшчы... Што-ж перашкаджае спалучэнню з намі? Поўязы-чаская і варварская Масква, якая трымае цябе ў схізме (г. зн. у праваслаўнай веры)? Хіба не адвергнешся ад гэтай загінуючай сваёй сястры¹.

Што справа зводзілася іменна да ліквідацыі беларускай народнасці, відаць з прызнанняў палякаў, якія не спачувалі гэтай палітыцы. Так, паляк Юры Збаражскі выступіў супроць акаталічвання беларускага насельніцтва. На адным з сеймаў ён гаварыў: «Ведаю добра, што, пачынаючы з Брэсцкага сабора 1596 г., робяць з ім (з беларускім і ўкраінскім насельніцтвам у Польшчы. — *Ц. Л.*). Ведаю добра, што на сейміках падаюць ім надзеі, а на сеймах жартуюць над імі: на сейміках называюць братамі, а на сеймах адшчапенцамі. Гэта я ведаю. Гэта ўсе бачаць. Але чаго яны хочуць ад гэтага шаноўнага народа, гэтага я ніякім чынам зразумець не магу, таму што, калі хочуць, каб у Русі не было Русі, дык гэта справа немагчымая; усё роўна, як яны-б хацелі, каб мора было ля Самбора (каля Перамышля), а Бешаць ля Данцыга. Ніякім розумам, ніякімі намаганнямі нельга дасягнуць таго, каб у Русі не было Русі».

Беларускі народ не пайшоў на ліслівыя ўгаворы іезуіта Скаргі і яму падобных. Ён захаваў вернасць сваім звычаям, веры, мове і ўсёй дружбе з рускім народам. Народны гнеў супроць чужаземных прыгняцельнікаў узмацняўся; узмацнялася барацьба за захаванне сваёй веры, мовы і звычаяў. Пачынаючы з другой паловы XVI стагоддзя, сталі паяўляцца адна за другой друкарні, у якіх выдаваліся кнігі ў абарону беларускай мовы, веры і звычаяў.

У 1562 годзе ў Нясвіжы Сымон Будны выдаў катэхізіс антыкаталіцкага напрамку. У ім адлюстроўваецца ўплыў скарынінскіх шрыфтаў. Сымон Будны па прыкладу Скарыны выдаў катэхізіс «людзям рускай мовы да наказання і добрага навучання».

У прысвячэнні выдаўцы звяртаюцца да Радзівілаў, каб яны даражылі славянскай мовай і любілі яе.

У той-жа Нясвіжскай друкарні была выдана кніга Сымона Буднага «Аб апраўданні грэшнага чалавека».

Выдатным прадаўжальнікам справы Скарыны з'яўляецца Васіль Цяпінскі. Ён быў дробным землеўласнікам. На свае сродкі ён арганізаваў невялікую друкарню, якая, па яго словах, была бедная. У гэтай друкарні ён надрукаваў Евангелле ў перакладзе на беларускую мову, паралельна з стара-славянскім тэкстам. У прадмове ён падрабязна тлумачыць прычыны, якія пабудзілі яго ўзяцца за выдавецкую справу. Ён папракае вышэйшую духоўную іерархію ў адсутнасці клопатаў аб асвеце народа. З прычыны гэтага просты

¹ Бас Н. Иван Федоров. М., 1940. С. 159.

чалавек, з-за любві да радзімы і асветы свайго народа, бярэцца за гэту складаную і цяжкую працу пераклада і выдання Евангелля. Цяпінскі не паспеў выдаць усяго Евангелля. Ён выдаў толькі Евангелле ад Матфея, Марка і пачатак Евангелля ад Лукі.

З 1567 года пачала сваю дзейнасць заблудаўская друкарня. Зablудаў быў уладаннем літоўскага гетмана Рыгора Аляксандравіча Хадкевіча. Ён быў буйным зямельным магнатам і паходзіў з рускага рода. Ён быў яркім прыхільнікам незалежнасці Літвы, праціўнікам асіміляцыі Літвы з Польшчай і ўзмацнення польскай улады ў Літоўскім княстве. У 1566 годзе ён пазнаёміўся з уцёкшым з Масквы першым рускім кнігадрукаром Іванам Фёдаравым і яго таварышам Пятром Цімафеевічам Мсціслаўцам. Мсціслаўцам ён называўся таму, што родам быў з беларускага горада Мсціслава. Хадкевіч добра сустрэў Івана Фёдарова Масквіціна і Пятра Мсціслаўца. Ён прапанаваў ім пераехаць у яго ўладанне Зablудаў і там наладзіць друкарню для выдання кніг супроць польска-каталіцкай рэакцыі. Прапанова была прынята. Іван Фёдараў і Пятро Мсціславец накіраваліся ў Зablудаў і работа па арганізацыі друкарні закіпела... У 1568 годзе вышла першая кніга з заблудаўскай друкарні пад назвай «Учительное Евангелие». Евангелле вышла на царкоўна-славянскай мове; Хадкевіч у прадмове пісаў, што меў намер перакласці евангелле на простую мову, але затым адмовіўся ад гэтага намеру, паколькі пры перакладзе дапускаюцца новыя нежаданыя памылкі; акрамя таго, па думцы Хадкевіча, евангелле і на царкоўна-славянскай мове «к выразуменню нетрудна и к чтанию полезна».

Пасля выдання «Учительного Евангелия» Пятро Мсціславец пакінуў Зablудаў, а Іван Фёдараў выдаў у 1570 годзе ўжо адзін Псалтыр з Часаслоўцам. На гэтым спыніла сваю дзейнасць заблудаўская друкарня. Гэта тлумачыцца ўзмацненнем польска-шляхецкага ўціску на беларускіх зямлях. Хадкевіч быў супроць падпарадкавання Літвы Польшчы; ён збіраўся нават арганізаваць паўстанне, калі Польшча пасягне на незалежнасць Літвы. Але калі Люблінская унія ў 1569 годзе адбылася і Літва была ліквідавана як самастойная дзяржава, перад Хадкевічам узнікла дылема: ці арганізаваць паўстанне супроць польскага караля, і тым самым паставіць на карту ўсё сваё багацце і лёс свайго патомства, ці прымірыцца з новым становішчам. Баючыся расправы над сабою з боку польскага караля і яго паноў, ён не даў ніякіх новых даручэнняў Івану Фёдараву. Ён прапанаваў яму пакінуць друкаванне кніг і заняцца земляробствам на вёсцы, якую ён абяцаў падараваць Масквіціну. Іван Фёдараў не здрадзіў свайму прызначанню і пераехаў у Львоў, каб там друкаваць кнігі. Хутка памёр і Рыгор Хадкевіч.

Абвастрэнне нацыянальна-вызваленчай барацьбы беларускага народа супроць шляхецка-каталіцкай рэакцыі выклікала ўсё новыя неабходнасці ў зброі гэтай барацьбы – антыкаталіцкай кнізе. Дзеся гэтай справы шмат зрабіла друкарня братоў Мамонічаў у Вільні. Для арганізацыі друкарні яны запрасілі Пятра Мсціслаўца. Першай кнігай, якая вышла з друкарні братоў Мамонічаў, было чацвераевангелле. Гэтае выданне вышла ў свет у 1575 годзе. У 1576 годзе Пятро Мсціславец выдаў у гэтай друкарні Псалтыр. У гэтым-жа годзе ў Вільні вышаў яшчэ Апостал, які, трэба думаць, таксама надрукаваны ў друкарні братоў Мамонічаў. На гэтым, здаецца, спынілася дзейнасць Пятра Мсціслаўца ў друкарні Мамонічаў. Пасля яго браты пачалі весці справу самастойна.

У 1582 годзе з друкарні Мамонічаў вышла кніга Октоіх. Яе надрукаваў Васіль Гарабурд. Праз год гэта друкарня выпусціла «Служэбнік». У 1586 годзе вышла «Граматыка словенскага языка». У тым годзе быў надрукаваны «Трибунал обывателем Великого князства Литовского, на сойме Варшавском даны року 1581». Затым была выдадзена «Псалтыр» з «Восследованиєм».

У гэтай-жа друкарні надрукаваны вядомы статут Вялікага літоўскага княства 1588 года. У 1591 годзе ў друкарні братоў Мамонічаў быў перадрукаваны «Апостал» з тэкста «Апостала» 1571 года, выдадзенага ў Львове. У 1592 годзе вышла «Псалтырь», затым у тым-жа годзе вышла «Псалтырь» з «Восследованиєм». У 1595 годзе было выдадзена «Евангелие толковое», у 1600 годзе – «Евангелие на престольное». Далейшы лёс друкарні братоў Мамонічаў да гэтага часу мала вядомы.

У канцы XVI стагоддзя разгарнула шырокую дзейнасць друкарня Віленскага Святадухаўскага брацтва. Брацтва адыграла вялікую ролю ў гісторыі беларускай культуры. Першай кнігай, якая вышла з брацкай друкарні была «Азбука», складзеная Лаўрэнціем Зізаніем; яна называлася так: «Азбука альбо наука ку читанию и разумению писма словенского». Гэта «Азбука» была выдадзена ў 1598 годзе, калі была заключана Царкоўная унія.

У тым-жа годзе брацкая друкарня выпусціла ў свет «Граматыку словенску», складзеную тым-жа аўтарам. Затым былі выдадзены «Молитвы повседневные».

У 1610 годзе брацкая друкарня выпусціла ў свет палемічны твор Мілеція Сматрыцкага пад назвай «Фрынон».

Выданне гэтага твору выклікала рэпрэсіі з боку польскага ўрада супроць брацтва. Дэкрэтам Сігізмунда III ад 7 мая 1610 года брацкая друкарня была ліквідавана. Па загаду Сігізмунда III на імя свайго сакратара Мацея Бурмінскага, войта і бурмістраў, радцаў і лаўнікаў каталіцкай веры г. Вільні, выдаўцы,

карэктары і аўтары павінны быць арыштаваны і трымацца ў турме да асобага каралеўскага загада.

Ліквідацыя друкарні Святадухаўскага брацтва не прывяла, аднак, да разгрома кнігавыдавецкай справы на Беларусі.

Манахі Святадухаўскага манастыра перасяліліся ў мястэчка Еўе, каля Вільні, якое належала князю Багдану Огінскаму. Тут яны заснавалі друкарню і сталі друкаваць кнігі антышляхецка-каталіцкай арыентацыі.

У пачатку XVII стагоддзя была арганізавана друкарня ў Магілёве пры духоўным брацтве; з гэтай друкарні вышла шмат кніг у абарону праваслаўя і мовы беларускага народа.

Была арганізавана таксама друкарня ў мястэчку Куцейна, недалёка ад Оршы. Гэтая друкарня адыграла нямалаважную ролю ў гісторыі барацьбы беларускага народа за сваю незалежнасць.

Аднак кнігавыдавецкая справа на Беларусі ўрэшце была задушана польскімі ўладамі. Адзін за другім праваслаўныя манастыры і іх друкарні перадаваліся католікам, і ўсялякае кнігадрукаванне, якое мела на мэце абарону беларускай народнасці, праследвалася.

Тым не менш іскра праўды, кінутая Скарыною, разгаралася ў вялікае пылымя барацьбы за захаванне беларускай народнасці на працягу ўсяго XVI і пачатку XVII стагоддзя.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемое вниманию читателей пособие по белорусскому языку предназначено для студентов государственных университетов, изучающих в качестве основной специальности русский язык и русскую литературу.

Автор выражает благодарность за ценные советы и указания академику В. В. Виноградову, профессорам Р. И. Аванесову, П. С. Кузнецову, П. Я. Черных, М. И. Корнеевой-Петрулан, а также своим коллегам по работе в Академии наук БССР и Белорусском государственном университете доцентам М. А. Жидович и М. И. Жиркевич.

Автор

ВВЕДЕНИЕ

Труды товарища Сталина по языкознанию и их значение при изучении языкового родства восточнославянских языков

Труды товарища Сталина по языкознанию заложили марксистско-ленинские основы языкознания как науки. Они вскрыли движущие факторы развития языка и показали подлинную материалистическую обусловленность языка как общественного явления. Вскрыв вульгаризаторскую сущность «нового учения» о языке Н. Я. Марра, товарищ Сталин показал ограниченную роль скрещения в развитии языка и указал на большое значение внутренних законов языка для его развития.

Товарищ Сталин показал, что родство языков не фикция, а реальный исторический факт. Изучению языкового родства товарищ Сталин придает большое значение. Он пишет: «Н. Я. Марр высокомерно третирует всякую попытку изучения групп (семей) языков, как проявление теории “праязыка”». А между тем нельзя отрицать, что языковое родство, например, таких

* Упершыню надрукавана: *Ломтев Т. П.* Белорусский язык. М., 1951.

наций, как славянские, не подлежит сомнению, что изучение языкового родства этих наций могло бы принести языкознанию большую пользу в деле изучения законов развития языка. Я уже не говорю, что теория “праязыка”» не имеет к этому делу никакого отношения»¹.

В связи с изучением языкового родства приобретает определенное значение и так называемый сравнительно-исторический метод. Он не является всеобъемлющим орудием исследования фактов языка, но все же он лучше палеонтологического метода. Товарищ Сталин пишет: «Н. Я. Марр крикливо шельмует сравнительно-исторический метод, как “идеалистический”». А между тем нужно сказать, что сравнительно-исторический метод, несмотря на его серьезные недостатки, все же лучше, чем действительно идеалистический четырехэлементный анализ Н. Я. Марра, ибо первый толкает к работе, к изучению языков, а второй толкает лишь к тому, чтобы лежать на печке и гадать на кофейной гуще вокруг четырех элементов»².

Сравнительно-исторический метод при изучении того или другого языка пользуется сравнением фонетических, морфологических, синтаксических и лексических особенностей данного языка с такими же особенностями других языков, родственных изучаемому языку. Такое изучение помогает выяснить историческое развитие отдельных черт каждого из входящих в данную группу языков. Белорусский язык находится в ближайшем родстве с русским языком. Без фактов, представляемых белорусским языком, невозможно подлинно научное изучение русского языка, как и наоборот. Вот почему белорусский язык является предметом университетского образования по специальности русского языка. Предметом настоящего пособия и является рассмотрение фактов белорусского языка сравнительно с соответствующими фактами русского языка.

ФОРМИРОВАНИЕ БЕЛОРУССКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО И ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКОВ

Письменные памятники с чертами, которые впоследствии стали характерными для белорусских диалектов, появляются уже в XIII в. Такова договорная грамота Смоленска с Ригой и Готским берегом 1229 г.

Особенно интенсивным было литературное развитие белорусского языка в эпоху XVI–XVII вв. В это время возникли многочисленные памятники

¹ *Сталин И. В.* Марксизм и вопросы языкознания. М., 1950. С. 33–34.

² Там же. С. 33.

белорусского литературного языка. Так, уже в начале XVI в. были изданы переводы на белорусский язык текста священного писания. Переводы были сделаны известным деятелем того времени Георгием Скориною. Как показывают эти переводы, белорусский язык, как живой язык народа, в эту эпоху уже вполне сформировался. Он имел уже все основные черты, которыми характеризуется и теперь: ему были уже свойственны такие характерные черты современного белорусского языка, как аканье, дзеканье и цеканье, твердое *р*. Однако в письменности белорусский язык употреблялся весьма ограниченно, так как в XVI в. языковые отношения на территории Белоруссии были весьма сложными. Кроме белорусского языка, как письменные языки здесь употреблялись также церковнославянский (в православных епархиях) и латинский (в католической церкви), а также польский. Белорусский язык употреблялся только в грамотах, актах и кодексах Великого княжества Литовского. Историческая задача дальнейшего литературного развития белорусского языка заключалась в том, чтобы распространить употребление белорусского языка во всех сферах письменной деятельности. Первым опытом решения этой исторической задачи и являются переводы Скорины текстов священного писания и предисловия к ним.

Язык переводов Скорины по его общественно-политической роли в истории белорусской культуры и общего развития белорусского языка представляет значительное явление. Анализ переводов Скорины показывает, что все основные черты белорусского языка того времени получили применение в предисловиях и переводах Скорины. В них отражается лексика с полногласием (*полон, молодой* и т. п.), лексика с вторичными гласными перед плавными (*илжеть, иржавее* и т. п.), формы типа *бий, пий* в соответствии с русским *бей, пей* и т. п., формы типа *живый, другой, хромый, злый* в соответствии с русскими *живой, хромой* и т. п. Скорина был первым белорусским деятелем, который стал употреблять белорусский язык в качестве органа белорусской литературы и науки. Опыт Скорины в употреблении белорусского языка в качестве органа науки и культуры был продолжен, расширен и углублен белорусскими деятелями последующего времени; в качестве продолжателей дела Скорины следует назвать прежде всего Симона Будного, Василия Тяпинского, Милетия Смотрицкого, Лаврентия Зизания.

С XVI в. белорусский язык стал употребляться во всех отраслях письменности; он употреблялся в светской и духовной, переводной и оригинальной письменности, в художественной литературе, в богословских и научных сочинениях, в государственных актах и частной переписке и т. п.

Но белорусский язык не закрепился в качестве органа белорусской литературы и науки. Белорусский народ не имел своей государственности. На белорусских землях возобладала польская государственность. С течением времени делопроизводство в учреждениях и судах все более переходило на польский язык; он же вытеснял белорусский язык во всех других видах письменности на всей белорусской территории. Наконец, в 1696 г. употребление белорусского языка было вообще запрещено. Было установлено, что «писарь земский повинен по польску, а не по русску писать». Так был вытеснен белорусский язык из сферы письменности. С этого времени белорусский язык перестал быть органом литературы и науки.

Эпоха победы капитализма на белорусских землях привела к образованию белорусской нации, а вместе с этим и к образованию белорусского национального языка.

Товарищ Сталин указывает: «В дальнейшем, с появлением капитализма, с ликвидацией феодальной раздробленности и образованием национального рынка народности развились в нации, а языки народностей в национальные языки»¹. Таким образом, переход языков народностей в национальные языки осуществляется под влиянием победы капитализма над феодализмом.

Капиталистическое общество устраняет областные тенденции в развитии языка и концентрирует местные диалекты в один национальный язык, поскольку создается единый национальный рынок, устанавливается разделение труда между отдельными областями. Маркс писал, что в современных развитых языках первоначально самобытная речь возвысилась до национального языка «благодаря концентрации диалектов в единый национальный язык, обусловленной экономической и политической концентрацией»².

И. В. Сталин учит, что концентрация местных диалектов в единый национальный язык происходит на основе одного из местных диалектов, что местные диалекты «обслуживают народные массы и имеют свой грамматический строй и основной словарный фонд. Ввиду этого некоторые местные диалекты в процессе образования наций могут лечь в основу национальных языков и развиться в самостоятельные национальные языки. Так было, например, с курско-орловским диалектом (курско-орловская “речь”) русского языка, который лег в основу русского национального языка. То же самое нужно сказать о полтавско-киевском диалекте украинского языка, который

¹ Сталин И. В. Марксизм и вопросы языкознания. С. 33–34.

² Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения : в 50 т. М., 1954–1981. Т. 3. 1955. С. 427.

лег в основу украинского национального языка. Что касается остальных диалектов таких языков, то они теряют свою самобытность, вливаются в эти языки и исчезают в них»¹.

Белорусский национальный язык сложился на основе центральных белорусских говоров.

Вместе с образованием национального языка эпоха победы капитализма над феодализмом выдвинула также и задачу борьбы за его внедрение в литературу.

Ленин учит: «Во всем мире эпоха окончательной победы капитализма над феодализмом была связана с национальными движениями. Экономическая основа этих движений состоит в том, что для полной победы товарного производства необходимо завоевание внутреннего рынка буржуазией, необходимо государственное сплочение территорий с населением, говорящим на одном языке при устранении всяких препятствий развитию этого языка и закреплению его в литературе»². Здесь Ленин говорит о том, что победа капитализма над феодализмом выдвигает следующие исторические задачи: во-первых, государственно сплотить население, говорящее на одном языке; во-вторых, закрепить родной язык народных масс в литературе; в-третьих, устранить всякие препятствия, стоящие на пути дальнейшего развития языка на территории с населением, говорящим на одном языке, и объединенной в пределах одного государства.

Белорусская интеллигенция поднимает знамя борьбы за внедрение родного языка народных масс в литературу. Белорусский писатель Ф. Богушевич (1840–1900) в своем предисловии к «Дудке белорусской» призывает отрешиться от взгляда, что белорусская речь не может получить литературной обработки, что она только мужицкая речь: «...Должен поговорить немного о нашей доле-недоле, о нашей родительской исконной речи, которую мы сами, да и не одни мы, а все люди темные мужицкой зовут, а зовется она белорусской. Я сам некогда думал, что наш язык мужицкий, только и всего. Но... как научили меня читать-писать... я убедился, что речь наша такая же народно-разговорная и господская, как и французская или немецкая, или какая-либо другая...»

Борьба русского рабочего класса против самодержавия в революции 1905 г. пробудила в белорусском народе с новой силой жажду борьбы за овладение родным языком в литературе. Янка Купала и Якуб Колас в своем доре-

¹ Сталин И. В. Марксизм и вопросы языкознания. С. 43–44.

² Ленин В. И. Полное собрание сочинений : в 55 т. / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. М., 1958–1965. Т. 20 : ноябрь 1910 – ноябрь 1911. 1961. С. 368.

волюционном творчестве выразили народные чаяния об овладении родным языком и его литературой и о его беспрепятственном развитии. Уже тогда были заложены основы современного белорусского литературного языка. Его формирование происходило, как сказано, на основе центральных белорусских говоров.

Развернувшееся после революции 1905 г. белорусское национальное движение поднимало «к новой экономической и политической жизни новые массы людей» (Ленин). Белорусский народ выдвинул из своей среды целый ряд крупнейших поэтов и прозаиков, которые сделали значительные успехи в деле литературной обработки народного белорусского языка. Современный белорусский поэт Бровка писал об этом времени:

Зямля Беларусі. Зялёныя доли,
З крыніц тваіх чыстых пад шумнай вярбой
Зачэрпнулі думы Купала і Колас,
На кожнай сцяжыныцы іх песня і голас
З тваёю журбой і ўцехаў тваёй.
Пад гоманы бору, куванне зязюлі
Злажыў Багдановіч тут яркі вянок.
І палі, і пушчы, і рэкі тут чулі,
Як слёзы рассыпаў Мацей Бурачок.

Однако дальнейшее закрепление и развитие белорусского языка в литературе встречало препятствие со стороны царского правительства, которое проводило реакционную антидемократическую политику в области национального вопроса. Белоруссия и в этот исторический период развития не имела своей государственности. Белорусский народ лишен был возможности закрепить родной язык в качестве органа своей общественной жизни, а также в качестве органа национальной культуры и науки. Царское правительство разрешало использовать белорусский язык в качестве органа этнографической словесности. Оно с большими ограничениями позволяло печатать на белорусском языке стихи и мелкие рассказы, которые должны были иметь местечковое содержание и не поднимать принципиальных вопросов жизни и борьбы белорусского народа в защиту демократии, родного языка, за свободу своего национального развития.

Требование закрепления своего родного языка в литературе и науке есть безусловно демократическое требование. Борьба народных масс за овладение своим родным языком в литературе, за закрепление его в роли органа национальной литературы и науки исторически безусловно прогрессивное дело. Но оно не было осуществлено в условиях национального гнета. Борьба

за право родного языка есть часть борьбы за общедемократические права, в том числе борьбы за право народа на самоопределение вплоть до отделения. В условиях безраздельного господства империализма не была завершена борьба угнетенных народов востока Европы за полное осуществление этих общедемократических прав.

В 1917 г. цепь мирового империализма была порвана в наиболее слабом ее звене, в России. Под руководством коммунистической партии большевиков во главе с великими гениями человечества Лениным и Сталиным в России победила Октябрьская социалистическая революция. Она раскрепостила народы царской России. Только в результате победы Великой Октябрьской социалистической революции белорусский народ впервые в истории получил свою государственность.

То, о чем мечтали многие поколения прогрессивной белорусской интеллигенции, было осуществлено Октябрьской социалистической революцией.

Белорусский народ, получив впервые в истории свою государственность, вместе с тем получил право на закрепление своего родного языка в качестве орудия общения в области культурной, политической и государственной жизни. В результате победы Великой Октябрьской социалистической революции белорусский язык стал государственным языком Белорусской Советской Социалистической Республики. Многочисленные тиражи большого количества изданий выходят в свет на белорусском языке. Благодаря этому белорусский язык интенсивно обогащался, в особенности в области научной терминологии. В своем росте и развитии белорусский литературный язык находил поддержку в великом и могучем русском языке. Он являлся неисчерпаемым источником обогащения и дальнейшего расцвета белорусского литературного языка.

О том, насколько мощным был прогресс белорусского литературного языка после Октябрьской социалистической революции, свидетельствует письмо белорусского народа великому Сталину.

В письме к Сталину белорусский народ писал:

Беларускую мову трымалі ў загоне,
Каб народ не пазбыў нематы і бяды...
З намі гэтаю мовай гавораць сягоння
Маркс і Энгельс, і Ленін, і ты, правадыр.
Мы расцілі яе клапатліва, надзейна,
За яе правалі мы з нацдэмамі бой.
І даступнымі сталі нам Пушкін і Гейне,
Руставелі і Горкі, Бальзак і Талстой.

После победы Великой Октябрьской социалистической революции белорусский язык развивается под знаменем лозунга о культуре, национальной по форме и социалистической по содержанию.

Белорусский язык обогащался словами, которые объединяли белорусский народ с другими народами великого Союза Советских Социалистических Республик, а также терминологией всех областей науки и культуры. Только после Октябрьской социалистической революции была создана на белорусском языке разветвленная система научной и научно-технической, эстетической и общественно-политической терминологии.

ПОЛОЖЕНИЕ БЕЛОРУССКОГО ЯЗЫКА СРЕДИ ДРУГИХ ЯЗЫКОВ

Белорусский язык принадлежит к группе славянских языков. Вместе с русским и украинским языками он составляет группу восточнославянских языков. Характерными чертами этой группы являются:

§ 1. Полногласие. В белорусском, как и в русском и украинском языках, в соответствии с общеславянскими сочетаниями *ор, ер, ол, ел* между согласными имеются сочетания *оро, ере, оло, ср.*:

бел.	рус.	укр.
<i>барада</i> ¹	<i>борода</i>	<i>борода</i>
<i>карова</i>	<i>корова</i>	<i>корова</i>
<i>бераг</i>	<i>берег</i>	<i>берег</i>
<i>галава</i>	<i>голова</i>	<i>голова</i>
<i>золата</i>	<i>золото</i>	<i>золото</i>
<i>малако</i>	<i>молоко</i>	<i>молоко</i> ²

§ 2. Звуки *ж* и *ч* из более ранних общеславянских сочетаний *дж, тж*. В белорусском языке, как в русском и украинском языках, общеславянские сочетания *дж, тж* дали шипящие звуки *ж* и *ч*, ср.:

бел.	рус.	укр.
<i>мяжа</i>	<i>межа</i>	<i>межа</i>
<i>свяха</i>	<i>свеча</i>	<i>свіча</i>

¹ Написание «барада» и пр. является отражением аканья в белорусском языке, передача аканья представляет черту белорусского правописания, основанного на так называемом фонетическом принципе.

² В языках восточных славян общеславянское сочетание *ел* дало вообще *оло*, но после шипящих здесь имеется сочетание *éло*, ср. в древнерусских памятниках: *шелом* (шлем).

§ 3. Начальное *o* из *je*. В белорусском, русском и украинском языках в соответствии с сочетанием *je* других славянских языков имеется в начале отдельных слов звук *o*, ср.:

бел.	рус.	укр.
(в)озера	озеро	(в)озеро
(в)осень	осень	(в)осень
адзін	один	один

§ 4. Сочетания *or*, *er*, *ol* в положении между согласными из общеславянских сочетаний редуцированных гласных со слоговыми плавными. В белорусском, русском и украинском языках *ъ*, *ь* в сочетании со слоговыми плавными между согласными дали *o*, *e*, ср.:

бел.	рус.	укр.
горла	горло	горло
торг	торг	торг
мёртвы	мёртвый	мертвий
цвёрды	твёрдый	твердий
воўк	волк	вовк
поўны	полный	повный ¹

Все приведенные черты отличают восточную группу славянских языков от других славянских языковых групп. В то же время каждый из трех языков восточной группы имеет свои черты, отличающие его от других языков той же группы. В белорусском языке такими специфическими чертами являются:

§ 5. Дзеканье и цеканье. В белорусском языке мягкие *д* и *т* произносятся с незначительным свистящим призвуком – *дз*, *ц*: *дзед*, *дзеці*, *маці*, *цётка* (ср.: рус. *дед*, *дети*, *мать*, *тётка*)

§ 6. Твердое *р*. В белорусском литературном языке и в юго-западных говорах утратилось различие между твердым и мягким *р* вследствие отвердения мягкого *р*, ср.:

бел. <i>рад</i> , <i>гразь</i> , <i>бяроза</i> , <i>гарыць</i> , <i>куру</i> ;
рус. <i>ряд</i> , <i>грязь</i> , <i>береза</i> , <i>горит</i> , <i>куру</i> .

§ 7. Отверждение губных в конце слов и перед *ј*. В белорусском языке губные отвердели в конце слов и перед *ј*, сохранив мягкость перед гласными, ср.: *сем*, *голуб*, *сын*, *сям'я*, *б'ю*, *п'ю* и т. п., но *пяць*, *сями*, *голубя*, *біць*, *віць* и т. п.

¹ В белорусском и украинском языках *л* после гласной в закрытом слогe произносится как у неслоговое (билабиальное *в*), поэтому в белорусском правописании этот звук обозначается буквой *ў*, а в украинском буквой *в*.

В русском языке губные сохраняют мягкость во всех этих положениях, ср.: *семь, голубь, сыпь, семья, бью, пью*, а также *пять, семи, голубь, бить, вить* и т. п. В украинском же языке губные отвердели во всех положениях, в том числе и перед гласными, ср.: *сім* (род. *семи*), *голуб, сім'я, п'ять, п'ята* (*пята*) и т. п.

В белорусском языке имеются также черты, общие с русским языком и в то же время отличающие оба эти языка от языка украинского. Такими чертами являются:

§ 8. Аканье. Характерной чертой всего белорусского языка является аканье и яканье, т. е. различие в произношении ударных и неударных *а, о, е, 'а* (я). Аканье объединяет белорусский язык с южно-русским наречием, среднерусскими говорами и русским литературным языком, хотя система яканья белорусских говоров отличается некоторыми своими чертами от системы яканья русских говоров.

§ 9. В белорусском языке, как и в русском, общеславянский звук «ять» совпал со звуком *е*, ср.: бел. *лета, век, ехаць* (ср. в украинском литературном языке *літо, вік, їхати* и т. п.).

§ 10. В белорусском языке сохраняется различие гласных *и* и *ы*, ср.: *выў* и *віў, быў* и *біў, мыў* и *мілы* и т. п. (в украинском языке гласные *и* и *ы* совпали в одном звуке, среднем между *и* и *ы*, ср.: укр. *вити, рус. вить* и *выть*, укр. *мило, рус. мыло, укр. милі, рус. милые*).

§ 11. В белорусском языке, как и в русском, согласные мягки перед рефлексамися всех былых гласных переднего образования, в том числе перед гласными *и* и *е*; в украинском языке согласные перед гласными *и* и *е* тверды, ср.: бел. *мілы*, где звук *м* мягкий, и укр. *милий*, где звук *м* твердый, и т. п.

§ 12. В белорусском языке, как и в русском, гласные *о* и *е* под ударением перед слогом с выпавшим редуцированным гласным *ь* и *ь* сохраняются, например: *нос* (из *нось*), *ноч* (из *ночь*), *лёд* (из *ледь*), *печ* (из *печь*) и т. п. В украинском языке гласные *о* и *е* в указанных фонетических условиях дали *и*, сохраняясь в других фонетических условиях, например: *ніс*, но *носи*, *ніч*, но *ночі* и т. п.

В белорусском языке имеются также черты, общие с украинским языком и в то же время отличающие оба эти языка от русского языка. Такими чертами являются:

§ 13. Сочетания *ры, лы* между согласными в соответствии с русскими *ро, ло*, например: бел. *крышыць, укр. кришити, бел. крыві, глытаць, блыха* и т. п.; ср.: рус. *крошить, крови, глотать, блоха* и т. п., ср. также укр. *крихта* (рус. *кроха*), бел. *крыху* (рус. *крошечку*).

§ 14. Звуки *ы* и *и* в соответствии с русскими *о* и *и* перед *и* или *ј*, например: бел. *злы, худы, мыю, крыю, шыя*, укр. *злий, худий, шия* и т. п., повел. накл.: *пі, ві, лі*; ср.: рус. *злой, худой, мою, крою, шея*, повел. накл.: *пей, вей, лей* и т. п.

§ 15. Долгие мягкие зубные и шипящие согласные в соответствии с русскими сочетаниями мягких зубных и шипящих с *ј*, например:

бел. *суддзя, плацце, вяселле, клоччы*;

укр. *суддя, плаття, весілля* (свадьба и т. п.);

рус. *судья, платье, веселье, клочья* и т. п.

§ 16. Твердые *ч* и *шч* в соответствии с русскими мягкими *ч* и *ш*, например:

бел. *чысты, чытаць, шчыпаль, шчыпцы*;

укр. *чистый, читати, щипати* и т. п.;

рус. *чистый, читать, щипать, щипцы* и т. п.

§ 17. Неслоговое *ў* после гласных перед согласными и в конце слова в соответствии с русским *л*, например:

бел. *воўк, тоўсты, таўсцяк*;

укр. *вовк, товстий, товстун* и т. п.;

рус. *волк, толстый, толстяк*;

ср.: бел. *піў, віў, чытаў* и рус. *пил, вил, читал* и т. п.

ТЕРРИТОРИЯ, ЗАНИМАЕМАЯ БЕЛОРУССКИМ НАСЕЛЕНИЕМ

§ 18. Белорусские земли сохраняли территориальное единство в течение всей многовековой жизни белорусского народа. На белорусских землях образовались свои особые княжества еще в эпоху Киевской Руси. Не нарушалось политическое единство белорусских земель в эпоху господства Великого княжества Литовского, Речи Посполитой, а также и в эпоху, когда Белоруссия входила в состав Российской империи. Польским панам удалось расчленить белорусскую землю только на короткое время с 1921 по 1939 г. Если не считать этого слишком кратковременного периода в многовековой жизни белорусского народа, то мы можем сказать, что белорусский народ с одним общим языком в его диалектном многообразии сохранял территориальное единство во все время своей исторической жизни.

§ 19. Белорусская речь слышится на территории следующих областей: Витебской, Могилевской, Минской, Гомельской, Полесской, Бобруйской, Пинской, Брестской, Гродненской, Барановичской, Молодечненской и Полоцкой.

На всем пространстве белорусской территории, начиная от границ польских поселений на западе, кончая границами русских поселений на востоке, проживает белорусское население, говорящее на одном языке, в его диалектальном многообразии. В Гродненской, Брестской, Барановичской и Молодечненской областях на Западе слышится такая же белорусская речь, как и в Могилевской, Бобруйской, Гомельской и Витебской областях на Востоке. Этой речи на всей территории ее распространения – и на западе и на востоке – свойственны перечисленные выше исконные белорусские черты. В речи коренного населения Гродненской или Брестской области нет таких черт, какими характеризуется, например, польский язык, как нет их в речи коренного населения Могилевской или Минской областей. Мы не встречаем на белорусской территории ни на западе, ни на востоке таких народных говоров, которым были бы свойственны, скажем, польские особенности.

СОВРЕМЕННОЕ ДЕЛЕНИЕ БЕЛОРУССКОГО ЯЗЫКА НА НАРЕЧИЯ

§ 20. Белорусский язык распадается на два больших наречия: юго-западное и северо-восточное.

Юго-западное наречие характеризуется следующими фонетическими, морфологическими и синтаксическими особенностями:

1. Недиссимилятивное аканье и яканье: гласные *о*, *е* разного происхождения, а также *'а* (*я*) в первом предударном слоге произносятся всегда как *а* и *'а* (с предшествующими мягкими согласными) независимо от характера ударяемого гласного, например: *вада́* и *вады́*, *нага́* и *нагі́*, *зямя́* и *зямі́*, *сям'я́* и *сям'і́* и т. п.

2. Отверждение мягкого *р*, приведшее к утрате этимологического различия между мягким *р* и твердым *р*, например: *я рады́* (ср. рус. *я рад*) и *пяты рад* (ср. рус. *пятый ряд*) и т. п.

3. Отсутствие окончания *-ць* (ср. рус. *-т*) в 3-м лице глаголов 1-го спряжения, например: *ідзе*, *нясе*, *бярэ* и т. п.

4. Употребление только членных форм имен прилагательных в функции сказуемого, например: *ён добры́*, *ён разумны́* и т. п.

§ 21. Северо-восточное наречие характеризуется следующими фонетическими, морфологическими и синтаксическими особенностями:

1. Диссимилятивное аканье и яканье: гласные *о* и *е* произносятся в первом предударном слоге, как *а* и *'а* (с предшествующим мягким гласным), если под ударением находится не гласный *а*, *и* как *ы́* (*ь́*) и *і́* (*ь́*), если под ударением

находится *а*, например: *нагі*, но *ныга*, *вады*, но *выда*, *зямлі*, но *зімля*, *сям'і*, но *сім'я* и т. п.

2. Сохранение этимологического различия между мягким и твердым *р*, например: *я рады* и *пяты рад*.

3. Наличие окончания *-ць* (ср. рус. *-т*) в 3-м лице глаголов 1-го спряжения, например: *нясець*, *ідзець*, *бярэць*, *вядзець* и т. п.

4. Возможность употребления нечленных форм имен прилагательных в функции сказуемого, например: *ён добр*, *ён разумен* и т. п.

ХАРАКТЕРНЫЕ ЧЕРТЫ БЕЛОРУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Формирование современного белорусского литературного языка происходило на основе центральных говоров, входящих в состав юго-западного наречия. Выдвижение этих говоров в качестве основы формирования белорусского литературного языка находит себе объяснение в экономических и политических условиях того времени. Центром наиболее интенсивной культурно-политической жизни белорусского народа в период формирования современного белорусского литературного языка был город Минск, который расположен в зоне центральных белорусских говоров.

Характерными чертами белорусского литературного языка являются:

§ 22. В области фонетики: 1. Недиссимилятивное аканье, т. е. произношение в первом предударном слоге на месте *а*, *о* и *е* разного происхождения звука *а* (*'а*) как после твердых, так и после мягких согласных, ср.: *вада*, *вады*, *ваду*; *нага*, *нагі*, *нагу*; *бяда*, *бяды*, *бяду*; *зямля*, *зямлі*, *зямлю*; *трава*, *травы*, *траву*, *аб траве*.

2. Употребление твердого *р* на месте этимологического мягкого *р*: *зара* – *заря*, *мора* – *море*, *пераход* – *переход*, *гаварыць* – *говорить*, *бярэ* – *берет*, *гавару* – *говорю*, *рюмка* – *рюмка* и т. п.

3. Отсутствие окончания *-т* в 3-м л. ед. ч. глаголов 1-го спряжения в невозвратной форме, ср.: *нясе*, *вядзе*, *чытае*, *ведае*, *піша* и т. п.

§ 23. В области морфологии: 1. Чередование согласных *з*, *к*, *х* с согласными *з*, *ц*, *с* в словах жен. рода I склонения, например: *рука* – *руцэ*, *нага* – *назе*, *страха* – *страсе* и т. п.

2. Наличие окончания *-і* в соответствии с русским окончанием *-е* в местн. п. ед. ч. имен муж. рода II склонения с основой на мягкий согласный, например: *конь* – *аб кані*, а также в местн. п. и дат. п. ед. ч. имен жен. рода I склонения, например: *зямля* – дат. п. ед. ч. *зямлі*, мест. п. ед. ч. *аб зямлі* и т. п.

3. Наличие окончания *-ы, -і* во мн. ч. всех категорий слов муж., сред. и жен. рода, например: *браты, ключы, азёры, вокны, кані* и т. п.

4. Возможность употребления окончания род. п. мн. ч. *-аў, -яў* из *-ов, -ев* в словах женского рода, например: *фабрыкаў, жанчынаў, яблыняў, земляў, сенажацяў, ночаў, дробязяў* и т. п.

АЛФАВИТ И ПРАВОПИСАНИЕ СОВРЕМЕННОГО БЕЛОРУССКОГО ЯЗЫКА

§ 24. Белорусский алфавит, за исключением нескольких случаев, совпадает с русским алфавитом.

Белорусский алфавит отличается от русского алфавита следующими особенностями: гласный звук *и* в белорусском алфавите обозначается буквой *і*, тогда как в русском алфавите этот звук обозначается буквой *и*.

В белорусском алфавите в разделительном значении употребляется знак ' (апостроф), в русском знак ъ, например: *аб'ява*, ср. рус. *объявление*.

Кроме того, в белорусском алфавите нет буквы *щ*, так как звуко сочетание *шч* в белорусском языке по своему произношению не совпадает с русским *щ*, и потому буква *щ* не нашла себе места в белорусском алфавите.

В отличие от русского алфавита, в белорусском есть еще буква *ў* с диакритическим знаком *ў* для обозначения *у* краткого.

Таким образом, белорусский алфавит представляется в настоящее время в следующем виде:

<i>А а,</i>	<i>Б б,</i>	<i>В в,</i>	<i>Г г,</i>	<i>Д д,</i>	<i>Е е,</i>	<i>Ё ё,</i>	<i>Ж ж,</i>
<i>З з,</i>	<i>І і,</i>	<i>Ї ї,</i>	<i>К к,</i>	<i>Л л,</i>	<i>М м,</i>	<i>Н н,</i>	<i>О о,</i>
<i>П п,</i>	<i>Р р,</i>	<i>С с,</i>	<i>Т т,</i>	<i>У у,</i>	<i>Ф ф,</i>	<i>Х х,</i>	<i>Ц ц,</i>
<i>Ч ч,</i>	<i>Ш ш,</i>	<i>Ы ы,</i>	<i>Ь ь,</i>	<i>Э э,</i>	<i>Ю ю,</i>	<i>Я я.</i>	

Что касается имеющихся в белорусском языке аффрикат *дж* и *дз*, а также упомянутого звуко сочетания *шч*, то они обозначаются соответственно сочетаниям букв *дж, дз, шч*.

§ 25. Правописание гласных. 1. Гласные звуки *о, 'о (ё), 'е (е), э* произносятся только под ударением и обозначаются буквами *о, ё, е, э*: *горад, мова, воды, заўсёда, сёння, цёпла, дзень, лес, пень, гэты, рэкі, цэгла*.

2. Этимологические гласные *о, э* во всех неударяемых положениях независимо от особенностей их произношения в разных фонетических условиях обозначаются буквой *а*, например: *дом – дамы, стол – сталы, горад – гарады, горы – гара, ногі – нага, цэп – цапа, шэры – шарак (заяц), шэпты – шаптаць, чэрап – чарапы*.

3. Однако в следующих интернационально-революционных словах и производных от них пишется буква *о*: *рэволюция, совет, пролетарый, больши́вик, соцыялізм, комуна, комунізм, комсомол, піонер*.

4. Конечные гласные *о, ё* в иностранных словах сохраняются и обозначаются буквами *о* и *ё*: *бруто, нето, інкогніто, радыё, трыё* и т. п.

5. Этимологический гласный '*е* (*е*) в первом предударном слоге произносится как '*а* (*я*) и только в этом положении обозначается буквой *я*: *лес – лясы, землі – зямля, дзень – дзянёк, пень – пянёк, сёлы – сяло, вёдры – вядро, сёстры – сястра, нёс – нясе, лён – лянок, вёз – вязла*. Но: *дзеваць – дзевяты, дзесяць – дзесяты*.

6. Во всех других фонетических положениях основы (не в окончаниях) как перед ударением, так и после ударения, этимологический гласный *е* обозначается буквой *е*, т. е. употребляется этимологическое написание: *земляны, селянін, ваенізацыя, велізарны, нерухомы, верацыяно, высветліца, выехаць, восень, верасень, вецер, возера, поле, будзе, жнеек*.

7. В иностранных словах этимологический гласный *е* обозначается буквою *е* во всех неударяемых положениях, а также и под ударением: *методыка, геаграфія, педагог, медычны, эпапея, эстафета, фанетыка, геалогія, педаль, гейзер, зеніт*. Только после *д* и *т* гласный *е* в этих словах обозначается буквой *э*: *дэлегат, матэрыялізм, тэатр, дэмпінг, тэлескоп, тэлеграф, дэмакратыя, дэманстрацыя*.

В давно заимствованных словах *е, э* обозначаются буквами *я, а*: *дзяжурства, гандаль, характар, літаратура, адукацыя, адрас, сакратар, літара, далікатны, ремонт*.

8. В собственных именах, фамилиях и в географических названиях других языков этимологическая гласная *е* (*э*) обозначается буквами *е, э* во всех положениях в слове: *Шэўчэнка, Белінскі, Тэрэшчэнка, Чэрнышэўскі, Плеханаў, Алексей Максімавіч Горкі*.

9. Гласный звук *е* в отрицании *не* и в предлоге *без*, если они употребляются не слитно со следующим словом, обозначаются буквой *е*: *не быў, не ідзе, не браў, без браку, не без вынікаў, не без работы, без жартаў, без меры*.

10. Этимологический гласный '*а* всегда обозначается буквой *я* как в предударных, так и в послеударных слогах: *пяцігодка, яравы, мяккаваты, пояс, выцяжка, заяц, месяц, памяць, дробязь, тысяча, дзевяць, дзесяць, сеяць, дзеянка*.

11. Этимологический гласный *е* в окончаниях имен существительных и имен прилагательных в ударяемом положении произносится как *о* и обозначается буквой *ё*, например:

- а) твор. пад. ед. ч.: *зямлѣй, сям'ѣй, гульнѣй*;
- б) род. пад. мн. ч.: *Кавалѣў, краѣў, палѣў, Кастылѣў*.

Во всех неударяемых положениях этимологический гласный *е* произносится как *'а* и обозначается буквой *я*, например:

а) твор. пад. ед. ч. имен существительных: *партый, рэволюцыяй, воляй, песняй, майстэрняй*;

б) род. пад. мн. ч. имен существительных: *прыцеляў, аленьў, трамваяў, лісьцяў, тыдняў, звенняў, заданняў, пакаленняў*; в род. пад. названные имена существительные могут иметь и окончание *-эй, -ей*, в котором гласные обозначаются буквами *э* и *е*, независимо от того, находится ли это окончание под ударением или не под ударением, например: *начэй, пячэй, курэй, гусей, касцей, арцелей, сенажацей, плыней, народнасцей*;

в) род. пад. ед. ч. имен прилагательных муж. и сред. рода: *летняга, асенняга, жытняга, даўняга*;

г) дат. пад. ед. ч. имен прилагательных муж. и сред. рода: *летняму, зімняму, жытняму, асенняму*;

д) род. пад. и мест. пад. ед. ч. имен прилагательных жен. рода: *летняй, зімняй, дальняй, асенняй, жытняй*;

е) твор. пад. ед. ч. имен прилагательных жен. рода: *летняй, зімняй, асенняй*.

Однако в окончании им. пад. ед. ч. имен прилагательных сред. рода конечный гласный *е* не под ударением обозначается буквой *е*, например: *летняе, асенняе, зімняе, колькаснае, бадзёрае, малое, маладое, крутое*.

12. Гласный звук *у* произносится как *у* только после согласных и в этом положении обозначается буквой *у*, например: *пішу, куру, буду*; после гласных звуков гласный *у* любого происхождения является неслоговым и обозначается буквой *ў*, например: *чытаў, пісаў* (где *ў* из *л*), *садоўнік, Магілёў, воўк, роўны* (где *ў* из *в*); *лепшы ўдарнік, но наш ударнік* (где *ў* из исконного *у*); *прыехалі ў горад, но прыехаў у горад* (предлог *ў* (*у*) из *в*, ср. рус. *приехал в город*).

В иностранных словах гласный звук *у* обозначается буквой *у* и после гласных звуков: *прэзы́дум, кансілі́ум, калёкві́ум, тры́умфірат*.

13. После отвердевших согласных *р, ж, дж, ч, ш, ц* (если *ц* не из *т* мягкого) буквы *і, е, я, ё, ю, ь* не пишутся, например: *тры, жыць, чысты, трэба, жэрдка, цэгла, цэлы, гразь, гавару, бручка, бяроза, жоўты, ішоў, сакратар, печ, мыш, пасяджэньне*.

14. Перед начальными ударяемыми гласными *о* и *у* пишется согласный *в* (за исключением географических названий), например: *восем, вокны, востры, ворыва, вобраз, вольха, вуліца, вучань, вугаль, вус, вуха, вусна*.

В географических названиях перед начальными ударяемыми гласными *о* и *у* согласный *в* не обозначается: *Ориша, Ула, Уса*.

15. Перед неударяемым *у* пишется *в* тогда, когда это *у* не является приставочным и не развилось из *в*, например: *вучыцца, вушамі, вужака, вусаты; но увага, увязка, удоўж, удзел, урад*.

В иностранных словах перед ударяемыми начальными *о* и *у* буква *в* не пишется, например: *орган, ода, опера, ордэн, унікум, унія, урна*.

16. Сочетания *іо* и *іа* в иностранных словах не под ударением обозначаются буквами *ія*, а после отвердевших согласных *ж, дж, ч, ш, ц, р* и после *д* и *т* – буквами *ыя*: *соцыялізм, геніяльны, індустрыялізацыя, спецыяльны, варыянт, матэрыялізм, бібліятэка, біялогія, перыяд*. Под ударением сочетание *іо* обозначается буквами *іё (ыё)*: *бібліёграф, біёлаг, аксіёма, эмбрыёлаг, стадыён, ідыёт*.

§ 26. Правописание согласных. 1. Оглушение звонких согласных в конце слова или перед глухими согласными на письме не обозначается, например: *хлеба* и *хлеб*, а не *хлеп*, *мёда* и *мёд*, а не *мёт*, *кніга* и *кніг*, а не *кних*, *нажа* и *нож*, а не *нош*; *дзядзька, бабка, ножка, будка, гарадскі, казка*.

Озвончение глухих согласных перед звонкими согласными на письме не обозначается, например: *носьбіт, барацьба, малацьба, косьба*.

Однако конечный согласный в приставках *з-, уз-, раз-, без-, цераз-* перед глухими согласными обозначается буквой *с*, а перед звонкими – буквой *з*, например: *спроба, ссыпать, схапіць, усхваляваць, раскідаць, расход, бясплодны, бяспрэчны, цераспалосіца*, но *звесці, знесці, узгадніць, узброіць, разгарнуць, раздаваць, раздзяліць*.

2. Долгота согласных *л, н, с, ц, з, ж, ч, ш* обозначается двойным написанием этих согласных, долгое произношение *дз* обозначается сочетанием *ддз*, например: *галлё, ралля, пытанне, кассё, калоссе, гразю, смеццё, маззю, ноччу, соллю, насенне, зацііша, збожжа, жыццё, разводдзе, меддзю*.

3. Двойные согласные *н, с* или *з*, образовавшиеся путем сочетания соответствующих звуков разных морфем, также обозначаются двойным написанием этих согласных, например: *раённы, конны, дзённы, адменны, карэнны, каменны, раменны, сонны, рассмяяцца, ссыпаць, раззнакоміцца, рассадзіце, россып*.

4. В иностранных словах двойные согласные обозначаются одной буквой, например: *комуна, апарат, праграма, асіміляцыя*, но *ванна, бонна, манна*.

5. Мягкие согласные *д* и *т*, переходя в аффрикаты *дз* и *ц*, обозначаются буквами *дз* и *ц*, например: *дзед, цётка*; на конце слова после мягких *дз* и *ц* ставится знак *ь*: *медзь*.

В иностранных словах согласные *д* и *т* не смягчаются и после них пишется буква *ы* или *э*, например: *партия*, *дыктатура*, *дывізія*, *калектыў*, *актыў*, *дэлагацыя*, *тэхнікум*.

Однако *д* и *т* смягчаются перед суффиксальными *е* и *и* и обозначаются буквами *дз* и *ц*, например: *марадзёр*, *білецёр*, *манцёр*, *парламенцёр*, *плаціна*, *гвардзейскі*, *будзіраваць*, *білецік*, *эпізодзік*, *карціна*.

6. В собственных именах, фамилиях и географических названиях других языков начальные *о*, *в*, *сч* и *т* обозначаются в белорусском правописании буквами *о*, *в*, *сч* и *т*, например: *Владзікаўказ*, *Владзівастанок*, *Тіханаў*, *Счастліўцаў*, *Терахоўка*, *Тюмень*, *Орджонікідзе*, *Одэса*.

7. В иностранных словах, которые оканчиваются на *дт*, буква *д* не пишется, например: *Гумбальт*, *Шміт*, *Кранишат*, *фаришат*.

8. Переход свистящих в шипящие и наоборот – шипящих в свистящие на письме не обозначаются, например: *возчык*, *прыказчык*, *разносчык*, *перапісчык*, *пясчаны*, *на рэчцы*, *дачцы*, *на дошцы*, *расчыняць*, *расшчыняць*, *но ішасце*, *рошчына*.

9. В сочетаниях коренных *д* и *т* с суффиксальным *ч* эти согласные обозначаются буквами *д* и *т*, например: *следчы*, *падводчык*, *суседчын*, *матчын*.

10. Сочетание коренного *т* с суффиксальным *с* обозначается буквой *ц*, например: *марксісцкі*, *студэнцкі*, *полацкі*, *брацкі*, *дэлагацкі*, *краништацкі*, *брацтва*, *студэнцтва*.

11. Сочетание коренного *д* с суффиксальным *с* обозначается буквами *дс*, например: *гарадскі*, *ленінградскі*, *заводскі*, *грамадскі*, *суседства*, *грамадства*, *раслінаводства*.

12. Сочетания согласных *к*, *ч*, *ц* с суффиксальным *с* обозначается буквой *ц*, например: *большэвіцкі*, *ткацкі*, *сваяцкі*, *мастацкі*, *выдавецкі*, *батрацтва*, *бядняцтва*, *мастацтва*, *выдавецтва*.

13. Коренные согласные *ш* и *ж* перед суффиксальным *с* не обозначаются, например: *мноства*, *прыгоства*, *таварыскі*, *таварыства*, *хараства*.

14. В географических названиях коренные согласные *г*, *ж*, *з*, *х*, *ш* перед суффиксальным *с* обозначаются, причем *г*, *х* в большинстве случаев переходят в *ж*, *ш*, например: *рыжскі*, *волжскі*, *пражскі*, *парыжскі*, *мсціжскі*, *абхазскі*, *кіргізскі*, *каўказскі*, *суражскі*, *вяліжскі*, *варонежскі*, *чэшскі*, *чувашскі*.

В некоторых названиях *г*, *к*, *х* не переходит в *ж*, *ц*, *ш*, например: *цурыхскі*, *выборгскі*, *орэнбургскі*, *маздокскі*, *узбекскі*.

15. Сочетание коренного *с* с суффиксальными обозначается буквой *с*, например: *беларускі*, *палескі*, *одэскі*, *тыфліскі*, *рускі*.

Но в возвратных глаголах сочетание коренного *с* с *с* в частице *-ся* обозначается буквами *сс*, например: *аднёсся, затросся*.

16. Сочетания *ць-ся* в 3-м л. глаголов и в инфинитиве обозначаются после гласных буквами *цца*, после согласных – буквами *ца*, например: *змагацца, змагаюцца, ад'есца, здасца*.

17. Имена числительные от 11 до 30 пишутся через *-ццаць*, например: *адзінаццаць, дванаццаць, трынаццаць, дзевятнаццаць, дваццаць, трыццаць*.

18. В качестве разделительного знака употребляется апостроф, например: *аб'езд, аб'ява, пад'ехаць, над'есці, з'ява, з'есці, раз'юшаны, раз'ядаць, сям'я, п'яўка, пер'я, надвор'е, б'ецца, Лавуаз'е, монпас'е, рант'е, Кавен'як, кан'як, кан'юнктура, суб'ект, бар'ер, Барб'е*.

Однако после *л* в качестве разделительного знака употребляется *ь*, например: *лье, рэльеф, Мальер*.

Глава первая

ЛЕКСИЧЕСКИЙ СОСТАВ БЕЛОРУССКОГО ЯЗЫКА

§ 27. Слова, которыми пользуются белорусы в процессе общения, составляют лексический состав их языка. Товарищ Сталин учит, что словарный состав отражает картину состояния языка: чем богаче и разностороннее словарный состав, тем богаче и развитее язык. Однако главное в словарном составе – его основной фонд; он менее обширен, чем словарный состав, но он представляет базу для образования новых слов.

Потребности общества являются причинами развития новых слов, т. е. увеличения словарного состава языка; но образование новых слов основывается на базе словарного фонда языка, ибо основной словарный фонд содержит в себе те лексические и грамматические средства и материалы, на основе которых разветвляется новое словотворчество, вызываемое потребностями жизни.

§ 28. Основной словарный фонд белорусского языка. Лексическое богатство современного белорусского языка складывалось на протяжении многих веков. Основной фонд белорусской лексики содержит ряд исторически сложившихся пластов.

К нему относится прежде всего древнейший слой белорусской лексики, которая является общей для белорусского, русского и украинского языков как по значению, так и по грамматическому оформлению. Этот лексический слой основного фонда белорусского словаря образовался в тот период, когда предки белорусов, русских и украинцев жили общей жизнью и создавали

общие слова для взаимного общения. Этот слой белорусской лексики является весьма разнообразным и обширным. Приведем некоторые относящиеся к нему слова из разных областей жизни.

§ 29. Имена существительные. Названия явлений природы:

а) названия неживой природы: *зямя, неба, сонца, мора, рака, возера, гара* и др.;

б) названия атмосферных явлений: *дождж, снег, вецер, бура, гром* и др.;

в) названия частей года и суток: *зіма, лета, восень, дзень, ноч* и др.;

г) названия растений: *дуб, бяроза, сасна, клён, ліпа, вольха* и др.;

д) названия культурных растений: *пшаніца, ячмень, авёс, лён* и др.;

е) названия диких животных: *леў, мядзведзь, воўк, ліс, белка, заяц* и др.;

ж) названия домашних животных: *конь, карова, свіння, авечка, каза* и др.;

з) названия птиц: *воран, варона, галка, сокал, салавей, сарока* и др.

Названия явлений общественно-хозяйственной и промыслово-производственных областей:

а) название местностей, путей сообщения, построек и их частей, строительных материалов: *сяло, вуліца, дарога, мост, дом, хлёў, вароты, сцяна, акно, дзверы* и др.;

б) название предметов домашней обстановки: *стол, бочка, лаўка, вядро, гаршчок, карыта, нож* и др.;

в) название еды: *мяса, сала, сыр, масла, каша* и др.;

г) названия производственной терминологии: *вілы, граблі, каса, серп, цэп, барана, молат, долата, піла* и др.;

д) названия родства: *маці, брат, сястра, муж, жонка, сын, дачка, дзед* и др.

§ 30. Имена числительные. Количественные: *адзін, два, тры, чатыры, пяць, шэсць, сем, восем, дзевяць, дзесяць, адзінаццаць, дванаццаць, трынаццаць, чатырнаццаць, пятнаццаць, шаснаццаць, семнаццаць, дзевятнаццаць, дваццаць, трыццаць, сорок, пяцьдзсят, шэсцьдзсят, семдзсят, восемдзсят, дзевяноста, сто, двэсце, трыста* и т. д. Порядковые: *першы, другі, трэці, чацвёрты, пяты, шосты, семы, восьмы, дзевяты, дзесяты, адзінаццаты, дванаццаты* и т. д.

§ 31. Имена прилагательные:

а) обозначение цветов: *белы, чорны, зялёны, сіні* и др.;

б) обозначение размеров: *высокі, нізкі, глыбокі, доўгі, кароткі, вялікі, малы, шырокі* и др.;

в) обозначение пространственных отношений: *блізкі, далёкі, верхні, ніжні, пярэдні, задні* и др.;

г) обозначение временных значений: *позні, ранні, новы, стары* и др.;
 д) обозначение ощущений органов чувств: *салодкі, горкі, кіслы, гарачы, халодны, гладкі, мягкі, цвёрды* и др.

§ 32. Глаголы. Много в белорусском языке и общевосточнославянских глаголов, например: *браць, вазіць, вучыць, гарэць, гнаць, каваць, кідаць, лезці, ляжаць, мыць, піць, прасіць, рэзаць, спаць, тапіць, хадзіць, шыць* и др.

§ 33. В более позднее время, когда белорусский язык выделился из общей массы древнерусских диалектов, когда он получил самостоятельное развитие, возникло много слов основного фонда из восточнославянских корней. Эти слова по характеру корней являются общевосточнославянскими, а по характеру морфологического оформления – белорусскими; они образованы по законам белорусского языка.

§ 34. Имена существительные, образованные с помощью других суффиксов сравнительно с русским языком:

бел.	рус.
<i>беганіна</i>	<i>беготня</i>
<i>жыхар</i>	<i>житель</i>
<i>носьбіт</i>	<i>носитель</i>
<i>пісьменнік</i>	<i>писатель</i>
<i>прадстаўнік</i>	<i>представитель</i>
<i>радзіма</i>	<i>родина</i>
<i>сейбіт</i>	<i>сеятель</i>
<i>слухач</i>	<i>слушатель</i>
<i>чытач</i>	<i>читатель</i>
<i>багацце</i>	<i>богатство</i>
<i>большасць</i>	<i>большинство</i>
<i>маладзь</i>	<i>молодежь</i>
<i>вышыня</i>	<i>высота</i>
<i>сыравіна</i>	<i>сырье</i>
<i>цёмрадзь</i>	<i>темнота</i>

§ 35. Имена прилагательные, образованные с помощью иных суффиксов сравнительно с русским языком:

бел.	рус.
<i>выразны</i>	<i>выразительный</i>
<i>задумлівы</i>	<i>задумчивый</i>
<i>маўклівы</i>	<i>молчаливый</i>
<i>абавязковы</i>	<i>обязательный</i>

бел.	рус.
<i>пісьмовы</i>	<i>письменный</i>
<i>мужны</i>	<i>мужественный</i>
<i>сталёвы</i>	<i>стальной и т. п.</i>

§ 36. Глаголы, образованные с помощью других суффиксов сравнительно с русским языком:

бел.	рус.
<i>злавацца</i>	<i>злиться</i>
<i>ленавацца</i>	<i>лениться</i>
<i>дзеінічаць</i>	<i>действовать</i>
<i>абвінаваціць</i>	<i>обвинить</i>
<i>сустракаць</i>	<i>встречать</i>

Много глаголов в белорусском языке имеют иные приставки сравнительно с русским языком, ср.:

бел.	рус.
<i>дапамагаць</i>	<i>помогать</i>
<i>здабываць</i>	<i>добывать</i>
<i>здагадацца</i>	<i>догадаться</i>
<i>даследваць</i>	<i>исследовать</i>
<i>даручаць</i>	<i>поручать</i>
<i>зацвердзіць</i>	<i>утвердить</i>
<i>паглыбіць</i>	<i>углубить и т. п.</i>

§ 37. В этот же период сложились такие белорусские слова основного фонда, образованные от общевосточнославянских корней, в соответствии с которыми в русском языке использованы другие восточнославянские корни, ср.:

бел.	рус.
<i>захад</i>	<i>запад</i>
<i>пераклад</i>	<i>перевод</i>
<i>адзнака</i>	<i>отметка</i>
<i>знак</i>	<i>метка</i>
<i>запрашаць</i>	<i>приглашать</i>
<i>прыклад (ср. класть)</i>	<i>пример</i>
<i>удзельнічаць (ср. дело)</i>	<i>участвовать</i>
<i>дагляд (ср. глядеть)</i>	<i>досмотр (ср. смотреть)</i>
<i>думка</i>	<i>мысль</i>
<i>ападкі (ср. падать)</i>	<i>осадки (ср. садить)</i>

бел.	рус.
<i>вылучаць</i>	<i>выделять</i>
<i>вытворчасць</i>	<i>производство</i>
<i>астатні</i>	<i>последний</i>
<i>плынь</i>	<i>течение и т. д.</i>

§ 38. Ряд слов основного фонда белорусского словаря отличается от соответствующих слов русского языка только значением, ср.:

бел.	рус.
<i>буйны</i> (крупный)	<i>буйный</i> (озорной, непокорный)
<i>час</i> (время)	<i>час</i> (единица времени суток)
<i>гной</i> (навоз)	<i>гной</i> (разложение омертвевших тканей животного организма)
<i>смутны</i> (грустный)	<i>смутный</i> (неясный)
<i>паліць</i> (жечь)	<i>палить</i> (стрелять)
<i>узор</i> (образец)	<i>узор</i> (рисунок, представляющий собой сочетание линий, красок, теней)
<i>пытаць</i> (спрашивать)	<i>пытать</i> (подвергать пытке)
<i>пазорны</i> (красивый)	<i>позорный</i> (постыдный)

§ 39. Ряд слов основного фонда белорусского общелитературного словаря употребляются в русском языке в качестве принадлежностей отдельных говоров, например: бел. – *жыта*, *вежа* (башня), *гай* (лес), *дзяжа* (посуда, в которой готовят тесто), *кут* (угол), *смеццё* (сор), *кавалак* (кусок), *вабіць* (привлекать, завлекать), *палохаць* (пугать), *хаваць* (прятать), *скародзіць* и т. п., ср. имена существительные: *араты*, *вёска*, *волат*, *грамада*, *кудзеля*, *певень*, *ручнік*, *хмара*, *чаравік* и др.; имена прилагательные: *брыдкі*, *ветлівы*, *дробны*, *кволы*, *летаіні*, *марудны*, *руды*, *хворы*, *чырвоны* и др.; глаголы: *араць*, *абараняць*, *жыраваць*, *журыцца*, *маніць*, *ручыць*, *чакаць* и др.

§ 40. Терминология современного белорусского языка. После Октябрьской социалистической революции словарный состав белорусского языка значительно обогатился. В особенности бурное развитие получила система научной и научно-технической терминологии, соответствующая требованиям современной науки. В творчестве новой научной терминологии белорусский язык широко использовал терминологические богатства великого русского языка.

§ 41. Приведем образцы белорусской терминологии интернационального характера, которая была преобразована по внутренним законам белорусского языка.

Названия наук: греческого происхождения – *філософія, матэматыка, фізіка, фізіялогія, псіхалогія, геалогія, геаграфія, астраномія, заалогія, філалогія, батаніка, анатомія, педагогіка* и др.

Философские термины: греческого происхождения – *дыялектыка, ідэя, катэгорыя, космас, крытэрыі, метад, метафізіка, аналіз, сінтэз, тэзіс* и др.; латинского происхождения – *абсалют, аб'ект, адэкватны, атрыбут, дэдукцыя, дэтэрміналізм, іманентны, імператыв, інтуіцыя, каузальны, модус, пастулат, патэнцыя, суб'ект* и др.

Математические термины: греческого происхождения – *арыфметыка, геаметрыя, трыганаметрыя, апафема, гіпатэнуза, дыяганаль, дыяметр, катэт, конус, лагарыфм, паралелаграм, паралелепіпед, перыметр, піраміда, прызма, ромб, тэарэма, трапецыя, хорда, эліпс* и др.; латинского происхождения – *абсцыса, бісектрыса, дыферэнцыял, квадрат, каардыната, касеканс, косінус, катангенс, каэфіцыент, перпендыкуляр, прагрэсія, прапорцыя, сегмент, секанс, сектар, сінус, тангенс, радыус* и др.

Физические термины: греческого происхождения – *анод, катод, электрод, электrolіз, тэрмаэлемент, электрычнасць, кінетыка, дынаміка, оптыка, рэастат, барометр, тэрмометр, электростат, фотаметр, мікраскоп, тэлескоп, хронаметр* и др.; латинского происхождения – *аберацыя, капілярнасць, дыфузія, калорыя, кандуктар, патэнцыял, спектр, фокус, малекула* и др.

Химические термины: греческого происхождения – *азот, барый, бром, іод, ірыдый, калій, уран, фосфар, хлор, хром, ангідрыт, гідроліз, каталіз, калойд* и др.

Биологические и медицинские термины: греческого происхождения – *агонія, анемія, астэнія, астма, бактэрыя, бронхі, бранхіт, гангрэна, гібрыд, гігіена, гінекалогія, гіпноз, дыябет, дыягназ, дыфтэрыя, дыэта, істэрыя, катар, клізма, каліт, ларынгіт, неўралгія, неўрасцёня, неўроз, артапедыя, параліч, паталогія, педыятрыя, плеўрыт, падагра, псіхоз, рахіт, рэўматызм, сепсіс, траўма, фармацэўт, фізіятрыя, эпідэмія* и др.; латинского происхождения – *амбулаторыя, ампутацыя, ангіна, апендыцыт, аспірын, бацыла, вена, інфекцыя, ін'екцыя, кампрэс, кансіліум, медыкамент, медыцына, мікстура, акуліст, аперацыя, рэцэпт, санітарыя, туберкулёз, фістула, фурункулёз* и др.

Географические термины: греческого происхождения – *атмасфера, акіян, клімат, полюс, паралель, тропікі* и др.; латинского происхождения – *экватар, мерыдыян, глобус, кантынент* и др.

Названия мер: греческого происхождения – *грам, кілаграм, метр* и др.

Лингвистические термины: греческого происхождения – *граматыка, фанетыка, лексіка, марфалогія, лексікалогія, лексікон, сінтаксіс, арфаграфія, арфаэнія, семантыка, сінонім, амонім, этымалогія* и др.; латинского происхождения – *артыкуляцыя, афікс, суфікс, прэфікс, прэдыкат, інфінітыў, флексія* и др.

Литературоведческие термины и термины искусствоведения: греческого происхождения – *эпос, лірыка, паэма, рытм, метафара, рыфма, ода, элегія, сатыра, ідылія, алегорыя, ямб, харэй, дактыль, анапест, метанімія, сінекдаха, дыялог, маналог, анекдот, афарызм, гімн, іронія, пародыя, некралог, тэатр, хор, аркестр, драма, камедыя, трагедыя* и др.; французского происхождения – *п'еса, роль, акцёр, суфлёр, рэжысёр, антракт, партэр, вадэвіль, авансэна, прэм'ера, рэпертуар, сеанс, фэйе, эскіз, эцюд, пейзаж, жанр, балет, сюжэт, бюст* и др.

Общественно-политические термины: греческого происхождения – *дэмакратыя, манархія, манаполія, манагамія, палігамія, аўтаномія, амністыя* и др.; латинского происхождения – *канстытуцыя, статут, рэспубліка, кааперацыя, кан'юнктура, канфіскацыя, мемарандум, палітыка, соцыяльны, маніфест, дэманстрацыя, сесія, пленум, кангрэс, дэпутат, дэлегат, клас, конвенцыя, камісія, кодэкс, кворум, дыктатура, дэкларацыя, адміністрацыя, канферэнцыя, рэволюцыя, комуна, соцыялізм, пролетарыят, агітацыя, прапаганда* и др.; французского происхождения – *рэжым, дэпартамент, дэмарш, камітэт, ліга, прэм'ер, камісар, комунар* и др.

§ 42. Обогащение белорусской лексики происходило не только путем заимствования интернациональных терминов, но и путем образования новых слов из исконно белорусского материала по внутренним законам белорусского языка. Победа социализма в нашей стране создала новые формы общественных отношений, социалистического труда, появились новые предметы и явления, которые потребовали новых названий, обогатилась научная терминология новыми белорусскими терминами.

Философские термины: *адчуванне, уяўленне, паняцце, суджэнне, мышленне, адлюстраванне, узаемадзеянне, абумоўленасць, выпадковасць, процілегласць, рэчаіснасць, тоеснасць, быццё, увасабленне* и др.

Термины политэкономии: *прадукцыйныя сілы, вытворчыя адносіны, вартасць, заработная плата, прыбытак, дадатковая вартасць, працоўная вартасць, менавая вартасць, базіс, надбудова* и др.

Математические и физические термины: *складанне, складаемае, адыхманне, памяншаемае, адыхмаемае, рознасць, множанне, множымае, множнык, здабытак, сумножнык, дзялімае, дзельнік, дзель, адмоўны лік, ступень,*

адначлен, мнагачлен, ураўненне, здабыванне корняў, сякучая, нахільная, трохвугольнік, датычная, удзельная вага, атмасферны ціск, раўнавага, цеплаёмкасць, выпраменьванне и др.

Технические термины: *рухавік, адбойнік, махавік, выключальнік, вадамер, вугламер, прыёмнік, засцярагальнік, размеркавальнік* и др.

Появилось большое количество новых слов для общественно-политических явлений: *савет, савецікі, актывіст, актыў, нагрузка, самакрытыка, палітгурток, злёт, вылучанец, палітгутарка, комсомол, комсомолец, піонер, піонерважаты, месцком, профорг, соцспарборніцтва, ударнік, ударніцтва, стаханавец, выдатнік, перадавік, палітработнік, гаспадарнік, асветнік, чыгуначнік, абутнік* и др.

Появилось много новых слов в связи с колхозным строительством: *калгаснік, аднаасобнік, серадняк, калгас, соўгас, працадзень, звеннявы, хата-лабараторыя* и др.

Таким образом, своим успехам в области литературного развития и обогащения родного языка белорусский народ всецело обязан Октябрьской социалистической революции, нашей большевистской партии, великим вождям современного человечества – Ленину и Сталину.

Глава вторая ФОНЕТИКА

Вокализм

Общий характер гласных звуков белорусского языка

§ 43. В белорусском языке имеется шесть гласных звуков: *и, ы, у, е, о, а*. Произношение этих звуков в основном совпадает с произношением соответствующих русских гласных.

Звук *и* (передается в белорусском правописании знаком *і*) встречается в белорусском языке, как и в русском, после мягких согласных и в начале слов: *сіні, ціхі, дзікі, вілы, ісці, ідэал, ідэя* и т. п.

Звук *у* встречается в белорусском языке после твердых согласных и в начале слов в приставках: *душа, гурток, мучыць, нутраны, увязаць, удалы, угнойваць (удобрять), удой* и т. п.

Звук *ў* (неслоговой) встречается в белорусском языке после гласных: *воўк, траўка, паехала ў калгас* и т. п.

Звук *ы* встречается в белорусском языке, как и в русском, после твердых согласных: *адчыняць, ажыўляць, асыпаць, быць, большы* и т. п. Характер этого звука исследователями объясняется по-разному. Так, А. И. Томсон определяет его как звук верхнего подъема заднепередней артикуляции. Это значит, что звук *ы* – дифтонг, который соединяет в себе два элемента: задний и передний; этот дифтонг при произношении акустически образует впечатление одного звука среднего ряда¹. В. А. Богородицкий правильно говорит, что «этот гласный, чуждый западноевропейским языкам, требует заднеязычной артикуляции, но без лабиализации, чем и объясняется то, что действие задней части языка при нем является неглубоким и находится приблизительно в зоне *к*, *х* и при узком раскрытии рта²».

Звук *е* встречается в белорусском языке как после мягких, так и после твердых согласных (после твердых согласных он передается буквой *э*): *прымерзнуць, прыпеўка, цяпер, цема; гэты, трэба, цэгла, шэрсць* и т. п.

Звук *о* встречается в белорусском языке как после твердых, так и после мягких согласных (после мягких согласных этот звук, как и в русском правописании, передается знаком *ё*): *рогі, гоман, годны, палатна; слёзы, мёд, лёд* и т. п.

Звук *а* встречается в белорусском языке, как и в русском, после твердых и мягких согласных (после мягких согласных он передается, как и в русском правописании, знаком *я*): *пасада, бульба, гародніна, знаходзіцца; мяса, пяць, цягнуць, зябнуць, сябры* (друзья) и т. п.

Гласные звуки белорусского языка в ударяемом положении

§ 44. В современном белорусском литературном языке гласные в ударяемом положении, как правило, сохраняются без изменения. Однако в некоторых диалектах отдельные гласные в ударяемом положении подвергаются тем или иным изменениям. Рассмотрим каждый гласный звук в отдельности.

Гласный звук *а*, который сохраняется в литературном языке в ударяемом положении, в отдельных диалектах по той или другой причине подвергается различным изменениям. Так, звук *а* под ударением в известных фонетических

¹ Томсон А. И. Фонетические этюды // Рус. филол. вестн. 1905. № 2.

² Богородицкий В. А. Фонетика русского языка в свете экспериментальных данных. Казань, 1930. С. 67.

условиях переходит в *о*. Карский формулирует это так: «Звук *о* вместо *а* появляется в результате лабиализации последнего звука... Сначала, может быть, слышался звук *а*⁰, а затем под ударением стало произноситься и настоящее *о*. Лабиализация звука *а* имела место тогда, когда он стоял перед *ў* (неслоговым) или билабиальным *в*, например: *троўка*, *муроўка*, *зоўтра*, *казоў*, *доў* (Минск, с. Волма); *стоў* (*стаў*), *стоўшы*, *напоў*, *атаброў*, *разадроў* (Минск, с. Гатава)»¹.

В этих же говорах таким же изменениям подвергается и *'а* с предшествующей мягкостью: *узёў* (Минск, с. Волма), *занёўся*, *стаёў* (стоял), *клёўся*, *узёўся* (Минск, с. Гатава), *узёў*, *стаёў* (Вилейка, Молодечно).

Диалектное произношение *а* как *о* и *'а* как *'о* встречается в районе Минска, Червения, Дзержинска, Самохвалович, Жытина, Птичи, Гатава, спорадически и в других местах. Эти явления не нашли отражения в старых памятниках. Можно думать, что они развились относительно поздно.

Диалектно звук *о* появляется вместо *а* также в результате аналогии форм того же корня или других подобных образований, которые представляют *о*², например: *пастойвае*, *выгаворваюць*, *выпрошваў*, *перамолвалі* и т. д. (Мозырь). Это явление нашло отражение и в старых памятниках, например: *пагаворваець* (Библ. кн. XVI в. 101 б.), *не обговаривали* (там же), *рассматривал* (там же), *хажывал* (Псалт. XVI в. 65 б.); *напойвати* (там же 103 б.), *присмотривали* (ев. 1616 г.)³.

В современном литературном языке случаи нефонетического появления *о* вместо *а* также встречаются: *пакоціцца*, *падорым*, *пасодзім*, *утойваць* и т. д.

В некоторых словах в соответствии с русским *а* в белорусском языке находим *о*: *розум* (рус. разум), *розны* (рус. разный), *роўны* (рус. равный) и др. В этих словах нет перехода *а* в *о*. Здесь мы имеем *о* исконное, в русском же языке произношение *а* вместо *о* в этих словах укрепились под влиянием книжного языка.

В некоторых словах в соответствии с русским *'а* в белорусском языке находим *е*, например: *гледзячы*, *дрэнна*, *запрэчы*, *трэсці* и т. д. Это явление в белорусских говорах имеет широкое распространение и находит соответствующее отражение в литературном языке; перечисленные выше слова с *е* вместо *а* встречаются и в литературном языке. Здесь можно говорить о пере-

¹ Карский Е. Ф. Белорусы : в 3 т. М., 1955. Т. 1. С. 34, 85.

² Там же. С. 26.

³ Там же.

ходе *a*, восходящего к *e* носовому (ѣ) в *e*; но возможно, что здесь сохранилось исконное *e*, которое получилось в результате утраты носового резонанса.

В белорусском языке есть звук *e* соответственно с русским *a* после шипящих в сравнительной степени прилагательных: *даўжэйшы, вышэйшы, мягчэйшы, бліжэйшы* и т. д. (ср. рус. *ближайший, широчайший, тисайший* и т. п.).

§ 45. Гласный звук *o*, который сохраняется в литературном языке в удаляемом положении, в отдельных диалектах по той или другой причине подвергается различным изменениям.

Диалектно *o* переходит в дифтонг *yo*. Характер этого дифтонга в различных местах неодинаков. В одних случаях перед *o* развивается неслоговое *й*, причем *o* бывает иногда весьма узким (*йo*); в других случаях *o* начинается в произношении как весьма узкое *o*, иногда даже как *y*, а кончается звуком *o* открытым, неслоговым (*yo*); в третьих случаях перед гласным *o* произносится весьма лабиализованный согласный, в результате чего получается *yo* вместо *o*.

Дифтонгическое сочетание встречается только на месте основного *o*, в новом закрытом слоге. В известную эпоху в восточнославянских диалектах произошло падение глухих *ъ* и *ь*. В результате образовались новые закрытые слоги. В отдельных диалектах звук *o*, за которым стоял слог с выпавшим глухим, удлинялся, в результате чего получались различные типы дифтонгического произношения *o*.

Примеры дифтонгического произношения *o* в конечном закрытом слоге: *твуй, на туой дарозе, на русуй касе, куонь, муой, на туом кані, вуол, двуор, далую, піруох, гуод, гнуой, нуос, свуй, хвюост* (Борисов, Мозырь, Бобруйск, Червень). Примеры дифтонгического произношения *o* в середине слогов: *руоднаго, чабуоткі, нікуолькі, чырвуонцы, у нуожках, туолькі, галуоўка, да-руожка, друобны* и т. д.

В старых записях народного творчества встречается также дифтонг *oй* с *й* (неслоговым) после *o*: *боўр, доўм, воўск, дроўбы* (Слуцк). Дифтонгическое произношение исконного *o* известно и в северноукраинских говорах, которые примыкают территориально к области распространения белорусского языка.

Дифтонгическое произношение *o* в белорусском литературном языке не находит отражения. Что касается того *o*, которое восходит к *ъ*, то оно вообще не дифтонгизируется.

Диалектно в некоторых категориях слов в соответствии с литературным *o* встречается э. Так, в различных местностях БССР встречается местоименное

окончание дательного и местного падежей единственного числа *-эй* в соответствии с литературным *-ой*: *тэй, аднэй*.

Приблизительно в этих же местах встречается окончание им. пад. прилагательных муж. рода ед. ч. *-эй* в соответствии с литературным *-ы* (после заднеязычных *-и*), например: *залатэй, маладэй, сляпэй, друзей, такей, такей-сякей* и т. д.

§ 46. Гласный звук *е* под ударением не имеет в литературном языке единого произношения. Звук *е* который восходит к исконному *е* и *ь*, сохранился под ударением только перед мягким согласным, например: *дзень, каменні*. Звук *е* указанного происхождения сохраняется под ударением и перед теми твердыми согласными, которые тоже были мягки, но потом отвердели, например: *канец, касец, шавец, жнец* и т. д.; *ідзеш, нясеш, бярэш* и т. д.; *меч, сеч* (секчы), *меч, лешич, клешчы* и т. д.; *серб, верх, мерзнуць, памерці, церці, дзёрці, перці* и т. д.

Звук *е*, который восходит к *ѣ* сохранился под ударением перед мягкими и твердыми согласными, а также и перед отвердевшими согласными, например: *дзед, хлеб, левы, лета, лес* и т. д.; *месяц, дзеці, селі, у лесе, елі, арэшкі, смешкі* и т. д.

Только в некоторых словах встречается нефонетическое *о* на месте ударенного *е* из *ѣ*, например *гнёзды, вёдры*, диалектно встречается также *пабѣг* (ср. *бѣжать*), *посѣк* (ср. *сѣчь*), *бясѣда* (ср. *бесѣда*).

Звук *е* в заимствованных словах под ударением также обычно сохраняется, как перед твердыми согласными, например: *прафесар, эстафета, дылема, дыета*, так и перед мягкими согласными, например: *эпопея, гейзер, білецік*.

Звук *е*, который восходит к старым восточнославянским *е* и *ь* перед твердыми согласными под ударением обычно произносится как *'о* с предшествующей мягкостью согласного, или как *о*, когда мягкий согласный вообще отвердел, например: *дзён, уцёк, вераб'ёў, зялёны, памёр* и т. д.; *учора* (рус. *вчера*), *нічога* (рус. *ничего*), *шосты* (рус. *шестой*) и т. д.

Звук *е* не переходит в *о*, если он оказался под ударением в относительно позднее время; так, глаголы прошедшего времени муж. р., например: *памёр, принёс, привёл*, имеют *ё* на месте *е*, так как это *ј* исконно находилось под ударением; глаголы же прошедшего времени мн. ч., а также жен. и сред. р. ед. ч. имеют ударяемое *е*, не переходящее в *о*, так как *е* в этих случаях стало ударяемым в относительно позднее время, например: *памёрла, уцёрла, здэёрла, нёсла, вёзла* и т. д. Возможно, однако, что эти формы возникли аналогично под влиянием форм инфинитива, ср.: *памёрці, нёсці, вёзці, здэёрці* и т. д.

В современном белорусском языке *е* из *е* и *ь* произносится как *'о* (или как *о* после отвердевших согласных) перед твердой согласной только под ударением. В неударных случаях, как известно, гласные в современном белорусском языке не сохранили своего первоначального характера. Исторические данные говорят о том, что в диалектах, из которых сложился современный белорусский язык, исконные восточнославянские *е* и *ь* перед твердой согласной, как в ударяемых, так и неударяемых слогах, лабиализовались.

Диалектно в соответствии с ударяемым литературным *'о* из *е* встречается дифтонг *'уо* (*юо*). Этот дифтонг по своему происхождению и произношению характеризуется теми же признаками, что и дифтонг *уо* и встречается в тех же местах.

Примеры дифтонгического произношения *'о* из *е* в конечном ударном слоге: *прывюоз*, *весюол*, *нюос*, *люог*, *падмюоў*, *мюод* (Мозырь, Бобруйск, Слуцк). Примеры дифтонгического произношения *'о* из *е* в середине слова: *лябюодкаю*, *паплюоўка*, *намяотка*, *цуютка* (Слуцк, Мозырь).

Диалектно встречается произношение *'о* из *е* и как *'у*, например, *панюс*, *калюс* (Рогачев), *цуютка*, *панюс*, *цуюмны* (Речица). Древние памятники отражают это явление немногими примерами: *семьюнъ* (Семен) (Лет. Авр. XV, 56 б.), *занюжь* (так как) (Лет. Крас. 74 б), *стрыювь рогъ* (Сб. XV, Публ. библ. № 391).

Диалектно то *е* (из исконного *е*), которое не переходило в *'о*, дифтонгизировалось в *іе*. Этот дифтонг образовался при тех же фонетических условиях, что и дифтонг *уо*, *'уо*. Примеры дифтонгического произношения *е* в конечных закрытых слогах: *піеч*, *сіем*, *пліеч*, *ціеч* (Слуцк, Бобруйск, Мозырь). Примеры дифтонгического произношения *е* в середине слова: *вясіелле*, *піечка*, *маніерка*, *трыеска* (Минск, Бобруйск).

Диалектно в соответствии с литературным *е* из *ѣ* встречается дифтонг *іе*. В одних случаях кратко произносится вторая часть дифтонга *е*, в других первая часть – *іе*. Образование этого дифтонга не связано с теми фонетическими условиями, с какими было связано образование дифтонгов *іе* или *уо* из исконного *е* или *о*. Единственное условие появления этого дифтонга – его ударяемость. Таким образом, дифтонг *іе* из *ѣ* может быть в открытых и закрытых слогах, перед твердыми и мягкими согласными, например: *віесіць*, *місяца*, *іедуць*, *ліета*, *біегаць*, *сусідачкі*, *міелі*, *ріепу*, *квіетачка*, *дзіевачка*, *кліетачка*, *нядзіеля*, *ціень*, *насіелі*, *сіелі*, *у ліесе*, *мідзь* (Мозырь, Червень, Бобруйск, Минск).

§ 47. Гласные звуки *и*, *ы*, *у*, т. е. звуки верхнего подъема, в современном белорусском литературном языке сохраняют свое качество не только под уда-

рением, но и в неударном положении за исключением начала и конца слова, а также предлога у после гласных.

Диалектно звук *ы* в ударном и неударном положении переходит в *у*. Переход звука бывает главным образом в тех случаях, когда гласный звук *ы* стоит после губных или перед губными, а также и тогда, когда за ним следуют заднеязычные, например: *капуцікі* (Шейн, Мат. 1, ч. 1, 82), *новух ульях* (там же), *пушина* (пышно) (там же, 409), *што ж ву* (вы) *не путаеце нас, чаго му* (мы) *прышлі* (там же, с. 393); *новума санямі* (там же, I, ч. 1, 82), *вудае* (выдае) (там же, II, 425).

В соответствии с белорусским литературным *ы* в диалектах встречается звук *э*: *кудэ* вместо *куды*, *хустачка сястрэ* вместо *хустачка сястры*; *бочка вадэ* вместо *бочка вады*, *воз травэ* вместо *воз травы* и т. д.

В соответствии с русским литературным *у* в белорусском литературном языке в отдельных словах встречается *ы*, например: *слых*, *быццам*; диалектно еще встречается *раскіныв* (Ром. IV, 38), *замыж* (Шейн, мат. II, 54).

В соответствии с литературным *у* диалектно в отдельных словах встречается *о*, например: *голова опохніць* (Шейн), *ніхто того ні чоў, ні бачыў, толькі чуло неба да земля* (Сборник Бессонова, с. 4).

Гласные звуки в неударяемом положении

Гласные звуки в неударяемом положении за исключением начала и конца слова имеют свои особенности в произношении. Гласные звуки верхнего подъема – *и*, *ы*, *у*, – как было указано, сохраняются в литературном языке не только в ударяемом положении, но и в безударном (за исключением начала и конца слова). Диалектно же в отдельных случаях эти звуки так или иначе изменяются.

§ 48. На месте звука *и* диалектно находим *е*, например: *збераліся, уцераючы, зберала, прыбераецца*; в глаголах 3-го л. ед. ч. II спряжения: *курэ, смале, церпе, ходзе, носе*.

Звук *е* из *и* в безударном положении может перейти в *а* в акающих говорах, например: *бялет, вяшнёвы*, в глаголах 3-го л. ед. ч. II спряжения: *нося, прося, ходзя* и т. д.

§ 49. Диалектное *ы* в безударном положении переходит в *а*, например: *вымата* (вымыта), *палая* (пылает), *чорнамі брывамі, рознамі цвятамі, бала* (была), *патацца* (пытаться), *пасалае* (посылает).

Этот процесс, очевидно, начался тогда, когда *гы, кы, хы* еще не перешли в *ги, ки, хи*, так как в тех же диалектах на месте старого *ы* после заднеязычных

мы находим также *a*, например: *маленькамі, беленькамі, залаценькамі, на могалку* (на могилу).

Иногда это явление отражается и в древних памятниках, причем на месте *ы* пишется как буква *a*, так и буква *o*, например: *не могли терпети великое налоги от неверных ляхов* (Лит. Лет. Крас. 84–6), *палала* (Библ. кн. XVII в.), *палаючы* (там же).

§ 50. В соответствии с литературным у диалектно в отдельных грамматических категориях встречается *a*, например: *свіснаў, раскінаў, усякаю, усялякаю, рэчку широкаю і глыбкаю*.

§ 51. Гласные звуки неверхнего подъема *a*, *o*, *я* (*'a*), *э* (*'e*) в безударном положении изменяются, как в литературном языке, так и в диалектах.

В современном литературном языке эти звуки в первом слоге перед ударенным слогом после твердых и мягких согласных произносятся как звук *a*; во втором и следующих (не начальных) слогах перед ударенным слогом, а также в последующих (неконечных) слогах после твердых согласных они произносятся неотчетливо, как средние звуки между *a – o – ы*; *e – и*.

Эти неотчетливые редуцированные гласные звуки мы обозначаем буквами *ь* и *ь*: звук *ь* – гласный среднего подъема непереднего образования, звук *ь* – гласный среднего подъема переднего образования. То явление в современном белорусском литературном языке, которое заключается в том, что гласные неверхнего подъема не под ударением в произношении совпадают в звуке, называется аканьем.

Таким образом, нормы произношения гласных неверхнего подъема в безударном положении представляются в современном белорусском литературном языке в следующем виде:

§ 52. Гласные звуки *o*, *a* после твердых согласных и *e*, *'a* после мягких согласных в первом предударном слоге произносятся как *a* и *'a* с предшествующей мягкостью согласного.

Только в этом положении на месте *o* в современном литературном языке произносится *a*, а на месте *e* после мягких согласных – *'a*:

o: *дамы, каса, васьмі, вада, сталы*;

a: *дарэмны, дамо*;

e: *зямя, нясі, бяры, вязі, сядло, вядро*;

я: *яскрава, сябры*.

§ 53. Гласные звуки *o*, *a* после твердых согласных и *e*, *'a* после мягких согласных в других предударных слогах произносятся редуцированно; звуки *o*, *a* произносятся как редуцированный звук, который может быть обозначен

буквой *ѣ*, а звуки *е*, *'а* произносятся как редуцированный звук, который может быть обозначен буквой *ь*:

о: *кѣсавіца*, *вѣдзяны*, *гѣлава*, *стѣлаваца*;
а: *пѣравы*, *дѣрмавы*, *плѣнаванне*;
е: *п'ѣразд*, *с'ѣнакос*, *б'ѣларус*, *п'ѣрабудова*;
'а: *м'ѣсарубка*.

§ 54. Гласные звуки *о*, *а* после твердых согласных и *е*, *'а* после мягких согласных в послеударных неконечных слогах произносятся также редуцированно; звуки *о*, *а* в этом положении произносятся как *ѣ*, а звуки *е* и *'а* – как *ь*:

о: *горѣд*, *золѣта*;
е: *возѣра*, *вецѣр*, *восѣн'*, *высвѣтліц'*;
'а: *завѣз'*, *дробѣз'*, *дзевиц'*, *памѣц'*.

§ 55. Звук *е* после твердых или отвердевших согласных в словах исконно белорусских или давно употребляющихся в белорусском языке в безударном положении произносится так же, как в соответствующих случаях произносятся звуки *о*, *а*, т. е. в первом предударном слоге, как *а*, например: *рѣкі* – *рака*, *шэсць* – *шасці*, *цэны* – *цана*, *шэпты* – *шаптать*; во втором предударном и следующих предударных неначальных слогах – как *ѣ*, например: *чѣрап* – *чѣрапы*, *сѣкратар*, *литѣратура*, *цѣрѣспалосіца*; в послеударных неконечных слогах также, как *ѣ*, например: *паседѣнне*, *корѣн'*, *адѣрс*, *характѣр*, *літѣра*.

§ 56. Звук *е* в иностранных словах, как после мягких, так и после твердых согласных в данных случаях сохраняется и не произносится ни как *а* или *'а*, ни как *ѣ* или *ь*, например, после твердых согласных под ударением: *дэмпінг*, *тэхніка*, *тэрмін*; после мягких согласных под ударением: *эпапея*, *фанэтыка*; после мягких согласных в первом предударном слоге: *методыка*, *медычны*, *медаль*, *зен'іт* и т. д.; после твердых согласных в первом предударном слоге: *тэатр*, *рэальны*, *рэформа*, *тэраса*, *дэкрэт*; после мягких согласных во втором и следующих неначальных предударных слогах: *геалогія*, *геаграфія*, *педагог*; после твердых согласных во втором и следующих предударных, неначальных слогах: *дэлегат*, *матэрыялізм*, *тэлескоп*, *дэманстрацыя*, *тэлеграф*; после мягких согласных в заударных неконечных слогах: *гейзер*, *азбест*, *алгебра*; после твердых согласных в заударных неконечных слогах: *кодэкс*, *катэт*.

§ 57. В диалектах произношение гласных неверхнего подъема *а*, *о*, *е*, в зависимости от различных фонетических условий, разное. По характеру аканья в белорусском языке различают два основных наречия: северо-

восточное с аканьем диссимилятивным и юго-западное с аканьем недиссимилятивным.

§ 58. Диссимилятивное аканье в белорусском языке характеризуется тем, что гласные неверхнего подъема *о, е, а* произносятся, как *а*, в первом предударном слоге только в том случае, когда под ударением находится один из звуков не нижнего подъема – *і, ы, у, о, е*, например: *пясок, бяроза, вядзе, нясе, нясу, вязу, нясі, вязі* и т. д. Когда же под ударением находится звук нижнего подъема *а*, то в первом предударном слоге появляется звук, который отличается от *а*; после мягких согласных – *и* или звук, близкий к нему; после твердых согласных – *ы* или звук, близкий к нему, например: *выда, ныга, гылыва, вісна, зімля, сім'я* и т. д.

§ 59. Недиссимилятивное аканье характеризуется тем, что гласные неверхнего подъема – *е, о, а* произносятся в первом предударном слоге, как *а*, независимо от того, какой гласный находится под ударением, например: *вада, зямля, у зямлі, зямлю; вясна, вясны, вясну, вясне*. В слогах, которые не стоят непосредственно перед ударением в разных диалектах, неударенные *о* и *а* совпали в одном звуке не во всех случаях. Нередко в отдельных диалектах, особенно в заударном слоге, *о* сохраняется, например: *бе́лога, по́водам, пахо́дом*. Аканье ослабляется на границе с украинскими говорами. Украинские говоры, как известно, аканья не знают.

Диалектной основой литературного произношения неударенных гласных *о, а, е* являются юго-западные говоры с недиссимилятивным аканьем.

Аканье различных типов, кроме белорусского языка, знают также и южнорусские говоры.

Гласные звуки в начале слова

§ 60. Гласные звуки *о* и *а* в начале слова в безударном положении в литературном языке произносятся, как *а*:

а: актыў, алфавіт, аўтаматызацыя, амбулаторыя;

о: абыход, аклейваць, абласны, акцябрыны, адэкалон.

Таким образом, звук *а* сохраняется в литературном произношении в начале слова, не под ударением в первом предударном слоге и в слоге под ударением.

§ 61. Звук *о* сохраняется в начале слова только под ударением и притом в словах заимствованных, например: *опера, ода, ордэн, орган*. В словах исконно белорусских перед ударяемым *о* в таком положении развивается звук *в*,

например: *возера, вокны, восень, воблака, вочы, вожык, вогнішча*. Перед ударяемым *о* развивается *в* и не в начале слова, например: *навокал*.

§ 62. Безударное '*а*' в начале слова после *ј* в первом предударном слоге произносится как '*а*', например: *јаснець, јачэйка, јачмень*, а во втором и следующих предударных слогах, как *и*, например: *јіравізацыя, јізычок*.

§ 63. Гласный звук *ы* в начале слова не встречается. Этот звук встречается только после твердых согласных звуков, например: *дым, пыл, плысці, тыдзень, лысы* и т. д.

Начальные безударные гласные *у, и* переходят в *у, и* неслоговые, когда они стоят после слова с конечным гласным, и остаются без изменения, когда стоят после слова с конечным согласным звуком, например: *лепшы ўдарнік, но разгорнем ударніцтва і соцпаборніцтва; ён ідзе на вучобу, но яны йшлі на вучобу*.

§ 64. Предлог *у* (в соответствии с русским предлогом *в* или союз *и* переходят в *у* или *и* неслоговые, когда они стоят после слов с конечным гласным звуком, и остаются без изменения, когда стоят после слов с конечным согласным звуком или неслоговыми гласными *ў, й*, например: *прыехалі ў горад, но прыехаў у горад, ён чытаў і пісаў, но яны чыталі й пісалі*.

В современном белорусском правописании этот фонетический процесс нашел отражение только в отношении звука *у*¹.

Гласный звук *и* пишется во всех указанных случаях одинаково и выражается буквой *і*.

§ 65. Звук *и* переходит в *й* также в конце слога и слова после гласного, например: *пайду, вайна, гайка, байка, пайшчык, наклейка, гай, край, бой, пай, клей*. Таким образом, гласный звук *и* не бывает в середине слова после гласных перед согласными или в конце слова после гласного. Переход *и* в *й*, *у* в *ў* неслоговое имеет широкое распространение в диалектах белорусского языка и нашел свое отражение в древних памятниках. Звук *ў* передавали в древних памятниках часто буквой *в*, например: *вчинил* (грам. 1497 г.), *вже* (грам. 1499 г.), *вменишити* (грам. 1511 г.), *во втробе, навчилъ, люди вчоные, во вста* (во уста), *вкоризна* (у Скорины).

§ 66. Гласный звук *у* сохраняется в начале слова под ударением и притом в словах заимствованных, например: *урна, уния*.

В словах исконно белорусских перед ударяемым *у* в таком положении развивается звук *в*, например: *вузел, вус, вуліца, вуж, вуха*.

¹ В заимствованных словах звук *у* после гласных перед согласными звуками не переходит в *у* неслоговое, например: *прэзідыум, калёквіум, кансіліум*.

Перед ударяемым у развивается *в* и в таких случаях, когда этот звук стоит в середине слова после гласных, например: *павук, наука*. Звук *в* может стоять в некоторых словах перед начальным у в тех случаях, когда этот звук не находится под ударением, например: *вучыцца, вучоба, вусаты, вужак, павуціна* и т. д. Это явление можно объяснить аналогией со стороны таких слов, как *вуж, вус* и др.

КОНСОНАНТИЗМ

Согласные белорусского языка в зависимости от места образования

В зависимости от места образования согласных в белорусском языке различаются следующие категории звуков: губные, переднеязычные, среднеязычные и заднеязычные.

§ 67. К губным принадлежат звуки *б, п, в, ф, м*.

Звук *б* встречается в таких словах, как *бульба, быдла, бярозка, бок, блін, біцца, бацька* и др.

Губной звук *п* встречается в таких словах, как *правадыр, прапанова, плыт, прагляд, планавасць, перашкода, пільнасць, пісьменнік* и т. д.

Губно-зубной звук *в* встречается в таких словах, как *вайсковы, ваколіца, вялікі, варта, варштан, вельмі, веды, векі* и т. д.

Губно-зубной звук *ф* встречается в таких словах, как *фабрыка, філасофія, прафесар, арыфметыка, фосфар, торф, фельчар, фартук, фут* и т. п.

Звук *м* встречается в таких словах, как *магазін, маёўка, май, месці, мена, мёрзлы, мінула, мора, момант, муха, мяць, мяч* и т. д.

§ 68. К переднеязычным принадлежат звуки *д, т, з, с, дз, ц, ш, ж, дж, ч, р, л, н*.

Кроме переднеязычных согласных звуков, которые образуются при однокачественном характере сближения органов речи, как *т, д, с, з, ж, ш* и т. п., есть переднеязычные звуки, которые образуются при неоднородном характере сближения органов речи, как *дз, ц, дж, ч*. Эти звуки называются аффрикатами. При образовании этих звуков соединяются в один прием артикуляционные работы, необходимые при образовании двух простых звуков в отдельности. Для того чтобы получился акустический эффект, известный под названием звука *ц* или *дз*, необходимо соединить в один прием две артикуляционные работы: работу, необходимую для образования звука *т* или *д*, и работу, необходимую для образования звука *с* или *з*: $t + c = ц$; $d + z = дз$.

Для того чтобы получился акустический эффект, известный под именем звука *ч* или *дж*, необходимо соединить в один прием две артикуляционные работы: работу, необходимую для образования звука *т* или *д*, и работу, необходимую для образования звука *ш* или *ж*: *т + ш = ч*; *д + ж = дж*.

Звук *н* встречается, например, в таких словах, как *назіранне*, *наведацца*, *нетры*, *нюх*, *нуль* и др.

Звук *р* встречается в таких словах, как *розны*, *зразумець*, *рукапіс*, *рост*, *рослы* и т. д.

Звук *л* встречается в таких словах, как *лавіна*, *лад*, *лёгкі*, *ляжыць*, *ляжанка*, *лістапад*, *любімы*.

Звук *ц* встречается в таких словах, как *цэлы*, *цаліна*, *цэгла*, *цыбуля* и т. д.

Звук *ч* встречается в таких словах, как *чарга*, *чыгун*, *чуласць*, *чысты* и т. д.

Звук *дж* встречается в таких словах, как *паседжанне*, *ураджай* и т. д.

Звук *дж* встречается главным образом в глагольных формах 1-го л. ед. ч., например: *хаджу*, *сяджу*, *буджу* в чередовании с согласным *д* в других формах.

Звук *дз* встречается в таких словах, как *дзынкаць*, *нэндза*. Звук *дз* в твердой разновидности встречается в немногих словах и притом главным образом в словах польского происхождения, как например: *нэндза* и др.

§ 69. К среднеязычным относится звук *ј*. Звук *ј* в белорусском литературном языке бывает только в начале слога, например: *абјава*, *зајава*, *яблык*, *як*, *јаго*, *яар*, *јосць*, *јолкі*, *јон*.

§ 70. К заднеязычным принадлежат звуки *г*, *к*, *х*, *γ*.

В русском литературном языке господствующим звуком является взрывной заднеязычный звук *г*; он встречается в большинстве слов литературного языка. В белорусском литературном языке господствующим звуком является фрикативный заднеязычный звук, который в белорусской азбуке обозначается буквой *г*. Этот звук встречается в большей части слов литературного языка; но в белорусском литературном языке есть несколько слов, заимствованных из польского языка, в которых встречается взрывной заднеязычный звук *г* (= лат. *g*), например: *ганак* (порог), *гонт*, *гузік* (пуговица), *гарнец*, *гуз*, а также в сочетании *зг* в белорусских словах, например: *мазгі*, *розгі* и т. д.

Заднеязычный характер звука *γ* мы констатируем только для современного литературного белорусского произношения. В белорусских же диалектах ранее сделанные наблюдения констатируют гортанный, т. е. еще более задний характер этого звука. Исследователи обозначают этот звук буквою *h*.

Звук *z* (= лат. *g*) встречается в таких словах, как *ганак, гонт, гарнец, гуз, мазгі, розгі, бразгаць*.

Звук *z* (= *γ*) является типичным для белорусского литературного языка и встречается в большинстве слов, например: *грошы, горкі, глядач, у глыб, гісторыя* и т. д.

Звук *k* встречается в таких словах, как *якая, як, камень, капа, крыштал, куча*.

Звук *x* встречается в таких словах, как *хада, халадок, хата, хіба, харчавання* и т. д.

Система звуков по месту их образования представлена ниже.

Система звуков по месту их образования

Губные	Язычные		
	передние	средние	задние
б, п	д, т	j	г, к
в, ф	з, с; дз, ц		γ, х
	ж, ш; дж, ч		
м	р		
	л		
	н		

Согласные белорусского языка в зависимости от способа образования

§ 71. В зависимости от степени сближения органов речи различают звуки смычные и щелевые. Смычные звуки, иначе называемые взрывными, образуются при полном смыкании органов речи. Щелевые звуки, иначе называемые фрикативными, образуются при неполном смыкании органов речи. Плотное смыкание органов речи образует полную преграду для выдыхаемой струи воздуха. Неплотное смыкание органов речи образует препятствие для выходящей струи воздуха в виде щели. Струя воздуха, проходя через полость рта, в первом случае производит взрыв преграды, образованной органами речи путем плотного их смыкания; во втором случае – трение о края щели, образованной органами речи путем неполного их смыкания.

§ 72. В результате такой работы речевых органов в современном белорусском языке сложилась известная система отношений согласных: так, губные звуки *б* и *п* образуются путем плотного смыкания верхней и нижней губы; соответствующих же позиционно несвязанных губных звуков,

которые образовались бы путем неплотного смыкания верхней и нижней губ, в современном белорусском языке нет. В белорусском языке есть позиционно связанный звук *ў* (неслоговой) как результат фонетических изменений в определенных условиях согласных звуков *в*, *л* и гласного звука *у*. Звук *ў* (неслоговой) по месту образования соответствует звукам *б* и *п*, но при его образовании губы только сближаются, а не смыкаются и образуют щель.

Губные звуки *в* и *ф* образуются путем неплотного смыкания нижней губы с верхними передними зубами; соответствующих же звуков, которые образовались бы путем плотного смыкания нижней губы с верхними передними зубами, в современном белорусском языке нет.

§ 73. Зубные звуки *д* и *т* образуются путем плотного смыкания спинки передней части языка с передними верхними зубами. Им в общем соответствуют зубные *з* и *с*, которые образуются путем неплотного смыкания спинки передней части языка с передними верхними зубами.

§ 74. Переднеязычные *ж* и *ш* образуются путем сближения спинки передней части языка с передним небом; соответствующих же им альвеолярных звуков, которые образовались бы путем плотного смыкания спинки передней части языка с альвеолами средних зубов, в белорусском языке нет.

§ 75. Среднеязычный звук *й* образуется путем сближения спинки средней части языка с средним небом; соответственных же звуков, которые образовались бы путем плотного смыкания спинки средней части языка с средним небом, в современном белорусском языке нет.

§ 76. Заднеязычные звуки *к* и *г* образуются путем плотного смыкания спинки задней части языка с задним (мягким) небом; им соответствуют звуки *х* и *γ*, которые образуются путем неплотного смыкания спинки задней части языка с задним (мягким) небом.

§ 77. Звук *р* является вибрантом: при его образовании моменты полного смыкания органов речи сменяются моментами их раскрытия.

§ 78. Таким образом, систему согласных звуков по степени сближения органов речи можно представить в виде следующего ряда парных соотношений:

смычные:	<i>б</i>	<i>п</i>	<i>—</i>	<i>—</i>	<i>м</i>	<i>д</i>	<i>т</i>	<i>—</i>	<i>—</i>	<i>н</i>	<i>г</i>	<i>к</i>	<i>—</i>	
щелевые:	<i>ў</i>	<i>в</i>	<i>ф</i>	<i>—</i>	<i>з</i>	<i>с</i>	<i>ж</i>	<i>ш</i>	<i>—</i>	<i>γ</i>	<i>х</i>	<i>л</i>	<i>—</i>	<i>р</i> .

Парное соотношение здесь имеет место только между *д* — *з*; *т* — *с*; *г* — *γ*; *к* — *х*. Различным согласным по степени сближения органов речи, но тождественным в других отношениях, соответствует различие в лексическом функциональном назначении их. Так, соотношение различных звуков по сте-

пени сближения органов речи $\delta - \text{з}$, $t - \text{с}$, $k - \text{х}$ охватывает разнообразные слова, например: *дам – зам, там – сам, кадзіць – хадзіць, каваць – хаваць*.

Что касается $\text{з} - \gamma$, то они не равны соотношениям $\delta - \text{з}$, $t - \text{с}$, $k - \text{х}$; в отношении $\text{з} - \gamma$ на один член его, именно на звук γ , падает основной лексический запас языка; на второй член, именно на звук з (= лат. *g*), падает несколько заимствованных слов, например: *ганак, гузік*.

Иногда различению парных соотношений $\delta - \text{з}$, $t - \text{с}$, $\text{з} - \gamma$, $k - \text{х}$ не соответствует различие в функциональном лексическом назначении этих звуков; они выражают не два разных слова, например: *каваць – хаваць*, а две разные грамматические формы одного и того же слова, например: *каго – хто* и т. д. Однако такое эквивалентное функционирование звуков $k - \text{х}$ встречается только в единичных примерах.

Эти чередования связаны с закономерностями в изменении согласных звуков в отношении степени сближения органов речи при их образовании.

Еще в древнюю эпоху смычные согласные δ и t в положении перед смычным t инфинитивного форматива *ти*, позднее *ці*, диссимилировались и переходили в с , например: *яда – есці, вяду – весці, пляшу – плесці, мяту – месці* и т. п. Переход δ и t в с перед t квалифицируется как диссимиляция звуков δ и t в отношении к t по линии степени сближения органов речи, т. е. как преобразование смычных δ и t перед смычными t в щелевой звук с .

Звук δ переходит здесь в с , а не в з , как мы ожидали бы, так как звонкие согласные перед глухими согласными в современном белорусском литературном языке невозможны: они переходят в глухие.

Перехода з (= лат. *g*) в γ перед смычным звуком не бывает, так как в белорусском языке господствует звук γ , а звук з (= лат. *g*) встречается только в нескольких словах.

Звук k может в случае диссимиляции переходить в х , например: *хто* вместо *кто* (*кого, кому*) и т. д.

В современном белорусском языке, кроме перехода смычных согласных перед смычными же в щелевые в порядке диссимиляции согласных звуков (по степени сближения органов речи при их образовании), осуществляется переход одного типа щелевых звуков в другой в порядке ассимиляции согласных звуков по характеру сближения органов речи при их образовании.

Сюда относятся:

а) переход свистящих, когда им приходится стоять перед шипящими, в шипящие, например: *жэ жонкай* вместо *з жонкай*, *ш шапкі* вместо *з шапкі*;

ж жытам вместо *з жытам*. Это явление нашло отражение в памятниках XIV–XV вв.: *ш шествіем* (с шествием, Грам. 1405 г.); *он и ж жонамі гаворіл* (Сб. XV в.); *иж жолъчию*;

б) переход шипящих, когда им приходится стоять перед свистящими, в свистящие, например: *баісса, мыесса* и т. д.

§ 79. В зависимости от неоднородности в степени сближения органов речи различаются звуки простые и сложные. Последние, как известно, называются аффрикатами. При образовании этих звуков сближение органов речи является неоднородным. При образовании простых звуков сближение органов речи является однородным. В современном белорусском языке образование звуков *дз, дж* и *ц, ч* начинается с плотного смыкания органов речи как при образовании звуков *д* и *т*, а кончается неплотным смыканием их, как при образовании звуков *с* или *ш*.

Все остальные согласные имеют однородную степень сближения органов речи.

Согласные чистые и носовые

§ 80. В зависимости от различной работы небной занавески различаются звуки чистые и носовые; при образовании чистых звуков небная занавеска поднята и плотно примыкает к задней стенке зева, так что струя воздуха не может проходить через полость носа и проходит только через полость рта. В результате такой работы небной занавески получаются чистые неносовые звуки; при образовании носовых звуков небная занавеска опускается и плотно не примыкает к задней стенке зева, так что струя воздуха может проходить и через полость рта, и через полость носа, в результате чего получаются носовые звуки *н* и *м*. Все другие согласные в белорусском языке образуются при полном смыкании небной занавески с задней стенкой зева. Система носовых и неносовых согласных в таком виде встречалась и в древних белорусских говорах и является исконной.

Звонкие и глухие согласные современного белорусского языка

§ 81. В зависимости от различной работы голосовых связок различаются звонкие и глухие согласные. Звонкие согласные звуки образуются при участии голоса, являющегося результатом вибрации сомкнутых голосовых связок; глухие образуются без участия голоса при разомкнутых голосовых связках.

В современном белорусском языке почти каждый звонкий согласный звук имеет парное соответствие в виде глухого звука, например:

звонкие:	б	в	д	з	ж	дз	дж	г	γ
глухие:	п	ф	т	с	ш	ц	ч	к	х

§ 82. Различным согласным по звонкости и глухости, но тождественным в других соотношениях, соответствует различие в лексическом функциональном назначении их.

Так, соотношение различных по звонкости и глухости губных звуков *б* и *п* охватывает огромное количество исконно разнообразных слов, многие из которых дифференцируются как различные слова только по различию губного звука в звонкости и глухости, например: *бомба* – *помпа*, *баба* – *папа*, *бани* – *пані*, *бас* – *пас*, *біць* – *піць* и т. д. Эти звуки встречались в древних белорусских говорах и являются исконными. Соотношения же различных по звонкости и глухости губных *в* и *ф* охватывают совсем другое количество исконно разнообразных слов; звук *в* встречается в огромном количестве исконных и заимствованных слов, например: *вера**д*, *вярба*, *вянок*, *венік*, *вельмі*, *вялікі*, *віст*, *вінтоўка* и т. д. Звук же *ф* встречается в небольшом количестве заимствованных слов, например: *фабрыка*, *факел*, *факт*, *факультэт*, *кафедра*, *федэрацыя*, *фізіка*, *філасофія*, *філалогія* и т. д.

§ 83. Звук *ф* соответствует латинскому *th* и греческому *θ*, например: *арыфметыка*, *міф*, *арфаграфія*, *лагарыфм*, *пафас*, *эфір*, *Афіны*, *Піфагор*, *кафедра*. Иногда латинскому *th* соответствует в белорусском языке звук *т*, например: *тэатр*, *тэарэма*, *тэзіс*, *бібліятэка*, *тэорыя*, *мета**д*. В собственных именах: *Тодар*, *Тэкл**я*. Звук *ф* соответствует иноязычному *f*, греч. *φ* (фи), например: *форма*, *фунт*, *фантазія*, *тыф*, *фабрыка*, *фельчар*.

В литературном языке звук *ф* обычно сохраняется. В некоторых же говорах звук *ф* произносится как *хв*, например: *Хведар*, *хвабрыка*, *хвартук*, *картохвель*, *Хвекла* и т. д., или как *х*, например: *Хілімон*, *Хадорка*, *Хроська* и т. д., или как *п*, например: *Пілін*, *Язэп*, *Пекла*, *Апанас* и др. Собственные названия со звуком *п* вместо заимствованного *ф* приняты и в литературном языке, например: *Язэп*, *Апанас*, *Пілін*.

§ 84. Соотношения различных по звонкости и глухости переднеязычных звуков *д* и *т*, *з* и *с*, *ж* и *ш* охватывают огромное количество исконно разнообразных слов, многие из которых иногда дифференцируются как различные слова только по звонкости и глухости звуков, например: *дом* – *том*, *дам* – *там*, *дата* – *тата*, *за* – *са*, *сабой* – *забой*, *завет* – *совет*, *зала* – *сала*, *жар* – *шар*, *жыць* – *шыць*.

Но ряды слов, которые охватываются соотношением различных по звонкости и глухости звуков *дз* и *ц* (твердые), совсем другие: звук *ц* встречается во многих исконных и заимствованных словах, например: *цана, цэнз, цаліна, цалкам, цэльны, цэмент, цэнтр* и т. д. Звук же *дз* встречается только в немногих словах, заимствованных из польского языка, например: *нэн-дза, пэндзаль*.

§ 85. Соотношения различных по звонкости и глухости заднеязычных звуков *γ* и *х* охватывают огромное количество исконно разнообразных слов; иногда многие из них дифференцируются как разные слова только по звонкости и глухости этих звуков, например: *гам – хам, гай – хай, гаркнуць – харкнуць* и т. д.

Но ряды слов, которые охватываются соотношением разных по звонкости и глухости звуков *г* (= лат. *g*) и *к*, совсем другие. Звук *к* встречается в огромном количестве исконных и заимствованных слов, например: *кабель, квас, якась, кіслы, кут, курган* и т. д. Звук же *г* (= лат. *g*) встречается только в некоторых словах, заимствованных из польского языка, например: *ганак, гонт, гуз* и др.

§ 86. Различным согласным по звонкости и глухости, но тождественным в других соотношениях, может и не соответствовать различие в лексическом функциональном назначении этих звуков, т. е. два различных по звонкости и глухости звука могут сигнализировать не о двух различных словах, как *дом – том*, а о двух различных формах одного и того же слова, как *сада – сат*. В этом случае парные звуки, с точки зрения лексического назначения, являются эквивалентными, а с точки зрения фонетических условий их функционирования – позиционно связанными, например, в слове *сат* звук *т* функционирует в неразрывной позиционной связи со звуком *д*, который выступает в форме род. пад. ед. ч. *сада*.

В современном белорусском языке глухие и звонкие эквиваленты определяются следующими фонетическими закономерностями:

1. Всякий звонкий звук (за исключением *в*) в положении перед глухими звуками, а также в конце слова переходит в соответствующий глухой звук, например: *дуб – дуп, рог – рох, дарожка – дарошка, хлеб – хлєп, сад – сат, бярозка – бяроска, гуз – гус, год – гот, возка – воска, груз – грус, будка – бутка, воз – вос, сведка – светка, рэж – рэш, казка – каска, нож – нош, блізка – бліска*.

2. Всякий глухой звук перед звонким звуком, за исключением звуков *в* и *ј*, переходит в звонкий звук, например: *просьба – прозьба, касьба – казьба, малацьба – маладзьба, барацьба – барадзьба*.

3. Глухие звуки перед звонкими звуками *в* и *ј* не переходят в звонкие, например: *свой, швачка, твань, твар, пјаны, пјем*.

4. Звонкий звук *в* в положении перед глухими звуками не переходит в звук *ф*; как и перед всяким согласным или в конце слова он переходит в *ў* (неслоговое), например: *карова – кароўка*, а не *карофка*, *галава – галоўка*, а не *галофка*, и т. д. В русском языке звук *в* в таком положении переходит в звук *ф*, например: *карофка, трафка*.

§ 87. В результате указанных фонетических процессов в современном белорусском языке сложилась система позиционно связанного функционирования соответствующих звонких и глухих согласных, например:

б – п: хлеба – хлеп, бобу – боп;

д – т: суда – сут, мёду – мёт, ходу – хот;

з – с: воза – вос, марозу – марос;

ж – ш: нажа – нош, ножак – ношка, вужа – вуш;

г – х: кніга – кніх, нага – нох, лёгак – лёхкі;

т – д: фудбол (из футбол); позиционно связанного функционирования фонем нет;

с – з: прос’іць – прозьба, касіць – казьба, касіць – козьбіт;

т (ц) – дз: малаціць – маладзьба, сватаць – свадзьба;

к – г (смычное): вагзал из вокзал, экзамен из экзамен; позиционно связанного функционирования фонем нет.

Таким образом, позиционно связанное функционирование фонем по категории звонкости и глухости осуществляется по преимуществу в связи с переходом звонких в глухие и, реже, в связи с переходом глухих в звонкие.

Сонорные согласные

§ 88. Звонкие и глухие звуки объединяются в одну группу согласных, которые называются шумными, и противопоставляются группе согласных, которые называются сонорными. К числу сонорных обычно относят звуки *р, л, н, м, ј*. Мы относим к их числу и звук *в*.

В природе сонорных звуков превалирует голос, в природе шумных звуков – шум. Объективным критерием, который позволяет отличать шумные звуки от сонорных, является тот факт, что звонкие шумные звуки становятся глухими перед глухими и в конце слова, а глухие шумные, наоборот, становятся звонкими перед звонкими; сонорные же звуки не переходят в глухие перед глухими звуками. Глухие же звуки перед сонорными не переходят в звонкие, например: *снег*, а не *знег*, *трава*, а не *драва*, *трое*, а не *дрое*, *тля*,

а не *для* и т. д. На этом основании звуки *в* и *ј* в белорусском языке могут быть отнесены к сонорным звукам. В звуковой системе белорусского языка *в* и *ј* являются сонорными, так как они: 1) как и сонорные, не чередуются с соответствующими глухими, например: *травя* – *траўка*, а не *трафка*; 2) перед ними, как перед сонорными, согласные глухие звуки не переходят в звонкие, например: *пјаны*, *свет*.

Твердые и мягкие согласные

§ 89. По характеру артикуляции языка различаются согласные мягкие или смягченные, и твердые. Мягкие согласные произносятся как соответствующие твердые, но с расширением артикуляции языка в направлении к среднему нёбу. Система парных соотношений согласных по твердости и мягкости в современном белорусском языке представляется в следующем виде:

непалатальные:	<u>б</u>	<u>п</u>	<u>в</u>	<u>ф</u>	<u>м</u>	<u>д</u>	<u>т</u>	<u>з</u>	<u>с</u>	<u>ж</u>	<u>ш</u>	<u>ц</u>	<u>ч</u>	<u>к</u>	<u>н</u>	<u>л</u>	<u>р</u>	<u>х</u>
палатальные:	б'	п'	в'	ф'	м'	–	–	з'	с'	–	–	ц'	–	к'	н'	л'	р'	х'

Различным согласным по твердости и мягкости, но тождественным в других отношениях, соответствует различие в лексическом функциональном назначении этих звуков. Так, соотношения различных по твердости и мягкости губных звуков *б*, *п*, *в* охватывают огромное количество исконно разнообразных слов; некоторые из них дифференцируются как различные слова только твердостью и мягкостью губных звуков, например: *быць* – *біць*, *выць* – *віць*.

§ 90. Твердые губные звуки могут быть перед всеми гласными непятого ряда, а именно: *ы*, *о*, *у*, *а*, например:

б: *быў*, *быстра*, *быццам*, *пазбыцца*, *прыбытак*, *забабоны*, *бок*, *боль*, *бочка*, *цыбуля*, *будова*, *будаўнік*, *забарона*, *барацьба*, *побач*, *выбачаць*;

п: *пыл*, *пырнік*, *попел*, *поруч*, *потым*, *упоцёмку*, *пункт*, *пучок*, *паводка*;

в: *выцякаць*, *высокі*, *выхад*, *вынік*, *вочы*, *воддаль*, *воплескі*, *вага*, *вокны*, *вугаль*, *вусік*, *вушка*, *вугал*, *вадзяны*, *варта*, *вадкі*, *вартасць*, *вынайсці*;

ф: *форма*, *фундамент*, *функцыя*, *фунт*, *фарба*, *фартух*, *фасоля*;

м: *мыл'іць*, *мыла*, *мыш*, *молат*, *моцна*, *моладзь*, *мурашка*, *мус'іць*, *мабыць*, *магутна* и т. д.

Мягкие губные звуки *б*, *п*, *в*, *ф*, *м* могут стоять перед гласными *і*, *э*, *о*, *а*, например:

б: *абцерабіць*, *вабіць*, *абед*, *бераг*, *безасабовы*, *бёдры*, *абяцаць*, *бязбожнік*;

п: *патрапіць*, *пісьмо*, *перамога*, *перапіс*, *спёка*, *запёрты*, *пярун*, *пятка*, *спяваць*;

в: *відаць, навіна, віка, верхавіна, ведаць, вельмі, верна, вёска, вязьмо, вяр-
блюд, вясло*;

ф: *фільтр, фізіка, фігура, федэрацыя, форма, Фёдар, Фядос, афяра*;

м: *мінаць, мітусіцца, уцяміць, месца, мерка, мець, кулямёт, сямёрка, мя-
няць, мяккі* и т. д.

Мягкие губные *б, п, в, ф, м* перед гласным *у* встречаются в редких, глав-
ным образом заимствованных, словах, например: *бюро, бюрократ, пюрэ,
пюнітр, валапюк, Вюртенберг, фюзеляж*.

Из белорусских слов известно слово *сівюсенькі*, в котором *в* перед *у* яв-
ляется мягким.

§ 91. Соотношения различных по твердости и мягкости переднеязыч-
ных звуков *з, с, л, н* охватывают огромное количество исконно разнообраз-
ных слов, некоторые из которых дифференцируются как различные сло-
ва только по твердости или мягкости соответствующих звуков, например:
вугал – вугаль, стол – столь, кон – конь; категория твердости и мягкости
на переднеязычные звуки *р, ж, ч, ш* не распространяется. Звук *р* охватыва-
ет собой все лексическое богатство былых соотношений *р* и *р'* по причине
отвердения *р'*.

§ 92. Твердые звуки *ж, ш, ч* заменили во всех случаях прежние мягкие *ж,
ш, ч* и парных себе звуков не имеют. То же самое нужно сказать и о звуке *ц*
(исконном, а не из звука *т* мягкого).

§ 93. Твердые переднеязычные звуки *д, т, з, с, ш, р, л, н, дж, ч, ц* могут
стоять перед всеми гласными непереднего ряда *ы, о, у, а*, например:

д: *дыхавіца, уздыхаць, дым, дынаміка, добры, доказ, догляд, домна, дош-
ка, дуга, думаць, дагружаць, далоў, дадаць, дамоў*;

т: *тылавы, тын, тыдзень, тыл, тып, ток, топка, торба, толькі, тугі,
туманіць, тутэйшы, табліца, тачка, тачыць, таварыш*;

з: *пазыка, зона, зорка, золата, золкі, зуб, зухаваты, разумець, замок, за-
пасы, зачапіць*;

с: *сын, сыр, сыты, сыпкі, сорт, сода, сок, сутачны, сустрэчны, сувязь,
суд, сажка, сала, састаў, сані, сапраўды*;

ж: *жывёла, жыта, жыццё, смажыць, жолаб, жоўты, жудасны, кажух,
журба, жаласны, жарты, жах*;

ш: *шынель, шыць, шыла, шоўк, шолах, шустры, шум, шурпаты, шанца-
ваць, шанавачь, шаг, шар*;

р: *рыса, прысак, прысмакі, прывабны, прыгожы, рыба, роль, розніца, ро-
гі, ружа, рухомы, руплівы, рушнік, рушыць, ражок, разумовы*;

л: *лыжка, лыжы, лысы, лом, ложак, лой, плуг, лубін, луста, ласка, ласун, лаяцца*;

н: *нырка, ныраць, новы, ноч, нож, нуда, нутро, набіўка, набыты, нагайка*;

дж: *хаджу, буджу, ваджу, знаходжу, паходжанне, джала*;

ч: *чытаць, чысты, чырвонец, панчоха, човен, чаму, чупрына, дачушка, часовы, частка*.

§ 94. Переднеязычные согласные звуки *р, ж, ш, ч, ц* (исконное, а не из мягкого *т*) являются только твердыми и никогда не встречаются в мягком виде. Переднеязычные согласные звуки *д, т* могут смягчаться; при этом они переходят в мягкие свистящие аффрикаты *дз', ц'*, например: *дзень, дзеці, цень, ціхі* и т. д. и, следовательно, в мягком виде не встречаются.

§ 95. Другие переднеязычные звуки, а именно: *з, с, н, л* могут быть и мягкими. В противоположность губным согласным они могут стоять перед всеми гласными, а именно перед *і, э, а, о, у*, например:

з: *зімоўка, Бярэзіна, зірнуць, зіма, земляроб, зелле, чарназём, зязюля, зялёны*;

с: *гасіць, сівець, сенажаць, сетка, семя, вясёлка, сёмы, сяло, сялянства, сярэдзіна, сюды*;

н: *даўні, супрацоўнік, ніколі, невук, недарэчны, нёс, недагляд, непаразумење, нявольнік, няроўны, гнёзды, нюхаць*;

л: *аблічча, абяліць, лічыць, літасць, абклеіць, леташні, лён, належыць, лёгкі, агляд, гуляць, лягчэй, губляць, любата, любіць, люты, лустэрка*.

§ 96. Соотношения различных по твердости и мягкости заднеязычных звуков *к, г, х* охватывают собой лексический состав, который неравномерно распределяется: твердые заднеязычные *к, г, х* встречаются в огромном количестве слов; мягкие же заднеязычные *к, г, х* встречаются в ограниченном количестве слов. Твердые заднеязычные звуки *к, г, х* могут стоять перед всеми гласными непереднего ряда, за исключением гласного звука *ы*, например:

к: *конь, корань, костка, коўдра, куток, кужаль, куля, кузня, каўнер, каханы, дакараць, грукаць, трукаваць*;

г: *прыгода, горла, горшы, гучнасць, гушчар, гумно, ганарысты, гусь, гаворка, гаманіць*;

х: *ход, холад, хораша, хутка, хустка, хутчэй, хадзіць, хамут, халуна*.

Сочетания твердых заднеязычных звуков *к, г, х* с *ы* невозможны. Существоют только сочетания мягких заднеязычных звуков *к, г, х* с глас-

ным переднего ряда *и*, например: *кулак – кулакі, батрак – батракі, бедняк – беднякі*.

Только в некоторых редких словах, главным образом в восклицаниях и звукоподражаниях, встречается сочетание *кы, гы, хы*, например: *кыш, гыркаць*.

В тех случаях, где в современном языке имеется сочетание *ги, ки, хи*, в древнем языке были сочетания *кы, гы, хы*, например: *якымонь* (Грам. 1266 г.), *Дрогычин* (Грам. 1341 г.), *рукы* (Грам. 1404 г.), *Луки* (Грам. 1486 г.), *Ригы, ногы* (Лет. XV–XVI в.), *похыбы, грэхы* (Библ. Скорины XV в.).

Сочетания *гы, кы, хы* в дальнейшей истории белорусского языка перешли в *ги, ки, хи*.

Мягкие заднеязычные звуки *к, г, х* могут стоять только перед гласными переднего ряда *і, э*, например:

к: *кіраўнік, кіпець, кішэня, кепска*;

г: *агідны, гібкі, гектар*;

х: *хістаць, хітрасць, схіліць, херас, хеўра*.

Употребление мягких звуков *к, г, х* перед *э* суживается еще и в связи с тем, что они не встречаются перед *э* из *ѣ* в косвенных падежах, например: *рука – руцэ*, а не *руке*, *нага – назе*, а не *наге*, *страха – страсе*, а не *страхе* и т. д., так как перед *ѣ* в доисторическое время произошло смягчение заднеязычных *к, г, х* в *з, ц, с*. Поэтому мягкие звуки *к, г, х* перед *э* встречаются главным образом в заимствованных словах, например: *кегель, кедр, кенгуру, кепска, кераміка, кета, кефір; гегемон, гектар, гейзер, гектаграфія, геліяскоп, генезіс, геній, геаграфія, геалогія, гераізм; херас, хеўра*.

Мягкие заднеязычные звуки *к, г* могут стоять перед гласным заднего ряда *у, а, о* только в редких заимствованных словах и фамилиях, например: *Гюго, Гюі дэ Мопассан, Гётэ* и др., *рэдзікуль, маніюр, Кях* и др. Мягкий заднеязычный звук *х* перед этими гласными вообще не встречается в современном белорусском языке.

§ 97. Различные по твердости и мягкости согласные могут сигнализировать не только о двух различных лексических единицах, как, например, *столь – стол, вугаль – вугал*, но и о двух различных формах одного и того же слова, как, например, *нясу – нясі, воза – на возе, марозу – на марозе* и т. д.

В современном белорусском языке твердые и мягкие эквивалентны и определяются следующими фонетическими закономерностями: все согласные, которые могут быть твердыми и мягкими, смягчаются перед гласными переднего ряда *і, э*, например:

б – б': *хлеба – у хлебе*, а также *церабіць, абед*;

п – п': *лапа – у лапе*;

в – в': *трава – у траве, карова – карове*, а также *відаць, ведаць*;
ф – ф': *торф – у торфе*, а также *фізіка, фея*;
с – с': *каса – касе, касі*;
з – з': *воза – на возе, вязі*;
л – л': *вяла – вялі, вясло – на вясле*;
н – н': *звон – аб звоне, звані, кран – на кране*;
м – м': *праграма – у праграме, дом – у доме*, а также *мінаць, мець*;
г – г': *кніга – кнігі, нага – нагі*, а также *гектар, гібкі*;
к – к': *сабака – сабакі, рака – ракі, пратока – пратокі*, а также *кепска, кішэнь*;

х – х': *муха – мухі, саха – сахі, страха – страхі*, а также *херас, схіліць*.

Зубные звуки *д* и *т*, смягчаясь, переходят в свистящие аффрикаты *дз* и *ц*, например: *вада – у вадзе, плата – плац'іць*.

Не смягчаются вообще конечные согласные усеченных элементов, в том числе *д* и *т*, перед гласными переднего ряда следующих усеченных элементов, входящих в состав так называемых сложно-сокращенных слов или аббревиатур, например: *комінтэрн, педінстытут, медінстытут, ветінстытут, палітінспектар, санінспектар* и др.

Согласные звуки *р, ж, ш, дж, ч* не смягчаются перед гласными переднего ряда *е, і*, так как они отвердели и не могут быть мягкими вообще, например: *прыгожы* из *пригожи*, *рэзаць* из *резать*, *жыць* из *жить*, *жэмчуг* из *жемчуг*, *шыла* из *шила*, *шырына* из *ширина*, *шэры* из *шеры*, *хаджу* из *хаджу*, *чытаць* из *читать*, *чысты* из *чисты*, *чэрвень* из *червень*, *чэрап* из *черепа* и др.

Звук *р* в белорусском языке, как и другие согласные, первоначально смягчался перед гласными переднего ряда *и* и *е*; в древнем белорусском языке *р* (твердый) находился в неразрывной связи с *р'* (мягким), как и в современном русском языке, например: *беру – берёшь* и т. д. В дальнейшей истории белорусского языка звук *р'* в большей части говоров отвердел, таким образом, в этих говорах исчезла позиционная связь *р* и *р'*. В другой части говоров звук *р'* не отвердел, сохранился мягким и в этих говорах позиционная связь *р* и *р'* функционирует и теперь, например: *бярэу – бярэш*, а не *бярэш* и т. д.

Таким образом, в современном белорусском языке различаются говоры, в которых мягкое *р'* во всех случаях отвердело и функционирует только твердое *р*, и говоры, в которых сохранилось исконное этимологическое различие твердого и мягкого *р*. Отверждение звука *р* в памятниках засвидетельствовано

с XIV в., например: *сентябра* (Грам. 1235 г.), *терать* (Грам. 1238 г.), *писа-ра* (1457 г.) и др.

Звуки *д* и *т*, смягчаясь, как сказано, переходят в мягкие аффрикаты *дз'* и *ц'*. Звуки *дз'* и *ц'* представляют собой собственно *д* и *т* мягкие с легким свистящим призвуком. Это явление носит название дзеканья и цеканья.

По вопросу о происхождении дзеканья и цеканья среди ученых есть два взгляда: одни утверждают, что дзеканье и цеканье развилось в белорусском языке под влиянием так называемых ляшских племен, т. е. племен, которые являлись предками теперешнего польского народа; другие утверждают, что дзеканье и цеканье развилось на почве белорусского языка самостоятельно как результат сильного смягчения *д* и *т*. Последняя точка зрения является правильной.

Дзеканье и цеканье свое отражение в памятниках начало находить только с XV–XVI вв., например: *людзі* (Грам. 1409 г.), *метаці* (Лит. мет.), *пово-дзе* (Грам. 1543 г.).

§ 98. Переднеязычные согласные свистящие звуки *з* и *с* смягчаются перед мягкими переднеязычными согласными *з*, *с*, *'л*, *н*, *дз*, *ц*, например:

з: *з'зяе*, *куз'ня*, *з'няў*, *з'нянацку*, *раз'любіць*, *з'дзекваўся*, *вез'ці*, *з'дзей-ніцца*, *з'дзіўленне*;

с: *с'недаць*, *с'лізка*, *с'цяміць*.

Когда сочетается звук *з* с мягким *з*, а также звук *с* с мягким *с*, то образуются соответствующие мягкие долгие звуки, например: *рассмяяцца*, *раз-зявіць*.

Переднеязычные согласные свистящие звуки *з* и *с* смягчаются перед мягкими губными *б*, *п*, *в*, *д*, *м*, например:

з: *з'біць*, *з'бегаць*, *з'бегчыся*, *з'віць*, *з'верху*, *з'вязка*, *з'мерзнуць*, *з'мяр-кацца*;

с: *с'няваць*, *с'віння*, *с'вістаць*, *с'відраваць*, *с'фера*, *с'мяяцца*, *с'фінкс*.

Переднеязычные согласные свистящие *з* и *с* смягчаются перед *й*, например: *з'ясеці*, *з'ехаць*, *монпасје*.

Переднеязычные свистящие *з* и *с* не смягчаются перед мягкими заднеязычными звуками, например: *вёскі*, *згібаць*, а не *з'гібаць*, *схіліць*, а не *с'хіліць*.

Переднеязычный согласный *н* смягчается перед переднеязычными мягкими *з*, *дз*, *ц*, *с*, например: *тран'зіт*, *кін'дзюк*, *ман'цёр*, *вакан'сія*, *пен'сія*.

Переднеязычный согласный *н* не смягчается перед мягкими заднеязычными *к*, *г*, *х*, например: *тонкі*, *бранхіт*, *ангідрыд* и др.

Переднеязычный звук *л* не смягчается перед мягкими согласными, например: *лоб, на ілбе*, а не *на іл'бе*, *кавалак* – *кавалкі*, а не *кавал'кі*, *асілак* – *асілкі*, а не *асіл'кі*.

Переднеязычные взрывные звуки *д* и *т* смягчаются, переходя в аффрикаты, только перед мягким *в*, например: *дз'веры, дз'весце, бац'віне, Мац'вей, Ліц'вінава* (деревня).

Зубной звук *д* не смягчается перед мягким *в*, если он (звук *д*) является конечным звуком приставки данного слова, например: *адвесці, адвязаў, адвярнуць*. Вообще конечный звук *д*, который перед глухими согласными переходит в *т*, в приставках не смягчается перед следующим мягким согласным, в том числе и перед *ј* следующего слова, например: *адбіць, адвесці, адмена, адлегласць, паджесці, падjechaць*. Перед всеми другими мягкими согласными взрывные зубные *д* и *т* не смягчаются, а также не смягчаются перед *л*, например: *пятля, для, гандляваць, надлягаць*. Это получается потому, что сочетания *дл* и *тл* произносятся с одним взрывом.

Согласные переднеязычные, за исключением тех, которые отвердели при всяких условиях, сохраняют свою этимологическую мягкость перед заднеязычными и губными, а *д* и *т* являются в виде свистящих аффрикат *дз* и *ц*: *касьба, васьмі, просьба, агоньчык, дзядзька, рэдзька, Валодзька, барацьба, ведзьма*.

Сонорный мягкий переднеязычный звук *л* сохраняет свою этимологическую мягкость при всяких условиях и не переходит никогда в *ў* (неслоговое), например: *вольны, пальцы, стрэльба, лье, нельга* (нельзя).

В некоторых белорусских диалектах встречается отвердение *л* мягкого, например: *салца, паца, крыццо* и пр.

Губные согласные *б, п, в, ф, м* не смягчаются перед мягкими согласными как переднеязычными, так и заднеязычными, например: *цямнець, зямля, люблю, цямлю, таплю, абляпіць, абнесці, абвіць, ліпкі, абхінуўся, кемкі, цямкі*.

Не смягчаются они также и перед *ј*, например: *сямја, пјаўка, пју, абјава, сафжан*. Звук *в* перед *ј* не бывает, так как в начале слова *в* перед *ј* переходит в *ў*, например, *уюн, ую*, а в середине слова перед *ј* переходит в *ў* неслоговое, например, *салаўі*.

Конечные губные мягкие отвердели, например: *голуб, сем* и др. Заднеязычные согласные *г, к, х* не смягчаются перед мягкими заднеязычными, например: *лэхкі, пухкі, крохкі, дрохкі, палёхка* (из *палёгка*); также и перед мягкими переднеязычными, например: *локці, ваксіць, агнём, вогнішча, разгневаўся*, но в слове *мяккі* *к* мягкое.

Долгие и краткие согласные

§ 99. В зависимости от количества времени, которое затрачивается на образование звука, различаются согласные долгие, или двойные, и согласные нормальной долготы. Категория различного количества согласных, т. е. звуков долгих, или двойных, и звуков нормальной долготы, имеет место, за некоторым исключением, во всей системе согласных звуков. Согласному звуку нормальной долготы, как правило, соответствует согласный большей долготы или так называемый долгий, или двойной, звук, например:

б	п	д	т	з	с	н	л	ц	ч	дз	ш	ж
$\bar{б}$	$\bar{п}$	$\bar{д}$	$\bar{т}$	$\bar{з}$	$\bar{с}$	$\bar{н}$	$\bar{л}$	$\bar{ц}$	$\bar{ч}$	$\bar{дз}$	$\bar{ш}$	$\bar{ж}$

§ 100. Соотношения различных по количеству согласных охватывает собой лексический состав, который распределяется неравномерно. Звуки нормальной долготы встречаются в большом количестве слов; долгие же согласные встречаются в отдельных словах при определенных фонетических условиях.

Так, в некоторых словах согласный звук *н* в интервокальном положении, т. е. в положении между гласными, является долгим, если ударение падает на первый гласный, например: *Анна, Ганна, манна*.

В формах возвратного глагола мы находим после гласного звук *ц*, который является долгим, например: *хочацца, растварыцца, вучыцца, смяяцца* и др.

§ 101. Согласные звуки, кроме губных, *р* и заднеязычных в сочетании с *ј* в древности смягчались, затем ассимилировали себе *ј* и становились в интервокальном положении долгими. Некоторые из таких долгих согласных, например *ж, ш, ч*, отвердели, а *д, т* долгие перешли в долгие *дз* и *ц*. Когда же эти согласные стояли после согласного перед *ј*, т. е. не в интервокальном положении, то они смягчались, ассимилировали себе *ј*, но не становились долгими.

Таким образом, долгие согласные указанного происхождения представлены в современном языке случаями, когда они стоят в интервокальном положении:

$\bar{з}$: *рыззё, заззяе*;

$\bar{с}$: *калоссе, валоссе, кассё, сугалоссе*;

$\bar{дз}$: *суддзя, бяладдзе, разводдзе, стагоддзе*;

$\bar{ц}$: *жыццё, мыццё, набыццё, багацце, вецце*;

$\bar{ш}$: *узвышша, зацішша, у вушшу*;

$\bar{ж}$: *збожжа, падарожжа, узбярэжжа*;

$\bar{л}$: *галлё, зелле, ралля, вяселле*;

$\bar{н}$: *пытанне, снеданне, паляванне, выданне*;

$\bar{ч}$: *суччо, ноччу, у ваччу, ламачча*.

Согласные такого же происхождения, если они не находятся в интервокальном положении, не являются в современном языке долгими, например: *нацяянальнасцю, прамысловасцю, косцю* и др.

§ 102. Долгие согласные образуются в современном языке из сочетания двух звуков, однородных по степени сближения органов речи при их образовании и принадлежащих двум различным морфемам, которые образуют собой слово. Долгие звуки такого происхождения называются двойными, так как каждый такой долгий звук функционирует как представитель двух разных морфем, например:

б̄: аббуцвець, аббіваць, аббягаць;

п̄: аб падлогу, абпаліўся, абпякаць;

п̄: абпіўся, абперся, абпячыся;

д̄: аддаваць, аддыхацца, воддаль, паддаць;

т̄: падтрымліваць, падтасаваць, адтуліна;

ж̄: зжыць;

ш̄: бяшумны;

к̄: мяккі.

§ 103. Таким образом, следующие различия в условиях образования согласных звуков обуславливают различие в природе согласных фонем и их функционирование в процессе речи:

- 1) по месту образования звука;
- 2) по степени сближения органов речи;
- 3) по линии однородности и неоднородности сближения органов речи;
- 4) по работе нёбной занавески;
- 5) по работе голосовой щели;
- 6) по характеру артикуляции языка (звуки палатализованные и непалатализованные);
- 7) по длительности произношения звука.

Глава третья

МОРФОЛОГИЯ

ИМЕНА СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ

Образование основ имен существительных

§ 104. Разнообразные суффиксы, при помощи которых образованы основы имен существительных в белорусском языке, представляют собой развитие первоначально ограниченного количества общеславянских суффиксов.

Различные осложнения суффиксов обогащали словообразовательные средства и служили делу общего прогресса языка.

§ 105. Суффикс *-к* в неосложненном виде встречается в именах существительных, образованных от инфинитивных основ:

а) в форме *-к*: *чэрпа-ць – чарпа-к; рэза-ць – раза-к; хітры-ць – хітры-к*; ср. *зна-ць – зна-к*;

б) в форме *-ка*: *гуля-ць – гуля-ка; піса-ць – піса-ка; лама-ць – лама-ка*.

Путем осложнения суффикса *-к* образовались многочисленные его формы.

Форма *-ак*, которая образовалась путем расширения суффикса *-к* гласной *-а* и употребляется в именах существительных, образованных:

а) от основ прилагательных: рус. *юный – бел. юн-ак; здоровы – зда-рав-як, сіні – сін-як, сярэдні – серадн-як, першы – пярш-ак*;

б) от основ существительных: *медзь – медз-як; рыба – рыб-ак; мора – мар-ак; спеў – спяв-ак*;

Форма *-ик*, которая образовалась путем расширения суффикса *-к* гласной *и* и употребляется в именах существительных, образованных:

а) от основ существительных: *алкаголь – алкагол-ік; ліст – лісц-ік; сноп – сноп-ік; конь – кон-ік*;

б) от основ прилагательных: *перадавы – перадав-ік; масавы – масав-ік; грузавы – грузав-ік; кадравы – кадрав-ік; хатні – хатн-ік; пісьменны – пісьменн-ік; саюзнны – саюзн-ік; пакупны – пакупн-ік*.

В мужском роде не под ударением *-ак*, под ударением *-ок*, *-ёк*, в женском роде *-ка* (из *-ьк*, *-ьк*) употребляется при образовании существительных:

а) от глагольных корней: *учын-ак, заработ-ак, выпад-ак, кат-ок, мат-ок, паход-ка, каз-ка, сенажат-ка*;

б) от основ причастий страдательного залога прошедшего времени: *здабыты – здабыт-ак; ужыты – ужыт-ак; дадат-ак, прыбыт-ак, пачат-ак, сшыт-ак, адбіт-ак*;

в) от основ существительных: *сын-ок, дзян-ёк, луж-ок, руч-ка, скіб-ка, хібар-ка, кост-ка, сасон-ка*.

Суффикс *-ік* путем расширения конечными согласными основы прилагательных (*выдатны – выдатн-ік*) может получить форму *-нік*, которая уже функционирует как особый суффикс: *прад'яў-нік, аснаваль-нік, работ-нік, падлаз-нік, алеш-нік, ваяў-нік*.

Суффикс *-ік* путем расширения согласными *ч*, *шч* принимает форму *-чык*, *-шчык*: *барабан-шчык, табель-шчык, застрэль-шчык, перапіс-чык, лёт-чык, даклад-чык*.

Суффикс *-ак* путем расширения конечными согласными основы прилагательных (например, *горны – гарняк*), может принимать форму *-няк*: *хмыз-няк, лаз-няк, дуб-няк, суш-няк, берез-няк, малад-няк*.

Суффикс *-ка* в именах существительных женского рода имеет осложненные формы:

- а) *-анка*: *гул-янка, маўч-анка, спяв-анка, ках-анка*;
- б) *-анька*: *дзев-анька, рэч-анька, дарож-анька, галов-анька, мат-анька*;
- в) *-ачка*: *сцеж-ачка, круж-ачка, пташ-ачка, вёс-ачка*;
- г) *-оўка*: *пляц-оўка, ма-ёўка (мај-оўка), спец-оўка*;
- д) *-урка, -ушка*: *дач-урка, пач-урка*.

Исторически засвидетельствованный суффикс *-ьк* в виду палатализации заднеязычных под влиянием предшествующего гласного *ь* может принимать форму *-ьць, -ец* или *-ьця, -ца*: *крав-ец, кра-ец, зычлів-ец, шав-ец* или *выка-наў-ца, красамоў-ца, перамож-ца*.

Суффикс *-ца* в современном белорусском языке вытесняется суффиксом *-ец*: *кразнав-ец, кнігапрадав-ец, выдав-ец* вместо прежних *кразнаў-ца, кнігапрадаў-ца, выдаў-ца*.

Осложненной формой суффикса *-ец* является *-нец*: *чужы-нец, бежа-нец*.

Суффикс *-ик* в именах существительных женского рода в виду имевшей в прошлом палатализации заднеязычных под влиянием предшествующего гласного *и* может принять форму *-іца*: *пісьменн-ік – пісьменн-іца, асветн-ік – асветн-іца* и т. д. Усложненными формами суффикса *-іца* является *-ніца* (*прадаўжальніца, вартаўніца*); *-авіца* (*бліскавіца*).

§ 106. Суффикс *-ло*, кроме формы *-ло*, имел еще форму *-сло, -дло*. Утраченный теперь суффикс *-сло* отражается в словах: *масла* из *маз-сло*, откуда *мас-ло – масло*; *вясло* из *вез-сло* (ср. *вез-у*), откуда *вес-сло – весло*. Если бы в этих словах первоначально был суффикс *-ло*, то в современном языке было бы *мазла*, а не *масла*; *вясло*, а не *вясло*; ср. еще *прасла* из *прэд-сло – прес-ло – прасло*, ср. рус. *пряду, пряха*. Если бы в этом слове первоначально был суффикс *-ло*, то в современном языке было бы *прало* из *пре-дло* с выпадением *-д* перед *-л*; русское число из *чит-сло*, откуда *чис-сло – число*, ср. *чѣт-у*.

Прежний суффикс *-дло* получил форму *-ло* в связи с выпадением *д* перед *л*, но в польском языке суффикс *-дло* сохранился: польское *žadło, ładło, tudło*; белорусское *мыла, жала, шыла*.

Таким образом, прежний суффикс *-дло* совпал с суффиксом *-ло*.

Суффикс *-ло* имеет форму *-ло* под ударением и *-ла* не под ударением: *свят-ло, цяс-ло, дыш-ла, вудзі-ла*. Усложненными формами суффикса *-ло* являются: *-іла* (*вярз-іла*), *-ыбала* (*дур-ыбала*), *-віла* (*мата-віла*).

§ 107. Суффикс *-в-*, который отражается в именах прилагательных, например, *жывыы*, ср. *жыці*, *левыы*, *правыы* и т. д., при образовании имен существительных употребляется в осложненных формах, именно:

а) в форме *-во* (под ударением) или *-ва* (не под ударением) в именах существительных сред. р., в форме *-ва* в именах существительных жен. р.:

– имена существительные сред. р.: *вары-ць – вары-ва; палі-ць – палі-ва; зяблі-ць – зяблі-ва; крэсі-ць – крэсі-ва;*

– имена существительные жен. р.: *спажы-ць – спажы-ва; дзяржа-ць – дзяржа-ва; брат-ва, дзят-ва;*

б) в осложненной форме *-іва, -ыва*: *жаці, жну – жн-іва, мялю – мел-іва, цемр-ыва;*

в) в осложненной форме *-тва, -тво*: *біць – бі-тва, пі-ць – пі-тво.*

§ 108. Суффиксы с *-х-* употребляются в следующих формах:

а) *-уха (-юха)*, ср. ст.-сл. – *гор-уха, гор-юха*, «гарчыца» от *горькъ*; *глаз-уха, цярт-уха, салат-уха, жаўт-уха;*

б) *-ух (-юх)*: *кон-юх, кат-ух, каж-ух;*

в) *-іха (-ыха)*: *ткач-ыха, франц-іха, трус-іха, ваўч-ыха.*

§ 109. Суффиксы с *-н* являются весьма распространенными и употребляются в следующих формах:

а) *-іна* (существительные с *-іна* имеют весьма разнообразные значения): *скац-іна, справ-іна, жывёл-іна, хвіл-іна, цагл-іна, сляз-іна, кра-іна, нав-іна, цяляц-іна;*

б) *-ін*: *грамадзян-ін, мяшчан-ін, парыжан-ін, мінчан-ін, віцеблян-ін;*

в) *-ніна*: *бега-ніна, траса-ніна, тузга-ніна;*

г) *-шчына*: *цэхаў-шчына, бываль-шчына, пан-шчына, дрысан-шчына, бацькаў-шчына, чужын-шчына;*

д) *-іны*: *паводз-іны, матр-ыны, радз-іны;*

е) *-ыня*: *гарач-ыня, цяпл-ыня, далеч-ыня, ціш-ыня, выш-ыня, цвёрд-ыня, быстр-ыня;*

ж) *-ня*: *майстэр-ня, гарбар-ня, смаляр-ня, рад-ня, сот-ня, двой-ня, тра-слі-ня, грыз-ня, балбат-ня;*

з) *-ізна*: *крыв-ізна, жаўц-ізна, бял-ізна, дзешав-ізна, сів-ізна;*

и) *-ун*: *бяг-ун, балбат-ун; свіст-ун; шапт-ун, брах-ун.*

§ 110. Суффиксы с *-р* встречаются в следующих формах:

-ар: *друж-ар, піс-ар, ток-ар, цясл-яр, ганч-ар, дуд-ар, кас-ар;*

-ыр: *багат-ыр, правад-ыр;*

-юр, -ур: *капц-юры, шамиш-ур (запка);*

-ёр, -ёрка: *шасц-ёрка, сям-ёрка, шасц-ёра*;

-ара: *машк-ара, дзетв-ара*.

§ 111. Отметим некоторые суффиксы отдельно:

-асць: *больш-асць, мениш-асць, чул-асць, рад-асць, цвёрд-асць, мастацк-асць, уласців-асць*;

-ба: *жур-ба, сяў-ба, хадзь-ба, малаць-ба, бараць-ба, гань-ба, разь-ба, сялі-ба* (ср. *сялі-ць*);

-ота (-ата): *ліх-ота, смяк-ота, дзів-ота, гал-ота, марк-ота, пус-ата, цесн-ата, чыст-ата, дабр-ата*;

-е (-а), -ё (из *ье*): *зелл-е, ранн-е, выкананн-е, здарэнн-е, аблічч-а, лісц-ё, касс-ё, пугаў-ё, карчаў-ё*;

-цель: *натхні-цель, паручы-цель, выхава-цель, управі-цель* (в белорусском языке этот суффикс употребляется очень ограниченно);

-ства: *дзяцін-ства, адзін-ства, жыхар-ства, грамад-ства, сялян-ства, герой-ства*; при некоторых фонетических условиях получается форма *-цтва*; *свая-цтва, кіраўні-цтва, будаўні-цтва, маста-цтва, садоўні-цтва*.

-іт, -біт: *найм-іт, сей-біт, бараць-біт, нось-біт, вараж-біт*.

§ 112. В белорусском языке употребляются заимствованные суффиксы, которыми он обогатился при помощи, главным образом, русского языка: *-іст: маркс-іст, комун-іст, соцыял-іст, ідэал-іст, танк-іст, прапаганд-ыст*.

Этот суффикс очень продуктивный: *значк-іст, цымбал-іст, цар-ыст* (Купала) и т. д.

-ізм: *комун-ізм, соцыял-ізм, атэ-ізм, ідэал-ізм*;

-ар: *прафес-ар, агрэс-ар*;

-тар: *інфарма-тар, агіта-тар, ініцыя-тар, канструк-тар, рэк-тар, інструк-тар*;

-энт: *студ-энт, каэфіцы-энт, карэспанд-энт*;

-ант: *фабрык-ант, квартыр-ант, музык-ант, курс-ант, экскурс-ант, дэманстр-ант*;

-ір: *банк-ір, камандз-ір, брыгадз-ір*;

-аж: *пілат-аж, інструкт-аж, ліст-аж, тып-аж* (Колас);

-іфікацыя: *газ-іфікацыя, электр-ыфікацыя*;

-ыя: *інтэлігенц-ыя, карэспандэнц-ыя, акц-ыя*;

-ура: *кубат-ура, прафес-ура, асістэнт-ура, дактарант-ура*;

-унак (из немецк. – *ung*, ср. *ратунак* от немец. *Rettung*): *пацал-унак, па-част-унак, кір-унак, падар-унак, рах-унак, мал-юнак*;

-ыса: *актр-ыса, дырэктр-ыса*;

-эса: *паэт-эса*.

Значение основ имен существительных

Значения основ имен существительных разнообразны: отметим только основные их значения, которые находят морфологическое или синтаксическое выражение.

§ 113. Различаются имена существительные, которые обозначают одушевленные предметы, и имена существительные, которые обозначают неодушевленные предметы.

Имена существительные мужского рода, которые обозначают одушевленные предметы, в винительном падеже имеют формы, совпадающие с формами родительного падежа. Имена существительные мужского рода, которые обозначают неодушевленные предметы, в винительном падеже имеют формы, совпадающие с формами именительного падежа, например: *бачу кая и коней, брата и братоў, но бачу стол, дамы*.

Имена существительные женского рода, обозначающие одушевленные и неодушевленные предметы в единственном числе имеют особые формы, которые не совпадают с формами именительного падежа: *бачу кнігу, бачу жонку, но ляжыць кніга, ідзе жонка*. Во множественном числе имена существительные женского рода, обозначающие одушевленные предметы, имеют формы, совпадающие с формами родительного падежа; имена существительные, которые обозначают неодушевленные предметы, имеют формы, одинаковые с именительным падежом, например: *бачу жонак, сясцёр, но бачу кнігі, рукі*.

§ 114. Имена существительные, обозначающие конкретные предметы, могут быть общим именем целого класса однородных предметов и каждого предмета из этого класса отдельно, например: *дом, стол, хата*, или собственным именем отдельного предмета, например: *Масква, Мінск, Кіеў, Іван, Пётр, Марыя* и т. д.

Имена существительные могут иметь формы единственного и множественного числа: *стол – сталы, дом – дамы, хата – хаты*.

Собственные имена не имеют форм множественного числа: *Іван, Пётр*, но не *Іваны, Пётры*. Если собственные имена получают смысл общего имени, то они могут встречаться и во множественном числе: *Стаханавы, Бусыгіны, Крываносавы* и т. д.

§ 115. Имена существительные, которые обозначают множество однородных предметов как нечто целое, называются собирательными: *галлё, суччо, збожжа, братва, дзетвара*. Такие имена существительные обычно имеют форму единственного числа трех родов: мужского – *гарох*; среднего – *збожжа, суччо, галлё*; женского – *салома, братва, дзетвара*.

В одних случаях общие названия отдельных предметов из их собирательной совокупности образуются от основ собирательных имен существительных при помощи суффикса *-in* (*-ын*); *галлѣ – гал-in-ка, гарох – гарош-ын-ка*; в других случаях, наоборот, собирательные имена существительные образуются от основ общих названий отдельных предметов при помощи суффикса *-jѣ*; согласные основ и суффиксальное *-j-* образовали удлинённые мягкие звуки, некоторые из которых позже отвердели: *сук – суччо, кулак – кулаччо*.

§ 116. Имена существительные, которые обозначают вещественные предметы, т. е. предметы, которые являются цельной массой вещества в ее способности к произвольной физической делимости, называются вещественными именами существительными. Одна часть вещественных имен существительных имеет форму единственного числа, например: *цзмент, воск, мѣд, соль, масла, малако, сала* и т. д. Другая часть их имеет форму множественного числа, например: *дрожджы, апілкі, высеўкі, памыі* и т. д.

§ 117. Имена существительные, обозначающие предметы, могут иметь ласкательно-уменьшительное, уменьшительно-пренебрежительное и увеличительно-пренебрежительное значение. Основы имен существительных с уменьшительно-ласкательным значением образуются при помощи суффиксов:

-ік: *конь – кон-ік; стол – стол-ік; нож – нож-ык; дождж – дождж-ык; -ок, -ёк*: *плуг – плуж-ок; друг – друж-ок; смех – смяш-ок, воз – ваз-ок; конь – кан-ёк; пень – пян-ёк; дзень – дзян-ёк; -чык*: *баран – баран-чык, хлапец – хлоп-чык, купец – куп-чык; агонь – агонь-чык; самавар – самавар-чык; салавей – салавей-чык; вугаль – вугаль-чык; -к*: *рука – руч-к-а, нага – нож-к-а, вока – воч-к-а, брат – брат-к-а; салавей – салавей-к-а*.

Некоторые имена существительные могут употребляться с двумя суффиксами: *конь – конік и канёк; дом – домік и дамок; агонь – агоньчык и аганёк; брат – браток и братка; салавей – салавейчык и салавейка*.

В некоторых именах существительных суффикс *-к* утратил уменьшительное значение: *частка, зорка, цацка*.

Ряд основ с уменьшительным и ласкательным значением образуется при помощи суффиксов позднейшего образования:

-ічак (-ычак): *чараўнік – чараўн-ічак; дожджык – дожджы-чак; ножык – ножычак; -очак (-ёчак)*: *дубок – дуб-очак, канёк – кан-ёчак; -ачк-:* *ножка – нож-ачк-а, вочка – воч-ачк-а; -ушк-:* *дзед-ушк-а;*

-ульк-: *баб-ульк-а, Ган-ульк-а, тат-ульк-а, дзяд-ульк-а;*
-улечк-: *баб-улечк-а, Ган-улечк-а;*
-усеньк-: *мат-усеньк-а, Мар-усеньк-а, баб-усеньк-а;*
-аньк-: *дзев-аньк-а, галов-аньк-а;*
-ейк-: *сон-ейк-а, свац-ейк-а.*

Таким образом, суффиксы, которые употребляются в основах с уменьшительным и ласкательным значением, весьма разнообразны.

Основы имен существительных с уменьшительно-пренебрежительным значением образуются при помощи суффикса -онк- (-ёнк-): *душ-онк-а, шапч-онк-а, галав-ёнк-а; -як-: кан-як-а.*

Основы имен существительных с увеличительно-пренебрежительным значением образуются при помощи суффиксов: -ишч- (-ышч-): *дом – дам-ишч-а; рука – руч-ышч-а; сіла – сіл-ишч-а; кусок – кус-ишч-а; воўк – ваўч-ышч-а.*

-уг- (-юг-): *звер – звяр-уг-а, зладзей – зладз-юг-а, кулак – кулач-уг-а;*
-ін- (-ын-): *дом – дам-ін-а; ламач-ын-а, звяр-ын-а;*
-эча-: *халад-эча, духн-эча, гушч-эча.*

Суффиксы, употребляющиеся в основах с увеличительным и увеличительно-пренебрежительным значением, менее разнообразны.

§ 118. Различают имена существительные, обозначающие явления действительности в их конкретно-предметном проявлении, например: *стол, дудар, рыбак, конюх* и т. д.; и имена существительные, обозначающие явления действительности в их обобщенном проявлении, например: *чырвань, жаль, боль, дрымота, грызота, слепата, пільнасць, прыгожасць, маладосць* и т. д. Имена существительные с конкретно-предметным значением имеют формы единственного и множественного числа: *дудар – дудары; рыбак – рыбаки, стол – столы; конюх – канюхи* и т. д. Имена существительные с обобщенным значением не имеют формы множественного числа, например: *слепата, пільнасць, прыгожасць*. Только при утрате обобщенности значения соответствующие имена существительные могут получать форму множественного числа, например: *Якія прыгожасці; Гэта ўсё непатрэбныя страхі* и т. д. Здесь мы имеем выделение отдельных однородных видов обобщенного явления.

§ 119. Конкретно-предметные имена существительные, обозначающие производителя или орудие действия или носителя качества, образуются от имен существительных и других частей речи при помощи суффиксов:

-ар (-яр): *зван-ар, блях-ар, дуд-ар, стал-яр, шкл-яр, друк-ар, маляр* и т. д.;
-ыр: *багат-ыр, правад-ыр, паст-ыр;*

-ір: камандз-ір, брыгадз-ір;
-эц: кас-ец, ба-ец, граб-ец, кур-эц, лeнінградз-ец, каўказ-ец;
-ло: цяс-ло, дыш-ло.

§ 120. Имена существительные с обобщенным значением при образовании от глаголов или прилагательных и причастий обозначают простую субстантивную деятельность или качества, например: *малаціць – малаць-ба, чырвоны – чырвань; здабыты – здабытак*. При образовании от имен существительных они обозначают обобщение предметов, явлений или действия, например: *бядняк – бядняцтва; форма – фармалізм; машына – машынізацыя*.

Имена существительные с обобщенным значением образуются при помощи суффиксов:

-ба: малаць-ба, прось-ба, бараць-ба;
-ань: чырв-ань;
-ізна, -іня (-ыня), -іна: бял-ізна, нав-ізна, сін-ізна, крыв-ізна, шыр-ыня, даўж-ыня, нав-іна;
-нне: чыта-нне, свiта-нне, лячэ-нне, цярпе-нне, вучэ-нне;
-от- (-ат-): дрым-от-а, грыз-от-а, лам-от-а, чарн-ат-а, дабр-ат-а, слеп-ат-а;
-асць: малад-осць, пільн-асць, упарт-асць, прыгож-асць, знатн-асць, устойлів-асць;
-ства: агародні-цтва, садоўні-цтва, ткац-тва, палявод-ства, свая-цтва, бра-цтва, тавары-ства;
-ізм: псіхалаг-ізм, фармал-ізм, ідэал-ізм, матэрыял-ізм, капітал-ізм, феадал-ізм;
-ізацыя: калектыв-ізацыя, карэн-ізацыя, канал-ізацыя, машын-ізацыя;
-ак, -ка: выдат-ак, здабыт-ак, чыт-ка, гавор-ка, клад-ка.

Формы имен существительных

Формы рода

§ 121. Имена существительные имеют формы трех родов: мужского, женского и среднего. Отдельные группы имен существительных имеют свои особенности в образовании форм рода.

§ 122. Названия человека имеют форму мужского и женского рода, за исключением слова *дзіця*; формы мужского рода обозначают лиц мужского пола, формы женского рода обозначают лиц женского пола.

Названия родства образуют две группы с точки зрения образования формы рода. В первую группу входят названия, которые имеют формы мужского и женского рода от разных корней: *брат – сестра, хлапец – дзяўчына, бацька – маці, мужчына – жанчына, муж – жонка, дзядзька – цётка*. Во вторую группу входят названия, которые имеют формы мужского рода и формы женского рода от одного корня, причем формы мужского и женского родов образуются при помощи соответствующих суффиксов: *пляменнік – пляменніца, швагер – швагерка; калгаснік – калгасніца, выкладчык – выкладчыца* и т. д. Названия лиц женского пола образуются с помощью следующих суффиксов:

-іца: а) присоединяется к основам названий лиц мужского пола: *фельдшар – фельдшар-ыца, майстар – майстар-ыца*;

б) употребляется в соответствии с суффиксом -ея в названиях лиц мужского пола: *зычлів-ея – зычлів-іца, любім-ея – любім-іца*;

в) употребляется в соответствии с суффиксом -ік в названиях лиц мужского пола: *калгасн-ік – калгасн-іца; выдатн-ік – выдатн-іца*;

-ніца употребляется в соответствии с суффиксом -нік в названиях лиц мужского пола: *работ-нік – работ-ніца; супрацоў-нік – супрацоў-ніца*;

-чыца, -шчыца, который употребляется в соответствии с суффиксами -чык, -шчык в названиях лиц мужского пола: *выклад-чык – выклад-чыца; лёт-чык – лёт-чыца; перапiс-чык – перапiс-чыца; заказ-чык – заказ-чыца; прыбiраль-шчык – прыбiраль-шчыца; вярсталь-шчык – вярсталь-шчыца; кантор-шчык – кантор-шчыца, фальцоў-шчык – фальцоў-шчыца*;

-ша, который присоединяется к основам названий лиц мужского пола: *біліцёр – біліцёр-ша; касiр – касiр-ша*;

-ка: а) присоединяется к основам названий лиц мужского пола: *студэнт – студэнт-ка; швагер – швагер-ка; лабарант – лабарант-ка; танкіст – танкіст-ка; трактарыст – трактарыст-ка; брыгадзiр – брыгадзiр-ка, масквiч – масквiч-ка*;

б) употребляется в соответствии с суффиксом -ея в названиях лиц мужского пола: *вылучэн-ея – вылучэн-ка; вузав-ея – вузаў-ка, рабфакав-ея – рабфакаў-ка*;

-эса присоединяется к основам названий лиц мужского пола: *паэт – паэт-эса*;

-іса (-ыса) присоединяется к основам названий лиц мужского пола: *дырэктар – дырэктр-ыса; акцёр – актр-ыса*;

-іха: *каваль – кавал-іха, ткач – ткач-ыха; франт – франц-іха; трус – трус-іха*;

-уха, который в отдельных словах употребляется в соответствии с суффиксом -ун в названиях лиц мужского пола: *пляс-ун – пляс-уха, піск-ун – піск-уха; сакат-уха, стракат-уха-, квакт-уха;*

-арка, -ярка: *свін-арка, да-ярка.*

Некоторые имена существительные имеют форму женского рода, но обозначают лиц мужского пола, например: *стараста, старшыня, майстра.* Есть ряд имен существительных, которые одинаково могут обозначать как лиц мужского пола, так и лиц женского пола: *пакса, заіка, ляўша, непаседа, калека, п'яніца, забывака, неслух, невук.*

Одна часть этих имен существительных имеет форму существительных мужского рода (*неслук, невук*), другая – форму существительных женского рода (*калека, пакса*). Сказуемые и прилагательные согласуются с подобными именами существительными по смыслу: *які неслук* и *якая неслух, стары калека* и *старая калека, калека прышоў* и *калека прышла.*

§ 123. Имена существительные, обозначающие животных, имеют форму мужского, женского и среднего рода: формы мужского рода обозначают самцов (*бык, жарабец*), формы женского рода обозначают самок (*карова, кабыла*), формы среднего рода обозначают молодых животных (*ягнё, цяля*), сюда же, к этой группе слов среднего рода, относится и слово *дзіця*.

Имена существительные, обозначающие домашних животных, которые уже в древнейшую эпоху имели большое значение в хозяйстве, имеют формы мужского и женского рода от разных корней: *карова – бык, вол; авечка – баран; матка – трупень; курыца – певень, пятух; свіння – вяпрук* и т. д.

Имена существительные, обозначающие диких животных, имеют формы мужского и женского рода от одних и тех же корней: *леў – львіца, воўк – ваўчыца, ліс – лісіца.*

Имена существительные, обозначающие мелких животных и насекомых, которые не имеют хозяйственного значения, не различаются по родам: *камар, верабей, жук, муха.*

Однако при персонификации животных названия их могут принимать формы, разные по роду: *камар – камарыха, верабей – вераб'іха*, ср. «*вераб'іха ад страху выраніла пярэньку*» (Я. Колас. «У чым іх сіла» (Искра Ильича. 1935. № 1)).

§ 124. Имена существительные, обозначающие неодушевленные предметы, имеют формы трех родов: мужского, женского и среднего. Современный смысл слова не дает основания отнести его к тому или другому роду существительных, обозначающих неодушевленный предмет. Ничто не указывает на то, чтобы слово *вода* должно быть существительным женского рода,

а слово *море* – существительным среднего рода. В русском языке слова *боль, тень* являются существительными женского рода, а в белорусском языке эти слова являются существительными мужского рода.

Род существительных, которые обозначают неодушевленные предметы, не определяется сущностью предмета, а является наследием прошлого.

В современном белорусском языке имена существительные мужского, женского и среднего рода имеют разное грамматическое оформление; имена существительные мужского рода в им. п. имеют чистую основу, а в род. п. окончание *-а (-я)*, *-у (ю)*: *стол – стал-а, нож – наж-а, край – кра-я, роў – рв-а, пясок – пяск-у, жаль – жал-ю, боль – бол-ю, селянін – селянін-а*.

Имена существительные женского рода:

а) в им. п. имеют окончание *-а (-я)*, а в род. п. *-ы (-и)*: *рука – рук-і, сцяна – сцян-ы, мяжа – мяж-ы, кузня – кузн-і*;

б) в им. п. имеют чистую основу, в род. п. окончание *-и (-ы)*: *косць – косц-і, ноч – ноч-ы, кроў – крыв-і*; слово *маці* женского рода.

Имена существительные среднего рода в им. п. имеют окончание *-о (-е)* под ударением, *-а (-ё)* не под ударением, а в род. п. окончания *-а (-я)*: *акно – акн-а, мора – мор-а, жыццё – жыцц-я, поле – пол-я*. К существительным среднего рода относятся и слова на *-мя (імя)*, названия молодых животных (*цяля*), а также *зярня, дзіця*.

Несклоняемые слова иностранного происхождения имеют значение мужского или среднего рода. Несклоняемые слова, оканчивающиеся на гласные *-у, -а*, имеют значение мужского рода: *кенгуру, какаду, буржуа*. Несклоняемые слова, оканчивающиеся на гласные *-о, -э, -е* имеют значение среднего рода: *кіно, бюро, аўто, партманэ, факсіміль*.

Форма числа

§ 125. В современном белорусском языке имена существительные имеют формы двух чисел: единственного и множественного. Различаются имена существительные, которые имеют только форму единственного числа; имена существительные, которые имеют только форму множественного числа; имена существительные, которые имеют форму единственного и множественного числа.

§ 126. Только формы единственного числа имеют:

а) имена существительные, которые обозначают предметы, единственные в своем роде: *Каўказ, Кітай, Сібір*;

б) некоторые имена существительные, которые обозначают движение: *язда, хадзьба*;

в) имена существительные, обозначающие качество: *чарната, слепата, глыбіня, даўжыня* и т. д.;

г) имена существительные, которые имеют обобщенное значение: *радасць, упартасць, маладосць, любоў* и т. д.;

д) большинство имен существительных, имеющих вещественное значение: *золата, серабро, жалеза, мёд, воск, цэмент, мяса, сала, малако, масла* и т. д.;

е) большинство имен существительных, имеющих собирательное значение: *галлё, смеццё, братва*.

Слова, которые обозначают качество, но имеют обобщенное значение, при индивидуализации, т. е. при обособлении типов качества или обобщенных значений, могут получать формы множественного числа: *чарноты, глыбіні, радасці, упартасці* и т. д.

Слова, которые имеют вещественное значение, при обособлении сортов вещества, могут получать формы множественного числа: *мясы, масла, малакі* и т. д.

§ 127. Только формы множественного числа имеют:

а) имена существительные, обозначающие парные предметы: *акюляры, нажніцы, шчыпцы, нагавіцы, штаны*, а также *дзверы, вароты*;

б) некоторые имена существительные, которые имеют собирательное и вещественное значение: *дрожджы, канаплі, апілки, ватрубі, духі, соты, шаашкі, шахматы, цацкі*;

в) некоторые географические названия: *Клімавічы, Смілавічы, Бешанковічы, Касцюковічы, Кавалі, Самахвалавічы* и т. д.

§ 128. Имена существительные, обозначающие отдельные предметы, которые могут существовать во множестве и которые могут выделяться в единицы, имеют формы единственного и множественного числа: *стол – сталы, дом – дамы, сцяна – сцены, акно – вокны* и т. д.

Некоторые слова имеют две формы множественного числа, формы собирательной множественности и дистрибутивной множественности: *клок – клочча, клокі; ліст – лісці, лісты; волас – валоссі, валасы; корань – карэнні, корні* и т. д.

§ 129. В древнем языке были еще формы двойственного числа. В некоторых белорусских диалектах сохранились формы двойственного числа: *дзе нize, дзве акне* вместо современных литературных форм *дзе нагі, два акны*.

Формы двойственного числа начали исчезать в языке в XIV в. В памятниках XVI в. формы двойственного числа встречались уже очень редко.

Формы падежей

§ 130. Формы падежей имен существительных представляют их в качестве членов предложения. Формами падежей выражается значение управляемых членов предложения, связь слов в предложении соответственно их роли в его построении: *стаіць стол, но няма стала*.

§ 131. Имена существительные в современном белорусском языке имеют формы шести падежей: именительного, родительного, дательного, винительного, творительного и предложного¹. Некоторые имена существительные мужского рода имеют еще звательную форму: *браце, дружа, сынку*.

Имена существительные каждого склонения имеют две формы: форму единственного числа и форму множественного числа: *адзін стол, но шмат сталоў*.

§ 132. Формы падежей имен существительных могут встречаться без предлогов и с предлогами: *віджу стол* и *стаю перад сталом*. Только в предложном падеже имена существительные употребляются всегда с предлогами: *стаіць на стале, гаварыць аб сталу* и т. д.

Имена существительные в род. п. могут употребляться с предлогами: *ад, да, без, каля, ля, для, апрача, у*.

Имена существительные в дат. п. могут употребляться с предлогами: *к и па*.

Имена существительные в вин. п. могут употребляться с предлогами: *праз, цераз, пра, аб, у, на, за, пад*.

Имена существительные в твор. п. могут употребляться с предлогами: *над, пад, перад, за, паміж*.

Имена существительные в предл. п. употребляются с предлогами: *пры, аб, у, на, а*.

Рассмотрим формы падежей в белорусском языке.

Склонение имен существительных

§ 133. В современном белорусском языке различаются три типа склонений имен существительных: I склонение, II склонение, III склонение.

В систему I склонения входят имена существительные женского рода и мужского рода с окончанием *-а (-я)* в им. п.: *вада, мяжа, зямля, староста, старшыня, лінія*.

¹ В белорусских работах по грамматике принято употреблять термин «местный падеж» в соответствии с термином «предложный падеж».

В систему II склонения входят имена существительные мужского рода с чистой основой в им. п. (*дуб, нож, конь, край*) и имена существительные среднего рода с окончанием в им. п. на *-о, -ё* под ударением и на *-а, -е* не под ударением (*акно, жыццё, мора, поле*).

В систему III склонения входят имена существительные женского рода с мягкой и отвердевшей основой, которые в им. п. имеют чистую основу: *ноч, мыш, косць, печ, рэч, радасць*.

Кроме того, есть ряд имен существительных, которые образуют группу разносклоняемых слов.

§ 134. В древнем белорусском языке различались пять типов склонений имен существительных.

В систему I склонения входили имена существительные женского рода и мужского рода с окончанием *-а, -я* в им. п. и *-ы, -ѣ* в род. п.: *рыба – рыбы, земля – землѣ*.

В систему II склонения входили имена существительные мужского рода с окончанием в им. п. *-ъ, -ь* и *-і* и имена существительные среднего рода с окончанием в им. падеже *-о, -е*, которые в род. п. имели окончание *-а, -я*: *родъ – рода, конь – каня, край – края, село – села, поле – поля*.

В систему III склонения входили имена существительные с окончанием *-ъ* в им. п. и *-у* в род. п.: *сынъ – сыну*.

В систему IV склонения входили имена существительные мужского и женского рода с окончанием *-ь* в им. п. и *-і* в род. п.: *гось – гості, путь – путі, кось – кості*.

В систему V склонения входили имена существительные всех трех родов с окончанием в род. п. *-е*: *камы – камене, свекры – свекрѣве, іме – імене, теле – телете, слово – словесе, маті – матере*.

Современная система склонения в белорусском языке сложилась в процессе многовекового исторического развития языка из бывших пяти типов склонения.

§ 135. Современное I склонение является продолжением бывшего I склонения. Современное II склонение образовалось на базе прежнего II склонения из II, III и имен существительных мужского рода прежнего IV склонения.

Современное III склонение является продолжением склонения имен существительных женского рода прежнего IV склонения.

Прежнее V склонение распалось. Имена существительные, которые входили в это склонение, частью перешли во II склонение (*камень, кола, слова*), частью образовали группу разносклоняемых слов.

Так образовалась современная система трех склонений имен существительных.

I склонение

§ 136. К I склонению принадлежат имена существительные женского рода, оканчивающиеся в им. п. на *-а, -я*, некоторые из которых обозначают лиц мужского пола: *сцяна, зямля, груша, душа, старшыня, тата, лінія, рука, нага, пара, гора, зара*.

ЕДИНСТВЕННОЕ ЧИСЛО

§ 137. Склонение имен существительных женского рода с твердым согласным в основе. Имена существительные женского рода с твердым согласным в основе в единственном числе имеют окончание в им. п. *-а*: *сцяна*, в род. п. *-ы*: *сцяны*, в дат. п. *-е*: *сцяне*, в вин. п. *-у*: *сцяну*, в твор. п. *-ой, -ою*: *сцяной, сцяною*, в местн. п. *-е*: *аб сцяне*.

Окончания им. п. *-а*, род. п. *-ы* являются исконными. Окончания дат. п. *-е*, местн. п. *-е* фонетически произошли из *ѣ*; окончания вин. п. *-у*, твор. п. *-ою* фонетически восходят к исконным *-ѣ* (*-о* носовое) и *-оју*. Окончание *-ой* появилось в результате полной редукции *-у* из *-оју* (*-ою*).

§ 138. Склонение имен существительных женского рода с мягким согласным в основе. Имена существительные женского рода с мягким согласным в основе в единственном числе имеют окончание в им. п. *-а* (*-я*): *зямля*; в род. п. *-і*: *зямлі*; в дат. п. *-і*: *зямлі*; в вин. п. *-у* (*-ю*): *зямлю*; в твор. п. под ударением *-ёю* (*-ёй*), не под ударением *-яю* (*-яй*): *зямлёю* (*ёй*), *вішняю* (*яй*); в местн. п. *-і*: *зямлі, вішні*.

Окончания им. п. *-а* (*-я*), дат. п. *-і*, местн. п. *-і* являются исконными. Окончание род. п. *-и* возникло вместо *ѣ* по аналогии с формами род. п. имен существительных, которые в основе имеют твердую согласную: *зямлі* вместо *зямлѣ* явилось по аналогии с соотношением *сцяна – сцяны*. Окончания вин. п. *-у* (*-ю*) и твор. п. *-ёю* (*-ёй*), *-яю* (*-яй*) фонетически восходят к исконным *-ѣ* (*-о* носовое) и *ѣју*. Окончание *-ёй, -яй* возникло из *-ёю, -яю* по типу образования *-ой* из *-ою*.

§ 139. Особенности склонения имен существительных женского рода с отвердевшим согласным в основе. Имена существительные женского рода с отвердевшим согласным в основе имеют в единственном числе окончания, аналогичные окончаниям имен существительных с мягкой согласной в основе, например:

И. *душа – зямля*

Р. *душы – зямлі*

Д. *душы – зямлі*

В. *душу – зямлю*

Т. душой – зямлёй

М. аб душы – аб зямлі.

В соответствии с окончанием *-и* в род., дат. и местн. п. в мягкой основе имеем в твердой основе окончание *-ы*.

§ 140. Особенности склонения имен существительных женского рода с основой на согласный *р*. Имена существительные женского рода с основой на согласный *р* по происхождению разделяются на две группы: согласный *р* в одних основах является отвердевшим, например, *зара*, в других основах – твердым, например, *пара*, *гара*. В первом случае звук *р* был мягким и отвердел, во втором случае звук *р* был и остался твердым. В древнем белорусском языке имена существительные с мягким *р* в основе склонялись по мягкой разновидности, а имена существительные с твердым *р* в основе склонялись по твердой разновидности. В современном белорусском языке имена существительные обеих групп склоняются по типу имен существительных с отвердевшей основой, например:

И. *зара* – *гара*

Р. *зары* – *гары*

Д. *зары* – *гары* (а не *гарэ*)

В. *зару* – *гару*

Т. *зарою* – *гарою*

М. аб *зары* – аб *гары* (а не аб *гарэ*)

В некоторых белорусских диалектах в дат. и местн. п. употребляется в основах на отвердевшую согласную в соответствии с *-ы* окончание *-э*: *душэ*, *гарэ* и т. д. Такие формы проникают и в литературный язык, например, у Лынькова «*Няхай, яго душэ лягчэй будзе*». У имен существительных с отвердевшей согласной окончание *-э* появилось по аналогии с именами существительными, которые в основе имеют твердую согласную: *душа* – *душэ* по образцу *сцяна* – *сцяне*. У имен существительных типа *пара*, *гара* окончание *-э* (*парэ*, *гарэ*) являются рефлексом *ѣ*, потому что звук *р* был и остается в этих основах твердым.

§ 141. Особенности склонения имен существительных женского рода с основой на *г*, *к*, *х*. Имена существительные с основой на заднеязычные в род. п. ед. ч. имеют окончание *-і*: *рук-і*, *наг-і* и т. д. Это окончание явилось в результате фонетического перехода *гы*, *кы*, *хы* в *гі*, *кі*, *хі*.

В дат. и местн. п. заднеязычные *г*, *к*, *х* в основах этих имен существительных I склонения перед окончанием *-е* из *ѣ* переходят в свистящие *з*, *ц*, *с*: *нага* – *назе*, *рука* – *руцэ*, *страха* – *страсе*. Это чередование *г* – *з*, *к* – *ц*,

х – с является результатом так называемой второй палатализации заднеязычных.

В русском языке в падежных формах чередование *г – з, к – ц, х – с* не сохранилось: *рука – руке, нога – ноге, муха – мухе*. В белорусском языке это чередование утрачивается в словах, которые воспринимаются как книжные, так, у Лынькова в повести «На чырвоных лядах», с. 257, находим «у *сінагоге*», где нет перехода *г* в *з*.

После отвердевшего согласного *ц* из *к* не под ударением в дат. и местн. п. употребляется окончание *-ы*, а не *-э*: *шапка – шапцы*, а не *шапцэ*; *жонка – жонцы*, а не *жонцэ*; *бабка – бабцы*, а не *бабцэ*; *сцежка – сцежцы*, а не *сцежцэ*.

Окончание *-ы* после *ц* из *к* не под ударением явилось по аналогии с именами существительными типа: им. п. *вуліца*, дат. п. *вуліцы*, где *-ы* в окончании дат. п. возникло фонетически.

§ 142. Особенности склонения имен существительных на *-а*, обозначающих лиц мужского пола. Имена существительные I склонения с основой на согласный *к*, а в некоторых случаях на согласные *д* и *т* (*бацька, староста*) имеют в дат. п. окончание *-у*, если они обозначают лиц мужского пола: *бацька – бацьку, дзядзька – дзядзьку, тата – тату, староста – старосту*.

Имена существительные I склонения, которые могут обозначать лиц как мужского, так и женского пола, имеют в дат. п. окончание *-у*, если они обозначают лиц мужского пола, например: *гэтаму калеку*; и окончание *-е*, если обозначаются лица женского пола, например: *гэтай прайдосе; гэтаму нярачу*, но *гэтай нярасе* и т. д.

В твор. п. имена существительные с основой на *к* всегда имеют окончание *-ам*, если они обозначают лиц мужского пола, например: *бацькам, дзядзькам*.

Имена существительные с основой на другие согласные, как правило, имеют окончания I склонения *-аю (-ай), -ою (-ой), ёю (-ёй)*: *мужчынай, старшынёю, суддзёй* и т. д.

В разговорном языке эти имена существительные встречаются с окончанием *-ам, -ом (-ём)*.

Последние иногда встречаются и в литературных произведениях, например: «*старастам яго ў свой час зрабілі*» (М. Лыньков. «На чырвоных лядах», стр. 249); «*Мамка, маўчы, не сварыся з татам, – заляпятала Алеся*» (Я. Колас. «Дрыгва», стр. 173).

МНОЖЕСТВЕННОЕ ЧИСЛО

§ 143. Имена существительные женского рода с твердой согласной в основе во множественном числе имеют окончание в им. п. *-ы*: *сцены, сёстры*; в род. п. — чистую основу: *сцен, сясцёр*; в дат. п. *-ам*: *сценам, сёстрам*; в вин. п. (если они обозначают неодушевленные предметы) — чистую основу: *сясцёр*; в твор. п. *-амі*: *сцянамі, сёстрамі*; в местн. п. *-ах*: *сценах, сёстрах*.

Имена существительные женского рода с мягкой основой во множественном числе имеют окончание в им. п. *-і*: *землі*; в род. п. чистую основу: *зямель*; в дат. п. *-ям*: *землям*; в вин. п. *-і*: *землі*; в твор. п. *-ямі*: *землямі*; в местн. п. *-ях*: *аб землях*.

Окончание множественного числа им. п. *-ы* после твердых согласных (*сцены, сёстры*) является исконным.

Окончание множественного числа им. п. после мягких согласных *-і* (*землі*), которое после отвердевших согласных перешло в *-ы* (*грушы, души*), возникло вместо прежнего *ѣ* (*душѣ, грушѣ, землѣ*) по аналогии с именами существительными, которые имеют в основе твердые согласные. Соотношения *зямля — землі* вместо *землѣ* образовалось по образцу соотношения *сцяна — сцены*. Таким же образом возникли соотношения: *душа — души*, откуда *душы, груша — груши*, откуда *грушы*.

Окончание множественного числа им. п. *-і* после заднеязычных *г, к, х* (*ногі, рукі, мухі*) вместо прежнего *-ы* появилось в связи с переходом *гы, кы, хы* в *ги, ки, хи*.

Формы род. п. с чистой основой (*рыб, ног, сцен, зямель*) возникли из древнейших форм с окончаниям *-ѣ, -ѣ*: *рыбѣ, ногѣ, стѣнѣ, землѣ*.

Когда глухие гласные на конце слов исчезли, остались формы род. п. без окончаний: *рыб, зямель*. Окончания дат. п. *-ам, -ям*, твор. п. *-амі, -ямі*, местн. п. *-ах, -ях* являются исконными.

Исконные формы вин. п. во всех именах совпадали с соответственными формами им. п. В дальнейшей истории развилась перегруппировка имен существительных; в результате длительного исторического развития языка, имена существительные, которые обозначают одушевленные предметы, постепенно объединились в особую группу и получили в вин. п. форму, одинаковую с формой род. п. мн. ч.; существительные же, которые обозначают неодушевленные предметы сохранили прежние формы, одинаковые с формами им. п.: *віжу сясцёр*, но *віжу сцены*.

§ 144. Особенности склонения отдельных групп имен существительных во множественном числе. Основной формой род. п. множественного числа имен существительных I склонения, как уже было сказано выше, является чистая основа: *рыб, ног, рук, зямель* и т. д. В диалектах, однако, встречаются и формы на *-оў, -ёў* под ударением и *-аў, -яў* не под ударением: *рыбаў, летаў, зімаў, соснаў, хваляў* и т. д. Форма на *-оў, -аў* имен существительных I склонения возникла под влиянием имен существительных II склонения: *дамоў, сталоў* и т. д.

Род. п. на *-оў, -аў* имен существительных I склонения проникает и в литературный язык, причем наблюдается следующая закономерность:

а) имена существительные с основой на *к*, которые обозначают лиц мужского пола, имеют только окончания *-оў (-аў)*: *бацькаў, дзядзькаў*;

б) имена существительные женского рода с основой на группу согласных, которые имеют подвижное ударение, также могут иметь окончание *-оў, -аў*: *соснаў, торбаў, стаўняў, сушняў, мечтаў, бярозкаў*.

Но употребляется и форма в виде чистой основы: *Рота згодна раўнула ў паўпгары сотні глотан* (Э. Самуйленак «Дачка эскадрона», стр. 26);

в) имена существительные с основой на один согласный звук, также встречаются в литературном языке с окончанием *-оў, -аў*: *Многа зімаў, летаў, восеняў, вёснаў бачылі Вы, сосны* (Я. Купала «Над ракой Арэсай»); *Жыве без апекі ўдава адзінокая, як хвойка ад бураў цярпіць* (Я. Купала. Собр. произвед., т. II); *Хацеў, каб зімаў строгіх не было* (там же, стр. 128).

Кроме окончания *-оў, -аў* употребляется в некоторых категориях и окончание *-ёй*, которое проникло в это склонение из прежнего склонения имен существительных типа *косць, госць*.

Окончание *-ёй* имеют некоторые имена существительные, которые употребляются только в форме множественного числа (*pluralia tantum*): *сани – саней, сені – сяней, дзверы – дзвярэй, грудзі – грудзей, куры – курэй*.

Имена существительные с основой на группу согласных с мягким *л* или *н*, которые имеют неподвижное ударение во всех формах единственного числа и множественного числа, также употребляются с окончанием *-ёй*: *лоўля – лоўлей, туфля – туфлей, купля – куплей, кухня – кухняй, лазня – лазней, маслабойня – маслабойней, спальня – спальней, кузня – кузней, жароўня – жароўней, песня – песней*.

Имена существительные *доля, роля* также имеют формы род. п. *долей, ролей*.

В твор. п. множественного числа имя существительное *сляза* и некоторые другие имеют окончание *-мі*: *Слязьмі пыл прыбываць* (М. Лыньков

«На чырвоных лядах»); *Бядак за слязьмі не бачыў і сонца* (Я. Купала. Избр. произвед.); *Я плакаў усхваляванымі слязьмі*. Форма на *-мі* возникла под влиянием прежней формы твор. п. имен существительных типа *косць, госьць*.

II склонение

§ 145. Ко II склонению относятся имена существительные мужского рода, которые в им. п. имеют чистую основу (*брат, стол, конь, край*) и имена существительные среднего рода, которые в им. п. имеют окончания под ударением *-о, -ё (акно, жыццё)*, не под ударением *-а, -е (мо-ра, поле)*.

Единственное число

§ 146. Имена существительные с твердой согласной в основе, например: *стол, брат, акно, лета* в единственном числе имеют окончание в им. п. в мужском роде нулевое (*стол, брат*), в среднем роде под ударением *-о (акно)*, не под ударением *-а (лета)*; в род. п. *-а (стала, брата, акна, лета)*; в дат. п. *-у (сталу, брату, акну, лету)*; в вин. п. — окончания одинаковые с им. п. у имен существительных среднего рода и у имен существительных мужского рода, которые обозначают неодушевленные предметы (*акно, лета, стол, ключ*), или одинаковые с окончаниями род. п. у имен существительных мужского рода, которые обозначают одушевленные предметы (*брата*); в твор. п. *-ом, -ам (сталом, братам, акном, летам)*, в местн. п. *-е (аб сталае, браце, акне, леце)*.

Окончание им. п. имен существительных среднего рода *-о (акно)*, род. п. *-а (акна)*, дат. п. *-у (акну)* и такие же окончания в мужском роде являются исконными.

Чистая основа имен существительных мужского рода в им. п. (*стол, во-раг*) получилась в результате падения редуцированного гласного ъ, который был окончанием им. п. имен существительных мужского рода (*столь, братъ*). Окончания твор. п. *-ом*, мест. п. *-е* фонетически развились из прежних окончаний *-омь* и *ѣ*.

Имена существительные с мягкой согласной в основе, например *конь, поле, госьць*, имеют окончание в им. п. у имен существительных среднего рода *-е (поле)*, в род. п. *-а (-я) (каня, поля, госьця)*, в дат. п. *-ю (каню, полю, го-сцю)*, в вин. п. окончание им. или род. п., в твор. п. *-ём (канём)*, в местн. п. *-и (аб кані, аб полі)*.

В склонениях имен существительных с мягким согласным в основе исконными являются окончания им. п. имен существительных среднего

рода *-е* (*поле*), род. п. *-я* (*поля, каня*), дат. п. *-у* (*-ю*) (*полю, каню*), местн. п. *-і* (*аб полі, аб кані*).

Чистая основа имен существительных мужского рода *конь* появилась в результате падения редуцированных гласных в конце слова. Окончание твор. п. *-ѣм, -ем* (*канѣм, полем*) образовалось из прежнего *-емь*. Вин. п. в прежнее время имел формы, одинаковые с формами им. п.: *віжу стол* и *віжу братъ*. В последующей истории в функции прямого объекта у имен, обозначающих одушевленные предметы, распространилась форма род. п.: *віжу брата*.

§ 147. Имена существительные мужского и среднего рода с отвердевшей согласной в основе имеют в ед. ч. окончания, аналогичные окончаниям имен существительных с мягкой согласной в основе, например:

И. *конь, поле* – *ключ, сэрца*

Р. *каня, поля* – *ключа, сэрца*

Д. *каню, полю* – *ключу, сэрцу*

В. как именительный или родительный

Т. *канѣм, полем* – *ключом, сэрцам*

М. *аб кані, полі* – *аб ключы, сэрцы*

Различие в окончаниях имен существительных с мягкой и отвердевшей основой заключается только в наличии отвердевшей согласной или аканья в окончании: окончание *-а* в им. п. слова *сэрца* из *-е* появилось в результате аканья и под влиянием отвердевшего *ц*; окончание *-ы* в местн. п. (*аб сэрцы, ключы*) вместо *-и* появилось под влиянием отвердевшего *ч* или *ц*.

§ 148. Имена существительные среднего рода с основой на *р* склоняются по образцу имен существительных с отвердевшей основой независимо от того, является ли *р* отвердевшим (*мора*) или исконно твердым (*возера*), например:

И. *возера, мора*

Р. *возера, мора*

Д. *возеру, мору*

В. *возера, мора*

Т. *возерам, морам*

М. *аб возеры, аб моры*

Но слово *двор* в местн. п. имеет окончание *-э*: *на дварэ*. Окончание местн. п. *-ы* в слове *аб возеры* возникло вместо *ѣ* под влиянием формы местн. п. слова *моры*; окончание *-ы* в местн. п. в слове *моры* появилось из *-і*.

Окончание *-э* в форме *на дварэ* из прежнего *ѣ*.

§ 149. Имена существительные с основой на заднеязычный *к* в местн. п. всегда имеют окончание *-у*: *аб воўку, сабаку, пяску, воску, малаку, на рагу* и т. д.

Имена существительные с основой на заднеязычные *г, х* также могут иметь окончание *-у*: *у духу, у страху, на снягу*, но возможно также и *на снезе*. Окончание местн. п. *-у* в это склонение проникло из прежнего III склонения типа *сын* в связи с тем, что все слова этого склонения перешли в число имен существительных II склонения.

Распространение окончания *-у* вместо *-е* в местн. п. у имен существительных II склонения приводило к устранению перехода *г, к, х* в *з, ц, с* перед *-е* из *ѣ*: *аб страху, аб суку*.

Имена существительные, которые обозначают лиц мужского пола, в местн. п. имеют окончание *-у* независимо от характера основы, например: *аб інжынеру, Ціту, кавалю, пралетарыю, байцу* и т. д. В некоторых случаях возможно и окончание *-е*: *аб Пане* и *аб Пану*.

Таким образом, в местн. п. употребляются следующие окончания: *-е* (*аб доме*), *-и* (*аб кані*), *-э* (*на дварэ*), *-ы* (*на моры*), *-у* (*аб суку, аб кавалю* и т. д.).

§ 150. Как указывалось выше, в род. п. употребляется окончание *-а* (*-я*) у имен существительных мужского и среднего рода. Кроме этого окончания в род. п. ед. ч. употребляется еще окончание *-у*. Оно также проникло в это склонение из прежнего III склонения типа *сын*. Окончание *-у* имена существительные принимают в тех случаях, когда они употребляются в смысле определенного или неопределенного количества, меры или степени.

Одно и то же слово может принимать окончание *-а* или *-у* в зависимости от указанной дифференциации по смыслу, например: *маральна-палітычнае адзінства народа* и *многа або мала народу*; *вытворчасць цукра* и *кіло цукру*.

Окончание *-у* принимают в род. п.:

1. Названия собирательных, вещественных предметов и вообще тех предметов, которые употребляются или употреблены в смысле определенного или неопределенного количества, меры, веса, числа: *пяску, лесу, металу, мёду, воску, вінаграду, гароху, баршчу, газу, дыму, дзёгцю, ізюму, лёду, гною, перцу, пораху, табаку, хламу, супу, часнаку, шакаладу, турнепсу, чаю, цэменту, торфу, соку, снегу, поту, рысу, тавару* и т. д.

2. Названия качеств или действий, которые употребляются в смысле определенной или неопределенной меры или степени, например:

а) названия качеств, которые выражают явления природы, или психофизиологическое состояние человека: *блеску, гонару, жару, толку, холоду,*

часу, змроку, сухменю, ветру, прастору, клопату, пыху, спрыту, блакіту, слыху, страху, паху, сэнсу, перапалоху, смеху, маху, сораху, болю, жалю, розуму, настроя, адчаю;

б) названия определенных действий: *поспеху, погляду, крыку, бою, росту, збору, хору, уздыму, шуму, даходу, ужытку, удою, запасу, адчоту, угавору, прысуду, прыбытку, пуску, промаху, умалоту, размаху, спросу, уплыву, доплыву, попыту, кірунку, удару, прыступу, адбою, успаміну, ладу, сходу, гоману, напору* и т. д.

Формальной приметой многих имен существительных, которые в род. п. ед. ч. имеют окончание *-у*, является возможность сочетания их с наречиями *многа, мала*: *многа (мала) гоману, крыку, прыбытку, смеху, паху, страху, пяску, табаку, торфу* и т. п.

Окончание *-у* принимают также имена существительные в сочетании с предлогом *з*, например: *з боку, з дому, з лесу, з твару, з самага верху, з самага нізу, з цэнтру*.

Уменьшительные формы имен существительных в сочетании с предлогом *з* имеют окончание *-а*, например: *з лясочка, з гаёчка* и т. д.

Множественное число

§ 151. Имена существительные мужского и среднего рода с твердой и отвердевшей согласной в основе, имеют окончание в им. п. *-ы* (*сталы, браты, азёры, окны*); в род. п. под ударением *-оў* (*сталоў, братоў*), не под ударением *-аў* (*піянераў, разведчыкаў, кандыдатаў, мораў, вокнаў* або *акон*); в вин. п. – одинаковые с формами им. или род. п., в дат. п. *-ам* (*братам, ключам, марам*); в твор. п. *-амі* (*братамі, ключамі, вокнамі*); в местн. п. *-ах* (*аб братах, ключах, вокнах*).

Имена существительные мужского и среднего рода с мягкой согласной в основе имеют окончания в им. п. *-і* (*кані, кавалі, полі*); в род. п. под ударением *-ёў* (*кавалёў, палёў*), не под ударением *-яў* (*вучняў, пралетарыяў*); в вин. п. одинаковые с формой им. п. или род. п.; в дат. п. *-ям* (*каням, кавалям, палям*); в твор. п. *-ямі* (*канямі, кавалямі, палямі*); в местн. п. *-ях* (*аб канях, кавалях, палях*).

Окончание им. п. имен существительных мужского рода с мягкой основой *-і* (*кані*) является исконным. Окончание им. п. имен существительных мужского рода с твердой основой *-ы* (*сталы*) является по происхождению окончанием вин. п., который заменил собой прежнее окончание им. п. *-і*.

Окончание *-і* после заднеязычных *г, к, х* (*ваўкі, мяхі*) возникло из *-ы* в результате перехода *гы, кы, хы* в *гі, кі, хі*.

Окончание *-i* в словах *чэрці, суседзі* является исконным, сохранившимся как пережиток прежнего окончания им. п. имен существительных с твердой основой *-i*.

Окончание им. п. среднего рода с твердой основой *-ы* (*вокны, азэры*) и с мягкой основой *-і* (*палі*) явилось по аналогии с окончаниями им. п. мужского рода. Окончание им. п. имен существительных мужского рода с отвердевшей основой *-ы* явилось из *-і* в результате отвердения предшествующего согласного: *звері – звяры*. Окончание род. п. *-оў, -ёў* (под ударением), *-аў, -яў* (не под ударением) является по происхождению окончанием род. п. мн. ч. прежнего III склонения типа *сынъ*, которое распространилось на все имена существительные современного II склонения.

Окончания имен существительных в дат. п. *-ам, -ям*, в твор. п. *-амі, -ямі*, в местн. п. *-ах, -ях* не являются в этом склонении исконными; они проникли во II склонение из I склонения.

В род. п. мн. ч., кроме форм на *-оў, -ёў, -аў, -яў*, употребляются еще:

а) формы с чистой основой у имен существительных: *год, раз, рог, дзён, чалавек, чаравік, салдат, гектар, аршын*. Эти имена существительные, однако, могут употребляться и с окончаниями *-оў (-аў), -ёў (-яў)*: *разоў, днёў*. Формы с чистой основой являются наследием род. п. имен существительных прежнего II склонения, где на конце был отпавший в дальнейшем редуцированный звук *ъ*: *годъ, чалавекъ* и т. д.

б) формы с чистой основой у имен существительных с суффиксом *-ін* в единственном числе, которые утрачивают его во множественном числе: *мінчанін – мінчан, кіеўлянін – кіеўлян, мяшчанін – мяшчан*. Эти формы по происхождению являются формами род. п. прежнего V склонения;

в) формы с окончанием *-ей, -яй* у некоторых имен существительных мужского рода с мягкой основой: *гасцей, каней, аленьяй, лапцей*. Эти имена существительные, однако, могут встречаться и с окончаниями *-ёў, -яў*: *днеў, аленьяў*. Окончание *-ёў* проникло в это склонение из прежнего IV склонения слов типа *госць, косць*.

§ 152. В твор. п., кроме окончания *-амі, -ямі*, встречаются еще окончания *-мі* или *-ыма*. С окончанием *-мі* иногда встречаются следующие имена существительные: *коньмі, дрыўмі, варотмі* (Я. Купала. Избр. произвед., стр. 79), *плячмі* (М. Лыньков. «На чырвоных лядах», стр. 36), *дзвярмі* (там же). Окончание *-мі* перешло в это склонение из прежнего IV склонения.

У имен существительных, которые обозначают парные предметы, употребляется окончание *-ыма*: *плячыма* (К. Крапива. «Партизаны», стр. 29); ср. также *дзвярыма* (Э. Самуйлёнок. «Дачка эскадрона», стр. 30). Окончание

мн. ч. *-ыма* представляет собой по происхождению окончание двойственного числа, которое получило значение множественного числа в связи с исчезновением категории двойственного числа.

В местн. п. в соответствии с литературной формой на *-ах*, *-ях* встречается диалектное окончание *-ох*, *-ѣх*: *аб сталох, братох, палѣх (палях)* и т. д. Эта форма употреблялась и в литературе до реформы правописания 1933 г.

Окончание *-ох*, *-ѣх* восходит к старому окончанию местн. п. прежнего III (типа *сын*) и IV (типа *госць, косьць*) склонений.

III склонение

К III склонению относятся имена существительные женского рода с мягкой и отвердевшей основой, которые в им. п. имеют чистую основу: *ноч*, *мыш*, *косьць, печ*, *рѣч, радасць*. Современное III склонение образовали имена существительные женского рода прежнего IV склонения.

ЕДИНСТВЕННОЕ ЧИСЛО

§ 153. Имена существительные III склонения ед. ч. в дат. и местн. п. имеют окончание *-и* при мягкой основе и основе на *-ѣ* (неслоговое): *косцѣ, столѣ, крывѣ* и *-ы* при отвердевшей основе (*мышцы, шыры*).

Окончание *-и* является исконным, окончание *-ы* образовалось из *-и* в результате отвердения предшествующих согласных.

Форма вин. п. совпадает с формой им. п., как у имен существительных, которые обозначают неодушевленные предметы (*косьць*), так и у имен существительных, которые обозначают одушевленные предметы (*мыш*). Такая форма является исконной.

В твор. п. имена существительные III склонения имеют окончание *-ѹ* (орфограф. *-ю*) при мягкой основе (*косцю, колькасцю, якасцю*), *-у* при отвердевшей основе (*мышу, печчу, ноччу*) и *-ју* (орфограф. *-ю*) при основе на губные и *р* (*шырју, орфограф. шыр'ю, кроўју, орфограф. кроўю*).

Окончание *-у* (*-ју*) произошло из прежнего окончания *-ѹју* (из *-ѹјѹ*).

Звук *ј* в окончании *-ѹју* после падения *ѹ* (ерь) оказался в непосредственном соседстве с согласными основы, последние смягчались перед *ј*, затем звук *ј* ассимилировался согласным основы за исключением губных согласных и *р*; губные согласные и *р* позже отвердели, получились формы: *шыр'ю, кроў'ю, любоў'ю, глыб'ю*; остальные согласные звуки, которые ассимилировали *ј*, удлинились. Причем удлинение этих согласных имеется только в интервокальном положении, т. е. между гласными, например: *ноччу, печчу*.

Некоторые имена существительные III склонения, кроме окончания -у (-ю) могут иметь еще окончания -ой (-ою), -ей (-ёю) под ударением и -ай (-аю), -яй (-яю) не под ударением, например: *крывёй, грязёй, плыняй, сенажацяй, печай* и т. д.

Эти формы твор. п. имен существительных III склонения образовались под влиянием формы твор. п. имен существительных женского рода I склонения.

Множественное число

§ 154. Имена существительные III склонения множественного числа имеют окончания в им. п. после мягких согласных -і (*косці*), после отвердевших -ы (*мышы*), в род. п. после мягких -ей (*касцей, сенажацей*), после отвердевших согласных -эй (*пячэй, начэй, мышэй*), в вин. п. – совпадающие с им. п. у имен существительных, которые обозначают одушевленные предметы, и с род. п. у имен существительных, которые обозначают неодушевленные предметы; в дат., твор. и местн. п. -ям (-ам) (*касцям, мышам*), -ямі (-амі) (*касцямі, мышамі*), -ях (-ах) (*аб касцях, мышах*). Окончание им. п. -і (*косці*) является исконным; окончание им. п. -ы (*мышы*) появилось в результате отвердения предшествующего согласного. Окончание род. п. -ей (-эй) (*касцей*) стоит на месте прежнего окончания -ьи (*ксты – касцей*). Окончание -эй появилось в результате отвердения предшествовавшего согласного (*мышэй* из *мышей*). Окончания дат. п. -ям (-ам), твор. п. -ямі (-амі), мест. п. -ях (-ах) не являются исконными. Они проникли в III склонение из I склонения. В род. п., кроме окончания -ей (-эй), употребляется еще окончание -яў (-аў): *сенажацяў, дробязяў, ночаў, ніцяў* (Я. Колас. «Дрыгва», стр. 173).

В твор. п. употребляется окончание -мі у имени существительного *касць* (*касыцмі*) наряду с окончанием -ями (*касцямі*). В диалектах форма на -мі распространена больше, чем в литературном языке. Окончание твор. п. -мі является рефлексом исконного окончания -ьмі

Глава четвертая

ИМЕНА ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ

ОБРАЗОВАНИЕ ОСНОВ ИМЕН ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

§ 155. Суффиксы, которые употреблялись при образовании имен существительных, употреблялись также и при образовании имен прилагательных. Имена прилагательные с точки зрения образования основ первоначально

не представляли особого морфологического разряда сравнительно с именами существительными. Позже возникли отдельные суффиксы, которые стали встречаться только при образовании имен прилагательных.

Суффиксы, которые употреблялись при образовании имен прилагательных в доисторическое время, были относительно немногочисленны. Развитие морфологического аппарата привело к значительному обогащению состава суффиксов имен прилагательных. Многие из современных суффиксов образовались путем тех или других осложнений исконных суффиксов.

§ 156. Суффикс *-т-* в неосложненном виде встречается в причастиях: *штыты, віты, ср. шыць.*

При образовании имен прилагательных этот суффикс встречается в осложненных формах, именно:

-ат-: *барадаты, рагаты, кудлаты, крылаты, валасаты, вусаты;*

-іт-: *масціты;*

-авіт-: *дамавіты, таленавіты, сакавіты, працавіты;*

-ават-: *сухаваты, сукаваты, глухаваты, дурनावаты, белаваты, сіняваты, іглаваты, дуплаваты, вузлаваты, вілаваты;*

-ут-, -утн-: *славуты, магутны;*

-отн-: *маркотны, вільготны, дрымотны, бліскотны, высотны (палёт), гаротны, шляхотны, смяротны;*

-ітн-: *блакітны;*

-чат-: *зубчаты, стрэльчаты.*

§ 157. Суффиксы с *-в-* употребляются в следующих формах:

-ів-, -ыв-: *служывы, плаксівы, праўдзівы, міласцівы, пачцівы;*

-ов-: *сталовы, сасновы, зімовы, вярбовы, паступовы, веснавы, сталёвы, хваёвы, грэбнёвы, жыціцёвы;*

-лів-: *крыклівы, карыслівы, гулівы, імклівы, сарамлівы, дакучлівы, руплівы, даверлівы, уважлівы, настойлівы, гутарлівы, слязлівы и т. д.;*

-ав- (-яв-): *рухавы, дзіравы, жыравы, кучаравы, велічавы, чарнявы, сінявы.* Этот суффикс нельзя смешивать с суффиксом *-ов-, -ёв-*. Он является непродуктивным и обозначает обладание определенным качеством, склонностью к какому-либо действию.

§ 158. Суффикс *-н-* в неосложненном виде встречается только в причастиях: *вынесены, вывезены, выкапаны, вымазаны.* При образовании имен прилагательных суффикс *-н-* встречается в осложненных формах, именно:

-ьн-, откуда позже *-н-*: *каменны, жалезны, гучны, смачны, разумны, народны, дымны, слаўны, калгасны, начны, дзённы, пільны, ясны;*

-ян-, -ан-: *драўляны, аўсяны, скураны, медзяны, алавяны, касцяны, гліняны, шкляны, саламяны, лубяны, вадзяны, бульбяны;*

-ён-: *студзёны, шалёны, затаёны, вялёны, закруглёны, мудроны;*

-енн-, -энн-: *здаравенны, даўжэжны, страшэнны;*

-ійн- (-ыйн-): *рэлігійны, селекцыйны, аварыйны, інфармацыйны, кансультацыйны;*

-ічн- (-ычн-): *гераічны, патрыятычны, соцыялістычны, паэтычны, рытмічны.*

§ 159. Суффикс -к- встречается в прилагательных: *ломкі, ліпкі, крохкі, салодкі, гулкі, нізкі, гразкі, цяжкі, пухкі, вёрткі.*

Осложненные формы суффикса -к-:

-ок-: *глыбокі, шырокі, далёкі;*

-еньк-, -эньк- (-аньк-): *беленькі, маленькі, малодзенькі, старэнькі, харошанькі;*

-ёханьк-: *жывёханькі, цалёханькі;*

-юпценьк-, -юпаценьк-: *малюпценькі, малюпаценькі;*

-юсеньк-: *бялюсенькі, навясенькі, сінюсенькі, нізюсенькі, зелянюсенькі;*

-ютк-, -утк-: *паўнюткі, сінюткі, драбнюткі, нізюткі, адзінюткі, ціхуткі;*

-осеньк-: *махосенькі.*

§ 160. Суффикс -л- в белорусском языке употребляется довольно часто: *шчуплы, затхлы (из задыхлы), круглы, кволы, друзлы, бязмозглы, светлы, дасканалы, ветлы, заядлы, дарослы, нямелы, процілеглы, небывалы, застылы, захудалы, парадзелы, самлелы, сціслы, паніклы, звялы, пажоўклы, заімышэлы, збялелы, адзічалы, акамянелы, паблеклы, мёрзлы, гнілы.*

§ 161. Отметим некоторые суффиксы отдельно:

-аст-: *лабасты, зубасты, віхрасты, галінасты, гарласты, мышасты (конь), заграбасты (руки);*

-іст-: *галасісты, залацісты, серабрысты, стучысты, іглісты, студзяністы, прамяністы, ганарысты, гліністы, смалісты, зярністы, вадзяністы, шклісты;*

-ляв-: *пісклявы, трухлявы, хударлявы, сухарлявы, задыхлявы;*

-альн-: *несакрушальны, навучальны, растлумачальны, недатыкальны, унушальны;*

-эзн-: *даўжэжны, вялічэжны, таўшчэжны;*

-ізарн-: *вялізарны;*

-ашн-, -ішн-: *летаціні, сённяціні, тамашціні, даўняціні, раніціні, каліціні;*

-ск-: *беларускі, украінскі, маскоўскі, воінскі.*

ЗНАЧЕНИЕ ОСНОВ ИМЕН ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

По значению имена прилагательные разделяются на три большие группы: качественные, относительные и притяжательные.

§ 162. Качественные имена прилагательные обозначают качество предмета: *востры, твёрды, чырвоны, чорны, сіні, белы, добры* и т. д.

Различные основы качественных имен прилагательных выражают различные оттенки качества. По степени полноты проявления качества предмета различают:

а) имена прилагательные, которые обозначают качество предмета безотносительно к полноте его проявления; они образуются с помощью суффиксов:

- н-: *гучны, смачны, разумны;*
- ов-, -ёв-: *наспяховы, жыццёвы;*
- ат-: *барадаты, кудлаты;*
- іст-: *жалезісты, серабрысты, залацісты;*
- лів-: *цярплівы, шумлівы, крыклівы;*

б) имена прилагательные, которые обозначают низшую степень полноты качества; они образуются с помощью суффиксов:

- ават-, -яват-: *сухаваты, сукаваты, глухаваты, сіняваты, белаваты;*
- ав-, -яв-: *бялявы, чарнявы, сінявы;*

в) имена прилагательные, которые обозначают высшую степень качества предмета; они образуются с помощью суффиксов:

- аст-: *зубасты, лабасты, віхрасты, спічасты, гарласты;*
- ізн-: *вялізны;*
- ізарн-: *вялізарны;*
- эзн-: *вялічэзны, таўшчэзны;*
- енн-, -энн-: *здаравенны, даўжэнны;*
- іст-: *галасісты, каласісты, стручысты.*

По характеру отношения говорящего лица к качеству предмета выделяют имена прилагательные с ласкательным значением, среди которых различают:

а) ласкательные имена прилагательные с уменьшительным значением; они образуются с помощью суффиксов:

- еньк-, -эньк-, -аньк-: *беленькі, старэнькі, хорошанькі;*
- юценьк-, -юаценьк-: *малюценькі, малюаценькі;*

б) ласкательные имена с полнотой качества; они образуются с помощью суффиксов:

- юсеньк-: *бялюсенькі, сінюсенькі;*
- ютк-: *паўнютокі, сінюткі, дранюткі.*

Качественные имена прилагательные, кроме того, имеют формы степеней сравнения.

§ 163. Относительные имена прилагательные обозначают признак предмета по материалу, из которого сделан предмет, по месту существования предмета, а также по времени, относительно которого говорится о предмете. Относительные имена прилагательные образуются от названий материалов, из которых сделан предмет, от названий места существования предметов, а также от названий времени. Относительные имена прилагательные, образованные от названий материалов с помощью суффиксов:

- н-: *каменны, жалезны;*
- ан-, -ян-: *дзеравяны, скураны;*
- ов-: *сасновы, дубовы;*
- ёв-: *хваёвы, сталёвы.*

Относительные имена прилагательные, образованные от названий места существования предмета с помощью суффиксов:

- ск-: *маскоўскі, украінскі, беларускі, рускі;*
- ашн-: *тамашні;*
- н-: *лясны.*

Относительные имена прилагательные, образованные от названий времени с помощью суффиксов:

- н-: *вячэрні, летні, зімні;*
- ашн-, -яшн-: *сённяшні, леташні;*
- ов- (-ав-): *зімовы, веснавы;*
- ёв-: *ліпнёвы.*

§ 164. Притяжательные имена прилагательные обозначают признак предмета по его принадлежности лицу или животному; эти имена прилагательные образуются от названий лиц с помощью суффиксов:

- ін-, -ын-: *Любін, матчын;*
- оў-: *краўцоў, бацькаў;*
- ёў-: *кавалёў, Алесеў.*

Притяжательные имена прилагательные образуются также от названий животных с помощью тех же суффиксов: *каровін, лісін, рыбін, бараноў, конеў*; от названий животных притяжательные имена прилагательные могут образоваться (особенно в диалектах) с помощью -j-, который в формах им. п. мужского рода в сочетании с окончанием принял форму -і- (-ы-): *рыбі, лісі, карові, воўчы*, а в формах им. п. женского и среднего рода дал удлинение предшествующих согласных, за исключением губных: *лісся, ліссе*, но *кароўя, рыб'я, кароўе, рыб'е*.

ФОРМЫ ИМЕН ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

§ 165. Имена прилагательные имеют формы рода, числа и падежа. Качественные имена прилагательные, кроме того, имеют формы степеней сравнения.

§ 166. Формы степеней сравнения имеют имена прилагательные, которые обозначают качество предмета. Различаются формы трех степеней сравнения: положительная, сравнительная и превосходная.

Формы положительной степени имен прилагательных обозначают качество предмета без отношения к сравнению его с соответствующим качеством других предметов. Формами положительной степени являются формы обычных качественных имен прилагательных: *чырвоны, сіні, белы, добры* и т. д.

Формы сравнительной степени обозначают высшую ступень качества предмета сравнительно со степенью соответствующего качества другого предмета.

§ 167. В древнем языке формы сравнительной степени функционировали в именной и местоименной форме. Эти формы сравнительной степени согласовались в роде, числе и падеже с соответствующими именами существительными.

Употребление косвенных падежей именных форм сравнительной степени было уже утрачено в доисторическое время. В историческую эпоху именные формы сравнительной степени употреблялись только в им. п. единственного, а отчасти и множественного числа, например:

И. муж. р. ед. ч. *добрѣи, мьнии*

Р. жен. р. ед. ч. *добрѣиши, мьниши*

И. сред. р. ед. ч. *добрѣе, мьне, боле*

И муж. мн. ч. *добрѣише, мьнише.*

§ 168. В современном белорусском языке сохранилась только прежняя форма им. п. муж. р. ед. ч. на *-ей* (*ціхі – цішэй, цікавы – цікавей, салодкі – саладзей, хуткі – хутчэй*), а также прежняя форма им. п. жен. р. ед. ч. на *-и* из *-иш* с утраченным конечным *-и* (*мениш, больш, горш, лепи*); формы на *-ей* и *-и* в современном языке не имеют значения рода, числа и падежа; они получили форму наречия и встречаются весьма ограниченно.

Местоименные формы сравнительной степени сохранились только с суффиксом *-ейш-*, *-иш-*, который в своей древней форме *-ѣиш-*, *-ьиш-* употреблялся при образовании форм сравнительной степени мужского и женского рода.

В современном белорусском языке при образовании местоименных форм сравнительной степени обычно употребляется суффикс *-ейш* (*-эйш*): *добры – дабрэйшы, белы – бялейшы, малады – маладзейшы, дарагі – даражэйшы, харошы – харашэйшы, слабы – слабейшы, скупы – скупейшы, зялёны – зелянейшы, ласкавы – ласкавейшы*.

Суффикс *-ш* употребляется наряду с суффиксом *-ейш* только в отдельных случаях: *малады – маладзейшы – малодшы; стары – старэйшы – старшы*.

С помощью суффикса *-ш* всегда образуют местоименные формы сравнительной степени имена прилагательные, не имеющие от того же корня форм положительной степени: *менишы, большы, горшы*.

Имена прилагательные с суффиксом *-ок* (*-ёк*), *-к* образуют формы сравнительной степени обычно путем присоединения суффикса *-ейш* к корню, а не к суффиксальному *-к*: *глыбокі – глыбейшы, высокі – вышэйшы, далёкі – далейшы, салодкі – саладзейшы, нізкі – ніжэйшы* и т. д.

Это объясняется тем, что формы сравнительной степени возникли в языке раньше того времени, когда имена прилагательные получили суффиксальный *-к* (*-ок*, *-ёк*, *-к*). В тех случаях, когда отдельные имена прилагательные с суффиксальным *-к* в языке закреплялись раньше образования от них форм сравнительной степени, суффикс сравнительной степени присоединялся к суффиксальному *-к*, который переходил в *ч*: *лёгкі – лягчэйшы, тонкі – танчэйшы, горкі – гарчэйшы* и др.

Образование форм сравнительной степени без суффиксального *-к* соответствует образованию от тех же корней без суффиксального *-к* глагольных форм, например: *гладкі – гладз-іць – гладз-ейшы; салодкі – саладз-іць – саладз-ейшы; нізкі – знізіць – ніж-эйшы; вузкі – вузіць – вуз-ейшы; рэдкі – парадз-ець – радз-ейшы; кароткі – накарац-іць – карац-ейшы; блізкі – набліз-іць – бліж-эйшы* и т. д.

Образование форм сравнительной степени с суффиксальным *-к* соответствует образованию от тех же корней с суффиксальным *-к* глагольных форм, например: *вадкі – вадч-эйшы; мягкі – памягчэць – мягч-эйшы; ёмкі – паямчэць – ямч-эйшы; тонкі – патанчэць – танч-эйшы; лёгкі – палягчэць – лягч-эйшы; горкі – пагарчэць – гарч-эйшы; мелкі – памяльчэць – мяльч-эйшы; брыдкі – пабрыдчэць – брыдч-эйшы; пруткі – папрутчэць – прутч-эйшы; крэпкі – накрапчэць – крапч-эйшы* и т. д.

Но встречаются и отклонения от этих соотношений: *гідкі – гідзіць*, но *пагідчэць – гідчэйшы*.

Имена прилагательные с основой на заднеязычные *г, к, х*, а также на зубные *з, с* при образовании форм сравнительной степени заменяют конечные согласные основы перед суффиксом *-ейш-* (*-эйш-*) по закону палатализации в *ж, ч, ш*, например: *бліз-кі* – *бліж-эйшы*, *высо-кі* – *выш-эйшы*, *дараг-і* – *дараж-эйшы*, *лёг-кі* – *лягч-эйшы*, *шыб-кі* – *шыбч-эйшы* и т. д. Сравнительная степень имен прилагательных образуется также и описательным способом с помощью слов: *больш, лепш, менш, горш*. Обычно описательный способ образования сравнительной степени употребляется в тех случаях, когда отсутствует форма сравнительной степени, образованная с помощью соответствующих суффиксов, например: *бліскучы* – *больш* (менш) *бліскучы*, *гразкі* – *больш* (менш) *гразкі*, *вядомы* – *больш* (менш) *вядомы*, *знаёмы* – *больш* (менш) *знаёмы* и т. д.

Подобным способом сравнительная степень может образовываться и от тех имен прилагательных, которые образуют ее и с помощью суффиксов, как, например: *моцны* – *мацнейшы* и *больш* (менш) *моцны*, *цікавы* – *цікавейшы* и *больш* (менш) *цікавы*, *высокі* – *вышэйшы* и *больш* (менш) *высокі* и т. д.

В белорусском языке употребляется, кроме того, образование форм сравнительной степени с помощью префикса *за*: *высокі* – *завысокі*, *нізкі* – *занізкі*, *вялікі* – *завялікі*, *глыбокі* – *заглыбокі* и др.

Имена прилагательные с местоименными формами сравнительной степени изменяются по падежам, родам и числам, как и имена прилагательные положительной степени. В предложении они служат определением и именной частью составного сказуемого.

В белорусском языке при выражении сравнения после форм сравнительной степени обычно ставятся предлоги *за*, иногда *ад*, или союзы *як, чым*: *больш за яго*, *вышэйшы за яго*, *старэйшы ад яго*, *смялейшы, як ён*, *смялейшы, чым ён* и т. д.

§ 169. Формы превосходной степени сравнения имен прилагательных обозначают наивысшую степень качества предмета сравнительно со степенью качества других предметов. Формы превосходной степени образуются от сравнительной степени с помощью частицы *най-*, например: *бялейшы* – *найбялейшы*, *вышэйшы* – *найвышэйшы*, *большы* – *найбольшы* и т. д.

Формы превосходной степени сравнения могут образоваться и описательным способом с помощью слов: *самы, найбольш, вельмі, надта, надзвычай* и др. С помощью слова *самы* форма превосходной степени образуется от всех трех форм степеней сравнения: *самы высокі*, *самы вышэйшы*, *самы найвышэйшы*. Слова *найбольш, вельмі, надта, надзвычайна* при образовании формы превосходной степени присоединяются к положительной степени

имен прилагательных: *найбольш дужы, вельмі моцны, надта разумны, надзвычайна цікавы* и т. д.

§ 170. Формы рода имен прилагательных. Имена прилагательные единственного числа имеют формы трех родов: мужского, женского и среднего: *добры, добрая, добрае*; формы рода имен прилагательных по значению являются отражением форм рода имен существительных. Имена прилагательные принимают форму того рода, который имеет соответствующее имя существительное.

Во множественном числе имена прилагательные имеют общие формы для всех трех родов: *добрыя сталы, добрыя сцены, добрыя вазёры*.

В древнем языке имена прилагательные имели особые формы трех родов в единственном и во множественном числе: ед. ч. *добрый столь, добрая стѣна, доброе озеро*; мн. ч.: *добрии столы, добрыѣ стѣны, добрая озера*. В дальнейшем формы мн. ч. имен прилагательных унифицировались в одну общую форму для всех родов, в роли которой теперь выступает прежняя форма женского рода *добрыѣ (стѣны)*, откуда *добрые – добрыя (сцены, сталы, вазёры)*. В тех случаях, когда имена существительные не имеют форм рода, их родовое значение выражается формами рода имени прилагательного: *гарачае рагу, но вялікі кенгуру*.

§ 171. Формы числа имен прилагательных. Имена прилагательные имеют формы двух чисел – единственного и множественного: *добры стол, добрыя сталы*. В формах числа имен прилагательных отражается число предметов, которое выражается существительным, а не число качеств, выраженных прилагательным. Форма множественного числа имен прилагательных показывает множество предметов с одинаковым качеством, а не множество качеств.

Единство или множество предметов, которые обозначаются соответствующими именами существительными, находят свое двойное выражение: и в именах прилагательных, и в именах существительных.

Таким образом, формы числа имени прилагательного по значению являются только известным отражением форм числа соответствующего имени существительного, к которому относится данное прилагательное. В тех случаях, когда имена существительные не имеют форм числа, это его значение выражается формой числа прилагательного: *ваенны аташэ* и *ваенная аташэ*.

§ 172. Формы падежей имен прилагательных. Имена прилагательные имеют формы тех же падежей, что и имена существительные: именительный, родительный, дательный, винительный, творительный и местный.

В единственном числе имена прилагательные имеют и формы рода. Формы падежей имен прилагательных отражают формы соответствующих падежей имен существительных. Имя прилагательное вообще принимает форму падежа, рода и числа того имени существительного, к которому оно относится. Формы падежа, рода и числа прилагательного служат формами согласования прилагательного с существительным.

В тех случаях, когда имена существительные не имеют форм падежа, его падежное значение выражается формой падежа прилагательного: *ваенны аташэ, ваеннага аташэ, военным аташэ*.

Рассмотрим падежные формы имен прилагательных.

СКЛОНЕНИЕ ИМЕН ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

§ 173. В древнем языке различались два типа склонения имен прилагательных: именное и местоименное. Имена прилагательные всех трех типов могли принимать падежные формы именного и местоименного склонения. С течением времени употребление местоименных форм все более распространялось.

§ 174. В современном белорусском языке только притяжательные прилагательные, которые образуются с помощью суффиксов *-ін, -ов- (-ав-)* сохранили, за исключением некоторых падежей, формы именного склонения: в ед. ч. формы именного склонения сохранились в им., род., дат. и вин. п., а во множественном числе: в им. и вин. п.

Притяжательные прилагательные мужского и среднего рода в ед. ч., как и имена существительные, имеют в им. п. именные формы с чистой основой и на *-а* (не под ударением), например: *краўцоў, кавалёў, бацькаў, матчын* (дом); *краўцова, кавалёва, бацькава, матчына* (зрно); в род. п. именные формы на *-а*: *краўцова, кавалёва, бацькава* (дома, зрна); в дат. п. именные формы на *-у*: *краўцову, кавалёву, бацькаву, матчыну* (дому, зрну); в вин. п. формы, одинаковые с формами им. или вин. п.; в твор. и местн. п. притяжательные прилагательные ед. ч. имеют местоименные формы на *-ым*, как и другие прилагательные: *краўцовым, кавалёвым, бацькавым, матчыным* (домам). Притяжательные прилагательные муж. и ср. р. в ед. ч. в род. и дат. п., кроме именных, могут иметь и местоименные формы: *краўцовага, матчынага* и т. д.

Притяжательные прилагательные женского рода в ед. ч. имеют именные формы только в им. и вин. п.: *краўцова, кавалёва, бацькава, матчына, Алесіна* (хата); *краўцову, кавалёву, бацькаву, матчыну, Алесіну* (хату). В других

падежах притяжательные прилагательные имеют местоименные формы: в род. п. -ай: *краўцовай, кавалёвай, Алесінай, матчынай, бацькавай* (хаты); в дат. п. -ай: *краўцовай, кавалёвай, Алесінай, бацькавай* (хаце); в твор. п. -ай (-аю): *краўцовай (-аю), кавалёвай (-аю)*; в местн. п. -ай: *краўцовай, кавалёвай, Алесінай, матчынай* (табл.).

Падежные формы притяжательных прилагательных

Падеж	Род	Падежные формы	Примеры
Единственное число			
Именительный	Женский	-а	Матчына, краўцова
	Средний	-а	Матчына, краўцова
	Мужской		Матчын, краўцоў
Родительный	Мужской и средний	-а	Матчына, краўцова
	Женский	-ай	Матчынай, краўцовай
Дательный	Мужской и средний	-у	Матчыну, краўцову
	Женский	-ай	Матчынай, краўцовай
Винительный	Мужской как именительный или родительный	—	
	Средний как именительный		
	Женский	-у	Матчыну, краўцову
Творительный	Мужской и средний	-ым	Матчыным, краўцовым
	Женский	-ай	Матчынай, краўцовай
Местный	Мужской и средний	-ым	Матчыным, краўцовым
	Женский	-ай	Матчынай, краўцовай
Множественное число			
Именительный		-ы	Матчыны, краўцовы
Родительный		-ых	Матчыных, краўцовых
Дательный		-ым	Матчыным, краўцовым
Винительный	Как именительный или родительный		
Творительный		-ымі	Матчынымі, краўцовымі
Местный		-ых	Матчыных, краўцовых

Во множественном числе притяжательные прилагательные муж., сред. и жен. р. имеют одинаковые формы; в им. и вин. п. употребляются именные формы: *краўцовы, кавалёвы, матчыны, Алесіны* (хаты, дамы); в других падежах употребляются местоименные формы: в род. п. – формы на *-ых*: *краўцовых, матчыных, кавалёвых, Алесіных*; в дат. п. – формы на *-ым*: *краўцовым, матчыным, кавалёвым, Алесіным*; в твор. п. – формы на *-ымі*: *краўцовымі, матчынымі*; в местн. п. – формы на *-ых*: *краўцовых, матчыных, кавалёвых, Алесіных*.

§ 175. Качественные имена прилагательные обычно имеют местоименные формы. Именные формы употребляются очень ограниченно и только в качестве сказуемого: *міл – міла, хіцёр – хітра, молад – молада, жыў – жыва, здароў – здарова, рад – рада, ровен – раўна, ясен – ясна*.

Относительные имена прилагательные именных форм обычно не имеют. Именные формы относительных прилагательных встречаются главным образом в старых песнях и поговорках: *ясен месячык, ясны вочы, саладок мядок, дабёр бабёр, да і выдра не ліха* и т. д.

Именное склонение имен прилагательных старше местоименного. В древнюю эпоху прилагательные не имели особого склонения: они склонялись как имена существительные соответствующей основы. Например, прилагательное муж. р. *добры* склонялось как существительное муж. р. *годъ*; прилагательное жен. р. *добра* – как существительное жен. р. *рыба*; прилагательное сред. р. *добро* – как существительное сред. р. *окно* и т. д.

Местоименные формы имен прилагательных образовались путем сочетания именных форм прилагательных и местоимений *-jь* (*-ĩ* – и редуцированное), *ja, jэ*, которые употреблялись первоначально при именных формах прилагательных в роли артикля (члена). Местоимения *jь* (*-ĩ*), *ja, jэ* имели значение, соответственное современным *ён, яна, яно*. При образовании местоименных форм падежная форма именного склонения прилагательного сочеталась с соответствующими падежными формами местоимения *jь* (*-ĩ*), *ja, jэ*.

В современном белорусском языке окончания местоименного склонения прилагательных имеют некоторые особенности в зависимости от характера основы прилагательного и ударения. В этом отношении прилагательные могут быть подразделены на три группы:

- 1) прилагательные с твердой основой и ударением на окончании: *малады, стары, сівы*;
- 2) прилагательные с отвердевшей и твердой основой с ударением на основе: *свежы, лепшы, белы, мяккі*;

3) прилагательные с мягкой основой: *сіні, верхні, асенні*; прилагательные с мягкой и отвердевшей основой ударение имеют только на основе.

Таким образом, прилагательные с мягкой и отвердевшей основой имеют неударяемые окончания, прилагательные с твердой основой имеют окончания под ударением и не под ударением.

Рассмотрим падежные окончания местоименного склонения прилагательных.

Единственное число

§ 176. В им. п. прилагательные мужского рода имеют окончание *-ы* или *-и*. Окончание *-ы* под ударением и не под ударением имеют прилагательные с твердой и отвердевшей основой, например: *чорны, моцны, добры, малады, жывы, здаровы, мілы, малодшы, свежы, лепшы* и т. д. Окончание *-и* имеют прилагательные с основой на заднеязычные под ударением и не под ударением: *дарагі, мяккі, глыбокі* и т. д., а также прилагательные с мягкой основой не под ударением: *сіні, верхні, асенні, хатні* и т. д. Окончание *-і* после заднеязычных появилось из *-ы* в результате перехода *гы, кы, хы* в *гі, кі, хі*. Окончание *-ы* после отвердевших появилось из *-и*.

В древнем языке в соответствии с современными окончаниями *-ы, -и* были окончания *-ыи, -иш*. Современные окончания *-ы, -и* появились из прежних *-ыи, -иш* в результате сокращения конечного *и* в *й* и его последующего отпадения.

§ 177. Прилагательные среднего рода в им. п. имеют окончание *-ое* под ударением и *-ае, -яе* не под ударением: *маладое, добрае, сіняе*. Прилагательные женского рода в им. п. имеют окончание *-ая, -яя*: *добрая, сіняя*. В род. п. прилагательные мужского и среднего рода имеют окончание *-ога* под ударением и *-ага* не под ударением: *старога, маладога, дарагога, белага, добрага, сіняга, летняга, хатняга*. Прилагательные жен. р. в род. п. имеют окончание *-ой (-ое)* под ударением и *-ай, -яй (-яе)* не под ударением: *маладой (маладое), добрай (добрае), сіняй (сіняе)* и т. д. Окончание род. п. *-ого*, откуда в белорусском языке под ударением *-ога*, не под ударением *-ага* появилось в соответствии со старославянским окончанием *-аего (добраего)*, как объясняют, под влиянием формы род. п. местоимения *того*. Окончания род. п. *-ое, -яе* появилось из прежних *-оѣ* и *-еѣ*. Позже в белорусском языке из окончания *-ое, -яе* образовались окончания *-ой (-ай), -яй*.

§ 178. В дат. п. прилагательные мужского и среднего рода имеют окончание *-ому* под ударением, *-аму, -яму* не под ударением: *маладому, старому, добраму, сіняму, хатняму* и т. д.

Прилагательные женского рода в дат. п. имеют окончание *-ой* под ударением и *-ай, -яй* не под ударением: *старой, маладой, добрай, верхняй, сіняй* и т. д.

§ 179. В вин. п. прилагательные мужского рода имеют формы, одинаковые с формами им. или род. п.: *бачу добрага каня*, но *бачу добры стол*. Прилагательные сред. рода в вин. п. имеют формы, одинаковые с формами им. п.: *бачу добрае зярно*. Прилагательные жен. р. имеют форму на *-ую, -юю*: *добрую, чорную, маладую, хатнюю, сінюю* и т. д. Форма на *-ую, -юю* образовалась фонетически из прежней формы на *-ořo, -jřo*: *доброřo – добрую, сінюřo – сінюю*.

§ 180. В твор. п. прилагательные мужского и среднего рода имеют окончания *-ым, -ім*: *добрым, маладым, дарагім, хатнім, сінім* и т. д. Прилагательные женского рода в твор. п. имеют окончание *-ой (-ою)* под ударением и *-ай (-аю), -яй (-яю)* не под ударением: *маладой (-ою), жывой (-ою), добрай (-аю), лепшай (-аю), хатняй (-яю), сіняй (-яю)*.

Окончания мужского и среднего рода *-ым, -ім* образовались из прежних *-ыимь, -иимь* в результате отвердения *м* после падения *ь* и стяжения гласных *-ыи, -ии* в *-ы, -и*. Окончания женского рода *-ою, -ею* образовались фонетически из прежних *-ořo, -eřo*. Окончания *-ой, -ей* появились из *-ою, -ею*.

§ 181. В местн. п. прилагательные мужского и среднего рода имеют окончания *-ым, -им*: *аб добрым, жывым, хатнім, сінім* и т. д. Прилагательные женского рода имеют окончания *-ой* под ударением и *-ай, -яй* не под ударением: *аб старой, маладой, лепшай, хатняй, сіняй*. Форма местн. п. на *-ым, -им* по происхождению является формой твор. п., которая вытеснила прежнюю форму местного падежа.

Множественное число

§ 182. В современном белорусском языке прилагательные во множественном числе имеют одинаковые окончания для всех родов. В им. п. прилагательные имеют окончание *-ыя, -ія*: *добрыя, старыя, маладыя, глыбокія, дарагія, сінія, хатнія* и т. д.

В древнем языке прилагательные мужского рода имели окончание *-ии*, как после твердых согласных, так и после мягких согласных: *добрії, сініі*; прилагательные женского рода – после твердых *-ыѣ*, после мягких *-ѣѣ*: *добрыѣ, сіньѣ*. Прилагательные среднего рода *-ая, -яя*: *добрая, сіняя*. В дальнейшем формы прилагательных всех трех родов унифицировались после твердых согласных по форме женского рода *-ыѣ*, после мягких согласных по форме женского рода *-иѣ*, откуда позже *-ые, -ие*. Звук *е* в окончаниях *-ые*,

-іе является редуцированным и в современном правописании передается буквой я: *добрыя, сінія*.

§ 183. В род. п. прилагательные имеют окончание *-ых, -их*: *добрых, маладых, верхніх, хатніх* и т. д. Окончание *-ых, -их* образовалось в результате стяжения гласных прежних окончаний *-ыхъ, -ихъ*.

§ 184. В дат. п. прилагательные имеют окончания *-ым, -им*: *маладым, добрым, верхнім, хатнім* и т. д. Окончание *-ым, -им* произошло из прежнего окончания *-ымъ, -имъ*. В вин. п. прилагательные имеют форму, одинаковую с формами им. или род. п.: *чытаю ліст брата* и *сустрэў брата*.

§ 185. В твор. п. прилагательные имеют окончание *-ыми, -ими*: *маладымі, добрымі, хатнімі, сінімі* и т. д. Окончание *-ыми, -ими* произошло из прежнего окончания *-ыими, -иими*.

§ 186. В местн. п. прилагательные имеют окончание *-ых, -их*: *аб маладых, старых, хатніх, сініх* и т. д. Окончание *-ых, -их* произошло из прежнего окончания *-ыхъ, -ихъ*.

Глава пятая

ИМЕНА ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ

ГРАММАТИЧЕСКОЕ И ЛЕКСИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ

ИМЕН ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ

§ 187. Имена числительные представляют собой особый разряд слов, имеющих грамматическое значение числа или порядка при счете.

Числительные имеют ту особенность, что субстантивность их является недостаточной. Такие слова, как *двойня, двойка*, не требуют других слов, чтобы выявить свою субстантивность; такие же слова, как *пяць, шэсць* или *пяцёра, шасцёра*, хотя и являются также субстантивными, но нуждаются в определении выраженного в них количества: *пяць сталоў, шасцёра дзяцей* и т. п.

Таким образом, основная особенность числительных, обозначающих количество предметов, заключается в их недостаточной субстантивности.

Числительные *адзін, два, тры, чатыры, пяць, шэсць* и т. д. называются количественными; числительные *двое, шасцёра, пяцёра, паўтара* и т. д. называются собирательными.

Собирательные числительные обозначают группы предметов, как одно целое: *трое працоўных, пяцёра дзяцей* и т. д., а также количество предметов,

названия которых для одного предмета имеют только форму множественного числа, например: *двое дзвярей, трое варот, пяцёра саней* и т. д.

Собирательными числительными не являются: *абодва, абедзве, абое*, а также *паўтара, паўтраця* и т. д.

Числительные *другі, пяты* и т. д. имеют атрибутивное значение, которое содержит в себе момент порядкового исчисления. Эти числительные называются порядковыми.

Не являются числительными такие слова, как *адзінка, двойка, пяцёрка, сотня* и т. д., а также и такие, как *падвойны, патройны, дваісты, дваякі, утарычны, трацічны* и т. д.; основным грамматическим значением этих слов является значение предмета или простого атрибута.

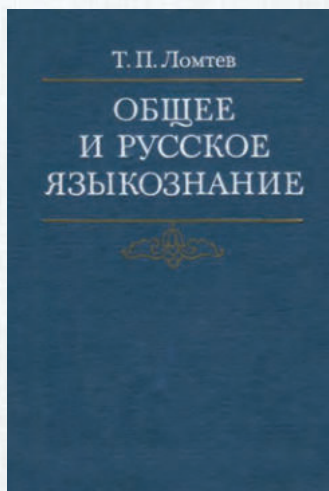
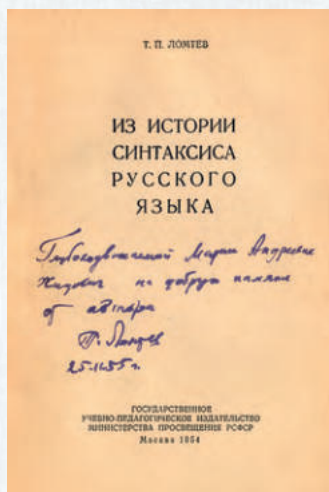
Количественные числительные *два, тры, чатыры* в им. и вин. п. в русском языке сочетаются с существительными в род. п. ед. ч.: *два товарища, три брата* и т. д.; в белорусском языке – в им. п. мн. ч.: *два товаришы, тры браты*. Это различие сложилось исторически. В древнерусском языке числительное *два* склонялось только в двойственном числе и функционировало как определение соответствующей формы двойственного числа существительных: *два стала, коня, дьвѣ руцѣ, нозѣ* и т. д. Числительные же *тры, чатыры* функционировали как определение мн. ч. существительных и имели формы мн. ч.: *трѣ столі, четыре коні, трі рыбы* и т. д. Форма им. и вин. п. двойственного числа существительных мужского рода типа *стола* совпадала с формой род. п. ед. ч. После исчезновения категории двойственного числа эта форма в русском языке была осмыслена как форма род. п. ед. ч. и распространилась на другие случаи; по примеру *два стола* образовались сочетания *дзве рукі, дзве нагі, два села* вместо прежних *дѣвѣ руцѣ, дѣвѣ нозѣ, дѣвѣ селѣ*, а также *три стола, четыре коня* вместо прежних *трѣ столі, четыре кони* и т. д.

В белорусском языке формы существительных им. п. мн. ч. при числительных *тры, чатыры* распространились и на существительные после числительного *два*, т. е. по образцу *четыре кони, трѣ столі* образовались сочетания *два сталы, два кані, дзве рукі* вместо прежних *дѣва стола, дѣва коня, дѣвѣ руцѣ* и т. д.

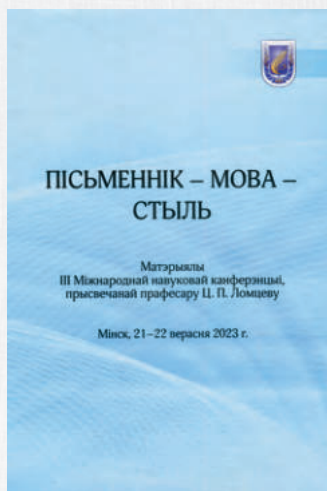
При количественных числительных *два, дзве, тры, чатыры* имена существительные употребляются в одном падеже с числительными: *два, тры, чатыры сталы, двух, трох, чатырох братоў, двум, тром, чатыром сынам* и т. д. А числительные *два, абодва* в им. и вин. п., кроме того, согласуются по категории рода с тем существительным, к которому они относятся в предложении: *два сталы, дзве рукі*.

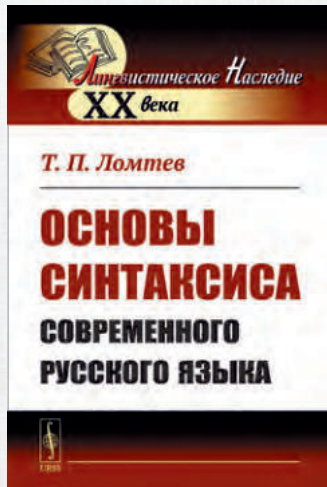
Цімафей Ломцеў

Асноўныя працы Ц. Ломцева
па беларускім і рускім мовазнаўстве

Матэрыялы III Міжнароднай навуковай канферэнцыі,
прысвечанай прафесару Ц. Ломцеву, Мінск, 2023 г.

Перавыданне працы Ц. Ломцева ў серыі
«Лингвистическое наследие XX века», Масква, 2019 г.

Х А Р А К Т А Р И С Т И К А
НА НАУКОВОГА РАБОТНИКА ЛАМЦЕВА ТИМАФЕЯ ПИТРОВІЧА.

Т.П.Ламцеу з'яўляецца відным спецыялістам у галіне вывучэння беларускай мовы. У яго маецца шэраг навуковых работ па гісторыі беларускай мовы, а таксама па беларускай дыялекталогіі. Ён удзельнічаў у экспедыцыі па вывучэнні беларускіх дыялектаў у якасці навуковага кіраўніка. Пад яго кіраўніцтвам пачаў сабраўляцца атлас беларускай мовы, была зроблена вялікая карта-тэма для слоўніка беларускай мовы.

Уся навукова-даследчая работа г.Ламцева адначасова творчым напрамкам мыслі, удумліваасцю і надзвычайнай глыбіней.

Зараз г.Ламцеу кіруе аддзелам асветы пры ЦК КП(б)Б, але ў той-жа час ён не пакідае як навуковай, так і педагогічнай працы: ён з'яўляецца заведучым кафедры мовы у Беларускай Дзяржаўнай Універсітэце і чытае навуковыя курсы па мове, а таксама вядзе навукова-даследчую работу. За час вайны, не глядзячы на ўсе ператворы, звязаныя з нападмі фашызму, ён падарыў сваю вялікае даследаванне па мове Георгія Скарыны і шэраг работ па гісторыі мовы.

Усе гэта гаварыць аб тым, што г.Ламцеу будзе не толькі ўпаўнаважаны членам Беларускай Акадэміі Навук, але і дапаможа падняць вывучэнне беларускай мовы на больш высокую ступень.

Па гэтай увазе павялічваецца, што не толькі кафедра мовы Беларускага Дзяржаўнага ўніверсітэта, а таксама і кафедра Педінстытута высоўваюць яго сваім кандыдатам у члены Акадэміі Навук.

Патрэбна дадаваць, што г.Ламцев мае навуковую ступень доктара філалагічных навук і званне прафесара.

/ ЗАВ. КАФЕДРЫ *М. Жыркевіч*

Характарыстыка Ц. Ломцева, выдана
загадкай кафедры беларускай мовы
Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта М. Жыркевічам

Х А Р А К Т Е Р И С Т И К А .

ЛОМЦЕВ Тимофей Петрович, год рождения 1906, русский, профессор, доктор филологических наук, член ВКП(б).

Общий стаж научно-педагогической работы - с 1931 года, а в Белорусском Госуниверситете - с 1933 года.

Имеет около 30 научных работ, из них 7 отдельных книг. Важнейшие из них: "Выражение главных членов предложения в белорусском языке" и "Исследования в области истории белорусского синтаксиса", - составное сочинение и его изменение в истории белорусского языка". Последняя работа посвящена мало разрабатываемым в славянской филологии вопросам истории синтаксиса. Автор обследовал огромное количество источников, выводы его свежи и оригинальны. Монография г. Ломцева рассматривает белорусский язык, как язык современной цивилизации, со всеми ее успехами, отраженными в языке.

Сейчас профессор Ломцев закончил монографию о Георге Скорине - великом белорусском просветителе ХУІ века.

Как первый декан молодого филологического факультета БГУ, тов. Ломцев принял активное участие в его организации и развернул на нем большую научно-исследовательскую работу по беларуссаведению.

В настоящее время зав. кафедрой русского языка БГУ тов. Ломцев выдвигнут на руководящую работу Зав. Отделом школ и науки ЦК КП(б)Б.

РЕКТОР БЕЛОРУССКОГО
ГОСУНИВЕРСИТЕТА

П. Савицкий / П. САВИЦКИЙ /

4.У1.1945 р.
г. Минск.

Характарыстыка Ц. Ломцева,
выдадзеная рэктарам Беларускага
дзяржаўнага ўніверсітэта П. Савіцкім

Копия

АКАДЕМИЯ НАУК БССР

Минск, БССР, 15/II 1938 г.

СПРАВКА

Постановлением Квалификационной Комиссии Академии Наук БССР, утвержденным Президиумом Академии Наук БССР от 28 января 1934 года, тов. ЛОМТЕВУ Тимофею Петровичу присвоены степень кандидата лингвистических наук и звание действительного члена Института Языка.

Вице - президент АН БССР / подпись / акад. Я. Колас /

Печать Академии
Наук БССР

1940 г.: августа 5 дня я, государственный старший нотариус Минской нотариальной конторы Маленяк М.Ф., свидетельствую правильность этой копии с оригиналом ее, представленном гр. ЛОМТЕВУ Тимофеем Петровичем, проживающем в г. Минске.

При сличении этой копии с оригиналом в последнем поправок, подчисток, приписок, зачеркнутых слов и других особенностей не оказалось. Удержано 1 р. единой государственной пошлины под квит. от 5/УП 1940 за № 224 по реестру № 10044.

М.п.
Минской
обл. нот.
конторы.

Ст. нотариус

/подпись/

1940 г. декабря 31 " г. ак. Я. Государственный Нотариус
Свердловской Обл. нотариус Маленяк М.Ф., Р.П. свидетельствую
верность копии с оригиналом ее, представленном гр.
тов. ЛОМТЕВУ Тимофеем Петровичем
жизни в г. Свердловске, ул. Болотников, 85

2

5/119

Нотариус

12701

Штамп № 11

Ц. Ломцеў, пачатак 1970-х гг.

Профессор Тимофей ЛОМТОВ

АВТОБИОГРАФИЯ

Я, Тимофей Петрович ЛОМТОВ, родился в 1906 г. в селе Кочерге Новохоперского района, Воронежской области, в семье крестьянина-середняка, впоследствии колхозника: родители умерли, отец в 1937 г. мать в 1939 г.

Имею трех братьев: Сергея, рождения 1906 г., член ВКП/б/, слесарь ст. Новохоперск В.В. ж.д., Василия рождения 1908 г., член ВКП/б/ работник ЦК КП/б/Е Казахской ССР, Тихона рождения 1908 г. беспартийный, учитель в железнодорожной школе на ст. Лес Толстой М.Д. ж.д.

Репрессированных родственников, а также родственников за границей и в зарубежных миссиях не имею.

С 1923 г. я состоял в рядах ВЛКСМ. В 1934г. я был принят кандидатом ВКП/б/ в гор. Москве, а в 1939г. был переведен в члены КП/б/Е в г. Минске.

С 1921 г. по 1925 г. учился в Новохоперском педагогическом техникуме: в этот период я работал ответственным секретарем бюро организации ВЛКСМ, ответственным редактором стенгазеты, председателем профбюро учащихся и т.п.

С 1925 по 1929 г. я учился в Воронежском Государственном Университете, в этот период я много раз был избираем ответственным редактором стенгазеты факультета, руководил шефским обществом Университета; вел активную борьбу по разоблачению троцкистов и правых оппортунистов в этот период, выступая на собраниях и в кружках в защиту линии партии.

С 1929 по 1931 г. я учился в аспирантуре Комзадаемии, а затем института Красной Профессуры в г. Москве, в этот период я вел пропагандистскую и агитационную работу на заводах г.

Москва; был ответственным редактором молодежной страницы многотиражки завода "Борец" в Москве.

С 1931 по 1933 г. я работал в научно-исследовательском институте языкознания и в Коммунистическом институте журналистики в Москве; в этот период я работал на ответственных постах ученого секретаря института материалистической лингвистики Комзакадемии, члена государственного ученого Совета /ГУСа/ Наркомпроса РСФСР, редактора журнала "Русский язык в политехнической школе" и т.п.; руководил группами; по поручению парторганизации института языкознания выступал с докладом на партийном собрании с письмом Сталина в журнал "Пролетарская революция" о некоторых вопросах истории большевизма, разоблачая троцкистскую контрабанду на теоретическом фронте.

С 1933 г. я работал в Белоруссии в г. Минске до эвакуации последнего.

В 1934 году мне было присвоено Президиумом Академии наук БССР научное звание действительного члена института языка и ученая степень кандидата филологических наук, а Наркомпросом БССР научное звание профессора.

В Минске я работал профессором академии наук БССР, Белорусского Государственного университета, был заместителем директора института языкознания Академии наук БССР, деканом филологического факультета Белорусского Университета, председателем Государственной экзаменационной комиссии и т.п. В этот период я руководил группами по изучению истории партии, был внештатным лектором по вопросам текущей политики при Минском горкоме КП/б/Б.

26 июня 1941 г. я выехал из г. Минска в связи с эвакуацией последнего и получил в Наркомпросе РСФСР назначение в

г. Свердловск в пединститут, в котором работал в качестве профессора; зав. кафедрой языкознания и чтения пифагора.

С марта 1942 года я возобновил работу в Академии наук БССР, а с октября 1943г. в Белорусском Государственном Университете. С октября 1943г. я нахожусь на партийной работе в качестве заведующего отделом швей ЦК КП/б/Б.

За время своей научной деятельности написал и издал ряд статей и отдельных монографий; издал несколько крупных исследований в 15-25 печ. листов по белорусскому языку.

Июня 24 дня 1944г. внаучно-исследовательской комиссии БССР присвоили мне степень доктора филологических наук на основании защиты диссертации на тему: "Исследование в области истории белорусского синтаксиса".

" 19 " 1 1945г.

М. Ломтев

/Т.Л.ЛОМТЕВ/

21. Выполнением работа с начала трудовой деятельности (включая военную службу)

(При выполнении данного раздела учреждения, организации и предприятия необходимо указать год, как они включались в совет, а их местонахождение — указать по существующему в то время административному делению)

Число, м-ц и год вступ- ления	указа	Должность с указанием учреждения, организации, предприятия, а также паркомата (колхоза), в систему которого они входят	Местонахождение учреждений, организаций, предприятий
авг. 1936	авг. 1933	доцент, Ленинский Институт и.ч. Мина	г. Москва
авг. 1932	авг. 1933	профессор, зав. каф. русской лингв. Ленинградский ин-т журналистики	г. Москва
авг. 1933	авг. 1934	профессор, зав. кафедрой лингвистики Ленинградский ин-т журналистики	г. Москва
авг. 1934	июл. 1934	профессор, зав. кафедрой лингвистики Ленинградский ин-т журналистики	г. Москва
июль 1934	авг. 1933	профессор, зав. кафедрой русской лингв. Ленинградский ин-т журналистики	г. Москва
июль 1933		профессор, зав. кафедрой русской лингв. Ленинградский ин-т журналистики	г. Москва
авг. 1933		зав. отделом школы ул. КВ (Д/Б)	г. Москва

22. Работа по совместительству (в момент заполнения личного листа)

июль 1933		профессор, зав. кафедрой русской лингв. Ленинградский ин-т журналистики	г. Москва
-----------	--	---	-----------

СНХ СССР
ВСЕОБЩЕГО КОМИТЕТА ПО ДЕЛАМ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ
ВЫСШАЯ АТТЕСТАЦИОННАЯ
КОМИССИЯ

Д И П Л О М
ДОКТОРА НАУК

№ 000027

Москва 26 декабря 1945г.

РЕШЕНИЕМ

Вышей Аттестационной Комиссии
от 24 июня 1944г. (протокол № 18)

Гражданину ЛОМТЕВУ Тимофею Петровичу
ПРИСЖАДЕНА УЧЕНАЯ СТЕПЕНЬ ДОКТОРА
ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК

Председатель Высшей
Аттестационной Комиссии

С.Кафтанов

Ученый Секретарь Высшей
Аттестационной Комиссии

И.Денисов

Принят зачислен по
научной специальности
на 12.01.48

ПРЕЗИДЕНТУ АКАДЕМИИ НАУК БССР

профессора МГУ Т.П. Ломтева

ЗАЯВЛЕНИЕ

Прошу зачислить меня старшим научным работником института ЛИН
по секции языковедения / по совместительству с основной работой
профессора в МГУ/.

Доктор филологических наук Т.П. Ломтев

25.XI.48 г.

М. Ломтев

На 15 декабря по совместительству зачислен
в секцию языковедения Института лингвистики
и этнографии им. Владислава Минского
15.12.48 г.

Наз. от имени
Академии наук БССР

д. Минский

В ы п и с к а

из протокола № 49 заседания Президиума АН БССР
от 15 декабря 1948 г. г. М и н с к .

13. Представление директора Института литературы, языка и искусства и зачислении доктора филологических наук Т.П. Ломтева ст. научным сотрудником по совместительству.

/Докл. Акад. - секр. АН БССР, действ. член
АН БССР М.Б. Мацепуро/.

Зачислить доктора филологических наук Т.П. Ломтева старшим научным сотрудником Института литературы, языка и искусства по совместительству с 15 декабря с.г.

П.П. Президент Академии наук БССР-действительный
член АН БССР Н.И. Гращенков

Академик-Секретарь Академии наук БССР- действ.
Витальный член АН БССР
М.Б. Мацепуро.

В е р н о :

Зав. секретариатом

/Спасарева/

ВЫПИСКА ИЗ ПРИКАЗА № 316 а
ПО АКАДЕМИИ НАУК БЕЛОРУССКОЙ С С Р
от 30 ноября 1949 года г. Минск.

§ 6

Научных сотрудников АН БССР, работающих по совместительству
и проживающих вне г. Минска, отчислить с 1-го декабря 1949 г.
по Институту литературы, языка и искусства т.т. МОЛЧЕВА Т.П.,
Расторгучева П.А., Бархударова С.Г.

п.п. АКАДЕМИК-СЕКРЕТАРЬ
АН БССР

/действ.член АН БССР
М.Е.Мацешуро /

В е р н о :

Инспектор отдела кадров
АН БССР

/Л.Леженко /

§ 188. Количественные числительные в им. и вин. п., начиная с *пяці* (в отличие от числительных: *два, тры, чатыры*), как в русском, так и в белорусском языках сочетаются с существительными в род. п. мн. ч.: *пяць, шэсць, сем* и т. д. *калгаснікаў, калгасаў, брыгад*. Собирательные числительные в им. и вин. п. также сочетаются с род. п. существительного мн. ч.: *двое, трое, чацвёрэ* и т. д. *дзвэрэй, двое, трое, чацвёрэ* и т. д. *дзяцей*.

В других косвенных падежах как при количественных, так и при собирательных числительных соединяемые с ними существительные мн. ч. принимают тот же падеж, в каком стоит числительное: *пяці, шасці, сямі* и т. д. *калгаснікаў, калгасаў, брыгад; пяці, шасці, сямі калгаснікам, брыгадам; пяццю, шасцю, сямю калгаснікамі; дваіх, траіх дзяцей; дваім, траім дзяцям; дзума, трыма дзяцямі* и т. д.

Порядковые и количественные числительные *адзін, адна, адно* согласуются с существительными, как и прилагательные, в падеже, роде и числе: *пяты дом, пятага дома, пятая ягада, пятай ягадзе, пятае паседжанне* и т. д.

§ 189. Имя прилагательное, которое относится к существительному с числительными *два, тры, чатыры*, в им. или вин. п. может употребляться двояко – в форме им. п. мн. ч. или в форме род. п. мн. ч.: *два вялікія дамы* и *два вялікіх дамы, чатыры высокія сасны* и *чатыры высокіх сасны* и т. д. Имена прилагательные, которые относятся к именам существительным после числительных *пяць, шэсць* и т. п., употребляются только в форме род. п. мн. ч.: *пяць вялікіх дамоў, дзесяць высокіх соснаў* и др. По образцу таких форм образовались и приведенные формы *два, тры, чатыры высокіх сасны*.

§ 190. В отличие от существительных количественные числительные имеют только формы падежа, за исключением числительного *адзін*, которое имеет формы падежа, числа и рода, и числительных *два, абодва*, которые в им. и вин. п. имеют формы рода. Собирательные числительные, так же как и количественные, имеют только формы падежа и притом склоняются во мн. ч.: *двое, дваіх, дваім, дваімі* и т. д. Порядковые числительные, как и прилагательные, имеют формы рода, числа и падежа; при этом формы рода у них являются формами словоизменения: *пяты дом, пятая лампа, пятае паседжанне, пятыя дамы, лампы, паседжанні, пятых дамоў, ламп, паседжанняў; пятым дамам, лампам, паседжанням* и т. д.

§ 191. Склонение имен числительных *два, абодва, дзве, абедзве*.

В современном белорусском литературном языке числительные муж. и сред. р. *два, абодва* и числительные жен. р. *дзве, абедзве* имеют следующие падежные формы:

И.	<i>два, дзве</i>	<i>абодве, абедзве</i>
Р.	<i>двух</i>	<i>абедзвух</i>
Д.	<i>двум</i>	<i>абодвум</i>
В.	как И. или Р.	
Т.	<i>двума</i>	<i>абодвума</i>
М.	<i>двух</i>	<i>абодвух</i>

Окончание род. и мест. п. -х (*дву-х*) образовалось по аналогии с местоименным склонением, ср. *іх, тых, добрых* и т. п.

Окончание -м в дат. п. (*дву-м*) возникло по аналогии с формами *тром, чатыром*, а также с формами *ім, тым, добрым* и т. д. В твор. п. сохранилось окончание двойственного числа -ма: *двума*.

Имя числительное *абодва* образовалось из числительного *або* плюс числительное *два*, причем *або* получило основу на *о*, вероятно, под влиянием формы дат. и твор. п. *абома, двома*, которые засвидетельствованы в древне-белорусских памятниках, ср. *двома знакомъ* (Библ. кн. XVII)¹.

Числительное *абедзве* образовалось из сочетания *обѣ – двѣѣ*. Числительные *абодва* и *абедзве* в косвенных падежах, за исключением винительного, имеют одну основу: *абодву-*, которая остается неизменной во всех падежах.

Окончания косвенных падежей числительных *абодва* и *абедзве* совпадают с окончаниями косвенных падежей числительных *два, дзве*.

§ 192. Склонение имен числительных *тры, чатыры*.

И.	<i>тры</i>	<i>чатыры</i>
Р.	<i>трох</i>	<i>чатырох</i>
Д.	<i>тром</i>	<i>чатыром</i>
В.	как И. или Р.	
Т.	<i>трыма</i>	<i>чатырма</i>
М.	<i>трох</i>	<i>чатырох</i>

В древнем языке числительные *тры, чатыры* в им. п. имели формы мужского рода *трие (трѣе)*, *четыре*, а также женского и среднего рода *три, чатыри*. Таким образом, форма *тры, чатыры* в белорусском языке восходит к прежним формам женского и среднего рода. В русском языке форма *четыре* восходит к прежней форме мужского рода, а *три* – женского и среднего родов.

В других падежах эти числительные по родам не различались. В древнем языке род. п. имел форму *тры, четырѣ*. Современная форма *трех, четырех*

¹ Карский Е. Ф. Белорусы: в 3 т. Т. 2, вып. 2. С. 325.

возникла под влиянием соответствующей формы местоименного склонения; звук *о* в окончании основы числительных *трох*, *чатырох* возник в результате перехода *е* (*ь*) в *о* перед отвердевшим звуком *р*.

Форма дат. п. *тром*, *чатыром* является фонетически закономерным продолжением прежних форм *трѣмъ* (*трѣм*), *чѣтырьмъ* (*чѣтырем*).

В древнем языке твор. п. имел форму *трѣми*, *чѣтырьми* (ср. *гостѣми*). Современные формы *трыма*, *чатырма* возникли по аналогии с формой *двума*.

Форма местн. п. *трох*, *чатырох* является фонетически закономерным продолжением древних форм этого падежа: *трѣхъ* – *трох*, *чѣтырѣхъ* – *чатырох*.

§ 193. Склонение имен числительных *пяць*, *дзесяць*, *трыццаць* и пр.

Имена числительные этого типа склоняются как существительные типа *косць* в единственном числе:

И.	<i>дзесяць</i>	<i>трыццаць</i>
Р.	<i>дзесяці</i>	<i>трыццаці</i>
Д.	<i>дзесяці</i>	<i>трыццаці</i>
В.	<i>дзесяць</i>	<i>трыццаць</i>
Т.	<i>дзесяццю</i>	<i>трыццаццю</i>
М.	<i>дзесяці</i>	<i>трыццаці</i>

Имена числительные от пяти до десяти сохранили с некоторыми фонетическими изменениями старые падежные формы.

Имена числительные *адзінаццаць* – *дзеятнаццаць* состояли из отдельных слов, связанных предлогом *на*, например: *два на десѣти*, *три на десѣте*, *девять на десѣте* и т. д.

В древнем языке рядом с формой *дѣва-на-десѣти*, которая относилась к существительным мужского рода, была и форма *дѣвѣ-на-десѣти*, которая относилась к существительным женского и среднего рода. От формы *дѣвѣ-на-десѣти* и образовалось имя числительное *двенадцать* в русском языке.

Числительные типа *дваццаць*, *трыццаць* образовались из прежних *дѣва-десѣти*, *тридесѣте*.

§ 194. Склонение числительных *сорак*, *дзевяноста*, *сто*:

И.	<i>сорак</i>	<i>дзевяноста</i>	<i>сто</i>
Р.	<i>сарака</i>	<i>дзевяноста</i>	<i>ста</i>
Д.	<i>сарака</i>	<i>дзевяноста</i>	<i>ста</i>

В.	<i>сорак</i>	<i>дзевяноста</i>	<i>сто</i>
Т.	<i>сарака</i>	<i>дзевяноста</i>	<i>ста</i>
М.	<i>сарака</i>	<i>дзевяноста</i>	<i>ста</i>

Числительное *дзевяноста* утратило падежные формы и стало несклоняемым словом; числительные же *сорак*, *сто* имеют по две формы: *сорак*, *сто* – для им. и вин. п.; *сарака*, *ста* для других падежей.

Числительное *сто* раньше склонялось, как существительное среднего рода типа *лета*, например, в ед. ч. *сьто*, *сьта*, *сьту*, *сьтом*, *сьтѣ*, во мн. ч. *сьта*, *сьтъ*, *сьтомъ*, *сьты*, *сьтѣхъ*, в двойств. ч. *сьтѣ*, *сьтома*.

В современном белорусском языке некоторые из этих форм мн. двойств. ч. сохранились в сложных числительных с *сто*, например: *дзе-сце*, *тры-ста*, *пяць-сот* и т. д.

§ 195. Склонение сложных числительных типа *пяцьдзесят*, *восемдзесят*:

И.	<i>пяцьдзесят</i>	<i>восемдзесят</i>
Р.	<i>пяцідзесяці</i>	<i>васьмідзесяці</i>
Д.	<i>пяцідзесяці</i>	<i>васьмідзесяці</i>
В.	как И.	
Т.	<i>пяціюдзесяцыю</i>	<i>васьмюдзесяцыю</i>
М.	<i>пяцідзесяці</i>	<i>васьмідзесяці</i>

Имена числительные этой группы при склонении изменяют падежные формы обеих частей слова. Числительные типа *пяцьдзесят* имеют основу во второй части слова (*десять*) в им. и вин. – твердую, а в остальных падежах – мягкую.

Числительные типа *пяцьдзесят* образовались из сочетания формы им. п. числительных: *пяць*, *шэсць*, *сем*, *восем* со старой формой род. п. мн. ч. *десять* от числительного *дзесяць*. Таким образом, современные формы *пяцьдзесят*, *шэсцьдзесят* образовались из прежних форм *пятьдесять*, *шестьдесять*. В последующей истории вторая часть этих имен числительных стала склоняться по образцу единственного числа.

Склонение числительных типа *дзвесце*, *триста*, *дзесяцьсот*:

И.	<i>дзвесце</i>	<i>триста</i>	<i>дзесяцьсот</i>
Р.	<i>двухсот</i>	<i>трохсот</i>	<i>дзесяцісот</i>
Д.	<i>двумстам</i>	<i>тромстам</i>	<i>дзесяцістам</i>
В.	как И.		
Т.	<i>двумстамі</i>	<i>трымастамі</i>	<i>дзесяціюстамі</i>
М.	<i>двухстах</i>	<i>трохстах</i>	<i>дзесяцістах</i>

Имена числительные этой группы при склонении также изменяют падежные формы обеих частей слова. Во второй части они сохранили в основном формы прежнего множественного числа числительных *сто*. Числительное *дзвесце* образовалось из прежних *дзьвѣ* – *сытѣ*, причем *дзьвѣ* и *сытѣ* являлись формами им. п. двойств. ч. ср. р. После исчезновения двойственного числа обе части его стали изменяться по множественному числу: *двухсот*, *двумстам*, *двумастамі*, *двухстах*.

Имена числительные *триста*, *чатырыста* образовались из прежних *три съта*, *чытыры съта*, которые представляют формы именительного падежа множественного числа среднего рода.

Имена числительные типа *пяцьсот* продолжают собой прежние сочетания формы им. п. ед. ч. числительного *пять*, *шесть* и т. п. с формой род. п. мн. ч. числительного *съто*. Числительное *пяцьсот* образовалось из сочетания *пять* + *сътъ*, в которых *пять* – форма им. п. ед. ч., а *сътъ* – форма род. п. мн. ч.

§ 196. Склонение собирательных числительных *двое*, *трое*, *чацвёра* и т. п.:

И.	<i>абое</i>	<i>трое</i>	<i>чацвёра</i>
Р.	<i>абаіх</i>	<i>траіх</i>	<i>чацвярых</i>
Д.	<i>абаім</i>	<i>траім</i>	<i>чацвярым</i>
В.	как И. или Р.		
Т.	<i>абаімі</i>	<i>траімі</i>	<i>чацвярымі</i>
М.	<i>абаіх</i>	<i>траіх</i>	<i>чацвярых</i>

Собирательные числительные имеют падежные формы только мн. ч., которые соответствуют падежным окончаниям местоимений мн. ч. типа *мае*, *свае*, *твае*.

§ 197. Склонение порядковых числительных и числительного *адзін*, *адна*, *адно*.

Единственное число

И.	муж.	<i>адзін</i>	<i>першы</i>	<i>трэці</i>
	жен.	<i>адна</i>	<i>першая</i>	<i>трэцяя</i>
	сред.	<i>адно</i>	<i>першае</i>	<i>трэцяе</i>
Р.	муж.	<i>аднаго</i>	<i>першага</i>	<i>трэцяга</i>
	жен.	<i>адной (ае)</i>	<i>першай (ае)</i>	<i>трэцяй (ае)</i>
Д.	муж.	<i>аднаму</i>	<i>першаму</i>	<i>трэцяму</i>
	жен.	<i>адной</i>	<i>першай</i>	<i>трэцяй</i>

В.	муж.	как И. или Р.		
	жен.	<i>адну</i>	<i>першую</i>	<i>трэцюю</i>
Т.	муж.	<i>адным</i>	<i>першым</i>	<i>трэцім</i>
	жен.	<i>адною (ой)</i>	<i>першай (аю)</i>	<i>трэцяй (яю)</i>
М.	муж.	<i>адным</i>	<i>першым</i>	<i>трэцім</i>
	жен.	<i>адной</i>	<i>першай</i>	<i>трэцяй</i>

Множественное число

И.	<i>адны</i>	<i>першыя</i>	<i>трэція</i>
Р.	<i>адных</i>	<i>першых</i>	<i>трэціх</i>
Д.	<i>адным</i>	<i>першым</i>	<i>трэцім</i>
В.	как И. или Р.		
Т.	<i>аднымі</i>	<i>першымі</i>	<i>трэцімі</i>
М.	<i>адных</i>	<i>першых</i>	<i>трэціх</i>

Склонение порядковых числительных и числительного *адзін* в основном совпадает со склонением прилагательных. Числительные этой группы имеют категории рода, числа и падежа так же, как и прилагательные. Числительное *адзін*, *адна*, *адно* в им. и вин. п. обоих чисел имеет именную форму, а в остальных падежах местоименную. Порядковые числительные во всех падежах имеют местоименные формы. Форма числительного *адзін* происходит из формы *ед-ін*; от корня *ед-* образованы такие слова, как *еднаць*, *еднанне*, *аб'еднанне*, *еднасць*.

В белорусском языке форма числительного *чэрты* произошла от формы сравнительной степени сравнения: *першы* из *пярвѣ-ш-иш*. Первоначальное значение *пярвѣ* – передний вообще, а может быть, выступающая вперед часть тела. В современном языке слово *першы* утратило уже значение сравнительной степени.

§ 198. Склонение составных числительных или сочетаний числительных.

Среди составных имен числительных необходимо различать три вида: составные количественные числительные, составные порядковые числительные, дробные числительные типа *тры пятых* и т. д.

1. В составных количественных числительных из двух самостоятельных слов склоняются оба эти слова, например:

И.	<i>семдзесят пяць</i>
Р.	<i>сямідзесяці пяці</i>
Д.	<i>сямідзесяці пяці</i>
В.	как И.

Т. *сямюдзесцяццю пяццю*

М. *сямідзесяці пяці*

В составных количественных числительных из трех слов склоняются:

а) или все слова, входящие в состав составного числительного, например:

И. *шэсцьсот семдзесят дзевяць*

Р. *шасцісот семідзесяці дзевяці*

Д. *шасцістам семідзесяці дзевяці*

В. как И.

Т. *шасцюстамі сямюдзесцяццю дзевяццю*

М. *шасцістах сямідзесяці дзевяці*

б) или только два последних слова, обозначающие единицы и десятки.

В этом случае слова, обозначающие сотни, тысячи и т. д., не склоняются, например:

И. *семсот дваццаць пяць*

Р. *семсот дваццаці пяці*

Д. *семсот дваццаці пяці*

В. как И.

Т. *семсот дваццаццю пяццю*

М. *семсот дваццаці пяці*

2. В составных порядковых числительных последнее слово имеет форму порядкового числительного, а первые слова имеют форму количественных числительных, причем склоняется только порядковое числительное, например:

Единственное число

		муж. р.	жен. р.	сред. р.
И.	<i>дзвесце трыццаць</i>	<i>пяты</i>	<i>-ая</i>	<i>-ае</i>
Р.	<i>дзвесце трыццаць</i>	<i>пятага</i>	<i>-ай</i>	<i>(ае) -ага</i>
Д.	<i>дзвесце трыццаць</i>	<i>пятаму</i>	<i>-ай</i>	<i>-аму</i>
В.	как И. или Р.			
Т.	<i>дзвесце трыццаць</i>	<i>пятым</i>	<i>-ай (-аю)</i>	<i>-ым</i>
М.	<i>дзвесце трыццаць</i>	<i>пятым</i>	<i>-ай</i>	<i>-ым</i>

Множественное число

И. *трыццаць пятыя* и т. д.

3. В дробных числительных также первые слова имеют форму количественных числительных, а последнее – форму порядкового числительного, например: *дваццаць пяць сотых, дзве дзесятых* или *дзве дзесятыя, адна сотая, семдзесят восем сотых, трыста трыццаць тысячных* и т. д.

В дробных числительных склоняются всегда и количественные числительные, обозначающие числитель, и порядковые числительные, обозначающие знаменатель, например:

- И. *трыста трыццаць тысячных*
Р. *трыста трыццаці тысячных*
Д. *трыста трыццаці тысячным* и т. д.

или

- И. *сем дзесятых*
Р. *сямі дзесятых*
Д. *сямі дзесятым*
В. *как И.*
Т. *сямя дзесятымі*
М. *аб сямі дзесятых.*

Порядковые числительные в единственном числе и количественные числительные *адзін, два* принимают форму жен. р., поскольку они предполагают существительные жен. р. *доля, часціца*, например: *адна дзесятая* (доля, часть), *дзве пята, дваццаць адна сотая*.

§ 199. Собирательное сложное числительное *паўтара* (муж. и сред. р.) и *паўтары* (жен. р.) в белорусском языке утратило формы склонения; это числительное в русском и белорусском языках образовалось из прежнего *полвтора*, состоящей из *пол*, ср. *половина*, и *втора*, которая представляет собой именную форму порядкового числительного *второй*.

В некоторых белорусских диалектах встречается форма *паўтраця, паўчварта, паўпята, паўшаства*, т. е. *два с половиной, три с половиной* и пр.

Глава шестая МЕСТОИМЕНИЯ

ЗНАЧЕНИЕ МЕСТОИМЕНИЙ

§ 200. По значению различаются следующие категории местоимений:

1. Личные: *я – мы, ты – вы, ён, яна, яно – яны*.
2. Возвратно-личные: *сябе*.
3. Притяжательно-личные: *мой, твой, свой, яго, яе, іх, наш, ваш*.
4. Указательные: *той, гэты, такі, гэтакі*.
5. Вопросительные: *хто, што, які, чый, колькі*.
6. Неопределенные: *нехта, нешта, нейкі, нечый, некаторы, некалькі, хтосьці, штосьці, чыйсьці, якісьці, хто-небудзь, што-небудзь, які-небудзь, чый-небудзь, колькі-небудзь, хто-коlechы, які-коlechы*.

7. Отрицательные: *ніхто, нішто, ніякі, нічий*.
8. Определительные: *увесь, усякі, кожны, сам, самы, іны*.

СКЛОНЕНИЕ МЕСТОИМЕНИЙ

§ 201. В склонении местоимений мы различаем:

- 1) склонение местоимений мужского и среднего рода: а) с основой на твердый и отвердевший согласный и б) с основой на мягкий согласный;
- 2) склонение местоимений женского рода: а) с основой на твердый согласный и б) с основой на мягкий согласный;
- 3) склонение личных местоимений *я* и *ты* и возвратного *сябе*.

Склонение местоимений мужского и среднего родов с основой на твердый и отвердевший согласный

§ 202. К этому склонению относятся следующие группы местоимений:

- а) вопросительные местоимения: *хто, што* и все производные от них: *нехта, нешта, ніхто, нішто, хто-небудзь, што-небудзь* и т. д.;
- б) притяжательно-личные местоимения: *наш, ваш, наша (ае), ваша (ае)*;
- в) указательные местоимения: *той, тое*;
- г) местоимения, которые в им. п. муж. р. оканчиваются на *ы, і*: *гэты, гэтае, гэткі, гэткае, самы, самае*.

§ 203. Местоимения *хто, што* имеют следующие падежные формы:

И.	<i>хто, што</i>
Р.	<i>каго, чаго</i>
Д.	<i>каму, чаму</i>
В.	<i>каго, што</i>
Т.	<i>кім, чым</i>
М.	<i>кім, чым</i> .

§ 204. Местоимения *наш, ваш, той* имеют следующие падежные формы:

Единственное число

И.	<i>наш, ваш, той</i>
И. сред. р.	<i>наша (ае), ваша (ае), тое</i>
Р.	<i>нашага, вашага, таго</i>
Д.	<i>нашаму, вашаму, таму</i>
В. муж. р.	как И. или Р.
В. сред. р.	как И.
Т.	<i>нашым, вашим, тым</i>
М.	<i>нашым, вашим, тым</i>

Множественное число

- И. *нашы (ыя), вашы (ыя), тыя*
Р. *нашых, ваших, тых*
Д. *нашым, вашим, тым*
В. как И. или В.
Т. *нашымі, вашымі, тымі*
М. *нашых, ваших, тых*

§ 205. Склонение местоимений *гэты, усякі, самы* имеют следующие формы:

Единственное число

- И. муж. р. *гэты, усякі, кожны, самы*
И. сред. р. *гэта (ае), усякае, кожнае, самае*
Р. *гэтага, усякага, кожнага, самага*
Д. *гэтаму, усякаму, кожнаму, самаму*
В. муж. р. как И. или Р.
В. сред. р. как И.
Т. *гэтым, усякім, кожным, самым*
М. *гэтым, усякім, кожным, самым*

Множественное число

- И. *гэтыя, усякія, кожныя, самыя*
Р. *гэтых, усякіх, кожных, самых*
Д. *гэтым, усякім, кожным, самым*
В. как И. или Р.
Т. *гэтымі, усякімі, кожнымі, самымі*
М. *гэтых, усякіх, кожных, самых*

§ 206. Формы именительного падежа *хто, што* в древнем языке имели форму *къто, чъто*. Последние образовались путем сочетания *къ + то* и *чъ + то*. В результате исчезновения *ъ* и *ь* и диссимиляции *кт* в *хт*, а *чт* в *шт* образовались современные *хто, што*: *къ + то* → *къто* → *хто*; *чъ + то* → *чъто* → *што*. В косвенных падежах сохранились прежние *к* и *ч*. Местоимения среднего рода *ваша* и *наша* в им. и вин. п. ед. ч. имеют полную и краткую формы, например: *нашае* и *наша*, *вашае* и *ваша*. Во множественном числе эти слова имеют формы *нашыя* и *нашы*, *вашыя* и *вашы* независимо от рода. Форма им. п. ед. ч. местоимения *тое* возникла по аналогии с членными именами прилагательными.

Местоимение *гэты* в им. и вин. п. ед. ч. среднего и женского родов может иметь полную и краткую формы: *гэтае* и *гэта*; *гэтую* и *гэту*. Кроме местоимения *гэты*, по диалектам употребляется и местоимение *гэны, гэная*:

гэты обозначает «той блізкі», *гэны* – «той далёкі». Диалектно распространена и форма с *е* вместо *г* в слове *гэты*, например: *етая, етае* и т. д.

Родительный падеж после твердых и отвердевших согласных имеет окончание *-аго* или *-ага*. Это окончание восходит к *-ого* после твердых согласных, например: *каго* из *кого*, *таго* из *того*, *гэтага* из *этого*, *кожнаго* из *каждого* и т. д.; и к *-его* после мягких, теперь отвердевших согласных, например: *нашага* из *нашего*, *вашага* из *вашего*, *чаго* из *чего*.

Дательный падеж после твердых и отвердевших согласных имеет окончание *-аму*, *-ому*, например: *каму*, *чаму*, *таму*, *нашаму*, *самоmu* и т. д. Это окончание восходит к *-ому* после твердых согласных, например: *каму* из *кому*, *таму* из *тому*; и к *-ему* после мягких, теперь отвердевших согласных, например: *нашаму* из *нашему*, *чаму* из *чему* и т. д.

Формы твор. п. *кім* от местоимения *хто* возникла по аналогии с формой *чым* (из *чимь*) от местоимения *што*.

В местном падеже от этих местоимений были формы *комь* и *чемь*; теперь имеем формы *кім*, *чым*, которые образовались по аналогии с формами творительного падежа. На месте современной формы твор. п. *тым* от местоимения *той* раньше была форма *тѣмь*. Форма *тым* образовалась под влиянием местоименного склонения прилагательных. Формы твор. п. остальных рассматриваемых здесь местоимений образовались также под влиянием местоименного склонения прилагательных. Формы местн. п. этих местоимений одинаковы с формами твор. п. и образовались под влиянием последнего.

Склонение местоимений мужского и среднего родов с основной на мягкий согласный

§ 207. К этому склонению относятся следующие группы местоимений:

- а) личное местоимение 3-го л.: *ён, яно*;
- б) притяжательно-личные местоимения: *твой, свой*;
- в) вопросительные местоимения: *чий, чыё*;
- г) определительные местоимения: *увесь*.

§ 208. Местоимение 3-го л. имеет следующие падежные формы:

Единственное число

	муж. р.	сред. р.
И.	<i>ён</i>	<i>яно (јон, јано)</i>
Р.	<i>яго</i>	<i>(јаго)</i>
Д.	<i>яму</i>	<i>(јаму)</i>

В.	<i>яго</i>	(<i>јаго</i>)
Т.	<i>ім</i>	(<i>јім</i>)
М.	<i>ім</i>	(<i>јім</i>)

Множественное число

	муж. р.	сред. р.
И.	<i>яны</i>	(<i>јаны</i>)
Р.	<i>іх</i>	(<i>јих</i>)
Д.	<i>ім</i>	(<i>јім</i>)
В.	<i>іх</i>	(<i>јих</i>)
Т.	<i>імі</i>	(<i>јімі</i>)
М.	<i>іх</i>	(<i>јих</i>)

§ 209. Местоимения *увесь, чый, мой, свой, твой* имеют следующие падежные формы:

Единственное число

И. муж. р.	<i>увесь, чый, мой, свой</i>
И. сред. р.	<i>усё, чыё, маё, сваё</i>
Р.	<i>усяго, чыйго, майго, свайго</i>
Д.	<i>усяму, чыйму, майму, свайму</i>
В. муж. р.	как И. или Р.
В. сред. р.	как И.
Т.	<i>усім, чыім, маім, сваім</i>
М.	<i>усім, чыім, маім, сваім.</i>

Множественное число

И.	<i>усе, чые, мае, свае</i>
Р.	<i>усіх, чыіх, маіх, сваіх</i>
Д.	<i>усім, чыім, маім, сваім</i>
В.	как И. или Р.
Т.	<i>усімі, чыімі, маімі, сваімі</i>
М.	<i>усіх, чыіх, маіх, сваіх.</i>

§ 210. Падежные формы множественного и единственного числа местоимения *ён, яно* имеют разные основы: 1) им. п. всех трех родов обоих чисел имеют основу *ён, ян-*: *ён, яна, яно, яны*; 2) все косвенные падежи обоих чисел имеют прежнюю местоименную основу *је*, которая в современном языке представлена в виде *ј*.

Таким образом, в формах *яго* (фонетически *јаго*), *яму* (*јаму*) и т. д. основой является *ј*, а окончанием *-аго, -аму* и т. д. Эта двойственность основы в им. п.

и других падежах образовалась потому, что древние формы им. п. местоимений *яь (i), ja, jэ* были заменены местоимениями *он, она, оно*. Косвенные же падежи сохранили формы от местоимений *яь (i), ja, jэ*.

Формы им. п. *ён, яна, яно, яны* в белорусском языке образовались из *он, оно, она, оны* в результате проникновения в именительный падеж звука *ј* из косвенных падежей (*јаго, јаму* и т. д.).

В украинском языке в формах им. п. этих местоимений развился звук *в*: *він* (*о* в новом закрытом слоге дает *і*), *вона, воно, вони*.

В русском языке сохранились в им. п. формы *он, она, оно*.

В местоимении *увесь* начальное *у* образовалось по аналогии с *уся, усё*, а также по аналогии с соответствующими формами косвенных падежей *усяго, усяму* и т. д.

Формы род. и дат. п. муж. и сред. р. ед. ч. от местоимений *ён, яно, увесь* употребляются в таком виде: *яго, усяго, яму, усяму*. Современные окончания *-яго, -яму* произошли из окончаний *-его, -ему*, которые в русской письменной традиции сохранились до настоящего времени. Формы род. и дат. п. муж. и сред. р. ед. ч. от местоимений *мой, твой, свой* употребляются в таком виде: *майго, твайго, свайго, чыйго, свайму, майму, твайму, чыйму*.

В некоторых диалектах встречаются даже формы *маго, сваго, тваго*, которые образовались по аналогии с формами *таго, таму* и т. д.

Форма вин. п. от местоимений *ён, яна* в настоящее время совпадает с формой род. п., т. е. *яго*. Раньше эта форма совпадала с им. п., т. е. в соответствии с современным местоимением *ён* употреблялась форма *яь (i)*, а в соответствии с местоимением *яно* употреблялась форма *jэ*. Форма вин. п. от местоимений *увесь, мой, свой, чый* совпадает или с формой им. п., если эти местоимения сочетаются с существительным, которое обозначает неодушевленный предмет, или с формой род. п., если это местоимение сочетается с существительным, которое обозначает одушевленный предмет. Форма твор. п. *ім* возникла фонетически из прежней формы *имь*. Форма же *ім* муж. и сред. р. местн. п. возникла вместо *емь* по аналогии с твор. п., подобно тому, как это имеет место в прилагательных. Также форма местн. п. *усім, чыйм, майм, свайм* возникла по аналогии с формой твор. п. *усім, чыйм, майм, свайм*.

Формы же твор. п. *чыйм, майм, свайм* возникли из прежних форм *чыймь, моймь, своимь*. Форма *усім* заменила прежнюю форму *вьсьмь* по аналогии с *майм, свайм*.

Склонение местоимений женского рода с основой на твердый согласный

§ 211. К этому склонению относятся следующие группы местоимений:

1) притяжательно-личные: *наша (ая), ваша (ая)*;

2) указательное местоимение: *тая*;

3) местоимения, которые в им. п. муж. р. оканчиваются на *-ы, -і*: *этая, эткая, самая*.

Местоимения перечисленных групп имеют следующие падежные формы:

Единственное число

И.	<i>наша (ая)</i>	<i>ваша (ая)</i>	<i>тая</i>	<i>этая</i>
Р.	<i>нашай</i>	<i>вашай</i>	<i>той</i>	<i>этай</i>
Д.	<i>нашай</i>	<i>вашай</i>	<i>той</i>	<i>этай</i>
В.	<i>нашу (ую)</i>	<i>вашу (ую)</i>	<i>тую</i>	<i>эту (ую)</i>
Т.	<i>нашай (аю)</i>	<i>вашай (аю)</i>	<i>той</i>	<i>этай (аю)</i>
М.	<i>нашай (аю)</i>	<i>вашай (аю)</i>	<i>той</i>	<i>этай</i>

Множественное число

И.	<i>нашы (ья)</i>	<i>вашы (ья)</i>	<i>тыя</i>	<i>этыя</i>
Р.	<i>наших</i>	<i>ваших</i>	<i>тых</i>	<i>этых</i>
Д.	<i>нашым</i>	<i>вашым</i>	<i>тым</i>	<i>этым</i>
В.	как И. или Р.			
Т.	<i>нашымі</i>	<i>вашымі</i>	<i>тымі</i>	<i>этымі</i>
М.	<i>наших</i>	<i>ваших</i>	<i>тых</i>	<i>этых</i>

§ 212. Местоимения жен. р. *наша, ваша* в им. и вин. п. ед. ч. могут иметь полную или краткую форму, например: *нашая* и *наша*, *нашую* и *нашу*, *вашую* и *вашу*.

Формы им. п. *нашая, ваша, тая, этая* образовались по аналогии с членными именами прилагательными. Формы род. п. *нашай, вашей, той, этай* образовались из прежних форм *нашеѣ, вашеѣ, этоѣ*. Формы дат. п. *нашай, вашей, той, этай* происходят из прежних форм *нашей, вашей, той, этой*. Формы вин. п. *нашую, вашу, эту, тую* образовались по аналогии с членными именами прилагательными.

Формы твор. п. *нашай, вашей, той, этай* образовались в результате редукции и последующего отпадения конечного звука *у* в формах *нашаю, вашаю, тою, этаю*. Эти последние формы в свою очередь происходят из прежних форм *нашејо, вашејо, тојо, этојо*.

Формы местн. п. *нашай, вашей, той, этай* образовались из прежних форм *нашей, вашей, той, этой* путем сокращения последнего звука *и* в *й*.

Склонение местоимений женского рода с основой на мягкий согласный

§ 213. К этому склонению относятся следующие группы местоимений:

- 1) личное местоимение: *яна*;
- 2) притяжательно-личные местоимения: *мая, твая, свая*;
- 3) определительное местоимение: *уся*;
- 4) вопросительное местоимение: *чья*.

§ 214. Личное местоимение жен. р. *яна* имеет следующие падежные формы:

	Единственное число	Множественное число
И.	<i>яна</i>	<i>яны</i>
Р.	<i>яе</i>	<i>іх</i>
Д.	<i>ёй</i>	<i>ім</i>
В.	<i>яе</i>	<i>іх</i>
Т.	<i>ёю (ёй)</i>	<i>імі</i>
М.	<i>ёй</i>	<i>іх</i>

Формы мн. ч. этого местоимения совпадают с формами соответствующего местоимения муж. и сред. р. Другие местоимения этого склонения имеют следующие падежные формы:

	Единственное число			
И.	<i>мая</i>	<i>свая</i>	<i>уся</i>	<i>чья</i>
Р.	<i>мае, маёй</i>	<i>свае, свайёй</i>	<i>усяе, усёй</i>	<i>чые, чыёй</i>
Д.	<i>маёй,</i>	<i>свайёй</i>	<i>усёй</i>	<i>чыёй</i>
В.	<i>маю</i>	<i>сваю</i>	<i>ую</i>	<i>чыю</i>
Т.	<i>маёю (й)</i>	<i>свайёю (й)</i>	<i>усёй (ю)</i>	<i>чыёй (ю)</i>
М.	<i>маёй</i>	<i>свайёй</i>	<i>усёй</i>	<i>чыёй</i>

	Множественное число			
И.	<i>мае</i>	<i>свае</i>	<i>усе</i>	<i>чые</i>
Р.	<i>маіх</i>	<i>сваіх</i>	<i>усіх</i>	<i>чыіх</i>
Д.	<i>маім</i>	<i>сваім</i>	<i>усім</i>	<i>чыім</i>
В.	как И. или Р.			
Т.	<i>маімі</i>	<i>сваімі</i>	<i>усімі</i>	<i>чыімі (чыймі)</i>
М.	<i>маіх</i>	<i>сваіх</i>	<i>усіх</i>	<i>чыіх</i>

§ 215. О происхождении форм им. п. *яна* сказано выше. Формы же им. п. *мая, твая* и т. д. происходят из прежних форм им. п. *моя, твоя, вься, чья*. Форма *чья* образовалась из *чья* по аналогии с формой муж. р. *чий*.

Форма род. п. *яе* происходит из прежней формы род. п. *еѣ*. Формы род. п. *маёй, свайёй* и т. д. возникли из формы *маей, свайей* и т. д. по аналогии с *той*,

самой. Формы *маёй, сваёй* и т. д. возникли из прежних форм *моеѣ, своеѣ, твоѣѣ, всеѣѣ* и т. д.

Форма дат. п. *ёй* происходит от прежней формы дат. п. *еи*. Форма дат. п. *маёй, сваёй, тваёй* и т. д. происходит из форм дат. п. *маей, сваей* и т. д. Все они возникли, как и соответствующие формы род. п., по аналогии с *той, самой*.

Форма вин. п. *яе* от современного местоимения *яна* является по происхождению формой род. п. от местоимения жен. р. *я*. Она и заменила собой прежнюю форму вин. п. *ю*. Формы вин. п. *маю, сваю, тваю, усю* происходят из прежних форм вин. п. *мојо, својо, вьсјо*. Формы твор. п. *маёй, сваёй* и т. д. возникли из прежних форм твор. п. *моею, своею* и т. д. по аналогии с такими формами, как *тои, самои*.

Формы же *маёй, сваёй* и т. д. вместо *маёю, сваёю* образовались в результате отпадения конечного звука *у* в форме *маею, сваею, усею, чьею*. Эти последние формы возникли из прежних форм *моејо, своејо, вьсејо, чьејо*.

Форма местн. п. *ёй* происходит из прежней формы *еи*. Формы местн. п. *маёй, тваёй* и т. д. возникли из прежних форм местн. п. *моєи, твоєи*, в которых конечный звук *и* сократился в *й*, а *е* в окончании *-ей* перешло в *ё* по аналогии с формами *той, самой*, в результате чего получились современные формы *маёй, тваёй, сваёй*.

Падежные окончания во мн. ч. одинаковы для местоимений всех трех родов. Местоимения *хто, што* форм мн. ч. не имеют.

Окончание *-ы* в им. п. местоимения мн. ч. *яны* в современном белорусском языке по своему происхождению является окончанием жен. р. мн. ч. от местоименной основы *он*.

Окончание *-и* в им. п. местоимения мн. ч. *они* в русском языке по своему происхождению является окончанием муж. р. мн. ч. от местоименной основы *он*.

Формы им. п. мн. ч. местоимений *тыя, свае, мае, чые* происходят из старой формы им. и вин. п. жен. р. на *ѣ* носовое, причем конечное *е* из *ѣ* носового не под ударением в белорусском языке переходит в *-я*, например: *тыя*, но *свае, мае, чые, усе*. Формы им. п. мн. ч. местоимений *нашы, вашы, самі* происходят из старой формы им. и вин. п. муж. р. на *-и*. Окончание *-и* после отвердевших согласных перешло в *-ы*. Так образовались формы *нашы, вашы*, но *самі*.

Формы мн. ч. *нашыя, вашыя* образовались по аналогии с прилагательными.

Также образовались и формы мн. ч. *гэтыя, кожныя, усякія, самыя*. Что касается форм других падежей множественного числа, то они уравнились

с соответствующими формами прилагательных: окончания местоимений род. п. *-ых, -іх* (*тых, усіх*), дат. п. *-ым, -ім* (*тым, усім*), твор. п. *-ыми, -імі* (*тымі, усімі*), местн. п. *-ых, -іх* (*тых, усіх*) совпадают с соответствующими окончаниями прилагательных, например: род. п. – *добрых, сініх*; дат. п. – *добрым, сінім*; твор. п. – *добрымі, сінімі*; местн. п. – *добрых, сініх*.

Склонение личных местоимений *я, ты* и возвратного местоимения *сябе*

§ 216. Склонение местоимений *я, ты, сябе* имеет следующие падежные формы:

Единственное число

И.	<i>я</i>	<i>ты</i>	
Р.	<i>мяне</i>	<i>цябе</i>	<i>сябе</i>
Д.	<i>мне</i>	<i>табе</i>	<i>сабе</i>
В.	<i>мяне</i>	<i>цябе</i>	<i>сябе</i>
Т.	<i>мноі (ою)</i>	<i>табой (ою)</i>	<i>сабой (ою)</i>
М.	<i>мне</i>	<i>табе</i>	<i>сабе</i>

Множественное число

И.	<i>мы</i>	<i>вы</i>	местоимение
Р.	<i>нас</i>	<i>вас</i>	<i>сябе</i> мн. ч.
Д.	<i>нам</i>	<i>вам</i>	не имеет
В.	<i>нас</i>	<i>вас</i>	
Т.	<i>намі</i>	<i>вамі</i>	
М.	<i>нас</i>	<i>вас</i>	

§ 217. В основном эти местоимения склоняются подобно существительным. Отдельные падежи этих местоимений различаются не только окончаниями, но и основами: *я, мы, нас; ты, табе* и т. д.

Форма им. п. 1-го л. *я* возникла из древней формы *язъ*, которой соответствовала старославянская форма *азъ*.

Форма им. п. 2-го л. *ты* засвидетельствована во всех славянских языках.

Форма род. п. *мяне, цябе, сябе* восходит к соответствующим старым формам *мене, тебе, себе*. Изменение звуков основы *мяне* из *мене*, *сябе* из *себе*, *цябе* из *тебе* произошло фонетически в результате яканья и перехода *т* в *ц* в последнем примере.

Форма дат. и местн. п. *мне* происходит из старой формы этих падежей *мънѣ*, а формы *табе, сабе* образовались из старых форм *тобѣ, собѣ*. Наряду с формами *тобѣ, собѣ* в древних памятниках употреблялись и формы *тебѣ, себѣ*.

Кроме этих форм дат. и местн. падежей, в древнем языке были энклитические формы *ми, ти, си*, которые с соответствующими изменениями сохранились в некоторых украинских и русских диалектах, например, русское *я те дам*, где *те* заменило более старое *ти* под влиянием формы *тебе*.

Вин. п. имеет формы, одинаковые с род. п.: *мяне, цябе, сябе*. Энклитические формы вин. п. *мя, тя, ся* в современном белорусском языке в самостоятельном значении не сохранились. Частица *ся* сохранилась только в сочетании с глаголами, например: *памыўся, адзеўся* и т. д. Формы твор. п. *мною, табою, сабою* восходят к формам *мъною, тобою, собою*. Из форм *мною, табою, сабою* в результате отпадения конечного звука *у* образовались формы *мной, табой, сабой*.

В формах мн. ч. *нась, вась, намъ, вамъ* отпал конечный редуцированный *ъ*, в результате чего получились современные формы *нас, вас, нам, вам*. Местоимение *сябе* множественного числа не имеет и не имело его раньше.

Глава седьмая

ГЛАГОЛ

Основы глагола

§ 218. Глагольные образования имеют две основы: первая основа выделяется из форм настоящего времени; вторая основа выделяется из форм прошедшего времени и инфинитива. От первой основы образуются формы настоящего времени, повелительного наклонения, а также формы причастий настоящего времени. От второй основы образуются формы инфинитива, глагола прошедшего времени и причастий прошедшего времени. Глагольные основы могут быть производными и непроизводными.

Морфологические разряды глагольных основ

По соотношению первой и второй глагольных основ глаголы подразделяются на морфологические разряды, из которых одни являются продуктивными, а другие непродуктивными.

Непродуктивные разряды глагольных основ

§ 219. К первому непродуктивному разряду относятся глаголы, у которых обе основы оканчиваются на согласный звук и являются непроизводными. Конечный согласный основы в истории языка мог изменяться или исчезать в зависимости от разных фонетических условий:

грабу, грабеш, грабуць – грабі, гроб;
скрабу, скрабеш, скрабуць – скрабі, скроб;

вязау, вязаеш, вязауць – вязці, вёз (из везль), ср. вязла;
нясу, нясеш, нясуць – нясці, нёс (из неслъ), ср. нясла;
паўзу, паўзеш, паўзуць – паўзці, поўз (из пълзль), ср. паўзла;
тру, трэш, труць – церці (из тьрти), цёр (из тьрль), ср. церла;
памру, памрэш, памруць – памерці (из помьрти), памёр (из помьрль),
ср. *памерла;*

запру, запрэш, запруць – заперці (из запьрти), запер (из запьрль), ср. за-
пярла;

берагу, беражэш, берагуць – берагчы (из бергти), берег (из береглъ),
ср. *берегла;*

магу, можаш, могуць – магчы (из могти), мог (из могль), ср. могла.

В современном белорусском языке вторая основа некоторых глаголов этого разряда оканчивается на гласный звук.

Гласный оказывается конечным звуком основы в результате:

1) исчезновения конечного согласного основы перед следующим согласным форматива, например:

вяду, вядзеш, вядуць – вясці (из ведти), вёў (из ведль);
кладу, кладзеш, кладуць – класці (из кладти), клаў (из кладль);
мяту, мячеш, мятуць – мясці (из метти), меў (из метль);
пляту, плячеш, плятуць – плясці (из плетти), плёў (из плетль);

2) преобразования конечного согласного основы и следующего согласного форматива в один согласный звук, например:

пяку, пячэш, пякуць – пячы (из пекти), пёк (из пекль), ср. пекла;
цяку, цячэш, цякуць – цячы (из текти), цёк (из текль), ср. рус. текла;

3) преобразования конечного сочетания гласного звука и носового согласного звука основы в один гласный звук, например:

жму, жмеш, жмуць – жаць (из жьмти), жаў (из жьмль);
жну, жнеш, жнуць – жаць (из жьнти), жаў (из жьнль);
мну, мнеш, мнуць – мяць (из мьнти), мяў (из мьнль)¹;

4) развития вторичного гласного *о* в полногласных формах, например:

калю, колеш, колюць – калоць (из колти), калоў;
палю, полеш, полюць – палоць (из полти), палоў;
мелю, мелеш, мелюць – малоць (из мелти), малоў;
бару, бораеш, боруць – бароць (из борти), бароў;
пару, пораеш, поруць – пароць (из порти), пароў.

¹Ср. в литовском *miņkuty* «мять» и *ginti* «жать (жну)», в которых *in* соответствует славянскому *ьн*.

§ 220. Ко второму непродуктивному разряду относятся глаголы, первая основа которых непроезводная и оканчивается на согласный звук, а вторая основа проезводная и оканчивается формативом *-а-*, или *-е-* из *ѣ*, после шипящих и *ј* – *-а-* или гласным *о*.

Вторая основа оканчивается формативом *-а-* и имеет нулевую огласовку корня:

тку, ткеш, ткуць – ткаць, ткаў;
лгу, лжэш, лгуць – лгаць, лгаў;
жру, жрэш, жруць – жраць, жраў;
бярэ, бярэш, бярэць – браць, браў;
заву, завеш, завуць – заць, заў;
рву, рвеш, рвуць – рваць, рваў.

Вторая основа оканчивается формативом *-а-* и имеет гласный в составе корня:

пішу, пішаеш, пішуць – пісаць, пісаў;
сыплю, сыплееш, сыплюць – сыпаць, сыпаў;
драмлю, дрэмлееш, дрэмлюць – драмаць, драмаў;
рэжу, рэжаеш, рэжуць – рэзаць, рэзаў;
мажу, мажаеш, мажуць – мазаць, мазаў;
плачу, плачаеш, плачуць – плакаць, плакаў;
скачу, скачаеш, скачуць – скакаць, скакаў.

К этому разряду относятся корневые односложные глаголы, которые на конце корня имеют звук *ј*:

лаю, лаеш, лаюць – лаяць, лаяў;
сею, сееш, сеюць – сеяць, сеяў;
вею, вееш, веюць – веяць, веяў.

Вторая основа оканчивается формативом *-е-* из *ѣ*, после шипящих и *ј* – *-а-*:

віджу, відзіеш, відзяць – відзець;
лячу, ляціеш, ляцяць – ляцець;
сяджу, сядзіеш, сядзяць – сядзець;
ляжу, ляжэш – ляжаць;
маўчу, маўчыеш, маўчаць – маўчаць.

Отмеченные глаголы этого вида часто образуются от усеченных существительных и обозначают звуковые явления, например: *храплю – храпець*, ср. *храп*; *саплю – сапець*, ср. *сап*; *шыплю – шыпець*, ср. *шп*.

§ 221. К третьему непродуктивному разряду относятся глаголы, у которых первая основа – проезводная и оканчивается формативом *-я-*, а вторая основа в формах прошедшего времени непроезводная и оканчивается со-

гласным звуком, а в формах инфинитива производная и оканчивается формативом *-н-*, например:

сохну, сохнеш, сохнуць – сохнуць, сох;
вісну, віснеш, віснуць – віснуць, навіс;
тану, тонеш, тонуць – тануць, патоп;
мокну, мокнеш, мокнуць – мокнуць, прамок.

§ 222. К четвертому непродуктивному разряду относятся глаголы, у которых первая основа оканчивается на согласный *j*, который следует за корневым гласным, или, если он выпал, за корневым согласным, а вторая основа оканчивается корневым гласным, например:

мыю, моеш, мыюць – мыць, мыў;
шыю, шыеш, шыюць – шыць, шыў;
б'ю, б'еш, б'юць – біць, біў;
ую, уеш, уюць – віць, віў;
п'ю, п'еш, п'юць – піць, піў;
смею, смееш, смеюць – смець, смеў;
спею, спееш, спеюць – спець, спеў;
дую, дуеш, дююць – дуць, дуў.

Переднеязычные согласные ассимилировали себе *j* и стали долгими: *лю, леш, ліюць – ліць, ліў.*

Продуктивные разряды глагольных основ

§ 223. К первому продуктивному разряду относятся глаголы, у которых обе основы производные, причем первая оканчивается формативами *-а-* или *-е-* в сочетании с *j*, а вторая основа оканчивается теми же формативами без *j*, например:

читаю (ср. рус. прочту), читаеш, читаюць – чытаць, чытаў;
лятаю (ср. лячу), лятаеш, лятаюць – лятаць, лятаў;
змяняю, змянеш, змяняюць – змяняць, змяняў;
снедаю (завтракаю), снедаеш, снедаюць – снедаць, снедаў;
гукае, гукаеш, гукаюць – гукаць, гукаў;
бялею, бялеш, бялеюць – бялець, бялеў;
чырваню, чырванеш, чырванюць – чырванець (краснеть), чырванеў.

По этому образцу могут быть образованы глаголы от существительных и прилагательных, например: *дзяцінец, днец, вар'янец, рунец* и т. д.; *сінець, маладзец, ружавец, магутнец, чарнец, цямнец, мякчэць* и т. д.

§ 224. Ко второму продуктивному разряду относятся глаголы, у которых первая основа оканчивается на *-у-*, *-ю-* плюс *j*, а вторая на *-ов-*, *-ев-*, откуда не под ударением *-ав-*, *-яв-*, плюс *j*, например:

*плюю, плюєш, плююць – пляваць, пляваў;
клюю, клюєш, клююць – кляваць, кляваў;
сую, суєш, суюць – саваць, саваў;
сную, снуєш, снуюць – снаваць, снаваў.*

По этому типу образуются от имен многочисленные глаголы, которые в 1-м лице имеют производную основу с формативами *-у-, -ю-, а* в инфинитиве производную основу с формативами *-аваць, -яваць*:

*зімую, зімуетш, зімуюць – зімаваць;
летую, летуетш, летуюць – летаваць;
вясную, вяснутш, вяснуюць – веснаваць;
начую, начуетш, начуюць – начаваць;
палудную, палуднутш, палуднуюць – палуднаваць;
сумую, сумуетш, сумуюць – сумаваць;
сябрую, сябруетш, сябруюць – сябраваць;
буксірую, буксіруетш, буксіруюць – буксіраваць;
мацую, мацуетш, мацуюць – мацаваць;
дапасую – дапасаваць;
бядуе – бядаваць;
гаруе – гараваць;
пілнуе – пілнаваць и т. д.*

Этот образец глаголов расширяется новообразованиями с суффиксами *-іраваць, -ізіраваць, -аваць*:

*калектывізіруе – калектив-ізіраваць;
страхуе – страх-аваць;
рэалізуе – рэаліз-аваць;
ліквідыруе – ліквід-аваць;
стабілізуе – стабіліз-аваць;
плануе – план-аваць.*

§ 225. К третьему продуктивному разряду относятся глаголы, у которых первая основа непроизводная и оканчивается на согласный звук, а вторая основа производная и оканчивается формативом *-и-*. К этому разряду относятся глаголы II спряжения:

*солю, солиш, соляць – саліць, саліў;
хаджу, ходзіш, ходзяць – ходзіць, хадзіў;
вучу, вучыш, вучаць – вучыць, вучыў;
нашу, носіш, носяць – насіць, насіў.*

По образцу этого разряда образуются новые глаголы от основ других частей речи, например:

а) от основ существительных: *віхрыць* (от *віхуры*), *гаспадарыць*, *пляміць*, *халадзіць*, *пружыніць* и др.;

б) от основ прилагательных: *чарніць*, *сініць*, *кудлачыць* (от *кудлаты*), *вінаваціць*, *крывавіць*;

в) от наречий: *множыць*, *знішчожыць*, *бухторыць*.

§ 226. К четвертому продуктивному разряду относятся глаголы, у которых обе основы производные и оканчиваются формативом *-н-*, причем глаголы обозначают активную деятельность субъекта, например:

піхну, *піхнеш*, *піхне* – *піхнуць*, *піхнуў*;

шмыгану, *шмыганеш*, *шмыгане* – *шмыгануць*, *шмыгануў*;

звяздану, *звязданеш*, *звяздане* – *звяздануць*, *звяздануў*.

Изменения глагольных основ в связи с выражением видов

§ 227. Бесприставочные глаголы, которые имеют непроеизводную основу, являются глаголами несовершенного вида, например: *хадзіць*, *ісці*, *правіць*, *вадзіць*, *весці*, *насіць*, *несці* и т. д.

Только некоторые глаголы этого типа имеют значение совершенного вида, например: *ступіць* – *ступлю*; *хваціць* – *хвачу*, *пусціць* – *пушчу*, *радзіць* – *раджу*, *кончыць* – *кончу*, *купіць* – *куплю*.

Бесприставочные основы с формативом *-н-* имеют значение совершенного вида и являются продуктивными, если они обозначают активное действие субъекта, например: *крыкну*, *тупну*, *хлопну*, *піхну*, *кальну*, *пальну*, *гляну*, *секану* и т. д. Если же эти слова обозначают пассивное состояние предмета, они имеют значение несовершенного вида и являются непроеизводными: *сохну*, *мокну*, *кісну*, *пухну*, *тану*, *вісну* и т. д.

Бесприставочные непроеизводные основы, которые имеют значение несовершенного вида, образуют основы совершенного вида путем добавления приставки, например: *драмаць* – *задрамаць*; *думаць* – *абдумаць*, *прыдумаць*; *пісаць* – *напісаць*, *апісаць*, *прапісаць*; *будзіць* – *разбудзіць*, *прабудзіць*.

Бесприставочные глаголы, которые обозначают наглядное движение имеют две основы: одна имеет значение определенного движения, другая имеет значение неопределенного движения, например: *ляцець* – *лятаць*; *несці* – *насіць*; *лезці* – *лазіць*; *гнаць* – *ганяць*; *везці* – *вазіць*; *весці* – *вадзіць*; *паўзці* – *поўзаць*; *бегчы* – *бегаць*; *ісці* – *хадзіць*.

Присоединение приставок к глаголам первой группы образует основы, которые имеют значение совершенного вида, например: *несці* – *прынясу*, *унясу*; *везці* – *увязу*, *вывезу*, *навязу*; *весці* – *прывяду*, *выведу*, *правяду*, *павяду*.

Присоединение приставок к глаголам второй группы не образует основ совершенного вида, приставочные основы этой группы глаголов имеют значение несовершенного вида, например: *вадзіць – прывадзіць; насіць – прынасіць, унасіць, вынасіць; вазіць – прывазіць, увазіць, вывазіць*.

§ 228. Приставочные глаголы совершенного вида образуют основы несовершенного вида путем употребления формативов *-а-* (*-ва-*): *дапамагчы – дапамагаць; -ја-,* откуда *-а-*: *адвучыць – адвучаць; -ва:* *захутаць – захутваць*, а также путем изменения гласных корня: *намерці – паміраць*.

Еще в древнейшее время получили распространение глаголы с удлинённой гласной корня, которые имели итеративное значение, наряду с глаголами с краткой гласной в корне, которые имели неитеративное значение, причем удлинение *-ь-* давало *-и-, -ѣ-, ы, е – ѣ, о – а*, ср. в старославянском языке *угне-сти – уgnѣтати, вѣжешти – вѣжагати* (*а* на месте *ѣ* из *е* долгого после исконно мягкой согласной): *решти – прѣрѣкати; рѣци – нарицаѣти; умѣру – умирати; процвѣту – процвѣтати; надѣму – надымаѣти, усѣнути – усыпати; заколю – закалати*.

В современном белорусском языке сохранились в большинстве случаев старые соотношения глаголов с изменённым согласным в корне, например: *дзерці* (из *дѣрти*) – *раздзіраць*; *гнесці* (из *гнести*) – *прыгнятаці* (из *приgnѣтати*); *мясці* (из *мести*); *замятаці* (из *замѣтати*); *помніць* (*-мьн-*) – *успамінаць; памру* (*-мьр-*) – *паміраць*.

Каждый разряд глаголов имеет свои особенности при образовании приставочных основ несовершенного вида.

§ 229. Приставочные глаголы совершенного вида I непродуктивного разряда образуют производные основы несовершенного вида путем присоединения соответствующих формантов к непроизводной основе на согласный звук; причем первая основа образуется посредством форманта *-а-* (*заграбаю – заграбаць*) или форманта *-ва-* – после плавных согласных (*расколаваю – расколаваць*). Таким образом, приставочные глаголы I непродуктивного разряда совершенного вида при образовании основ несовершенного вида переходят в группу I продуктивного разряда.

Гласные корней нулевой и средней степени удлинняются, т. е. подвергаются изменению согласно § 228:

грабу (из *гребу*), *заграбу – заграбаць* (из *загрѣбати*), *загребав*;
скрабу (из *скребу*), *заскрабу – заскрабаць* (из *заскрѣбати*), *заскрабае*;
пяку (из *пеку*), *запяку – запякаць* (из *запѣкати*), *запякае*;
цячэ (из *течь*), *зацячэ – зацякаць* (из *затѣкати*), *зацякае*;
пляшу (из *плету*), *запляшу – заплятаць* (из *заплѣтати*), *заплятае*;

мяту (из мету), замяту – замятаць (из замѣтати), замятае;
тру (из тьру), патрэш – паціраці, пацірае;
памру (из памьру), памрэш – паміраці, памірае;
мну (из мьну), замнеш – замінаць, замінае;
жму (из жьму), зажму – зажымаць, зажымае;
жну (из жьну), зажну – зажынаць, зажынае.

Корневой неударяемый гласный *а* из *о* перед конечным плавным согласным непроемной основы в производных основах принимает на себя ударение и произносится как *о*, например:

калю, раскалоць – расколвае, расколваць;
палю, прапалоць – праполвае, праполваць;
пару, распароць – распорвае, распарваць;
мялю, размалоць – размолвае, размолваць.

Приставочные глаголы этого разряда, которые обозначают определенное передвижение (например, *прынясу, прывязу, прывяду*), несовершенного вида, как сказано выше, не образуют. Глаголы несовершенного вида *нанашваць, прыважсваць* образуются от другого вида корня.

§ 230. Приставочные глаголы совершенного вида II непроемтивного разряда, у которых вторая основа имеет нулевую огласовку корня и оканчивается формативом *-а-*, образуют производные основы несовершенного вида путем изменения нулевой огласовки корня во второй основе, причем от этой производной основы с присоединением *-j-* образуются формы настоящего времени несовершенного вида, например:

жру, пажрэш, пажраць – пажырае, пажыраць;
заву, завеш, зазваць – зазывае, зазываць;
бяру, забярэш, забраць – забірае, забіраць;
рву, парвеш, парве – парывае, парываць;
лгу, абалгу, абалгаць – аблыгае, аблыгаць.

Приставочные глаголы совершенного вида этого непроемтивного разряда, у которых вторая основа имеет гласный в составе корня и оканчивается формативом *-е-* после шипящих и *j*, *-а-*, или формативом *-а-*, образуют производные основы несовершенного вида посредством форматива *-ва-*.

Приставочные глаголы совершенного вида со второй производной основой на *-е-* (*-а-*):

выседжу, выседзець – выседжваю, выседжваць;
пахраплю, пахрапець – пахравваю, пахравваць;
палячу, паляцець – палётваю, палётваць;
паляжу, паляжаць – палёжваю, палёжваць;

*памаўчу, памаўчаць – памоўчваю, памоўчваюць;
адстаю, адстаяць – адстойваю, адстойваюць.*

После мягкого согласного *л'* употребляется форматив *-іва-*, например: *пасаллю, пасапечь – пасалівае, пасаліваюць.*

Приставочные глаголы совершенного вида со второй производной основной на *-а-*:

*падпішу, пісаць – падпісвае, падпісваюць;
закажу, заказаць – заказвае, заказваюць;
зліжy, злізаць – злізвае, злізваюць;
пакажу, паказаць – паказвае, паказваюць;
раскажу, расказаць – расказвае, расказваюць;
выпішу, выпісаць – выпісвае, выпісваюць;
адкляю, кляваць – адклёўвае, адклёўваюць;
засую, засаваць – засоўвае, засоўваюць;
засею, сеяць – засейвае, засейваюць;
завею, веяць – завейвае, завейваюць.*

§ 231. Приставочные глаголы III непродуктивного разряда (*засохне – засохнуць*), которые обозначают пассивное состояние предмета, образуют производные основы несовершенного вида от основы глагола прошедшего времени на согласный звук посредством формата *-а-*:

*замёрзну, замёрз – замярзае, замярзае; распухну, распух – распухае, распухае;
засохну, засох – засыхае, засыхае;
закісну, закіс – закісае, закісае.*

§ 232. Приставочные глаголы IV непродуктивного разряда совершенного вида, у которых вторая основа оканчивается на гласный звук (*забіць*), образуют основы несовершенного вида путем присоединения формата *-ва-* к гласному второй основы и расширения этого формата согласным *-j-* в формах настоящего времени, например:

*заб'іць, заб'е – забівае, забівае;
абуць, абуе – абувае, абувае;
умыць, умые – умывае, умывае;
зашыць, зашые – зашывае, зашывае;
завіць, заўе – завівае, завівае;
залиць, залье – залівае, залівае;
заплыць, заплыве – заплывае, заплывае;
нажыць, нажыве – нажывае, нажывае.*

§ 233. Прибавочные глаголы совершенного вида I продуктивного разряда (*зачытае – зачытаць*), II продуктивного разряда (*дапасую – дапасавачь*), IV продуктивного разряда (*загляджу – заглядваць*) образуют основы несовершенного вида посредством форматива *-ва-* (после мягкого *л'* – *-іва-*), причем в глаголах IV разряда форматив *-н-* устранивается, например:

а) приставочные глаголы I продуктивного разряда:

зачытае, зачытаць – зачытваць, зачытваем;

закідае, закідаць – закідваць, закідвае;

захуае, захутаць – захутваць, захутваем;

выканае, выканаць – выконваць, выконваем;

выхавае, выхавачь – выхоўваць, выхоўваем;

утрымае, утрымаць – утрымліваць, утрымліваем;

б) приставочные глаголы II продуктивного разряда:

мацую, замацую, мацаваць – замацоўваць, замацоўваем;

страхуе, застрахуе, страхавачь – застрахоўваць;

нарыхтуе, нарыхтаваць – нарыхтоўваць, нарыхтоўваем;

працуе, выпрацуе, выправцаваць – выпрацоўваць;

адтэрмінуе, адтэрмінаваць – адтэрміноўваць;

в) приставочные глаголы IV продуктивного разряда:

загляну – заглядваць, заглядваем;

выкрыкну – выкрыкваць, выкрыкваем;

запіхну – запіхваць, запіхваем;

працісну – праціскаць, праціскаем;

прыцягну – прыцягваць, прыцягваем.

§ 234. Приставочные глаголы III продуктивного разряда образуют основы несовершенного вида путем присоединения к согласным корня:

а) или форматива *-ја-*, откуда *-а-*, например:

пагрузіць, пагрузіш – пагружаць, пагружае;

адвучыць, адвучыш – адвучаць, адвучае;

аб'явіць, аб'явіш – аб'яўляць, аб'яўляе;

зарабіць, заробіш – зарабляць, зарабляе;

паставіць, паставіш – пастаўляць, пастаўляе;

праславіць, праславіш – праслаўляць, праслаўляе;

адправіць, адправіш – адпраўляць, адпраўляе;

б) или форматива *-іва-* (после мягких *л'* или *н'*) и *-ва-*, например:

расцерабіць, расцерабіш – расцерабліваць;

запэўніць, запэўніш – запэўніваць;

адрозніць, адрозніш – адрозніваць;

заямліць, заямліш – заземліваць;
замасліць, замасліш – замасліваць;
засаліць, засоліш – засоліваць;
залячыць, залечыш – залечваць.

§ 235. Некоторые приставочные глаголы совершенного вида при переносе ударения с приставки или корня на форматив основы, получают смысл глаголов несовершенного вида, например: *высы́паць – высы́паць, засы́паць – засы́паць, вы́клікаць – выклі́каць, зады́хацца – задыха́цца*.

Таким образом, приставочные глаголы совершенного вида непродуктивных и продуктивных разрядов образуют глаголы несовершенного вида главным образом посредством формата *-ва- (-іва-)*; посредством формата *-а-* или *-а-* из *ѣ* долгого после шипящих и *ј* образуют несовершенный вид незначительные группы глаголов (*дапамагчы – дапамагаць, адвучыць – адвучаць* и т. п.).

Видовое значение глагольных основ

§ 236. Как указано выше, большинство глаголов имеют две морфологически соотносительные (коррелятивные) формы видовых основ: *падпішу – падпісваю* и т. д.

Этому парному отношению глагольных основ соответствуют парные отношения в видовых значениях глагола. У большинства глаголов различаются в соответствии с двумя видовыми основами два основных видовых значения: значение совершенного вида и значение несовершенного вида.

Глаголы несовершенного вида показывают действие, производимое субъектом, в процессе его протекания безотносительно к его конечной цели или пределу: *іду – хаджу – пахаджываю*.

Глаголы совершенного вида показывают действие, производимое субъектом, без отношения к его протеканию, но относительно его конечной цели, предела: *прыду – зайду – абайду, прачытаю – вычытаю – зачытаю* и т. д.

§ 237. Глаголы несовершенного вида имеют следующие значения: некратное, кратное и многократное. В глаголах линейного движения некратное значение выявляется в виде определенного движения, которое конкретно осуществляется в определенном направлении и в определенном времени: *іду, нясу, вяду, лячу, лезу, ганю, паўзу* и т. д. Некратное значение в глаголах линейного движения выявляется в виде неопределенного движения, которое осуществляется вообще, безотносительно к его конкретному проявлению в пространстве и времени: *лятае, ходзіць, ганяе, водзіць, носіць* и т. д.

В других глаголах некратное и кратное значение выявляется только в синтаксическом употреблении глагольной формы: *ён чытае кнігу* (некратное

значение), *ён многа чытае* (кратное значение); *ён любіць прыгожую дзяўчыну* (некратное значение); *ён любіць катацца на каньках* (кратное значение) и т. д.

От кратных глаголов, или таких, которые употребляются в кратном значении, могут образоваться глаголы с многократным значением: *хаджу – пахаджываю, расхаджываю; гляжу – паглядаю; чытаю – пачытваю; свішчу – пасвістваю* и т. д.

§ 238. Глаголы совершенного вида имеют следующие значения:

- а) мгновенное: *крыкнуць, стукнуць, бразнуць, трэснуць, мігнуць, нырнуць*;
- б) ограниченное во времени: *пагавару, пачытаю, падумаю, панясу* и т. д.

Это значение выражается в глаголах с помощью приставки *па-*;

- в) результативное: *напішу, скажу, зраблю, куплю*;
- г) начинательное: *загаварыў, заіграў, заспяваў, заплакаў*;
- д) окончательное: *адтанцаваў, адпрацаваў*.

ФОРМЫ ГЛАГОЛА

§ 239. Глаголы имеют формы наклонения: повелительного, изъявительного, сослагательного. Глаголы изъявительного наклонения имеют формы времени: настоящего, будущего и прошедшего. Глаголы повелительного наклонения, а также глаголы изъявительного наклонения настоящего и будущего времени имеют формы лица и числа, а глаголы изъявительного наклонения прошедшего времени и глаголы условного наклонения имеют формы рода и числа.

Формы глаголов изъявительного наклонения

§ 240. Образование формы настоящего времени. Глаголы настоящего времени спрягаются, т. е. имеют формы лица и числа. Глаголы, которые в составе окончаний имеют гласные звуки, называются глаголами тематического спряжения. Глаголы, которые в составе окончаний перед согласными не имеют гласных звуков, называются глаголами нетематического спряжения.

Нетематическое спряжение

§ 241. В древнем языке нетематическое спряжение образовалось путем присоединения личных окончаний к согласной корня, например:

- 1-е л. ед. ч. *ѣд-мь* → *ѣмь*; 1-е л. мн. ч. *ѣд-мо* → *ѣмо*;
- 2-е л. ед. ч. *ѣд-си* → *ѣси*; 2-е л. мн. ч. *ѣд-те* → *ѣсте*;
- 3-е л. ед. ч. *ѣд-ть* – *ѣсть*; 3-е л. мн. ч. *ѣд-ѣть* → *ѣдять*.

§ 242. В современном белорусском языке тематическое спряжение в чистом виде не сохранилось. Остатки нетематического спряжения сохранились в спряжении следующих глаголов: *есці, даць, ёсць*. Эти глаголы спрягаются следующим образом:

1-е л. ед. ч. *ем, дам, ёсць* вм. *есць*;

2-е л. ед. ч. *ясі, дасі, ёсць* вм. *ес+сі*;

3-е л. ед. ч. *есць, дасць, ёсць* вм. *ес+ть*;

1-е л. мн. ч. *ямо* наряду с *ядзім, дамо*, наряду с *дадзім, ёсць*; вм. *ес+мо*;

2-е л. мн. ч. *ясцё, дасцё, ёсць* вм. *ес+те*;

3-е л. мн. ч. *ядуць* вм. *едяць, дадуць* вм. *дадяць, есць* вм. *соть*.

§ 243. Формы ед. ч. 1-го л. *ем, дам*; 2-го л. *ясі, дасі*; 3-го л. *есць, дасць*, которые возникли из прежних *ѣд-мь, дад-мь, ѣд-сі, дад-сі, ѣд-ть, дад-ть*, а также формы мн. ч. 1-го л. *ямо, дамо*, 2-го л. *ясцё, дасцё*, которые возникли из прежних *ѣд-мо, дад-мо, ѣд-те, дад-те*, являются по своему происхождению старыми формами.

Формы мн. ч. 3-го л. *ядуць, дадуць* возникли вместо *едяць, дадяць* под влиянием форм I тематического спряжения: *дадуць* под влиянием *нясуць*.

Наряду с формами мн. ч. 1-го л. *ямо, дамо*, которые воспринимаются как архаизмы, употребляются и воспринимаются как нормативные формы 1-го л. *ядзім, дадзім*. Эти последние формы возникли под влиянием форм 1-го л. мн. ч. повелительного наклонения *ядзім, дадзім*.

Спряжение глагола *ёсць* не сохранилось. Из всех былых форм лица и числа этого глагола сохранилась только форма 3-го л. ед. ч., которая встречается в современном языке в смысле всех лиц двух чисел.

Тематическое спряжение

§ 244. Различается два тематических спряжения. К I спряжению относятся глаголы, которые в составе окончаний имеют гласный *-е- (-а-)*: *нясу – нясе – нясуць; пішу – піша – пішуць*. Ко II спряжению относятся глаголы, которые в составе окончаний имеют гласный *-и- (-ы-)*: *нашу – носіш – насяць; вучу – вучыш – вучаць*. Это глаголы, которые:

а) в инфинитиве имеют основу с гласным *-и-*, присоединяющимся к согласному корня, например: *ходз-і-ць – ходзіш, ходзяць; люб-і-ць – любіш, любяць; вар-ы-ць – варыш, вараць*;

б) в инфинитиве имеют основу с гласным *-е-* из *ѣ* или с гласным *-а-* из *-е-* долгого после исконных мягких согласных, затем отвердевших, например: *ляц-е-ць – лячу, ляціш, ляцяць; сядз-е-ць – сяджу, сядзіш, сядзяць*;

гар-э-ць – гару, гарыш, гараць; маўч-а-ць – маўчу, маўчыш, маўчаць; ляс-а-ць – лясжу, лясыш, лясжаць; но хац-е-ць – хачу, хочаш, хочуць.

Ко II спряжению относятся глаголы: *спаць, сплю, спіш, спяць*. Все остальные глаголы относятся к I спряжению.

§ 245. Тематические глаголы спрягаются по следующему образцу:

1-е л. ед. ч. *няс-у, бяр-у, каж-у, наш-у, вуч-у;*

2-е л. ед. ч. *няс-еш, бяр-эш, каж-аш, нос-іш, вуч-ыш;*

3-е л. ед. ч. *няс-е, бяр-э, каж-а, нос-іць, вуч-ыць;*

1-е л. мн. ч. *няс-ем, бяр-эм, каж-ам, нос-ім, вуч-ым;*

2-е л. мн. ч. *няс-еце, бяр-эце, каж-аце, нос-іце, вуч-ыце;*

3-е л. мн. ч. *няс-уць, бяр-уць, каж-уць, нос-яць, вуч-аць.*

Окончания 2-го л. ед. ч. *-еш, -эш, -аш;* 1-го л. мн. ч. *-ем, -ам, -эм;* 2-го л. мн. ч. *-еце, -эце, -аце;* 3-го л. мн. ч. *-уць, из -онть → рть* возникли в результате объединения в одну морфологическую единицу бывшего тематического гласного *-е-* или *-о-* с историческими окончаниями 2-го л. ед. ч. *-иш*, 1-го л. мн. ч. *-мь*, 2-го л. мн. ч. *-те*, 3-го л. мн. ч. *-нть*, а окончание 2-го л. ед. ч. *-іш, -ыш;* 3-го л. ед. ч. *-іць, -ыць;* 1-го л. мн. ч. *-ім, -ым;* 2-го л. мн. ч. *-іце, -ыце;* 3-го л. мн. ч. *-яць* из *єть* возникли в результате объединения в одну морфологическую единицу бывшего тематического гласного *и* (*'а* в 3-м л. мн. ч. из *-ин-*) с теми же историческими окончаниями *-иш, -мь, -те, -нть*.

Окончание 1-го л. ед. ч. *-у* с предшествующим твердым, отвердевшим и мягким согласным происходит из *р* (*о* носового): *бяру, нясу, калю (кал'у), хвалю, гавару* и т. д.

В 1-м л. мн. ч. I и II спряжения в древности, кроме окончания *-мь*, было еще окончание *-мо*, которое с вышеперечисленными тематическими гласными отражается и в современных белорусских говорах. Формы с *-мо* иногда употребляются и в литературном языке наряду с современными формами бывшего окончания *-мь* (*-ем, -эм, -ам, -ім, -ым*): *Мы кажэмо* (З. Бядуля, 1914 г.), *баімося* (З. Бядуля. «Язэп Крушынскі», речь действующего лица), *глядзімо – дванаццаць канвойнікаў* (Я. Колас. «Дрыгва», речь Мартина Рыля).

Но формы с *-мо* в современном белорусском языке не являются литературными. Литературной формой является форма с *-м*.

Историческое окончание 2-го л. ед. ч. *-иш* отражается в современных окончаниях 2-го л. ед. ч. *-еш, -эш, -іш, -ыш* без гласного *е* или *и* в виде отвердевшего *-ш*, который получился в результате падения редуцированных гласных и общего отвердения *ш*: *нясеш, гаворыш*.

Историческое окончание 3-го л. мн. ч. *-те* отражается в современных окончаниях 2-го л. мн. ч. *-еце, -эце, -аце, -іце, -ыце* в виде форматива *-це*.

В некоторых белорусских говорах на форматив *-це* падает ударение. В этом случае в нем имеется *ě* ('*o*'), а не *e*: *ідзіцѐ, сніцѐ* и т. д. Формы *збярыцѐ, сядзіцѐ, сніцѐ* и т. д. могли образоваться в отличие от форм повелительного наклонения *ідзіце, збярыце, сніце* и т. д. В северовеликорусских говорах мы имеем такие формы, как *спитѐ, хотитѐ* наряду со *спите, ходите*¹.

Историческое окончание 3-го л. *-ть, -нть* отражается в современных окончаниях *-іць, -ыць, -уць (-юць), -аць, -яць* в форме *-ць*. Форматив *-ць* не употребляется в современном литературном языке в 3-м л. ед. ч. глаголов I спряжения: *нясе, бярэ, піша* и т. д., но употребляется в глаголах II спряжения: *спіць, вучыць, любіць* и т. д.

§ 246. В древнейших памятниках окончание 3-го л. *-ть* в ед. ч. всегда употреблялось при глаголах II спряжения, глаголы же I спряжения иногда употреблялись без *-ть*: *не мае* (Грам. 1495 г.), *кость погибает* (Четья, 1489 г.).

Формы 3-го л. ед. ч. I спряжения встречались без *-ть* и в старославянском языке: *ликуе, ослушае, охудѣе, повѣдуе* (Супр. р.).

Таким образом, современные литературные формы 3-го л. ед. ч. без *-ць* восходят к глубокому историческому прошлому.

В современной живой белорусской речи употребление форматива *-ць* имеет следующие особенности.

В северо-восточных говорах форматив *-ць* сохраняется как во II, так и в I спряжениях: *гаварыць, носіць, ідзець, гуляець* и т. д. В юго-западных говорах форматив *-ць* сохраняется во II спряжении и не употребляется в I спряжении: *гаварыць, носіць*, но *ідзе, гуляе*.

Современная литературная белорусская речь базируется в отношении к употреблению форматива *-ць* в 3-м л. ед. ч. на юго-западных говорах.

В некоторых говорах форматив *-ць*, отсутствует и в глаголах II спряжения, но только тогда, когда ударение не падает на тематическую гласную: *крычыць, баліць*, но *нося, прося, гавора, гуляе, кажа* и т. д.

В ряде говоров глаголы I спряжения не имеют форматива *-ць*, если ударение не находится на тематической гласной: *меле (меля), сцеле (сцеля), гуляе (гуляя)*, но в случае наличия ударения на тематической гласной форматив *-ць* сохраняется: *бярэць, нясець* и т. д.; во II же спряжении при отсутствии ударения на тематической гласной может также отпадать форматив *-ць*. Два последних говора в отношении к образованию форм 3-го л. ед. ч. называются переходными говорами от северо-восточных к юго-западным. Указанные

¹ Соболевский А. И. Лекции по истории русского языка. 2-е изд. Спб., 1891. С. 64.

особенности говоров в современном языке стираются в результате овладения большинством населения БССР литературным языком.

Это разнообразие (как наследие прошлого) в образовании форм 3-го л. ед. ч. нашло известное отражение и в художественной литературе у отдельных писателей, особенно в начале формирования белорусского литературного языка. В данном случае мы имеем в виду не только речь действующих лиц того или другого литературного произведения, но и речь самого писателя данного произведения.

Так, у Янки Купалы, как в дореволюционном, так и в послереволюционном творчестве, всегда 3-е л. ед. ч. I спряжения невозвратных глаголов образуется без форматива *-ць*, а во II спряжении употребляется форматив *-ць*; однако при отсутствии ударения на тематической гласной форматив *-ць* может отсутствовать и в глаголах II спряжения.

«**Выдзе і сядзе** з ёй над крыніцай», «плачэ — **галосе** у коміне вецер глухі», «хваля за хваляй коціца, мігае, **ломе** перашкоды, як молатам сталь» (1909 г.).

«...**Звоне** поле ў каласкі...», «на небе след **цярэбе** сабе сонца залаты. Свеціць, грэе долы, горы» (1914 г.) «**штось гавора**» (1914 г.).

Эта особенность в употреблении II спряжения глаголов (опущение окончания *-ць* при отсутствии ударения на тематической гласной) встречается (правда, в значительно меньшей степени) и в послереволюционном творчестве Купалы: «**Што знача грамадзе**» («Над ракой Арэсай»), «**Хай кожны з вас разважа**» (там же).

У Якуба Коласа, как в дореволюционном, так и в послереволюционном творчестве, всегда в I спряжении невозвратных глаголов отсутствует *-ць*, а во II спряжении употребляется *-ць* независимо от ударения.

«**Бывала чуць-чуць пачне** паказвацца з-за лесу сонца...», «**Пасылае** луг паслоў да іржанага каліва» («Казкі жыцця», с. 24–26).

У Змитрока Бядули почти всегда находим окончание *-ць* в I спряжении независимо от ударения. Во II спряжении отпадение *-ць* при отсутствии ударения на тематической гласной есть также и у Бядули.

В глаголах возвратных I и II спряжения в 3-м л. ед. ч. мы имеем: *бярэ — бярэцца*; *пачэ — пачэцца*; *вучыць — вучыцца*; *просіць — просіцца*.

3-е л. мн. ч., как указано выше, имеет форму на *-уць (-юць)* в I спряжении и *-аць (-яць)* во II спряжении. Мягкость *-ць* в 3-м л. мн. ч. такое же древнее явление, как и в 3-м л. ед. ч. Гласные *-а (-я)*, *-у (-ю)* в окончании отчетливо произносятся, находясь под ударением: *глядзяць, сядзяць, нясуць, вядуць, даюць* и т. д. Если же на них не падает ударение, то окончания глаголов II спряжения

диалектно уподобляются окончаниям глаголов I спряжения: *носяць – носюць; косяць – косяць; просяць – просяць; гавораць – гаворуць* и т. д.

Отражение этого явления можно проследить в литературных произведениях белорусских писателей, особенно дореволюционного времени, когда не были еще установлены правила правописания, и наряду с одними формами встречались и другие: *«людзі... ходзяць»*, *«цярэбяць...»*, *«гаворуць»* (З. Бядуля, 1914 г.), *«...падскачуць...»*, *«павылазюць»*, *«...навостраць...»* (З. Бядуля, 1914 г.), *«ходзюць, шукаюць...»* (Я. Колас, 1914 г.), *«...заводзюць...»* (Я. Купала, 1912 г.).

Образование форм прошедшего и будущего времени

§ 247. Образование прошедшего времени. Формы глаголов прошедшего времени образуются от второй (инфинитивной) основы с помощью суффикса *-л-*: *хадзі-ць – хадзіў, хадзіла, хадзілі; рабіць – рабіў, рабіла, рабілі; гавары-ць – гаварыў, гаварыла, гаварылі*.

Глаголы прошед. времени не имеют форм лица, но имеют формы числа, а в ед. ч. – формы рода.

В мужском роде глаголы прошедшего времени имеют формы с суффиксом *-л-* без окончания, причем суффикс *-л-* на конце слова после гласных переходит в у неслоговое (*нісаў, чытаў, хадзіў*), а после согласных исчезает (*нёс, нёк, вёз*). В древнюю эпоху суффикс *-л-* в мужском роде употреблялся с окончанием *-ь* и после согласных, и после гласных основы: *чыталь, нісаль, гавориль, несль, пекль, везль* и т. д.

В женском роде глаголы прошедшего времени имеют суффикс *-л-* с окончанием *-а*: *чытала, нісала, нясла, вязла*.

В среднем роде глаголы прошедшего времени имеют суффикс *-л-* с окончанием *-о* под ударением (*прайшло*) и *-а* без ударения (*няро нісала дрэнна*).

Во мн. ч. суффикс *-л-* в древнюю эпоху употреблялся с окончаниями трех родов, но в настоящее время сохранилось только окончание *-и*, которое по происхождению является прежним окончанием мужского рода мн. ч.: *няслі, вязлі, нісали, читали*.

Глаголы, которые в инфинитивной основе имели согласные *д, т*, утратили *д, т* перед суффиксом *-л-*, например:

вед-ти → вес-ці – вёў, вяла, вялі;

клад-ти → клас-ці – клаў, кала, клалі;

мет-ти → мес-ці – меў, мяла, мялі;

плет-ти → плес-ці – плёў, пляла, плялі.

Глаголы с формативом *-ну* в инфинитивной основе при образовании формы прошедшего времени утрачивают форматив *-ну*, когда эти глаголы обозначают пассивное состояние предмета:

сох-ну-ць – сох, сохла, сохлі;

мок-ну-ць – мок, мокла, моклі;

кіс-ну-ць – кіс, кісла, кіслі;

пух-ну-ць – пух, пухла, пухлі;

павіс-ну-ць – павіс, павісла, павіслі.

Если же эти глаголы обозначают активное действие предмета, они сохраняют форматив *-ну-* в формах прошедшего времени:

крык-ну-ць – крыкнуў, крыкнула, крыкнулі;

топ-ну-ць – топнуў, топнула, топнулі;

хлоп-ну-ць – хлопнуў, хлопнула, хлопнулі;

піх-ну-ць – піхнуў, піхнула, піхнулі;

зяў-ну-ць – зяўнуў, зяўнула, зяўнулі.

Форма прошедшего времени по своему происхождению является причастием прошедшего времени на *-л*, которое в древнюю эпоху изменялось в роде и числе и в сочетании с вспомогательным глаголом *быть* настоящего времени образовывало сложную форму прошедшего времени. Путем сочетания причастия прошедшего времени на *-л* спрягаемого глагола с личными формами настоящего времени вспомогательного глагола *быть* образовывалась форма сложного прошедшего времени (perfect): *далъ есмь, далъ еси, далъ есть, дали есмы, дали есте, дали суть*. Посредством сочетания прошедшего времени на *-л* спрягаемого глагола с личными формами имперфекта от глагола *быць – бѣахъ* (или аориста *бѣхъ*) образовывалась форма сложного давно прошедшего времени (plusquamperfect): *бѣахъ далъ, бѣхъ далъ* и т. д. Эта форма плюсквамперфекта называется старой формой. Она исчезла в древнюю пору в связи с падением форм аориста и имперфекта. С XII столетия возникает новая форма плюсквамперфекта, которая образуется путем сочетания причастия на *-л* спрягаемого глагола с перфектом вспомогательного глагола: *есмь былъ умерлъ, умерли были есмы*.

С течением времени вспомогательный глагол *быть* в формах настоящего времени (*есмь, еси, есть, есмы, есте, суть*) начал исчезать в связи с распространением личных местоимений в функции подлежащего. Таким образом, вместо *есмь бралъ, еси бралъ, есмы брали, есте брали* и т. д. образовались формы: *я браў, ты браў, мы бралі, вы бралі*, которые в настоящее время и считаются формами глаголов прошедшего времени. Остатки форм нового плюсквамперфекта сохранились и в современном белорусском языке, на-

пример: *я быў зрабіў, ты была зрабіла* и т. д. «*Вы пралілі былі кроў за бацькаўшчыну*» (К. Чорны. «Бацькаўшчына», стр. 30).

§ 248. Образование форм будущего времени. Будущее простое время является формой настоящего времени, приобретшей значение совершенного вида: *дам, ступлю, кончу, пушчу, сяду, напішу, пасею, стукну* и т. д.

Таким образом, форма настоящего времени, получив так или иначе значение совершенного вида, вместе с тем получала и значение будущего времени. Будущее сложное время имеет значение несовершенного вида. Формы будущего сложного времени образуются путем сочетания инфинитива несовершенного вида с вспомогательным глаголом *буду*: *буду чытаць, будзем чытаць, будуць чытаць, буду працаваць, будзем працаваць, будуць працаваць*.

В говорах встречается еще форма будущего времени, которая образуется путем сочетания в одну лексическую единицу двух слов: инфинитива и личных форм глагола *іму*: *хадзіціму, хадзіцьмеш, хадзіцьме, хадзіцьмуць*.

В белорусском литературном языке эта форма встречается в некоторых литературных произведениях в качестве характерной особенности речи того или другого действующего лица: «*выгараджу тут ад яго і канчацьму дом*». (К. Чорны); «*Чым жа я хуткобуду карміцьму*» (Я. Колас. «Дрыгва», стр. 19).

Формы глаголов повелительного наклонения

§ 249. Формы повелительного наклонения образуются от основ настоящего времени. Глаголы в повелительном наклонении не имеют формы времени, но имеют формы лица и числа: в 1-м л. мн. ч. и 2-м л. ед. ч. и мн. ч. — простые, в 3-м л. — описательные, в 1-м л. ед. ч. повелительной формы нет.

Единственное число	Множественное число
1-е л.	<i>працуйма, кіньма</i>
2-е л. <i>працуй, кінь</i>	<i>працуйце, кіньце</i>
3-е л. <i>няхай працуе, няхай кіне</i>	<i>няхай працуюць, няхай кінуць</i>

§ 250. Формы 2-го л. ед. ч. повелительного наклонения уже в древнюю эпоху образовывалась от всех тематических глаголов путем сочетания форматива *-и* с основами настоящего времени, т. е. с первой глагольной основой:

несу, нес-ешь, нес-уть — нес-и;
бер-у, бер-ешь, бер-уть — бер-и;
ходж-у, ход-ишь, ход-ять — ход-и;

вож-у, воз-ишь, воз-ять – воз-и;
кин-у, кин-ешь, кин-уть – кин-и;
дела-ју, дела-ј-уть – дела-и;
зна-ј-у, зна-ј-уть – зна-и;
умѣ-ј-у, умѣ-ј-ут – ум-и.

Нетематические глаголы образовывали форму 2-го л. ед. ч. с палатализованным конечным согласным корня, например:

да-мь, даси – дажь;
ѣ-мь, ѣ-си – ѣжь;
вѣ-мь, вѣ-си – вѣжь.

§ 251. В современном белорусском языке формы на *-и-* тематических глаголов сохранились в следующих случаях:

1) при наличии в глаголе ударения на окончании: *вядзі, нясі, бяры, хадзі, кажы;*

2) при наличии у глагола сочетания согласных перед неударным окончанием: *скокні, трэсні, бразні, прысні* и т. д.;

3) при наличии в глаголе ударенной приставки *вы-*, когда тот же глагол без приставки *вы-* имеет 2-е л. ед. ч. повелительного наклонения на *-и* (*-ы*): *нясі – вынесі; вядзі – выведзі; купі – выкупі; сячы – высечы; каці – выкаці.*

Во всех других случаях форматив *-и* в тематических глаголах не под ударением после согласных исчез, именно:

1) в глаголах с неударной приставкой *вы-*: *хадзі – выходзь; насі – вынось, вадзі – выводзь;*

2) после согласных в глаголах с ударением на корне: *вынь, кінь, будзь, стань, рэж, злазь, стаў, ляж.*

После гласных не под ударением издавна произносится *-й* вместо *-и*: *знай, памятай, даруй, сядай, пацалуй*, но *пі, бі, лі, ві.*

Повелительные формы 2-го л. ед. ч. нетематических глаголов в настоящее время в языке не употребляются, за исключением формы *ѣжь*, которая приняла форму *еш*.

При переходе ударения с окончания *-и* это последнее отпадает: *адступ*, вместо *адступі*; *пасоб* вместо *пасабі*; «*налож мне хлеба*» («Энеида навыворот», 1908 г., стр. 20); «*А ну, покаж, которую курить можна*» (М. Лынькоў. «На чырвоных лядах», стр. 46).

Наоборот, при переходе ударения на окончание *-и* это последнее восстанавливается: *стой – стаі; дой* (корову) – *даі; напой – напаі*, диалектально: *спей – спяі; налож – палажы; зроби – зрабі; падсоб – падсабі.*

§ 252. Формы 1-го л. мн. ч. повелительного наклонения в древнем языке образовывались с помощью *-ѣмъ (-ѣмо)* или *-імъ (-імо)*. Форма *-ѣмъ* употреблялась после твердых согласных в глаголах I спряжения, *імъ* – после мягких согласных в глаголах I и II спряжения, а также нетематических глаголах: *несу – несѣмъ, пеку – пеѣмъ, умьру – умьрѣмъ, тьрплю – тьрпимъ, прошу – просимъ, ѣмъ – ѣдімъ, гребу – гребѣмъ, пьну – пьнѣмъ, хвалю – хвалимъ, заучу – заучимъ, вѣмъ – вѣдімъ, дамъ – дадімъ.*

В современном белорусском языке формы 1-го л. мн. ч. повелительного наклонения совпали с соответствующими формами изъявительного наклонения у глаголов, которые во 2-м л. ед. ч. повелительного наклонения имеют форму на *-и (-ы)*; глаголы I спряжения: *нясі – нясем; бяры – бярем; пайдзі – пайдзем* и т. д.; глаголы II спряжения: *ствары – створым; зрабі – зробім.* Но: *хадзі, ходз-і-ш – хадзем, а не ходзім.*

Глаголы же, которые во 2-м л. ед. ч. повелительного наклонения не имеют формы на *-и (-ы)*, образуют формы 1-го л. мн. ч. повелительного наклонения путем присоединения к согласному или *-j (-й)* окончания *-ма*: *сядайма, чытайма, спявайма, працуйма, пацалуймасы* (М. Лынькоў. «На чырвоных лядах», стр. 163); *ратуймасы, уцякайма* (там же, с. 314), *гуляйма* (Я. Купала) и т. д.

§ 253. Формы 2-го л. мн. ч. повелительного наклонения образуются от соответствующих форм 2-го л. ед. ч. повелительного наклонения путем присоединения к последним форматива *-це*:

<i>чытай – чытайце;</i>	<i>працуй – працуйце;</i>
<i>уцякай – уцякайце;</i>	<i>сядай – сядайце;</i>
<i>спявай – спявайце;</i>	<i>стань – станьце;</i>
<i>рэж – рэжце;</i>	<i>кінь – кіньце;</i>
	<i>вынь – выньце;</i>
<i>выходзь – выходзьце;</i>	<i>выводзь – выводзьце;</i>
<i>вынось – выносьце;</i>	<i>ляж – ляжце;</i>
<i>вязі – вязіце;</i>	<i>купі – купіце;</i>
<i>стаў – стаўце;</i>	<i>нясі – нясіце;</i>
<i>сячы – сячыце</i>	<i>каці – каціце</i>

Форма глаголов условного наклонения

§ 254. Формы глаголов условного наклонения образовались путем присоединения форматива *бы* к глаголу прошедшего времени; при этом последний в условных конструкциях повествования утрачивает значение прошедшего времени: *пісаў бы, пісала б, чытаў бы, чытала б.* Форматив *бы* сохраняется полностью, когда он присоединяется к глаголу прошедшего вре-

мени на согласный звук: *чытаў бы, пісаў бы, нёс бы, пёк бы* и т. д. Когда же глагол прошедшего времени оканчивается гласным, форматив *бы* утрачивает конечное *-ы*: *чытала б, пісала б, пісалі б* и т. д.

Сочетание глагола прошедшего времени с формативом *бы* по происхождению является сочетанием причастия на *-л* с личными формами аориста от вспомогательного глагола *быть*:

Единственное число Множественное число

1-е л.	<i>читалъ быхъ</i>	<i>читали быхомъ</i>
2-е л.	<i>читат бы</i>	<i>читали бысте</i>
3-е л.	<i>читалъ бы</i>	<i>читали быша</i>

Позже сохранилась только форма *-бы*, которая по происхождению является формой аориста 2 и 3-го лица ед. ч. от вспомогательного глагола *быть* и которая в современном языке утратила значение лица и числа и вообще значение глагольности.

В древнем языке сочетание причастий на *-лъ* с личными формативами аориста от вспомогательного глагола *быть* образовали так называемое условное наклонение. В современном языке сочетания типа *чытаў бы* употребляются при выражении:

- а) значения обусловленности действия: *я зайшоў бы да вас, калі б не захварэў*;
- б) значение пожелания: *прынёс бы ты, Міхась, вады*.

ФОРМЫ ЗАЛОГА ГЛАГОЛА

§ 255. В современном белорусском языке морфологически различаются формы двух залогов: невозвратного и возвратного. Формы невозвратного залога выражаются формами времени, лица и числа глаголов изъявительного наклонения. Таким образом, образование этих форм глагола изъявительного наклонения вместе с тем является и образованием форм глаголов невозвратного залога. Формы же возвратного залога образуются путем присоединения к формам изъявительного наклонения форматива *-ся*, который в зависимости от различных фонетико-морфологических условий принимает форму *-цца, -ся*.

§ 256. По своему происхождению *-ся* является энклитической формой винительного падежа возвратного местоимения *сябе*. Таким образом, в древнем языке современный форматив *-ся* был местоимением *ся* и мог употребляться в разных местах предложения, подобно местоимению *сябе*: «*и вьлезоша*

деревляне, начаша ся мыти»; «что ся дѣтѣ по вѣрьмнемъ, то отидето по вѣрьмнемъ» (Смоленск. грамота 1229 г.).

В дальнейшем местоимение *ся* стало постепенно утрачивать функции самостоятельного слова и в результате этого стало употребляться только после глагола, с которым оно позднее и слилось в одну лексическую единицу. Так образовались возвратные глаголы.

Форматив *-ся* при присоединении к невозвратному глаголу на гласную не сокращается, как в русском языке, а сохраняется полностью: *мою – моюся, купаю – купаюся*.

При присоединении форматива *-ся* к окончанию 3-го л. *-ць* глаголов действительного залога получается сочетание *-цца*: *носяць – носяцца, вучаць – вучацца, будуць – будуцца*.

Рассмотрим залоговые значения глагольных форм.

§ 257. Невозвратные глаголы имеют следующие залоговые значения.

1. Объектное (переходное) значение. Глаголы с объектным, или переходным, значением выражают действие, которое осуществляется при наличии объекта или вообще относительно объекта. Эти глаголы имеют две разновидности в обозначении объекта:

а) прямо-объектное значение, т. е. глагольное действие полностью и прямо направлено на объект действия; глаголы с прямообъектным или прямым переходным значением требуют для обозначения прямого объекта форм винительного падежа или родительного неполного объективирования: *чытаю кнігу, сяку дровы, паю каня, купіў хлеба, насёк дроў, прасіў грошаў*;

б) косвенно-объектное значение, т. е. глагольное действие косвенно направлено на объект или вообще осуществляется относительно объекта; глаголы с косвенно-объектным или косвенно-переходным значением дополняются названием косвенного объекта: *прыказаў яму, гразіць каму, мяшаць каму* и т. д., *гаварыць аб ім* и т. д.

Глаголы, которые обозначают проявления и восприятия ума, являются прямо-объектными: *віжу, ведаю*.

Глаголы, которые обозначают проявления эмоций, чувств, являются косвенно-объектными: *марыць аб кім, смуткаваць, тужыць, сумаваць аб чым*.

Некоторые глаголы в одном значении бывают прямо-объектными, в другом значении – косвенно-объектными: *гаварыць што – гаварыць аб чым, пісаць што – пісаць аб чым; слухаць што – слухаць аб чым* и т. д.

2. Безобъектное значение. Глаголы с безобъектным значением выражают действие, которое осуществляется безотносительно к объекту действия: *ляжу, стаю, вяну, бягу, еду, іду* и т. д.; некоторые безобъектные глаголы

при сочетании с приставками, получая другой смысл, становятся глаголами объектными: *хаджу – праходжу плошчу; ляжаў – праляжаў увесь дзень; спаў – праспаў усю ноч* и т. д.

Глаголы, которые обозначают проявления физического свойства предмета или организма, являются безобъектными: *ікаць, вянуць, тухнуць, сляпець, хварэць, чырванець*.

Прямо- и косвенно-объектные глаголы выражают действие как активную деятельность субъекта: *бярэ, сяку, нясу, вяду, ваджу* и т. д. Назовем такие глаголы активно-объектными.

Безобъектные глаголы выражают действие двояко:

а) как активное действие субъекта: *іду, еду, бягу*;

б) как действие, которое присуще субъекту безотносительно к его деятельности: *ляжыць, вяне, тухне, сохне, мерзне, сляпее, зелянее*.

Первые назовем активно-безобъектными глаголами, вторые пассивно-безобъектными глаголами. Глаголы, образованные от прилагательных, обычно имеют две глагольные основы от одного прилагательного:

1) производную основу III разряда: *чырванець – чырванею; бялець – бялею; чарнець – чарнею; зелянець – зелянею; сінець – сінею; халадзець – халадзею; сляпець – сляпею*;

2) производную основу VI разряда: *бяліць – бялю; чарніць – чарню; зеляніць – зеляню; сініць – сіню*.

Основы первого типа (III разряд) обозначают осуществление действия или состояния в субъекте безотносительно к его деятельности; основы второго типа (VI р.) обозначают активную деятельность субъекта. В первом случае (*чырванець*) глагол обозначает, что в субъекте осуществляется действие по признаку прилагательного, от которого образован глагол (*чырванею*); во втором случае (*чарніць*) глагол обозначает, что субъект производит действие относительно другого объекта по признаку прилагательного, от которого образован глагол (*чарніць што*).

Таким образом, глаголы не возвратного залога имеют значение: 1) объектное (прямо- и косвенно-объектное); 2) безобъектное. Все объектные глаголы выражают активное действие субъекта, но безобъектные глаголы частью выражают активное действие субъекта, частью его пассивное состояние.

§ 258. Глаголы возвратного залога имеют следующие значения.

1. Возвратное значение. Прямо переходные глаголы при сочетании с формативом *-ся*, могут получать:

а) прямо-возвратное значение: *мою – моюся; купаю – купаюся; бялю – бялюся; абуваю – абуваюся; падрыхтоўваю – падрыхтоўваюся*;

б) взаимно-возвратное значение: *цалаваць – цалавацца; сустрэць – сустрэцца; бачыць – бачыцца; набароць – набароцца; змовіцца, згадзіцца* и т. д.;

в) косвенно-возвратное значение: когда глагол обозначает деятельность одушевленного субъекта, относительно которого субъект является косвенным объектом: *сею – адсеяўся* (для себя), *будую – адбудаваўся, сціраю – адсціраўся* и т. д.;

г) страдательное значение, когда в субъекте представлен неодушевленный или одушевленный предмет, а глагольное действие производится одушевленным объектом, производителем действия: *дом будуюцца рабочымі, кніга чытаецца студэнтамі, сапраўднась пазнаецца чалавекам*. Возвратный глагол может иметь страдательное значение и без наличия одушевленного производителя действия: *плямы не адмываюцца, ён вызываецца, абвінавачваецца* и т. д. Наличие в предложении предмета производителя действия в отдельных случаях образует страдательное значение глагола, который без этого не имеет страдательного значения: *галінка нахілілася да зямлі – галінка ветрам нахілілася да зямлі*.

Таким образом, прямо-возвратные, взаимно-возвратные, косвенно-возвратные значения и страдательное значение являются разновидностями основного значения – возвратного.

2. Активно-безобъектное значение. Личные глаголы активно-переходные и активно-непереходные при сочетании с формативом *-ся* могут получать безобъектное значение, а именно:

а) определено-активное безобъектное значение: в этом случае личный возвратный глагол обозначает действие, которое образуется в определенный момент самим субъектом действия безотносительно к объекту. Многие глаголы этой группы имеют еще оттенок особой интенсивности осуществления действия: такие глаголы обычно бывают приставочными:

злаваць – злавацца, раззлавацца;
весьляць – весьляцца, развесьляўся;
хваляваць – хвалявацца, расхваляваўся;
лямантаваць – разлямантаваўся;
танцаваць – растанцаваўся;
каламуціць – каламуціцца, раскаламуціўся;
пакутваць – пакутвацца;
бушаваць – разбушаваўся;
гуляць – разгуляўся;

крычаць – раскрычаўся;

глядзець – наглядзеўся.

Многие из этих глаголов в известных синтаксических оборотах могут употребляться и относительно косвенного объекта, не утрачивая своего основного значения: *раскрычаўся* (на каго), *раззлаваўся* (на каго), *наглядзеўся* (на каго) и т. д.

Некоторые глаголы этого типа без форматива *-ся* не встречаются: *смяецца* (з каго), *злітаваўся* (над кім), *усмехацца* (з каго) и т. д.;

б) обобщенно-активное безобъектное значение: в этом случае личный возвратный глагол обозначает безобъектное действие, производить которое вообще свойственно субъекту действия: *сабака кусаецца*, *конь брыкаецца*, *карова бадаецца*.

3. Пассивно-безобъектное значение: ряд личных глаголов при сочетании с формативом *-ся* приобретают пассивно-безобъектное значение, а именно:

а) пассивно-субъектное значение: личные пассивно-непереходные глаголы при сочетании с формативом *-ся* могут приобретать пассивно-субъектное значение; в этом случае возвратный глагол обозначает действие, которое происходит как бы само собой безотносительно к субъекту, но субъект имеется в наличии или может представляться: *чырванець – (нешта) чырванеецца*; *бялець – (папера) бялеецца*; *чарнець – чарнеецца*; *сінець – сінеецца*; *зялець – (трава) зялянеецца*; *зіхаціць – (шкло) зіхаціцца*;

б) пассивно-бессубъектное значение: личные переходные и непереходные глаголы, которые обозначают проявление и восприятие разума, чувств, проявление физического состояния или деятельности организма, а также явлений природы при сочетании с формативом *-ся*, могут получать пассивно-бессубъектное значение; и в этом случае возвратный глагол обозначает действие, которое происходит как бы само собой; но субъект действия не имеется и вообще он не представляется: *змяркаецца*, *нездаровіцца*, *хочацца*, *думаецца*, *не спіцца*, *не сядзіцца*.

Таким образом, глаголы возвратного залога имеют значения:

1) возвратное (прямо-возвратное, взаимно-возвратное, косвенно-возвратное, страдательное);

2) активно-безобъектное (определенно-активное безобъектное значение, обобщенно-активное безобъектное значение);

3) пассивно-безобъектное значение (пассивно-субъектное, пассивно-бессубъектное).

Инфинитив

§ 259. Инфинитив образуется от инфинитивной основы с помощью форматива *-ці*, который происходит из *-ти*. При инфинитивных основах на гласный форматив *-ці* принимает форму *-ць*: *хадзі-ць, гавары-ць, піса-ць, стая-ць, ляце-ць, гарэ-ць, кало-ць, гляну-ць, крыкну-ць, выпісва-ць, зачытва-ць* и т. д.

Однако при этой же основе в устном народном творчестве, в художественных произведениях писателей встречается и *-ці*: «*і шумеці добрай славай*» (Я. Купала, 1912 г.); «*Смех казаці*» (он же, 1908 г.); «*Лавіці птушкі*» (он же, 1912 г.), «*Думку глыбкую думачі*» (З. Бядуля, 1912 г.).

При инфинитивной основе на согласный форматив *-ці* сохраняет свою форму: *лез-ці, мес-ці, сес-ці, памер-ці, грэб-ці, скрэб-ці, паўз-ці* и т. д.

Инфинитивные основы на заднеязычные *г, к* при сочетании с *-ці* давали сочетания согласных *гт, кт*, которые перед гласным переднего ряда в древнюю пору подверглись фонетическим изменениям, в результате которых *-кти, -гти* перешли в *-чи*. Так получились формы инфинитива: *пячи, жечи, печи, беречи* и т. д. В дальнейшем звук *ч* в белорусском языке отвердел, получились формы *пячы, бяры* и т. д. Еще позже согласный *г* по аналогии с формами настоящего времени восстановился и в инфинитиве; возникли формы *магу – магчы, бягу – бегчы* и т. д.

Зубные *д, т* в сочетании с *-ти* подверглись диссимиляции и перешли в *с*, в результате чего получились формы: *іду – ісці; вяду – вясці; кладу – класці, пляту – плясці* и т. д.

Носовые согласные *н, м* с предшествующими гласными корня перед инфинитивным формативом *-ти* переходили в носовые гласные, которые позже утрачивали носовой резонанс. Так образовались формы: *мяці* из *мьнти*, ср. *мну* из *мьну*, *жаці* из *жьнти*, ср. *жну* из *жьну*, *жаці* из *жєнти*, ср. *жму* из *жьму*.

По своему происхождению инфинитив является существительным с основой на *-і*, образованным от глагола. В древности он склонялся как существительное, но утратил эту особенность, сохранив только одну изолированную форму падежа, в которой он употребляется и теперь.

Причастия

§ 260. В современном белорусском языке различаются по формам образования причастия настоящего времени действительного залога, причастия

прошедшего времени действительного залога, причастия настоящего времени страдательного залога, причастия прошедшего времени страдательного залога.

§ 261. Причастия настоящего времени действительного залога образуются от основ настоящего времени с помощью суффиксов *-уч-*, *-юч-*, *-ач-*, *-яч-* и изменяются по родам и падежам как прилагательные; суффиксы *-уч-*, *-юч-* употребляются при образовании причастий от глаголов I спряжения: *існуючы, -ая, -ае; пішучы, -ая, -ае; пануючы, -ая, -ае; рашаючы, -ая, -ае*. Суффиксы *-ач-*, *-яч-* употребляются при образовании причастий от глаголов II спряжения: *праходзячы, -ая, -ае; гаворачы, -ая, -ае; седзячы, -ая, -ае*.

§ 262. Причастия прошедшего времени действительного залога образуются от инфинитивных основ с помощью суффиксов *-уш-*, *-ш-* и также изменяются по родам и падежам; суффикс *-ш-* употребляется при основах на согласный звук: *несшы, -ая, -ае*; суффикс *-уш-* употребляется при основах на гласный звук: *існаваўшы, ая, -ае; пісаўшы, -ая, -ае; панаваўшы, -ая, ае*; суффикс *-уш-* употребляется при основах на согласные *д*, *т*, которые перед инфинитивом *-ти* → *ці* переходят в *с* и которые выпадают в формах глагола прошедшего времени и причастий прошедшего времени действительного залога: *кладу – класці – клаў – паклаўшы; прывяду – прывесці – прывёўшы; замяту – замёў – замёўшы; асяду – асесці – асеў – асеўшы*.

§ 263. Причастия страдательного залога настоящего времени образуются от основ настоящего времени с помощью суффикса *-м-*. Суффикс *-м-* в глаголах I спряжения принимает форму *-ем-* (*чытае – чытаемы, будзе – будземе*); в глаголах II спряжения *-ім-*, *-ым-* (*правадзіць – правадзімы*). Причастия имеют формы рода и падежа, как и прилагательные: *будземе, -ая, -ае; утвараемы, -ая, ае*.

В древнем языке суффикс *-м-* в глаголах I спряжения с твердым согласным в основе принимал форму *-ом-* (*ведомъ, ведама, ведомо*), с мягким согласным в основе *-ем-* (*пишемъ, пишема, пишемо; читаемъ, читаема, читаемо*); в глаголах II спряжения *-им-* (*хвалимъ, хвалима, хвалимо*). Формы древних причастий на *-омъ* в дальнейшем утратили значение причастий и приобрели смысл прилагательных: *вядомы, рухомы, свядомы*.

§ 264. Причастия страдательного залога прошедшего времени образуются от инфинитивных основ с помощью суффиксов *-н-* и *-т-*: *выкананы, вырашаны, заліты, узаты* и т. д.

Суффикс *-т-* употребляется при образовании причастий:

а) от инфинитивных основ с формативом *-ну-*: *кінуць – кінуты; зацягнуць – зацягнуты*;

б) от односложных инфинитивных основ на гласный: *віць – віты; біць – біты; ліць – літы; шыць – шыты* и т. д.

в) от прежних инфинитивных основ на сонорные звуки *р, л, м, н*; причем в позднейшее время сочетания гласных полного образования с плавными *р, л* перед суффиксом *-т-* или перед инфинитивным формативом *-ти* давали полногласные формы: *малоць* из *молти*; *калоць* из *колти*; *колаты* из *кол-тыи*. Сочетания гласных неполного образования *ъ* с плавными *р, л* в соответствующих фонетических условиях давали сочетания гласного полного образования с плавными *р, л*: *церці* из *тьрти* – *цerty* из *тьртыи*; *заперці* из *запърти* – *заперты*. Сочетания гласных с носовыми перед суффиксом *-т-* или инфинитивным формативом *-ці (-ти)* давали носовые гласные, которые позже переходили в чистые гласные: *мну* из *мъну*, *мяць* из *мѣти*, *мяты* из *мѣтыи*, *жну* из *жъну*, *жму* из *жъмму*, *жаты* из *жѣтыи* и т. д.

Есть отдельные случаи, когда от одной и той же инфинитивной основы причастия образуются с помощью суффиксов *-н-* и *-т-*: *наколаты* и *накола-ны*, *замкнуты* и *замкнены*, *памолаты* и *памоланы*.

Все другие глаголы образуют причастия совершенного вида с помощью суффикса *-н-*.

В древнейшем языке причастия страдательного залога настоящего и прошедшего времени имели формы именного и местоименного склонения. Формы именного склонения в современном языке сохранились в весьма ограниченных размерах. В современном языке употребляются главным образом формы местоименного склонения причастий.

Деепричастия

§ 265. Деепричастия по происхождению являются окаменелыми формами именительного падежа причастий в именном склонении, которое употребляется в функции наречий. В современном языке различаются деепричастия настоящего и прошедшего времени действительного залога. Образуются они по образцу соответствующих причастий: *читаючы, пішучы, працуючы, гавора-чы, гледзячы* и т. д.; *прывнесшы, напісаўшы, сказаўшы* и т. д.

Деепричастия настоящего времени имеют значение несовершенного вида: *читаючы*, но не *прачытаючы*; *гледзячы*, но не *прагледзячы*.

Деепричастия прошедшего времени обычно имеют значение совершенного вида: *сказаўшы, прывнесшы* и т. д. Деепричастия прошедшего времени несовершенного вида употребляются весьма ограниченно: *пісаўшы, ён заўважыў*, но обычно *напісаўшы, ён заўважыў*.

Глава восьмая

НАРЕЧИЯ, ПРЕДЛОГИ, СОЮЗЫ

НАРЕЧИЯ

§ 266. Наречиями называют слова, которые употребляются при глаголах, прилагательных и наречиях для характеристик последних (*ніша добра, вельмі добры, вельмі добра*).

По происхождению наречия являются окаменелыми формами падежей имен, а частью глаголов.

§ 267. Наречия из имен существительных. От именительного падежа существительных происходит наречие *нельга*.

В наречии *нельга не* – отрицание, а *льга* существительное, ср. русское *льгота*.

От винительного падежа без предлога происходят: *трошку, крыху, абалы* (из *оба* *полы*); с предлогом: *уздоўж, удругарадзь, уніз, удужкі, удзень, угрунь*¹, *насустрэч, навек, назаўсёды, навывперадкі, зараз, напярэч, прырэчыць*). В наречии *летась лета* – существительное, *сь* – указательное местоимение.

От родительного падежа без предлогов происходят: *учора* (ср. *вечер*), *сёлета* (из *сего лета*), *дома, сёння* (из *сего дня*); с предлогами: *бясконца, зразу, зверху, спераду, ззаду, дарэчы, дагары, сапраўды, даволі, досыць, датла*.

От дательного падежа без предлога происходят: *дамоў* (из *домови*), *далоў* (из *долови*); с предлогами: *паасобку, папацёмку, кверху, кнізу*.

От творительного падежа без предлога происходят: *летам, часам, ста-яком, тарчком, паражняком, ніцам, или ніцма, разам, пешишу, ноччу*; сюда же: *седзьма – сядзіць, лежма – ляжыць, ліўмя – лье, стойма – стаіць, кішмя – кішыць*.

От местного падежа без предлога происходят: *годзе* (корень *год*), *доле* (корень *дол*), *балазе* (корень *болого*); с предлогами: *уверсе, унізе, ускорасці, пакрысе, умясцёх*.

§ 268. Наречия из имен прилагательных. От именительного и винительного падежей кратких форм прилагательных без предлога происходят: *блізка, рана, проста, весела, дастойна, злосна, горка*; с предлогами: *патрэбна, начыста, набеда, наглуха*; с предлогами от полных форм прилагательных: *упустую, напранапаваю, наўдалую*.

¹ *Грунь* – быстрая ходьба.

От родительного падежа кратких форм прилагательных с предлогами происходят: *злѣжку, змалку, зноў* (из *сьнова*), *дачыста, дабела*.

От дательного падежа кратких форм прилагательных с предлогами происходят: *напросту, памалу, навідну, памаленьку, па-руску, па-братэрску, по-людску, па-совецку*.

От полных форм прилагательных с предлогами: *па-ударнаму, па-новаму* и т. д.

От творительного падежа происходят: *даўным-даўно, чорным-чорна*.

От местного падежа с предлогами происходят: *унаўне, наўмысле*, без предлогов: *пэўне*.

§ 269. Наречия из местоименных корней. Наречия, которые восходят к местоименным корням, имеют значение места, времени, количества и направления.

Значение места имеют местоименные наречия *там, сям*, наречия с предлогами *да, ад* и с формативами *-ль, -юль*: *дакуль, дасюль, адкуль, адсюль*, а также наречие *каля*.

Наречия *куды, туды, сюды* являются окаменелыми формами творительного падежа множественного числа, наречия *тудую, кудую, сюдоу* – формами творительного падежа единственного числа.

Значение времени имеют местоименные наречия с формативом *-лі*: *калі, нікалі*, а также наречия *тады, заўсёды, заўсюды*, которые представляют собой форму творительного падежа множественного числа. Наречие *цяпер* происходит из *то-пер-во*, где *то* заменилось формой *це* под влиянием ассимиляции с слогом *пе* в *перво*.

Значение качества имеют наречия: *так, гэтак*, которые являются формами именительного падежа. Значение количества имеют наречия: *толькі, колькі, столькі*, которые являются формами родительного падежа единственного числа; значение направления имеют следующие наречия: *вот, вось*.

§ 270. Наречия из глаголов. От формы настоящего времени происходят наречия: *дзякуй* (из *дзякую*), *здаецца, значыць, мусіць, няма* (из *не мае*); от форм прошедшего времени – *маўляў*; от форм повелительного наклонения: *няхай, бадай* (из *бог дай*), *нябось* (из *не бойся*), *бач*. От аориста *бы* в сочетании с союзом *и* и местоименными наречиями: *абы-дзе, абы-як, абы-што*.

§ 271. Наречия из причастий. Причастия, которые утрачивают значение причастности, становятся наречиями, например: *балюча, пагражаюча, кіпуча, траскуча*, которые являются окаменелыми формами именительного и винительного падежей причастий женского рода; *як мага, спакваля*,

загадзя, наўмысля, которые являются окаменелыми формами именительного и винительного падежей причастий мужского рода.

§ 272. Наречия из числительных. От именительного падежа без предлога *перш*, от родительного падежа *спярыша*, от винительного падежа с предлогом – *заадно, удвая, утрая, надвая, натрое*; от двойственного числа винительного падежа: *двойчы, тройчы, аднойчы*, от местного падежа с предлогами: *удвух, утрох, удваіх, утраіх*.

§ 273. Наречия из фразеологических оборотов. Сюда относятся: *стрымгалоў, з боку-прыпёку, перш-на-перш, адзін на адзін, проста на проста, даўным-даўно, раз-по-раз* и т. п.

ПРЕДЛОГИ

§ 274. Предлогами называются слова, которые употребляются при косвенных падежах субстантивных частей речи (при существительных, местоимениях) для выражения той роли, которую играет данное субстантивное слово в предложении. Различают предлоги:

а) которые не соотносительны с подобными себе наречиями и обычно не функционируют в качестве наречия: *в, без, у, до, ад* и т. д;

б) которые соотносительны с подобными себе наречиями и могут функционировать в качестве наречий, ср. *супроць хаты стаяў дуб* и *ён ішоў супроць*; сюда относятся: *замест, навокал, ззаду, пасля, абাপал, унутры, міма, спераду*.

§ 275. Предлоги могут употребляться при различном количестве падежей имен существительных: при одном, при двух, при трех. Предлоги, которые употребляются только с одним падежом существительного – с творительным падежом: *перад (перад сталом), над (над сталом)*; с родительным падежом: *супроць (супроць стала), да (да стала), для (для стала), сярод (сярод сталоў), каля (каля стала), акрамя (акрамя стала)*; с винительным падежом: *пра (пра стол), праз, цераз (праз лес), скрозь (скрозь туман)*.

Предлоги, которые употребляются с двумя падежами имен существительных – с винительным и местным падежами: *на (на стол, на сталае), аб (аб стол, аб сталае)*; винительным и творительным: *пад (пад стол, пад сталом), за (за стол, за сталом)*; с родительным и творительным: *між, паміж (паміж двух сосен, паміж соснамі)*.

Предлоги, которые употребляются с тремя падежами имен существительных – с родительным, винительным, местным: *у (у брата, у лес, у лесе)*; с родительным, винительным, творительным: *з (з лесу, велічынёй з дом, іду*

з братам); с винительным, местным и дательным: *на* (*на ваду, на полі, на гэтаму сталу*).

Таким образом, при одном падеже имени существительного употребляются предлоги: *перад, над, супроць, за, без, ад, да, для, каля, акрамя, праз, цераз, скрозь*; при двух падежах имен существительных употребляются: *аб, на, над, за, між, паміж*; при трех падежах имен существительных употребляются: *у, з, па*.

Союзы

§ 276. Союзами называются формальные слова, которые употребляются для выражения связи между членами предложения, которые не зависят один от другого, а также связи (независимой и зависимой) между предложениями.

Можно полагать, что союзы восходят к самостоятельным словам, именно: к местоименным формам или к формам других частей речи, но только некоторые союзы имеют ясную связь с самостоятельными словами; так, союз *хаця* (*хоць*) восходит к деепричастию от глагола *хацець*, союз *быццам* – к форме от глагола *быць, можае быць* к *быць-сям*; *хіба* к именительному падежу существительного *хіба*.

§ 277. Различаются союзы соединительные и подчинительные. Соединительные союзы распадаются на собственно-соединительные, противительные и разделительные. К собственно-соединительным относятся *і* (*ён піша і чытае*), *ні* (*вечар быў хмуры: ні зор, ні месяца не было відаць*), *ды* (*ён піша ды чытае*). К противительным относятся *а* (*я пішу, а ён чытае*), *але* (*я не чытаю, але пішу; малады, але разумны*). К разделительным относятся: *або* (*сёння або заўтра, чытаць або пісаць*), *альбо* (*сёння альбо заўтра; чытаць альбо пісаць*), *ці* (*сёння ці заўтра*).

Подчинительные союзы употребляются только в сложном предложении и выражают зависимую связь предложений в сложном предложении. Подчинительные союзы разделяются на собственно-подчинительные, уступительные и условные.

К собственно-подчинительным относятся *бо* (*не з'явіўся на заняткі, бо захварэў*), *каб* (*прасіў яго, каб прынёс кнігі*), *абы* (*лепі раней устаць, абы падрыхтаваць урокі*).

К уступительным относятся *хоць* (*хоць і цяжкая гэта праца, але буду працаваць*); *хіба* (*я безумоўна прыду, хіба мяне затрымаюць на рабоце*).

К условным относится союз *калі* (*калі я прыду, я прынясу кнігу*).

Функцию подчинительных союзов выполняют некоторые местоимения (*што, хто, які*), наречия (*калі, пакуль, паколькі*), специальные выражения (*дзеля таго, каб; з прычыны таго, што* и др.)

Глава девятая СИНТАКСИС

ОСОБЕННОСТИ БЕЛОРУССКОГО СИНТАКСИСА

В настоящем очерке отмечены только главнейшие особенности белорусского синтаксиса, именно те, которыми он отличается от русского синтаксиса.

Подлежащее

§ 278. В белорусском языке количественно-именные сочетания, выражая субъект, могут принимать форму родительного падежа, например:

А траіх чынгарцаў
Працуе і сягоння
На тых рыскаваных гонях
Камунарскіх гонях.

Я. Купала

Трох братоў выхад спаткалі (Я. Купала). *Пад тым жа Сяргейкам яшчэ трох малодшых было* (К. Крапіва).

В количественно-именных сочетаниях, употребляемых в функции подлежащего и прямого дополнения, имена существительные имеют форму множественного числа, например: *два кані, два сталы, тры кані, тры сталы*.

§ 279. В функции подлежащего иногда, главным образом в произведениях народного творчества, употребляется звательная форма, а не именительный падеж: *Іваньку па вадзіцу хадзіў* (Шейн). *Ой скача, скача малады казача*.

Сказуемое

§ 280. Имя прилагательное в функции сказуемого в белорусском языке по преимуществу употребляется в членной форме, например: *Даруйце мне, вінаваты перад Вамі* (Я. Колас). *Я не такі вінаваты, як Вы думаеце*. (Я. Колас). *Чым жа яны вінаватыя... мае любыя* (М. Лыньков). *Я рады заўсёды, калі чалавек да мяне загляне* (М. Лыньков). *Ён рады за брата свайго*,

за справу яго (М. Лыньков). Ты вельмі багатая, наша зямля (П. Глебка). Бульбы воз на тыдзень патрэбны (М. Лыньков).

Весьма часто употребляются в функции сказуемого в членной форме и причастия страдательного залога, например: *Ён радасна ўсхваляваны, ён чамусьці ўзрадаваны* (М. Лыньков). Вместе с тем употребляются и нечленные формы, например: *зроблен даклад, арганізаван у школе гурток* и т. п.

В функции сказуемого может употребляться инфинитив, образованный от глаголов восприятия, в сочетании с именительным падежом имени существительного, например: *вёска відаць* – «деревню видно», *гукі чуваць* – «звуки слышно». *За двярыма чуваць шолах* (М. Лыньков). *З акна відаць на рацэ аганькі* (Я. Колас). *Здалёк відаць зялёная шапка Андрэя* (М. Лыньков). *Перад ім раскрываецца круглая паляна, а на паляне відаць сядзіба* (Я. Колас). *А што там чуваць у Вас? – асцярожна, украдліва запытала Аўгіння* (Я. Колас).

В функции сказуемого может употребляться и инфинитив, образованный от глаголов действия, ср.: *Гэта Вы мяшкі толькі рваць* (М. Лыньков). *Душа ў напружаным хваляванні, Алеся бегчы, узяўся вецер, бярозы зашумелі вецею* (П. Трус). *Я гнаць коні, а тыя ні зместа* (Сержпутоўскі).

§ 281. В белорусских говорах употребляется оборот «быў плюс глагол прошедшего времени» в значении обычного глагола прошедшего времени; такие формы проникают и в литературу, ср.:

Вось мой Косцік – спрытны хлопец і за навуку быў узяўся (Т. Гушча). *Дзе ты гэтак налупіўся, каб ты смалы ўжо быў напіўся. Ото натура – жонка лае, а ён смяецца, не шманае* (Я. Колас). *Я крэпка дужа быў заснуў* (Романов).

Дополнение

§ 282. В области дополнения белорусский язык отличается очень многими чертами от русского языка. Мы отметим некоторые особенности.

В соответствии с род. п. русского языка в белорусском языке при глаголе *чакаю* – «жду» употребляется и род. п., ср.: *чакаю яго* и предложная конструкция «на плюс вин. п.», ср. *чакаю на яго*.

В соответствии с русским выражением «смеяться над кем» в белорусском языке употребляется выражение «смяецца з каго».

§ 283. При сравнительной степени в русском языке употребляется род. п. имени, в белорусском языке – предложная конструкция «за плюс вин. п. имени», например: *вышэй за мяне. Ой вясна, ты вясна, за душу ты мілей* (Я. Колас). *За летнія сонца яснейшы твой розум* (В. И. Ленин и И. В. Сталин в белорусском народном творчестве).

В соответствии с русскими выражениями «болят у него плечи», «родился у него сын» в белорусском языке употребляются выражения «*бляць яму плечы*», «*радзіўся яму сын*». *Работа вальца ім з рук* (Я. Купала) (работа валится у них из рук).

§ 284. При глаголе *пайшоў* в значении направления к цели употребляется оборот «*па* плюс вин. п. имени», ср. *малады пайшоў па ваду, потым дроў схадзіў прынёс* (Я. Колас). В том же значении употребляется предложный оборот «*у* плюс вин. п. имени», ср. *ісці ў грыбы, ісці ў агады*.

§ 285. Предложный оборот «*цераз* плюс вин. п. имени» в белорусском языке может обозначать средство и причину действия, ср. *Я цераз яго спазніўся. Скора вёска цераз радыёпрыёмнікі павітае песнямі Маскву* (П. Бровка).

§ 286. Предложный оборот «*праз* плюс вин. п. имени» может обозначать причину и средство осуществления действия, например: *Распусціў галлё над хатай і шуміць зялёны гай. Праз каго стала багатай, не забуду тых імён* (Ленин и Сталин в белорусском народном творчестве). *Ён паведаміў мяне праз брата*.

§ 287. Предложный оборот «*з* плюс род. п. имени» может обозначать причину действия, например: *З простае цікавасці запытала* (К. Чорный). *Мы заможнымі сталі з калгаснага ладу* (Письмо белорусского народа великому Сталину). *Арміі чырвонай верны быў салдат, полк з цябе быў рады і начальнік рад* (Я. Купала). *З какой фантазій Вы тут* (Энеіда на выварат).

§ 288. Предложный оборот «*да* плюс род. п. имени» при глаголах направленного движения обозначает место, куда направлено движение, ср.: *Да дома паехала падвода* (Я. Мавр). *Выйдзем разам да работы, дружна станем як сцяна* (Я. Колас). *Грамчэй заві да новых перамог* (Я. Колас). В том же значении употребляется предлог *да* при управляющих именах, ср.: *Будуем, няволі не знаем, цярэбім да ічасця дарогу* (Я. Колас).

В русском языке в соответствии с указанным оборотом употребляется сочетание «*к* плюс дат. п. имени», ср. *подвода поехала к дому*.

§ 289. Предложный оборот «*а* плюс местн. п. имени» употребляется для обозначения времени, ср.: *сход адбудзеца а сёмай гадзіне. Роўна а сёмай гадзіне ўсе сабраліся к сталу*.

§ 290. Предлог *па* сочетается обычно с местным падежом имени для обозначения пространства и времени, а не с дательным падежом, как в русском языке, ср.: *хадзілі па падлозе, працаваў па вечарах, праводзілі паседжанні па панядзелках*.

§ 291. В белорусском языке в значении времени употребляется оборот «за плюс твор. п. имени», ср.: *Эх, за панствам наша жыццё было «вясёлае»; колькі папіта, паедзена, паходжана, ў рот скрыначак без хлебаўка паложана* (Журн. «Піонер Беларусі»).

Определение

§ 292. В белорусском языке гораздо шире, чем в русском языке, употребляются притяжательные имена прилагательные в значении определения, ср.: *Дзверы бабчынай хаты ціха скрыпнулі* (Я. Колас). *Надакучыла, мусіць, матчына хата* (М. Лыньков). *Букрэва выдумка выклікала вясёлы настрой* (Я. Колас). *У суседнім Антосевым двары сёння ціха* (З. Бядуля).

Цяпер дазвольце ўжо мне
Сказаць аб дзедавам чаўне.
Калі казаць на човен дзедаў,
То трэба ўжо, каб кожны ведаў,
Пра дзеда Юрку хоць-бы мала.

Я. Колас

§ 293. В белорусском языке общеславянские причастия действительного залога, как и в русском языке, превратились в деепричастия, например: *здаўшы залікі, студэнт паехаў на канікулы. Седзячы на пячы, дзед ціха шаптаў*.

Однако в литературном языке деепричастия нередко используются и в определительной функции; в таком случае они приобретают значение причастий действительного залога, например: *ажыўляючай крыніцай быўбы на яву* (Я. Колас); *адураючы запах; рашучы крок; тавараправадзячая сетка; болеуталяючыя сродкі; хлебагандлюючыя арганізацыі*.

В правительственном декрете 1934 г. было узаконено употребление причастий действительного залога, особенно в тех случаях, когда они представляют термины, имеющие общественное значение, например: *пануючы клас, а не клас, які пануе; трэці рашаючы год пяцігодкі, а не трэці год пяцігодкі, які рашае*.

В других случаях рекомендованы к употреблению по преимуществу описательные обороты, например: *таварыш, які чытае, а не чытаючы таварыш; жанчына, якая ідзе, а не ідучая жанчына*¹.

¹ Ломтев Т. П. Беларуская граматыка. Мінск, 1935. С. 71.

§ 294. В белорусском языке весьма часто в функции определения употребляется местоимение *той*, близкое по своей роли к члену предложения, например: *А маманькі, ці-ж тыя хлопцы вадой заліліся* (М. Лыньков). *Падумаеш, справы тыя такія ўжо вялікія, што мне і ведаць не трэба* (М. Лыньков).

Обстоятельство

§ 295. В соответствии с русским выражением «работают день и ночь» в белорусском языке употребляется «*дзень-у-дзень*», ср.: *Карчуюць нетры дзень-у-дзень* (Я. Колас).

В соответствии с русским творительным падежом обстоятельства времени в белорусском языке часто употребляется оборот «у плюс вин. п. имени», в котором предлог и имя сливаются в одно слово, ср.: *заірдзела ўвосень* (в осень) *ранне* (Я. Колас). *Далёкія моры плывуць улетку і ўзімку* (Я. Купала).

§ 296. Иногда творительный падеж имени с предлогом в значении времени в белорусском языке сливается в одно слово, ср.: *вось раптам адвячоркам хата тая ажыла* (Я. Колас).

Вопросительные конструкции

§ 297. Вопросительные конструкции в белорусском языке образуются посредством частицы *ці*, а не *ли*, как в русском языке, ср.: *Ці ты быў у тэатры? Ці быў ты ў тэатры? Ці ў тэатры ты быў?*

В вопросительных конструкциях после местоимения *што* употребляется предлог *за* не только перед именем существительным (*што за чалавек*), но перед местоимением 3-го л., ср.: *А што за яны, гэтыя хлопцы былі?* (П. Бровка).

Обращение

§ 298. В функции обращения в белорусском языке очень часто употребляется звательная форма имени существительного, ср.:

Я найду дударыка,
Дударыка-камара.
Грай, дударыку, грай,
А ты, муха, выцінай.
Я. Колас

Ну, голубе, бывай здаровы і шчаслівы. Ну, хлопча, збірайся (Я. Колас).

Вводные слова и выражения

§ 299. В белорусском языке вводные слова могут выражаться прошедшим временем глагола в неопределенно-личном значении, ср.: *Не, дзе бачылі, куды мне старому. Я не буду ведаць, што там і казаць* (К. Крапіва).

§ 300. Вводные слова могут иногда выражаться характерным двусоставным предложением, ср.: *Дык ты, як той казаў, маім пальцам ды мне ў вока* (К. Крапіва).

Безличные предложения

§ 301. В белорусском языке сравнительно более часто, чем в русском языке, безличные предложения имеют двусоставный характер, ср.: *Астан храбра цярэбіцца к берагу, толькі полы бякешы вышэй падымае. Вышаў на бераг, лапцямі разоў пару тупануў. Яно яшчэ лепш, як у ботах: хоць вады з халяў выліваць не трэба* (Т. Гушча). *Як бы яно сказаць. У мяне ўжо ёсць дзяўчына на прымеце* (М. Лыньков). *Ды яно вядома, за працу павінна быць і плата добрая* (М. Лыньков). *Яно вядома, як разумець* (М. Лыньков). *Яно так і ёсць, але не на адно толькі гэта спадзяецца дзед Талаш* (Я. Колас).

§ 302. В белорусском языке инфинитив в значении сказуемого безличности может сочетаться с вспомогательным глаголом *было*, ср.: *Ён ішоў так паволі і так ціха, што яго аніяк не чуваць было, нават і на паўкрока* (К. Чорный).

Сложное предложение

§ 303. В белорусском языке из области сложного предложения обращает на себя внимание более частое употребление придаточных определительных предложений в тех случаях, когда русский язык имеет причастия действительного залога в функции простого определения, ср.: *висевшая на стене картина упала – карціна, якая вісела на сцяне, упала; молчавший человек вдруг заговорил – чалавек, які маўчаў, раптам загаварыў; слушающий лекцию студент смотрел в сторону – студэнт, які слухаў лекцыю, глядзеў у бок*.

§ 304. Местоимение *што* в белорусском языке присоединяет к главному предложению не только придаточное дополнительное предложение (ср. *Я пераканаў яго ў тым, што ён быў неправы*), но и придаточное определительное предложение, ср.: *Я сёння сустрэў таварыша, што выступаў на мінулым сходзе. Ты сонца для нас, што зямлю асвяціла і ласкай сагрэла палі, гары* (Письмо белорусского народа великому Сталину). *На першых часах ён*

захапляўся яздою і тымі новымі малюнкамі, што мільгацелі перад яго вачы-
ма (Я. Колас).

§ 305. Сравнительный союз *як* в белорусском языке употребляется не только для выражения сравнения (ср.: *Ён вырас здаровы і магутны, як дрэ-
ва*), но и для выражения временных отношений между главным и придаточ-
ным предложением, ср.: *Як прыдзе грозны час, будзем дружна ваяваць* (Крас-
ная Армия в бел. народном твор.). *Праляцела, прашумела дваццаць год,
як у нас, у Совецкім краі, вольны стаў народ* (Я. Купала).

§ 306. Противительный союз *а* в белорусском языке может употребляться и в значении соединительного союза, ср.:

Быў слёсар луганскі,
А сталь ён каваў,
І песні-вяснянкі
Пра волю спяваў.
Сб. *Двенадцать песен*

§ 307. В белорусском языке в качестве соединительного союза употребляются и усилительные частицы, ср.: *Прыяжджае ён гэта ў лес, ажно ста-
іць хатка* (Романов). *Прыляцела мушка да хаты, аж у яе камарык насаты*
(М. Богданович).

§ 308. В соответствии с русским разделительным парным союзом *то ли —
то ли* (ср. *то ли то было дерево, то ли то была туча*), в белорусском языке
употребляется парный союз *ці — ці*, ср.

Ці то сонца свеціць,
Ці то месяц ясны
Вам смяецца з неба
Весела і шчасна.
Я. Колас

О СИНТАКСИЧЕСКИХ СООТВЕТСТВИЯХ ТОЖДЕСТВА И РАЗЛИЧИЯ В ГЛАГОЛЬНО-ИМЕННЫХ СОЧЕТАНИЯХ В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ*

I

Предложение представляет собою позиционную модель, каждое звено которой представлено отдельной словесной формой как единицей внутри парадигматического противопоставления. Элементарной синтаксической единицей является звено в позиционной модели предложения.

Сравнительно-историческое изучение синтаксиса должно привести к реконструкции синтаксических единиц и их системных отношений.

В настоящей работе ставится задача – высказать несколько соображений о реконструкции элементарных синтаксических единиц – отдельных позиционных звеньев структуры предложения.

Для того чтобы успешно решать вопросы реконструкции элементарных синтаксических единиц, необходимо установить систему соответствий между ними в родственных языках.

Элементарные синтаксические единицы находят свое материальное воплощение в двух проявлениях: в определенных словесных формах, т. е. в определенных единицах внутрипарадигматических отношений, и в определенных лексико-грамматических свойствах слов, которые являются носителями соответствующих форм.

По характеру этих двух проявлений мы и должны устанавливать синтаксические соответствия. Эти последние распадаются на две главные группы: соответствия тождества и соответствия различия.

Рассмотрим соответствия тождества.

Чтобы элементарные синтаксические единицы были тождественными в разных родственных языках, необходимо, чтобы все объективные признаки были тождественны. Словесные формы, которые представляют данную

* Упершыню надрукавана: *Ломтев Т. П. О синтаксических соответствиях тождества и различия в глагольно-именных сочетаниях в славянских языках* : доклад / Акад. наук СССР, Совет. ком. славистов. М., 1958.

синтаксическую единицу, должны быть тождественными. Морфологический состав этих форм может быть и нетождественным, но формы как единицы внутриадагматических отношений обязательно должны быть тождественными в разных родственных языках.

В древнерусском языке употреблялся творительный падеж при глаголах *печься*, *печалиться* и др., например: *печься монастырем* – «заботиться о монастыре».

Для решения вопроса о том, является ли позиция творительного падежа при глаголах *печься*, *печалиться* унаследованной из общеславянского праязыка или она представляет новообразование, важное значение имели бы параллели из литовского языка. В литовском языке мы действительно находим творительный при глаголе *rūpintis*, ср. *rūpintis kuo*. Возникает вопрос, правомерно ли сближать формы славянского и литовского творительного падежа.

Если бы формы творительного падежа в славянском и литовском имели гетерогенное происхождение, если бы они не представляли тождественных единиц внутриадагматического противопоставления, то параллель из литовского языка не имела бы никакого значения для суждения о происхождении позиции творительного падежа в русском языке при глаголе со значением 'заботиться'.

Однако творительный падеж в славянском и литовском представляет собою тождественные единицы внутриадагматического противопоставления. Морфологические признаки его также являются общими, ср. ст.-сл. *сынѣмъ*, *сынѣми*, лит. *sūnumi*, *sūnumis*, ст.-сл. *головами*, лит. *galvomis* и т. п.

Таким образом, по характеру творительного падежа как единицы внутриадагматического противопоставления между славянской моделью *печься кѣмъ*¹ и литовской моделью *rūpintis kuo* может быть установлено соответствие. Это соответствие дает основание делать те или другие выводы о происхождении позиции творительного падежа в русском языке при глаголе со значением 'заботиться'.

Однако нельзя смешивать тождество словесных форм как единиц внутриадагматического противопоставления с тождеством флексивных морфем. Флексивные морфемы могут быть нетождественными, а словесные формы, образованные с их помощью, могут быть тождественными. Если мы сравним древнерусское выражение *Петру роди ся сынъ* и польское выражение *Petrowi urodził się syn*, то мы увидим, что формы *Петру* и *Petrowi* имеют разные флек-

¹Ср.: *Аще имамъ коня или скотину, то печемся ими* (Златоструй, 1200 г.).

тивные морфемы, но как единицы внутрипадежного противопоставления эти формы являются тождественными. Это дает основание утверждать, что между указанными выражениями существует соответствие.

Падежные формы могут употребляться в двух родственных языках в одинаковом значении, но если эти формы не являются тождественными единицами внутрипадежного противопоставления, то между позициями таких форм нельзя устанавливать соответствия. В древнерусском языке мог употребляться творительный падеж имен существительных, обозначающих одушевленные предметы, при глаголах, обозначающих движение, ср. *ѣхатъ конемъ*¹. В латинском языке, как нам известно, употреблялся аблатив, ср. *equo vehi* – «ехать на лошади». Так как славянский творительный и латинский аблатив не являются тождественными словесными формами, не представляют тождественных единиц внутрипадежного противопоставления, не имеют общего происхождения, то сближение древнерусского *ѣхатъ конемъ* и латинского *equo vehi* не дает основания делать какие-либо выводы о происхождении позиции творительного падежа *конемъ* при глаголе *ѣхатъ* в древнерусском языке.

Итак, между позициями словесных форм разных родственных языков можно устанавливать соответствия только в том случае, если эти формы представляют собою тождественные единицы внутрипадежного противопоставления².

Объективным выражением элементарной синтаксической единицы является не только характер словесной формы как таковой, но и лексико-грамматические свойства той лексической единицы, которая является носителем данной словесной формы.

Возьмем форму дательного падежа в древнерусском выражении *ему роди ся сынъ*³. В соответствии с древнерусским выражением в современном белорусском языке находим *яму радзіўся сын* (соответствующее выражение можно отметить и для украинского языка).

Во всех трех восточнославянских языках употребляется одна и та же падежная форма одного и того же слова, при одной и той же части речи, при одном и том же глаголе *родился*.

¹ Ср.: *Куряне... придоша коньми* (Ипатьевская летопись. С. 164).

² Считаю весьма вероятным наличие в прошлом славяно-балтийского единства, но факты литовского синтаксиса приводятся здесь на основании тождества синтаксических единиц литовского и славянского языков, а не на основании признания особого балтийско-славянского единства.

³ Ср.: *И в се время роди ся Ярославъ сынъ* (Лаврентьевская летопись. С. 147).

Следовательно, позиция дательного падежа в древнерусском *ему родися сынъ*, белорусском *яму радзіўся сын*, украинском *йому родився син* является тождественной.

Рассмотренные морфологические группы в восточнославянских языках представляют собою тождественные словосочетания. Тождество этих словосочетаний сводится к тождеству его модели и к тождеству высших морфологических единиц этой группы. Соответствующие словосочетания содержат дательный падеж местоимения 3-го лица, глагол со значением «родиться» и именительный падеж имени существительного со значением «сын». В этом выражается тождество модели словосочетания. Элементы этой модели представлены тождественными высшими морфологическими единицами: формы *ему*, *родиться*, *сын* представляют одни и те же морфологические единицы во всех трех восточнославянских языках.

Но тождество словосочетаний может включать тождество их моделей, но не содержать тождества словоформ, входящих в данное словосочетание.

В соответствии с дательным падежом местоимения *ему* может находиться дательный падеж местоимения *тебе*, ср. *тебе родился сын*. Различие между словами *я* и *ты* в дательном падеже не делает позицию дательного падежа в этих двух выражениях различной.

В древнерусском языке употреблялась форма дательного падежа в словесных группах, содержавших глаголы рождения, роста, болезни, смерти, работы и бытия, например: *ему родися сын*, *ему растеть дерево*, *ему болить голова*, *ему умерль сын*, *работаеть ему* (в смысле «для него»), *им был бой* и т. п.

Возможны были, следовательно, сочетания *брату роди ся сынъ*, *сыну роди ся дочь*, *Петру роди ся сынъ*, *отцу роди ся сын*.

Если мы признаем, что позиции, которые занимают формы *брату*, *сыну*, *Петру*, *отцу*, являются тождественными, то мы имеем право сделать вывод, что во всех этих случаях представлена одна синтаксическая единица. Это имеет важное значение для теории установления синтаксических соответствий. Если указанные имена существительные в дательном падеже при одном глаголе представляют одну синтаксическую единицу, то мы обязаны признать закономерным установление соответствий между древнерусским *Ярославу роди ся сынъ* и белорусским *Янку радзіўся сын*.

Но имена существительные другого класса не могут представлять ту же синтаксическую единицу. Позиция дательного падежа *вечеру* в древнерусском выражении *вечеру роди ся сынъ* не тождественна с позицией дательного падежа *Янку* в белорусском выражении *Янку радзіўся сын*. Поэтому между

этими выражениями нет соответствия, и их нельзя сближать между собой в целях реконструкции ни одной из данных синтаксических единиц. Из наличия сочетания *вечеру роди ся сынъ* нельзя делать выводов о наличии или отсутствии сочетаний *Ярославу родися сынъ*.

Итак, кроме тождества словесной формы, должны быть тождественными и лексико-грамматические свойства слов, которые являются носителями данной словесной формы. Такие словесные формы при тождестве глагола представляют одну элементарную синтаксическую единицу. Это дает основание признать правильными соответствия между рассматриваемыми формами в разных родственных языках.

Но природа элементарной синтаксической единицы, представленной надежной формой, определяется также лексико-грамматическими свойствами глагола.

В современном литовском языке форма дательного падежа употребляется при глаголах со значением «болеть», например: *man galvą skauda* (буквально: «мне голову болит»). В древнерусском языке названному литовскому выражению соответствует сочетание *мѣнь болитъ голова*.

В этих соответствиях содержится дательный падеж местоимения, глагол со значением «болеть» и именительный падеж имени существительного *голова* в русском языке и винительный падеж существительного с тем же значением в литовском языке.

Однако в них нет тождества всех морфологических единиц. Глаголы в этих соответствиях совершенно различны по своему происхождению: это разные морфологические единицы, ср. *болит* и *skauda*.

Возникает вопрос, правомерно ли установление соответствия между указанными сочетаниями. Глаголы в этих сочетаниях имеют разное происхождение, тождества между их корневыми морфемами нет.

Если мы признаем, что для тождества этих сочетаний необходимо тождество корневых морфем соответствующих глаголов, то мы не имеем права устанавливать между ними соответствие и использовать его для решения задач реконструкции. Но если исходить из положения, что природа синтаксических единиц не зависит от состава морфем слова, что она зависит от многих объективных факторов, в том числе от лексико-грамматических свойств глагола, то мы можем признать указанное соответствие закономерным.

Позиции дательного падежа в указанных выражениях древнерусского и литовского языков тождественны, так как соответствующие глаголы являются тождественными единицами в тождественных глагольных классах.

Чтобы признать позицию дательного падежа данного слова в литовском языке тождественной с позицией дательного падежа соответствующего слова в древнерусском языке, не обязателен тождественный состав корневых морфем глаголов; необходимо, чтобы они имели общие лексико-грамматические свойства.

Если задача заключается в том, чтобы реконструировать синтаксические единицы, а не морфемы, то в соответствие должны приводиться не состав морфем, а синтаксические модели. Специфику синтаксических моделей составляет не состав морфем, а состав словесных форм. Словосочетания могут сближаться и в том случае, если они тождественны по характеру своих моделей. Такие соответствия следует признать правильными.

Итак, соответствия в синтаксисе могут устанавливаться между тождественными позициями тождественных словесных форм, а не тождественных морфем. Такие соответствия всегда являются соответствиями тождества. В этих соответствиях представлены тождественные словесные формы в тождественных позициях, т. е. тождественные элементарные синтаксические единицы.

Совокупность таких синтаксических соответствий характеризует размеры языковой общности данной группы родственных языков; в области синтаксиса во всех восточнославянских языках творительный падеж может обозначать предмет в качестве орудия осуществления действия, выраженного глаголом, ср. русск. *пишу карандашом*, белор. *пішу алоўкам*, укр. *пишу олівцем*.

Рассмотрим теперь соответствия различия, т. е. такие соответствия между элементарными синтаксическими единицами, которые имеют тождественный характер позиций и различную грамматическую структуру.

В русском языке при глаголе *смеяться* употребляется предложная конструкция «*над* + творительный падеж имени существительного», в белорусском – «*з* + родительный падеж имени существительного», в украинском – «*з* + родительный падеж имени существительного», ср. русск. *смеяться над кем-либо*; белор. *смяцца з каго-небудзь*; укр. *сміятися з кого*.

В русском языке при глаголе *получить* употребляется винительный падеж, в белорусском при глаголе с тем же значением – винительный, а в украинском – родительный, ср. русск. *я получил письмо*, белор. *я атрымаў ліст*, укр. *я одержав листа*.

Итак, соответствия в синтаксисе могут устанавливаться и между тождественными позициями разных словесных форм или разных грамматических средств.

Такие соответствия всегда являются соответствиями различия. В этих соответствиях представлены различные грамматические средства в тождественных позициях. Совокупность таких соответствий характеризуют размеры языковых расхождений данной группы родственных языков в области синтаксиса; так, в русском языке 3-е лицо повелительного наклонения образуется путем сочетания частицы *пусть* с личной формой глагола, ср. *пусть пишет*; в белорусском языке та же форма образуется посредством сочетания частицы *няхай* с личной формой глагола, ср. *няхай піша*; в украинском языке – посредством сочетания частицы *хай* с личной формой глагола, ср. *хай пише*.

Итак, синтаксические соответствия могут быть соответствиями тождества и соответствиями различия. На основании этих соответствий должны быть реконструированы позиции словесных форм в языке. В связи с этим возникает вопрос о принципах отбора синтаксических соответствий. Не всякое соответствие может быть использовано в целях синтаксических реконструкций. В соответствии должны включаться только те синтаксические явления, которые закономерно развились в данной системе, а не привнесены извне.

Соответствия, представляющие собою элементы, привнесенные извне, не могут служить основанием для синтаксических реконструкций¹.

В соответствии должны включаться тождественные или различные грамматические средства в тождественной позиции, а не тождественные средства в различных позициях.

Белорусская конструкция «з + родительный падеж» и русская конструкция «с + родительный падеж» не представляют соответствия в позиции делиберативного объекта при глаголе *смеяться*, так как в русском языке конструкция «с + родительный падеж» не употребляется в этой позиции, но эти конструкции представляют собою соответствие в других позициях, ср. в русском языке *съехать с горы*, в белорусском – *з'ехаць з гары*.

Равным образом не представляет собою соответствия в белорусском и русском языках конструкция «над + творительный падеж», в позиции делиберативного объекта при глаголе *смеяться*, так как это выражение в белорусском языке не употребляется в указанной позиции, но в других позициях эта конструкция представляет собою соответствие, ср. в русском языке *лампа висит над столом* и в белорусском – *лямпa вісіць над сталом*.

¹ См.: Ярцева В. Н. Проблемы выделения заимствованных элементов при реконструкции сравнительно-исторического синтаксиса родственных языков // Вопросы языкознания. 1956. № 9. С. 3–15.

Сближение тождественных средств в разных позициях не может быть использовано в целях реконструкции синтаксических фактов в данной позиции. Сближение белорусского выражения *смяцца з брата* и русского *съехать с горы* не может дать каких-либо соображений по вопросу об употреблении предложной конструкции «с + родительный падеж» в указанных позициях в общевосточнославянском праязыке.

В сербском языке употребляется предложная конструкция «од + родительный падеж» в значении действующего лица, например: *Поштован је од свију* – «Он уважаем всеми». В русском языке такая предложная конструкция имеется, но в указанной позиции она не употребляется. Установление соответствия между русским выражением *он ушел от брата* и сербским *поштован је од свију* не может быть использовано в качестве доказательства того, что выражение «уважаем от всех» имеет общеславянское происхождение.

Вопрос об общеславянском происхождении конструкции «от + родительный падеж» в значении действующего лица должен решаться на основании других соответствий.

Задача реконструкции синтаксических явлений требует, чтобы были правильно установлены синтаксические соответствия. Установление правильных синтаксических соответствий между славянскими языками является важнейшей очередной задачей сравнительной грамматики славянских языков.

II

Правильно установленные синтаксические соответствия должны быть основанием для умозаключений о синтаксической системе общеславянского праязыка. Строго установленные соответствия должны быть правильно истолкованы, чтобы можно было сделать вывод о наличии того или другого факта в общеславянском праязыке.

При истолковании отдельных синтаксических соответствий можно было бы руководствоваться предположением, что соответствия тождества унаследованы из праязыка, а соответствия различия представляют собою новообразования, возникшие в период обособленной жизни того или другого родственного языка. Это в ряде случаев соответствует действительности; как указано было выше, в русском, белорусском и украинском языках творительный падеж может употребляться в позиции орудия. Эта позиция твори-

тельного падежа действительно унаследована из общеславянского праязыка. Однако уже давно было обращено внимание на то, что многие общие явления в родственных языках могут быть не отражением первоначальной общности, а результатом параллельного развития родственных языков. И действительно, во всех славянских языках имеется оборот «с + творительный падеж» в присубстантивной позиции сопровождающего предмета, ср. в русском *девушка с длинными волосами*, в белорусском *дзяўчына з доўгімі вала-самі*, в украинском *дівчина з довгими волосами* и т. п.

Руководствуясь вышеуказанным соображением, можно было бы сделать вывод, что оборот «с + творительный падеж» в присубстантивной позиции сопровождающего предмета был унаследован общеславянским праязыком из общеиндоевропейского праязыка; между тем, в общеславянском праязыке на ранней стадии его развития сопровождающий предмет обозначался творительным без предлога, о чем свидетельствует литовский язык, ср. *merga ilgais plaukais* – «девушка с длинными (буквально: длинными) волосами».

Соответствия тождества могут охватывать все славянские языки и не быть унаследованными из общеиндоевропейского праязыка. С другой стороны, было бы неправильно думать, что синтаксические соответствия различия всегда представляют собою продукт самостоятельного развития отдельных славянских языков.

Соответствия тождества могут представлять продукт самостоятельного развития отдельных языков, а соответствия различия могут быть унаследованными из праязыка.

Творительный предикативный представлен во многих славянских языках и является продуктом самостоятельного развития отдельных славянских языков, а союз *если* представлен в русском языке, но не представлен ни в белорусском, ни в украинском языке и является синтаксическим фактом, унаследованным из общеславянского праязыка.

Очень важное значение имеет соображение о том, что синтаксические соответствия должны быть предварительно изучены на почве отдельных родственных языков.

История отдельного языка может показать, что то или другое синтаксическое явление одного языка, повторяющееся в других родственных языках, может развиваться в этом языке в относительно поздний период его истории. Так обстоит дело с творительным предикативным падежом. Он развивался в отдельных славянских языках в период их самостоятельной жизни, и факт наличия творительного предикативного в восточных и западных славянских

языках не имеет никакого значения для реконструкции падежных форм в позиции сказуемого.

Было бы, однако, неправильно, если бы мы сделали вывод о необходимости прекратить сравнительные исследования в области синтаксиса до тех пор, пока не будут закончены исследования развития синтаксического строя отдельных родственных языков. Сравнительные исследования опираются на исторические исследования, а исторические исследования опираются на сравнительные исследования. Изучение синтаксических фактов нужно проводить одновременно в двух планах: в сравнительном и историческом. При изучении синтаксических явлений в истории отдельного славянского языка основными источниками являются памятники и народные говоры.

Давно уже обращено внимание на важность соответствий, засвидетельствованных памятниками; они широко используются для уточнения хронологии тех или других явлений. Вместе с тем необходимо отметить, что показания памятников в области синтаксиса нельзя принимать некритически. В этом отношении заслуживает внимания рассмотрение данных памятников, относящихся к вопросу о развитии творительного предикативного имен прилагательных на месте второго именительного.

Второй именительный местоименных форм редко встречается в памятниках XII в., он мало употребляется и в памятниках XVII столетия; в то же время уже в памятниках XVII столетия засвидетельствованы случаи употребления творительного предикативного имен прилагательных; это дало повод некоторым исследователям утверждать, что в русском языке творительный предикативный имен прилагательных возникал в XVII столетии и приходил на смену второму именительному именных форм. Показания памятников должны быть критически проанализированы. Данные памятников без критической проверки еще не являются подлинными фактами живого общенародного языка. Вышеуказанный вывод не выдерживает научной критики.

Как известно, имена прилагательные в творительном предикативном имеют местоименную форму. Из этого следует, что творительный предикативный имен прилагательных должен возникать на базе второго именительного местоименных прилагательных; прежде, чем мог возникнуть творительный предикативный имен прилагательных, должен получить широкое распространение второй именительный членных прилагательных; в такой закономерности этот процесс и засвидетельствован в западнорусских памятниках, отражающих белорусский язык; уже в XV и XVI столетиях эти памятники дают нам многочисленные примеры употребления

второго именительного местоименных форм; памятники XVI в. уже свидетельствуют о широком распространении и творительного предикативного имен прилагательных¹.

Как видим, данные западнорусских памятников, отражающих белорусский язык, значительно расходятся с данными русских памятников. Это объясняется тем, что в Московском государстве литературный язык сохранял значительное количество книжных, церковнославянских элементов. В Литовском княжестве церковнославянский язык не играл сколько-нибудь значительной роли. На этой территории памятники письменности складывались в значительной степени вне сферы воздействия книжных, церковнославянских традиций. Ввиду этого творительный предикативный, развивавшийся в живом народном языке, находил отражение в западнорусских памятниках; в русских памятниках он не находил более или менее широкого отражения ввиду наличия книжных церковнославянских традиций. Ввиду этого творительный предикативный, развивавшийся в живом народном языке, находил отражение в западнорусских памятниках; в русских памятниках он не находил более или менее широкого отражения ввиду наличия книжных традиций. Этим объясняется незначительное распространение местоименных форм имен прилагательных в функции сказуемого.

В свете этих данных получает разъяснение любопытное то, что творительный предикативный и второй именительный местоименных форм имен прилагательных получают в памятниках почти одновременное распространение и почти в равных пропорциях. Это явление становится вполне понятным при сравнении данных западнорусских и русских памятников: среди первых закономерный ход развития изучаемого процесса находил беспрепятственное, более или менее неискаженное отражение, среди вторых он прокладывал себе дорогу, преодолевая препятствия в виде наличия старых книжных норм, отражение его в памятниках XV–XVII вв. было еще более или менее искаженным и неравномерным.

Важное значение для изучения законов развития языка имеют соответствия между явлениями общенародного языка и его диалектов; так, в общенародном языке связка настоящего времени не употребляется при форме на -л, а также при личных формах глаголов настоящего времени; в говорах же случаи употребления связки в указанных условиях наблюдаются, ср.

¹ Ломтев Т. П. Исследования в области белорусского синтаксиса // Уч. зап. Белорус. гос. ун-та. Сер. филологическая. Минск, 1941. Вып. I. (Гл. VI. Изменения в употреблении второго именительного имен прилагательных в функции сказуемого).

*диревня носилась есь, есь ходят старицьки*¹. В общенародном языке при инфинитиве от переходных глаголов имена существительные женского рода употребляются в форме винительного падежа, ср. *топить баню*; в говорах мы находим в соответствующих синтаксических условиях форму на *-а*, ср. *пить вода, топить баня*². В общенародном языке в функции сказуемого употребляется форма на *-л*, которая в прошлом представляла собою причастие; по говорам в указанной функции встречаются и причастия прошедшего времени другого образования, ср. *он выпивши, он уехатчи* и т. п.

В оценке указанных соответствий нередко допускался огульный подход. Некоторые исследователи склонны были считать, что явления, свидетельствуемые говорами, отражают более древний этап в развитии общенародного языка. Другие, напротив, стараются каждое диалектное явление истолковывать как факт более позднего времени.

Между тем, явления, отмеченные по говорам, имеют разное происхождение: одни из них отражают глубокую старину, как, например, обороты типа *пить вода*, другие представляют собою позднейшее образование, как, например, обороты типа *есь ходят старицьки*.

Задача реконструкции синтаксических явлений требует, чтобы были разработаны принципы и методика истолкования синтаксических соответствий. Имеющийся в этом отношении опыт исследователей еще не является достаточным, чтобы успешно решать задачи синтаксических реконструкций.

III

Для иллюстрации некоторых соображений о приемах синтаксических реконструкций рассмотрим отдельные примеры соответствий тождества и соответствий различия.

При реконструкции синтаксических фактов, представленных соответствиями тождества, важное значение имеет распознавание того, какие синтак-

¹Борковский В. И. Вопросы исторического синтаксиса русского языка // Вопросы теории и истории языка в свете трудов И. В. Сталина по языкознанию. М., 1952. С. 270 ; Ломтев Т. П. Исследования в области истории белорусского синтаксиса. (Гл. III. Изменения в употреблении личных форм от основы *ес-* при причастиях на *-л* в сказуемом.)

²Ломтев Т. П. Учение Потебни о субъективном и объективном употреблении инфинитива и вопрос о конструкциях типа «*вода пить*» // Доклады и сообщения филологического факультета МГУ. 1949. Вып. 8. С. 19 и след.

сические явления для данной эпохи представляют собою элементы нового качества и какие – элементы старого, отмирающего качества.

Если доказано, что какой-либо синтаксический факт представляет собою отмирающее явление, которое повторяется в ряде родственных языков, то его наличие в этих языках нельзя истолковать как результат параллельного развития; при этих условиях его можно истолковать только как унаследованное явление. Из этого следует, что если употребление данной словесной формы в данной грамматической позиции является отмирающим явлением и если оно при этом встречается в родственных языках определенного круга, то оно может быть реконструировано для праязыка (для определенного периода его развития).

Если при глаголах рождения, роста, болезни и смерти в древнерусском языке употреблялся дательный падеж, например, *родися ему сынъ* в соответствии с современным *родился у него сын*, *росло ему дерево* в соответствии с современным *росло у него дерево*, *ему болить голова* в соответствии с современным *у него болит голова*, *умерль ему ребенок* в соответствии с современным *умер у него ребенок*, и если в той же грамматической позиции такое употребление дательного падежа встречается, например, в литовском языке, ср. *vaikas tums nūmire* – «ребенок у нас умер» (буквально: *ребенок нам умер*), то мы можем умозаключить, что дательный падеж в указанной позиции имел место в общеславянском праязыке. Если при глаголах со значением «работать», «жить» употреблялся дательный падеж имен существительных со значением лица, например, *работать ему* в соответствии с современным *работать для него* или *на него*, *жить себе* в соответствии с современным *жить для себя*, если употребление дательного падежа в рассматриваемой грамматической позиции отмирало, если в указанной позиции дательный падеж употребляется и в литовском языке, ср. *žmones tik sau dirba* – «люди работают только себе» (т. е. на себя или для себя), то мы можем утверждать, что дательный в рассматриваемой грамматической позиции имел место в общеславянском праязыке.

Если в славянских языках при глаголах со значением «заботиться» употреблялся творительный падеж, например, *заботился женой* в соответствии с современным *заботился о жене*, если употребление творительного падежа в данной грамматической позиции отмирает и если в той же грамматической позиции мы находим употребление творительного падежа в литовском языке, ср. *rūpintis kuo* – «заботиться кем», то мы имеем право утверждать, что употребление творительного падежа в данной позиции было свойственно общеславянскому праязыку.

С другой стороны, если какой-либо синтаксический факт представляет собою развивающееся явление, которое повторяется в ряде родственных языков, то его наличие в этих языках, как уже не раз отмечалось, нельзя истолковать только как явление унаследованного характера; не исключена возможность его параллельного развития в разных родственных языках. В белорусском и украинском языках мы находим при глаголе *смеяться* конструкцию «з + родительный падеж», в литовском языке при глаголе со значением «смеяться» употребляется конструкция «*is* + родительный падеж», соответствующая славянской, например, *juoktis iš ko*, ср. белор. *смяцца з каго*.

Из истории восточнославянских языков мы знаем, что конструкция «с + родительный падеж» в позиции делиберативного объекта есть явление новое, развивающееся. В литовском языке также наряду с предложной конструкцией *iš ko* употребляется творительный падеж *kuo*, ср. *juoktis kuo* (буквально: *смеяться кем*).

В литовском языке употребление творительного падежа в данной позиции отмирает, а употребление предложных конструкций в той же позиции развивается.

Из этого следует, что факт употребления предложной конструкции «с + родительный падеж» в белорусском и украинском языках и предложной конструкции «*iš* + родительный падеж» в литовском не может служить доказательством того, что предложная конструкция с родительным падежом имела место в общеславянском праязыке и унаследована из него белорусским и украинским языками.

Употребление дательного падежа в значении объекта-адресата во всех славянских языках является доказательством того, что эта позиция дательного падежа восходит к общеславянскому праязыку, а употребление во всех славянских языках оборота «с + творительный падеж» в присубstantивной позиции сопровождающего предмета не является безусловным доказательством того, что данная позиция предложной конструкции восходит к праязыку, так как не исключена возможность параллельного развития в употреблении этой конструкции в разных языках в тождественной позиции в качестве элемента нового качества.

Более того, наличие элемента старого качества даже в одном члене любого соответствия может служить доказательством принадлежности по крайней мере одному из диалектов праязыка; так, оборот типа *вода пить, деревня видать* представляет собою явление глубокой древности¹.

¹См.: Ломтев Т. П. Учение Потебни о субъективном и объективном употреблении.

В славянской языковой области оборот *вода пить* известен только в некоторых говорах русского языка, а оборот *деревня видать* засвидетельствован белорусским языком и южнорусским наречием русского языка. Нигде эти обороты не расширяют области своего применения, ни в одном говоре они не функционируют как элементы нового качества. Ясно, что это явление не может быть продуктом позднейшего развития языка; этот оборот существует в языке только как унаследованное из прошлых эпох явление, а не как средство, вызванное необходимостью совершенствования грамматического строя русского языка на современном этапе его развития.

Это общее гипотетическое предположение подкрепляется данными литовского языка, в котором при инфинитиве может употребляться именительный падеж, например: *tiktai rope graužti lengva* (буквально: *только репа грызть легко*), *toks žmogus reta rasti* – «*такой человек редко найти*».

Рядом с именительным падежом может употребляться при том же инфинитиве и винительный падеж.

Таким образом, русская конструкция *репа грызть* имеет полное соответствие в литовской конструкции *rope graužti*. И так как эта конструкция представляет собою отмирающее явление, то ее наличие в русском и литовском языках может быть истолковано только как унаследованное достояние, а не как результат независимого параллельного развития.

Рассмотрим еще одну конструкцию. В древнерусском языке засвидетельствовано употребление инфинитива при именах прилагательных в позиции сказуемого, например: *вода же его [Иордана]... сладка пити* (Хожд. Дан., гл. 5); *Хорошо эдакъ служба-то говорить* (Пут. в св. з. Лукьян., 19). В этих выражениях инфинитив имеет объектное употребление: производитель инфинитивного действия не совпадает с субъектом предложения. Подобное употребление инфинитива современный русский литературный язык в общем не сохранил. Однако возможно просторечное выражение *он хорош поглядеть*.

Субъектное употребление инфинитива при именах прилагательных в позиции сказуемого имело место в древнерусском языке и продолжает сохраняться в современном русском языке, например: *готов писать, читать; горазд говорить; должен ходить, говорить; обязан читать, писать; ленив работать* и т. п.

Субъектное употребление инфинитива при именах прилагательных в позиции сказуемого засвидетельствовано во всех славянских языках; оно встречается также и в литовском языке.

Об объектном употреблении инфинитива при именах прилагательных в позиции сказуемого в славянских языках, насколько известно, нет достаточных сведений.

Возникает вопрос, можно ли считать такое употребление инфинитива в древнерусском языке унаследованным из общеславянского праязыка. Имея в виду, что это явление отмирает, было бы неосновательно думать, что оно могло развиваться в отдельной жизни древнерусского языка. В литовском языке представлено объектное употребление инфинитива при именах прилагательных, например: *šitas arklys laikyti brangus* (буквально: этот конь держать дорогой), *šitas arklys foti geras* (буквально: этот конь ехать хороший).

Наличие объектного употребления инфинитива при прилагательных в литовском языке, в котором оно также не является продуктивным, свидетельствует в пользу того предположения, что указанное употребление инфинитива было свойственно общеславянскому праязыку и затем унаследовано древнерусским языком.

Рассмотрим отдельные случаи употребления форм творительного падежа при глаголах.

В современном русском языке свободно употребляются имена существительные с пространственными значениями при глаголах передвижения, например: *прошел лесом, полем, улицей, двором, коридором, кухней* и т. п.

Но при глаголах пребывания или действия с моментом пребывания указанные имена существительные не употребляются; в современном русском языке невозможны выражения *лежал* или *читал лесом, полем, двором* и т. п. Между тем такие выражения возможны в западноукраинских говорах, например: *вовки виют лісом; лісом гуділо; трясовиці блистіли лісом; хатами люди розстогнали ся; зустрілися над річкою бережком* и т. п.

Возникает вопрос, является ли такая позиция творительного падежа в западноукраинских говорах унаследованной или она развилась в отдельной жизни этих говоров.

Данные древнерусских памятников указывают на то, что рассматриваемое здесь употребление творительного падежа постепенно сокращалось.

Если данная позиция творительного падежа является элементом отмирающего качества и если она встречается в других родственных языках, то мы имеем право утверждать, что она имела место в праязыке. В польском, чешском и сербохорватском языках позиция творительного падежа представлена, ср.: польск. *mieszka u brata kątem*¹ – «живет у брата углом» (т. е. в углу);

¹ Łoś J. Funkcje narzędnika w języku polskim. Kraków, 1904. S. 108.

чешск. *spivali jsme lesem* – «пели лесом» (т. е. в лесу); сербохорв. *зеленим долом сутон лежи* – «в зеленом долу – сумрак»; *lišište šuŕiti grobom* – «листья шуршат на могиле»¹.

Это дает нам основание утверждать, что в общеславянском праязыке творительный падеж имен существительных с пространственным значением мог употребляться не только при глаголах передвижения, но и при глаголах пребывания.

В западноукраинских говорах засвидетельствовано также употребление творительного падежа имен существительных со значением отверствия, например: *víkнами втíкали, двёрми викинулись*.

Такая позиция творительного падежа представлена в современных белорусских и русских говорах, ср.: *уж ты вийди стрелка ухом левым* (Онч., 75); *однімі вароты ды узлез на двор* (Шейн. Нар. бел. песни. С. 324).

Такое употребление творительного падежа засвидетельствовано в древнерусских и старославянских памятниках и во многих живых славянских языках, ср. польск. *wybieć oknem*, словац. *hladiť oknom*, чешск. *přijítí dveřmi* и т. п.

Имея в виду, что употребление творительного падежа в указанной позиции сокращалось, отмирало, мы не можем утверждать, что оно развилось в самобытной жизни отдельных славянских языков. Мы обязаны сделать вывод, что рассматриваемая позиция творительного падежа была представлена уже в общеславянском праязыке и унаследована отдельными славянскими языками.

Соответствия тождества, как известно, могут представлять явления, развивавшиеся в общеславянском праязыке. Эти явления для указанной эпохи представляют элемент нового качества. Такие явления нельзя истолковывать как факты, унаследованные из общеиндоевропейского языка-основы. В местном падеже во всех современных славянских языках употребляются предлоги *в* и *на*. Однако этот факт мы не можем считать общеславянским явлением, унаследованным из общеиндоевропейского языка-основы.

Во-первых, не решен вопрос об общеиндоевропейском происхождении славянского местного падежа. Во-вторых, в ближайшем родственном языке – литовском – предлоги *в* и *на* с местным падежом не употребляются. Это дает нам основание утверждать, что употребление предлогов *в* и *на* при местном падеже не унаследовано из общеиндоевропейского языка. Вместе с тем этот факт нельзя рассматривать как явление, развившееся в период

¹ *Ивић М.* Значења српскохрватског инструментала и њихов развој. Београд, 1954. С. 122.

самостоятельной истории отдельных славянских языков, так как древнейшие славянские памятники указывают на то, что предлоги *в* и *на* с местным падежом, как правило, употреблялись.

Распространение предлогов *в* и *на* при местном падеже надо рассматривать как явление, развившееся в более поздней истории общеславянского праязыка. Этот вывод можно сделать на том основании, что древнейшие памятники всех славянских языков свидетельствуют, что местный падеж в отдельных случаях еще мог употребляться и без предлогов *в* и *на*¹. Отмирание употребления местного падежа без предлогов *в* и *на* завершилось, по данным памятников, в исторический период.

Изучая последовательность отмирания употребления местного падежа без предлогов *в* и *на*, можно тем самым установить последовательность распространения предлогов *в* и *на* в местном падеже.

В современных славянских языках предлоги *в* и *на* употребляются с местным падежом при глаголах ненаправленного движения или пребывания, с винительным падежом – при глаголах направленного движения, ср. *лежал на земле, но упал на землю*.

Такое противопоставление употребления предлогов *в* и *на* проведено в современных славянских языках более или менее строго. В выражениях *положил на столе* и *положил на стол* глагол *положить* имеет в первом случае значение ненаправленного движения, а во втором случае – значение направленного движения.

Противопоставление употребления предлога *на* с местным и винительным падежами представлено только в славянских языках, а противопоставление употребления предлога *в* с местным и винительным падежами представлено во многих индоевропейских языках. Тем не менее это не дает нам основания утверждать, что указанное противопоставление в употреблении хотя бы предлога *в* унаследовано общеславянским праязыком.

Древние памятники предоставляют факты, которые указывают на то, что указанное противопоставление не было строго проведено в общеславянском праязыке. Употребление предлогов *в* и *на* с винительным падежом было унаследовано общеславянским праязыком, но употребление тех же предлогов с местным падежом развилось в общеславянском праязыке.

По мере распространения предлогов *в* и *на* с местным падежом уточнялось противопоставление позиций предложных конструкций «*в* и *на* + местный падеж» и «*в* и *на* + винительный падеж».

¹ Ломтев Т. П. Очерки по историческому синтаксису русского языка. М., 1956. (§ 114, 118).

В древнерусских памятниках еще сохранилось в единичных случаях употребление предлогов *в* и *на* с местным падежом при глаголах направленного движения (ср. *стрѣлы твоя унзоша во мнѣ* (Лавр. л., 130); *Чему, господине, простре горячую свою лучю на ладѣ вои* (Сл. о пл. Иг., 75)) и с винительным падежом при глаголах пребывания (ср. *От нихъ же первіе Сирии, жиуще на конецъ земля* (Лавр. л., 13); *От нихъ же Кривичи, иже седять на верхъ Волги, а на верхъ Двины, на верхъ Днѣпра* (Лавр. л., 13); *Во всю землю изидоша вѣщанья ихъ и въ конецъ вселенныя глаголи ихъ* (Лавр. л., 81)).

Если противопоставление предлогов *в* и *на* с местным и винительным падежами строго проведено в современных языках и если древние памятники указывают на отсутствие такого противопоставления, то это дает основание для внутренней реконструкции. Установленные таким путем соотношения доказывают, что противопоставление местного и винительного падежей при предлогах *в* и *на* в основном уже сложилось в эпоху древнейших памятников, что в более ранний период такого противопоставления не было, что оно не унаследовано общеславянским праязыком, а развилось в этом последнем.

В современных славянских языках предлог *над* употребляется главным образом с творительным падежом, ср. *летал над Москвой*. Предлог *над* имеет славянское происхождение. Как известно, он образовался путем наращенія элемента *-d-* к форме *на*. Таким образом, конструкции с предлогом *над* в общеславянском праязыке не являются унаследованными.

Рядом с творительным падежом в единичных случаях засвидетельствовано употребление при том же предлоге винительного падежа, ср. ст.-сл. *надѣ пропасти ведоми*, чешск. *pochovali jej vyše nad jiné hroby potomkou*, сербохорв. *облак се над Беч амакнуо*.

Эти факты также дают основания для внутренней реконструкции. Если предлог *над* сочетается, как правило, с творительным падежом и если в то же время сохраняются следы его сочетания с винительным падежом, то мы не имеем права рассматривать сочетание предлога *над* с творительным падежом как унаследованное явление. Установленное соотношение фактов позволяет сделать вывод, что в общеславянском праязыке в тождественных позициях при предлоге *надѣ* употреблялись две падежные формы – творительный падеж и винительный падеж. В русском языке употребление винительного падежа в указанной позиции не сохранилось. Употребление при одном предлоге в тождественных условиях двух или трех падежей представляет собою обычное явление в истории синтаксиса. В древнерусском языке

при предлогах *мимо*, *около* употреблялись винительный и родительный падежи. Литературный язык сохранил только употребление родительного падежа. При предлоге *против* употреблялись винительный, родительный и дательный падежи. В последующей истории языка употребление винительного и дательного падежей с предлогом *против* было утрачено. Эти процессы протекали в исторической жизни русского языка. Но процессы утраты употребления винительного падежа при предлоге *над* в основном протекали в общеславянском праязыке.

Мы рассмотрели некоторые случаи реконструкции элементарных синтаксических единиц на основе соответствий тождества. Важнейшим условием правильных выводов в этой области синтаксических реконструкций является распознавание элементов старого, отмирающего качества и элементов нового, накапливающегося качества. Реконструкции подлежат не только элементарные синтаксические единицы, но и их системные отношения.

Принципы и методы синтаксических реконструкций неразрывно связаны с разработкой теории синтаксиса.

Каковы основания, которые позволяют выделить язык и речь как противочлены? Наличие в языке нормы делает возможным определить различие между языком и речью как различие между нормой и отклонением от нормы. В основе нормы речи лежит этический принцип. Сам факт различения того, что находится в пределах нормы, является правильным, и того, что выходит за пределы нормы, является неправильным, представляет собой мнение общества о допустимом и недопустимом. Этический принцип позволяет отделить то, что одобряется и охраняется обществом, от того, что осуждает и против чего борется общество.

Наличие в языке явлений, закрепленных обычаем и отклоняющихся от обычая, называемого узусом, делает возможным определить различие между языком и речью как различие между общепринятым, закрепленным в обычае, распространенным и необщепринятым, случайным, нераспространенным. С этой точки зрения язык есть то, что объединяет речь значительных масс людей, образующих данный коллектив, т. е. то, что представляет собой узус, обычай, общие навыки, то, что характеризуется широкой распространенностью. Речь есть то, в чем различается говорение отдельных индивидуумов, образующих данный коллектив, то, что представляет собой окказиональность, случай, происшествие, событие, то, что характеризуется малой распространенностью.

Понятие узуса принципиально отличается от понятия нормы: узус – это то, что наиболее распространено; норма – это то, что поощряется, поддерживается, одобряется.

Для русского языка норма предписывает произношение [с] в слове *купался* и [к] в слове *великий*, а распространенным является произношение [с'] в *купался* и [к'] в *великий*.

Норма устанавливается учреждениями или авторитетными лицами и предписывается обществу. Узус складывается в процессе развития языка и никем не предписывается.

Распределение фактов по этим основаниям не всегда совпадает. Факты, отвечающие нормам и поощряемые обществом, могут быть мало распро-

* Упершыню надрукавана: Вестн. МГУ. Сер. 7. Филология, журналистика. 1961. № 4. С. 65–70.

страненными. Наоборот, факты, широко распространенные, могут не отвечать требованиям нормы.

Из этого следует, что для противопоставления языка и речи не могут быть использованы оба эти основания, вместе взятые.

Этический принцип нельзя принять в качестве основания противопоставления языка и речи, так как он выделяет поощряемое и не поощряемое обществом; в таком случае речь представляла бы собой то, что осуждается обществом.

Принцип узуса также не может быть принят в качестве противопоставления языка и речи, так как он различает то, что освящено обычаем, и то, что не освящено обычаем; в этом случае речь представляла бы собой то, что не закреплено в обычае, т. е. некоторые отклонения от обычая.

В настоящее время наиболее популярным является взгляд, согласно которому язык и речь представляют собой разные аспекты лингвистической реальности. Такому пониманию отношения между языком и речью во многом способствовала книга Ф. Соссюра «Курс общей лингвистики». Автор утверждает, что «язык, обособленный от речи, составляет предмет, доступный обособленному же изучению»¹. Язык и речь по Соссюру – разные предметы разных наук. «Изучение языковой деятельности распадается на две части: одна из них имеет предметом язык... другая... индивидуальную речевую деятельность, т. е. речь»².

Предложив рассматривать язык и речь в качестве разных явлений, представляющих собой предметы разных наук, Соссюр вынужден был пойти по линии поисков таких особенностей, которые имеются в языке и отсутствуют в речи.

1. В качестве основания противопоставления языка и речи Ф. де Соссюр выдвинул разное отношение к развитию. Речи свойственна эволюция. Язык тоже изменяется, но он не содержит в себе источников необходимости своего развития. Развитие языка определяется речью. «Явлениями речи, – говорит Ф. де Соссюр, – обусловлена эволюция языка»³.

Согласно этой концепции, все изменения в словарном составе и грамматическом строе возникают и закрепляются в речи. Возникающие в речи новообразования ломают существующую систему языка, видоизменяют ее, переходят из речи в язык. Таким образом, источником развития языка является речь. Язык – только продукт развития речи.

¹ Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики. М., 1933. С. 39.

² Там же. С. 42.

³ Там же.

В этой концепции противопоставление языка и речи осуществляется на основе различия между продуктом развития и источником развития: язык – продукт развития, речь – источник развития.

Однако это основание противопоставления языка и речи не может быть принято. Если противоречие признается свойством всякого объекта и источником его развития, то нельзя выдвигать в качестве основания противопоставления языка и речи различие между продуктом развития и источником развития; нельзя исключать противоречия из языка, если он признается предметом науки. Иначе наука о языке была бы лишена возможности изучать необходимость и внутреннюю закономерность развития языка.

Если не отвергается положение о том, что языку свойственны внутренние законы развития, то нельзя переносить источник развития языка из языка в речь.

2. По словам Соссюра, в процессах речевого общения индивиды «воспроизводят, – конечно, не вполне одинаково, приблизительно – те же самые знаки, связывая их с теми же самыми понятиями». Следовательно, в процессах речевого общения есть то, что воспроизводится, и оно должно отличаться от того, что производится в тех же процессах речевого общения.

В развитие этой концепции А. Смирницкий предложил в качестве основания противопоставления языка речи различие воспроизводимого и производимого. По мнению А. Смирницкого, к языку относится то, что имеет готовый характер и воспроизводится в акте общения, а к речи – то, что не имеет готового характера и производится в акте общения. Согласно этой концепции, слова и формы слов являются единицами языка, а свободные словосочетания и предложения – единицами речи¹.

«В качестве единиц языка, – говорит А. Смирницкий, – не могут быть выделены свободные сочетания слов, в том числе и предложения, возникающие в речи»². Конкретные предложения и свободные сочетания слов представляют собой произведения и являются единицами речи, а не языка. «Характерным свойством речи, – говорит Ф. де Соссюр, – является свобода комбинаций». Ввиду этого к речи относятся только свободные сочетания слов. Однако имеется огромное количество выражений, относящихся безусловно к языку; это вполне готовые речения, в которых обычай воспрещает что-либо изменять даже в том случае, если можно, поразмыслив, различить в них значимые части (*выйти замуж* и т. д.).

¹ См. Смирницкий А. И. Синтаксис английского языка. М., 1957. С. 13.

² Смирницкий А. И. Лексикология английского языка. М., 1956. С. 14.

Если язык и речь противопоставляются как разные явления, то возникает необходимость отнести одни факты к языку, представляющему собой одно явление, а другие факты – к речи, представляющей собой другое явление.

С этой точки зрения предметом лексикологии и морфологии является язык, а предметом синтаксиса – речь.

3. Ученые школы Ф. де Соссюра признали системность в качестве характерного свойства языка; предполагается, очевидно, что речи не свойственна по крайней мере та системность, которая свойственна языку.

Если за системное распределение фактов принять наличие в русском языке противопоставления согласных по твердости – мягкости, например [до – д'о], [то – т'о] и т. д., то отсутствие указанного противопоставления в области заднеязычных должно быть признано нарушением или выпадением из системы. С этой точки зрения соотношения [до – д'о], [то – т'о] являются фактом языка, поскольку они представляют собой систему, а наличие слов, содержащих [к'о] (*К'ёроглу*), [г'о] (*Гёте*), представляет собой факт речи, так как выходит за пределы системы.

Однако такое противопоставление языка и речи едва ли может быть принято, ибо оно логически противоречиво. Если язык признается системой и если при этом оказывается, что некоторые факты не имеют системного характера, то надо сделать либо тот вывод, что язык не система, либо что система языка установлена неправильно.

Если сохраняется положение о системном характере языка, то оно должно быть распространено и на речь. Отношение к системности не может быть основанием противопоставления языка и речи.

Как было указано выше, основное в концепции де Соссюра – это различение языка и речи как разных объектов разных наук. Однако именно это и вызывает возражения.

В советском языкознании принимается положение, согласно которому язык развивается по своим внутренним законам. Но если признать, что язык и речь являются разными объектами, что единицы языка и речи изучаются в разных науках, то необходимо вывести умозаключение, что у речи должны быть свои особые внутренние законы развития. Если же такое умозаключение не может быть подкреплено наблюдаемыми фактами, то оно должно рассматриваться как свидетельство ложности исходной предпосылки. Так как нет никакой эмпирической базы для признания особых законов развития в языке и в речи, то мы вынуждены рассматривать язык и речь не как разные явления, представляющие собой объекты разных наук, а как разные стороны одного явления, представляющие собой один предмет одной науки.

Преодоление взгляда на язык и речь как на разные явления достигается с помощью выдвижения категории сущности и ее проявления в качестве основания противопоставления языка и речи. Такое понимание основания различения языка и речи исключает возможность отнесения одних фактов к языку, а других – к речи. С этой точки зрения в речи не может быть таких единиц, которые не имели бы места в языке, а в языке нет таких единиц, которые не имели бы места в речи. Язык и речь различаются не по различию явлений, а по различию сущности и ее проявления.

С этой точки зрения единицами языка являются не только слова и их формы, но и свободные словосочетания, а также предложения. В словосочетаниях и предложениях имеется не только то, что всякий раз производится заново, но и то, что во всяком акте общения воспроизводится, – это модели предложений.

Язык представляет собой такую сущность, способом существования и проявления которой является речь. Язык как сущность находит свое проявление в речи. Язык познается путем анализа, речь – путем восприятия и понимания. В выражении «он читает книги» факт употребления слова *книги* относится к проявлению того, что может найти свое проявление в другом слове, например «он читает журналы». Есть некое тождество, которое сохраняется и в первом, и во втором предложениях и которое по-разному в них проявляется. Эти предложения со стороны своего различия относятся к речи, а со стороны своего тождества – к языку.

Рассмотрим основания противопоставления языка и речи как разных сторон одного явления.

1. И язык, и речь имеют общественную, социальную природу. Но в акте общения социальная природа языка принимает форму индивидуальной речи. Язык в акте общения не существует иначе, как в форме индивидуального говорения. Для Соссюра язык и речь – разные явления. Язык как социальное явление противопоставляется речи как индивидуальному явлению. По его мнению, в речи нет ничего коллективного, а в языке нет ничего индивидуального. Такое понимание отношения между языком и речью оказывается возможным только в том случае, если предположить, что язык и речь – разные явления, представляющие предметы разных наук. И это понимание совершенно исключается, если отношение языка и речи рассматривается как отношение сущности к ее проявлению. Язык социален по своей природе; индивидуальная форма проявления социальной природы языка свидетельствует, что и индивидуальная форма по своей сущности также социальна. Индивидуальное не противоположно социальному, оно является только формой бытия социального.

Некоторые комментаторы де Соссюра истолковывают соотношение социального и индивидуального как соотношение объективного и субъективного: по их мнению, язык объективен, а речь субъективна. Возможность такого истолкования социального и индивидуального вытекает из предпосылки, согласно которой индивидуальное и социальное противоположны по своей сущности и представляют собой разные явления. Но если индивидуальное рассматривать как форму существования социального, то необходимо сделать вывод, что первое не является противоположностью второго, что если языку приписывается объективный характер, то он должен быть приписан и речи.

Противопоставление языка и речи по данному основанию предполагает необходимость рассматривать одни и те же единицы и как единицы языка, и как единицы речи. Не может быть единиц, которые, относясь к языку, не относились бы к речи, и наоборот.

2. Язык и речь противопоставляются по основанию общего и единичного, постоянного и переменного. Но опять-таки общее и единичное, постоянное и переменное нельзя рассматривать как отдельные явления, существующие порознь.

Общее и постоянное существует в форме единичного и переменного, а во всяком единичном и переменном есть общее и постоянное. Поясним это на примерах. В предложении «Он смотрел картину» мы можем заменить слово *картина* словом *фотография*. В результате этой операции мы получим новое предложение: «Он смотрел фотографию». Но в том, что находится в отношениях взаимной заменяемости, содержится общее, постоянное. Это общее, постоянное проявляется в отдельных словах, имеющих форму винительного падежа. Язык есть речь, взятая со стороны общего и постоянного. Речь есть язык, взятый со стороны единичного и переменного. Всякая лингвистическая единица одной стороной обращена к языку, а другой – к речи. Каждая лингвистическая единица должна рассматриваться и со стороны языка, и со стороны речи. Противопоставление языка и речи по рассматриваемому основанию исключает возможность относить одни единицы к языку, а другие – к речи.

3. Язык и речь различаются по основанию некоего установления и процесса. Есть язык как средство общения и есть речь как процесс общения с помощью языка. Речь обладает свойством быть громкой или тихой, быстрой или медленной, длинной или краткой; к языку эта характеристика не приложима. Речь может быть монологической, если собеседник только слушает, и диалогической, если в общении принимает участие и собеседник.

Язык не может быть ни монологическим, ни диалогическим. Чтобы в речи были свои единицы, отличные от единиц языка, они должны быть выделены по тем свойствам, которыми обладает процесс и которыми не обладает оружие, с помощью которого он совершается.

В отличие от языка как орудия общения в речи мы можем выделить моменты, характеризующие процесс общения. В речи различаются частота повторения тех или других элементов языка в тех или других условиях процесса общения.

Математическая статистика изучает частоты в форме исчисления разного рода средних величин. Частотность характеризует не единицу структуры, а ее повторяемость в процессе общения. Сила характеризует не фонему как единицу языка, а произношение звука в процессе общения. Можно пользоваться единицами для измерения силы звука. Помехи характеризуют не единицы языка, а осуществление процесса общения. Можно пользоваться единицами для измерения степени помех. Такими единицами не могут быть не только слова или их формы, словосочетания или предложения, но даже и абзацы.

Мы не будем здесь обсуждать, являются ли сложные целые, а также и абзацы единицами языковой или неязыковой структуры. Однако ясно, что они не являются единицами действий, процессов; они представляют собой единицы каких-то структур, скорее неязыковых, чем языковых.

Выделение сложных целых или абзацев в качестве единиц речи, а не языка также не опирается на основание противопоставления языка и речи, как и выделение в качестве единиц речи свободных словосочетаний или предложений.

Нам представляется, что не правы те лингвисты, которые, признавая единицами языка не только слова и формы слов, но и словосочетания и предложения, считают все же, что речь должна обладать своими особыми единицами, каковыми они считают абзац, сложное целое, фразу и т. д.

Итак, язык и речь – не разные явления, а разные стороны одного явления. Все лингвистические единицы являются единицами языка и речи: одной стороной они обращены к языку, другой – к речи.

О ПОСТРОЕНИИ АНАЛИТИКО-СМЫСЛОВОГО СЛОВАРЯ РУССКОГО ЯЗЫКА*

В современных словарях есть существенный недостаток, заключающийся в так называемом порочном круге: значение одного слова истолковывается с помощью другого, а значение последнего – с помощью первого.

Так, значение слова *печаль* истолковывается как «грусть», а значение слова *грусть* – как «печаль»; значение слова *храбрость* определяется как «мужество», а значение слова *мужество* – как «храбрость» и т. п.

Некоторые лингвисты не находят в таком методе истолкования значения слов ничего порочного. Так, С. Д. Кацнельсон пишет: «Когда мы в Словаре Ушакова в статье *курица* читаем: «домашняя птица – самка петуха», а затем в статье *петух*: «домашняя птица – самец кур», то перед нами пример кругового определения, способный вызвать у логиков улыбку. Но в задачи толкового словаря входит не создание стройной и непротиворечивой теории птицеводства и т. п., а раскрытие семантического содержания слова»¹.

В данном определении о курице говорится только то, что она самка, а о петухе – что он самец. Это безусловные важные признаки содержания слова *курица* и слова *петух*. Но эти слова имеют и другое содержание, которое не выявляется в определениях. Если мы скажем, что *курица* – это «самка петуха», а *петух* – «самец курицы», что *гусыня* – «самка гуся», а *гусь* – «самец гусыни», что *львица* – «самка льва», а *лев* – «самец львицы», то этим мы не выявим семантического содержания слов *курица*, *гусыня*, *львица*, с одной стороны, и слов *петух*, *гусь*, *лев* – с другой.

Из того, что *курица* – «самка петуха», а *петух* – «самец курицы», следует, что слово *курица* называет животное одного пола и слово *петух* – животное другого пола; никакого другого семантического содержания эти определения не дают. «Круговые определения» значений двух слов могут выявить разность предметов, обозначаемых этими словами, но они не могут раскрыть семантическое содержание слов.

Математики Г. Фреге, А. Рассел, А. Черч пришли к выводу о том, что содержание имени имеет два компонента: предмет, который именуется именем,

* Упершыню надрукавана: Русский язык за рубежом. 1967. № 3. С. 30–36.

¹ Кацнельсон. С. Д. Содержание слова, значение и обозначение. М.; Л., 1965. С. 20.

и смысл, который имеет имя. Смысл имени есть способ понимания предмета, именуемого именем.

В соответствии с именем *предмет* Фреге и Черч употребляют имя *денотат*. Смысл имени мы будем рассматривать как способ выделить предмет из множества других предметов, т. е. как различительное средство.

Разные предметы, называемые словами *стол* и *стул*, различаются не по фонемным составам этих слов, а по смыслу.

Смысл имени может быть построен из отдельных дифференциальных семантических элементов, семантических множителей.

Мы покажем использование дифференциальных семантических элементов в построении смыслов имен на примере слова *отец*.

Слово *отец* именует определенное лицо, задаваемое с помощью набора следующих дифференциальных элементов: 1) «лицо мужского пола»; 2) «родитель»; 3) «прямой родитель»; 4) «кровный родитель»; 5) «родитель в первом поколении». Этот набор дифференциальных элементов и образует собой смысл слова *отец*.

Замена дифференциального элемента «лицо мужского пола» дифференциальным элементом «лицо женского пола» образует смысл второго имени, новый способ, задаваемый другим лицом, чьим именем является слово *мать*. Замена дифференциального элемента «родитель» дифференциальным элементом «рожденный» образует смысл третьего имени – *сын*. Замена дифференциального элемента «прямой родитель» дифференциальным элементом «косвенный родитель» образует смысл четвертого имени – *дядя*. Замена дифференциального элемента «кровный родитель» дифференциальным элементом «родитель по его брачным связям» образует смысл пятого имени, которым задано новое лицо, обозначаемое в русском языке словом *отчим*. Замена дифференциального элемента «родитель в первом поколении» дифференциальным элементом «родитель во втором поколении» образует смысл шестого имени – *дед* и т. д.

Если бы мы поставили задачу определить смысл слова *земля*, то мы должны были бы привести три смысла слова *земля* в качестве имени трех разных предметов:

- 1) имени предмета, другим именем которого является словосочетание *третья от солнца планета*;
- 2) имени предмета, другим именем которого является слово *суша*;
- 3) имени предмета, другим именем которого является слово *почва*.

Смысл слова *земля* как имени первого предмета можно представить в виде множества следующих дифференциальных семантических элементов:

1) «космическое тело»; 2) «несамосветящееся космическое тело»; 3) «космическое тело, вращающееся вокруг солнца»; 4) «космическое тело с большой массой».

Дифференциальный элемент «космическое тело с большой массой» необходим для того, чтобы отличить космическое тело Земля от других космических тел, например метеоров. Дифференциальный элемент «космическое тело, третье от солнца» необходим для того, чтобы отличить Землю от других планет солнечной системы. Дифференциальный элемент «космическое тело, вращающееся вокруг солнца», необходим для того, чтобы отличить Землю от планет других звездных систем. Дифференциальный элемент «несамосветящееся космическое тело» необходим для того, чтобы отличить космическое тело Земля от космического тела звезда. Дифференциальный элемент «космическое тело» необходим для того, чтобы отличить космическое тело Земля от других предметов, которые не являются космическими телами.

Смысл слова *земля* как имени второго предмета необходимо представить в виде набора других дифференциальных семантических элементов, а смысл слова *земля* как имени третьего предмета должен быть представлен в виде еще одного набора новых дифференциальных элементов.

Кроме дифференциальных семантических элементов в состав смысла имени входят и дополнительные семантические элементы. В русском языке именем *медведь* может быть назван неповоротливый человек. Такое словоупотребление было бы невозможным, если бы смысл имени *медведь* не содержал соответствующего дополнительного семантического элемента. У некоторых северных народов смысл соответствующего имени содержит дополнительный семантический элемент «хозяин». Назвать человека именем *медведь* – значит подчеркнуть не то, что он неповоротлив, а то, что он уважаемый человек. В русском языке именем *лиса* может быть назван хитрый человек, т. е. смысл имени *лиса* содержит дополнительный семантический элемент. У некоторых других народов смысл этого имени включает и семантический элемент воровства.

Дополнительные семантические элементы слов, обозначающие одни и те же предметы, весьма разнообразны. Их изучение представляет собой важную задачу семантики как науки.

В предлагаемой нами концепции семантика имени бинарна, она содержит предмет, обозначаемый именем, и смысл как способ задания данного предмета.

В концепции классического языкознания семантика имени унарна, она содержит только то, что именуется именем. Полисеманτικότητα слова

заключается в использовании его для обозначения разных предметов без выявления разных смыслов этого слова.

Концепции унарности семантики имени присущ ряд недостатков. Отказ от понятия смысла, задаваемого данным предметом, делает невозможным истолкование так называемых переносных значений. Сравним два выражения – *отец Петра* и *отец русской истории*. Для того чтобы была возможность назвать некоторое лицо отцом русской истории, необходимо, чтобы имя *отец* сохранило в этом сочетании некоторые элементы содержания. Смысл имени *отец* характеризуется набором указанных выше дифференциальных элементов.

Смысл имени *отец русской истории* представляет собой преобразование смысла имени *отец*. Дифференциальные семантические элементы прямого и косвенного родителя, кровного и некровного родителя, родителя первого и непервого поколения устраняются. Ввиду этого дифференциальный элемент «родитель» получает общественный, а не частно-семейный смысл; он получает значение родоначальника. Но дифференциальные элементы «лицо мужского пола» и «родоначальник» сохраняются. Наличие соответствующих дифференциальных семантических элементов в смысле имени *отец русской истории* делает понятным, почему мы некоторое лицо называем именем *отец русской истории*. При этом выражение *отец русской истории* не означает родоначальника первого поколения, который предполагает родоначальника второго поколения. Выражение *дедушка русской авиации* не предполагает наличия *отца русской авиации*, а выражение *отец русской истории* не предполагает наличия *дедушки русской истории*.

Понимание слова содержит два момента: 1) знание того предмета, который обозначается данным словом; 2) знание смысла слова, которое дает основание говорящему одно лицо назвать *сыном Петра*, а другое – *сыном полка*.

Чтобы иметь возможность употребить слово *лента* в выражениях *лента девушки* и *лента дороги*, необходимо знать не только то, чьим именем является слово *лента*, но и какой оно имеет смысл. Одно знание того, что слово *лента* обозначает некоторый предмет, не дает основания для употребления его в выражении *лента дороги*. Основанием того, почему слово *лента* может быть употреблено в выражениях *лента стоит 50 копеек* и *лента дороги вьется среди гор*, является некоторый элемент в смысле слова *лента*. Говорящий может не осознавать суть этого элемента, но интуитивно он чувствует, что данное слово не только именует некоторый предмет, но имеет некоторый смысл, делающий понятным его употребление в двух указанных выражениях.

К сожалению, в толковых словарях, как правило, не раскрывается смысл слов; в них лишь перечислены предметы, которые называются данным словом. Между тем только при выделении смысла и предмета в семантике имени мы можем понять, почему слова *корень*, *закат*, *сын* и др. могут быть использованы в выражениях *корень дерева* и *корень жизни*, *закат солнца* и *закат жизни*, *сын своих родителей* и *сын народа* или *сын полка*.

Остановимся еще на одном аспекте описания значения слова в словарях.

Согласно развиваемому нами принципу, смысл имени *кошка* должен содержать набор дифференциальных семантических элементов, которые отличают это животное от других. При этом количество дифференциальных семантических элементов, образующих смысл имени *кошка*, может быть различным в зависимости от того, из какого множества мы выделяем данное животное. Для выделения из множества домашних животных достаточен следующий набор дифференциальных семантических элементов: «хищное, с втяжными когтями». Семантический элемент «хищное» необходим для отличия кошки от других домашних животных, например лошади. Семантический элемент «втяжные когти» необходим для отличия кошки от собаки.

Если мы хотим выделить это животное из множества всех других животных, необходимы следующие дифференциальные семантические элементы: «хищное», «пальцеходящее», «с острыми когтями», «с втяжными когтями», «мелкой формы».

Все эти семантические признаки выполняют дифференциальную роль в множестве более или менее известных животных. Семантический элемент «хищное» отличает кошку от нехищных животных; семантический элемент «пальцеходящее» отличает кошку от медведя, который является хищным, но стопеходящим; семантический элемент «острые когти» отличает кошку от лисицы, которая является хищным, пальцеходящим, но с тупыми когтями; семантический элемент «втяжные когти» отличает кошку от шакала, который является хищным, пальцеходящим, но не с втяжными когтями; семантический элемент «мелкая форма» отличает кошку от льва, который является хищным, пальцеходящим, с острыми когтями, с втяжными когтями, но не мелкой, а крупной формы.

Представители классического языкознания подвергают критике необходимость выделения в семантике: а) имени предмета и б) смысла как способа задания данного предмета. Они утверждают, что предложенное здесь понимание смысла имен выходит за пределы языкознания. Семантика слова для языковеда – это не смысл слова как способ задания и понимания предмета,

а сам факт наименования данного предмета. Семантика является лингвистической, если она заключается в установлении того, какие предметы называет слово; при описании семантики слова *земля* лингвист должен ограничиться указанием на то, что оно называет: 1) космическое тело; 2) сушу; 3) почву и т. п. Задача установления смысла слова *земля* в значении «космическое тело» или смысла того же слова в значении «почва» и т. п. не является лингвистической задачей. Что можно сказать об этом?

Во-первых, специальных наук, которые выявляли бы дифференциальные свойства смыслов имен, нет. Кроме лингвистики, такими вопросами не занимается и не может заниматься ни одна другая наука. Во-вторых, приведенное выше утверждение не находится в соответствии с основным назначением языка. Средства языка имеют различительную функцию. Из этого, конечно, не следует, что все, что имеет различительную функцию, является средством языка: уличные знаки, например, не представляют собой средств языка. Таким образом, все, что принадлежит слову и что служит для различительных целей, входит в предмет науки о языке. Смысл имеет различительное назначение: он служит средством выделения предмета, именуемого данным словом, из множества других предметов. Различительным назначением смыслов имен занимается и может заниматься только лингвистика. Специальные науки изучают существенные свойства предметов, а не их различительные признаки, которые концентрируются в смысле соответствующего имени.

Может быть, неверно то, что смысл имен служит различительным средством; может быть, верно другое: предметы дифференцируются языком не по различию в смыслах их имен, а по различию самих имен; мы отличаем сына от бабушки по фонемному составу слов *сын* и *бабушка*. Но стоит нам взять из незнакомого языка два слова, обозначающие два разных предмета, как сразу обнаружится, что предметы не дифференцируются по различию их имен. Допустим, мы знаем, что латышское слово *aula* (зал) является именем одного предмета, а латышское слово *boze* (дубина) именем другого предмета. Различие предметов, называемых именами *aula* и *boze*, нельзя вывести из различия их имен, так как для того чтобы различить предметы, обозначаемые этими словами, недостаточно знания различия соответствующих слов, необходимо знание смысла этих слов.

Можно было бы далее сказать, что говорящий не сможет определить смысл имен *чернильница*, *ручка*, *стол*, *перо*, так как не сумеет перечислить признаки чернильницы, чтобы отличить ее от ручки, пера и т. п., но говорящий всегда знает, именем какого предмета являются слова *чернильница*,

перо и т. д. Это, конечно, верно, и то, что это верно, доказывается простым экспериментом: если вы скажете собеседнику *дайте ручку*, он даст ручку, а не чернильницу. (Предполагается, что собеседник знает язык, на котором ведется беседа.) Но из того, что говорящий может не знать смысла имени, а знать только предмет, называемый этим именем, не следует, что языкознание должно интересоваться только тем, какой предмет называет данное слово, и не более.

Лингвистика должна сформулировать смыслы имен и дать их в распоряжение говорящих. Лингвистика должна разъяснять носителям языка смысл употребляемых ими слов, а не только закреплять то, что они знают, т. е. не только перечислять предметы, называемые данным именем. Очень важное значение имеют словари, которые содержат более или менее полное собрание слов с указанием того, какие предметы называются каждым словом в отдельности. Многообразие толковых словарей доказывает необходимость такого собрания слов, в котором читатель может найти, какие предметы обозначаются тем или другим словом. Но кроме названных словарей необходимы словари другого типа: словари, в которых не только перечислялись бы предметы, называемые данным именем, но формулировались бы и смыслы этих имен в форме набора соответствующих дифференциальных семантических элементов.

Работа над такими словарями имела бы большое научное значение, а наличие таких словарей удовлетворило бы многие потребности, которые не удовлетворяются существующими толковыми словарями.

Предлагаемый нами тип словаря необходим для иностранцев, изучающих русский язык. Если иностранец установит по словарю, что *доблесть* – это «отвага и мужество», т. е. что имя *доблесть* обозначает то же, что обозначают имена *отвага* и *мужество*, он извлечет из этой информации пользу только в том случае, если будет знать, что обозначают имена *отвага* и *мужество*. Если он установит по словарю, что *побывка* значит то же, что *отпуск*, то узнает, что обозначает слово *побывка* только в том случае, если он знает, что обозначает слово *отпуск*. Иностранцам, изучающим русский язык, необходимо дать такой словарь, в котором не только перечислены предметы, обозначаемые данным именем, но формулируются и смыслы этих имен в форме набора дифференциальных семантических элементов.

Если иностранец установит по такому словарю, что смысл интересующего его русского слова содержит дифференциальные семантические элементы: 1) «лицо»; 2) «увеличивающий свои материальные блага»; 3) «неумеренно», он легко найдет то слово родного языка, которое обозначает это

лицо, и осмысленно свяжет с соответствующим русским словом *стяжатель* или *хапуга*. Если иностранец установит по словарю, что смысл интересующего его русского слова содержит дифференциальные семантические элементы: 1) «лицо»; 2) «расточающий свои материальные блага»; 3) «неумеренно», то он установит слово, которое обозначает это лицо в родном языке, и ему остается только усвоить, что именем такого лица в русском языке является *мот* или *транжир*.

Ниже мы приводим образцы толкования смыслов некоторых имен и сопоставление их с соответствующими толкованиями в существующих словарях. Мы рассмотрим смыслы имен лиц, различающихся по уровню интеллектуальных способностей.

Слова *тупица*, *бестолковый*, *дурак*, *глупец*, *идиот* в Словаре русского языка С. И. Ожегова имеют одно одинаковое толкование – «глупый человек», а в Словаре современного русского литературного языка АН СССР – «умственно ограниченный, глупый человек». Семантика выражений *глупый* или *умственно ограниченный человек* не обладает дифференциальными свойствами для различения разных лиц, обозначаемых указанными словами. Наши толкования смыслов рассматриваемых имен с помощью дифференциальных семантических элементов имеют следующий вид: *бестолковый* – 1) «лицо»; 2) «ограниченно способный рассуждать»; 3) «неправильно усваивающий»; *тупица* – 1) «лицо»; 2) «неспособный рассуждать»; 3) «неспособный делать выводы из окружающей обстановки»; *идиот* – 1) «лицо»; 2) «неспособный рассуждать»; 3) «неспособный понимать окружающую обстановку».

Можно оспаривать предложенный набор дифференциальных элементов, можно совершенствовать их формулировки, но нельзя отрицать того, что каждое из упомянутых имен в наших формулировках получает свой особый смысл.

Слово *мудрец* в Словаре Ожегова – «мудрый человек», в Словаре АН СССР – «обладающий высшим знанием», слово *эрудит* в Словаре Ожегова и в Словаре АН СССР – «обладающий эрудицией», слово *талантливый* в обоих словарях – «обладающий талантом», слово *понятливый* в Словаре Ожегова – «быстро соображающий», в Словаре АН СССР – «легко понимающий, усваивающий что-либо», слово *тугодум* в Словаре Ожегова – «медленный на соображение», в Словаре АН СССР – «тот, кто медленно думает».

Объяснение слова *мудрец* словами *мудрый человек*; *эрудит* – словами *человек, обладающий эрудицией*; *талантливый* – словами *человек, обладающий талантом*, не прибавляет новых признаков в содержание соответствующих имен. Объяснение слов *понятливый* и *тугодум* с помощью слов

«быстро соображающий» и «медленный на соображение» содержит некоторые дифференциальные семантические элементы. В целом указанные объяснения не выражают смыслов этих слов и не различают соответствующих лиц, именами которых они являются.

Наши толкования смыслов рассматриваемых имен с помощью дифференциальных семантических элементов имеют следующий вид: *мудрец* – 1) «лицо»; 2) «способный рассуждать»; 3) «с богатой интуицией»; 4) «быстро соображающий»; 5) «с большим опытом и знаниями»; *эрудит* – 1) «лицо»; 2) «способный рассуждать»; 3) «с богатой интуицией»; 4) «быстро соображающий»; 5) «с большой начитанностью»; *талантливый* – 1) «лицо»; 2) «способный рассуждать»; 3) «с богатой интуицией»; 4) «быстро соображающий»; 5) «безотносительно к опыту и начитанности»; *умница* – 1) «лицо»; 2) «способный рассуждать»; 3) «с богатой интуицией»; 4) «нормально соображающий»; *понятливый* – 1) «лицо»; 2) «способный рассуждать»; 3) «с интуицией»; 4) «нормально соображающий»; *тугодум* – 1) «лицо»; 2) «способный рассуждать»; 3) «с интуицией»; 4) «медленно соображающий».

Каждый из дифференциальных семантических элементов выполняет свое особое различительное назначение: дифференциальные семантические элементы «с большим опытом и знанием» и «с большой начитанностью» и «безотносительно к опыту и начитанности» различают смыслы имен *мудрец*, *эрудит* и *талантливый*; дифференциальные семантические элементы «лицо, способное рассуждать», «лицо, ограниченно способное рассуждать» различают смыслы имен *мудрец*, *эрудит*, *талантливый*, с одной стороны, и имен *бестолковый* и *дурак* – с другой.

Конечно, использованные нами дифференциальные семантические элементы не являются безупречными. Их формулировка может совершенствоваться, некоторые дифференциальные элементы в отдельных случаях целесообразно заменить другими. Можно заменить дифференциальный семантический элемент «безотносительно к опыту и начитанности», входящий в состав смысла имени *талантливый*, дифференциальным семантическим элементом «с природными способностями». В таком случае смысл имени *талантливый* содержал бы следующие дифференциальные семантические элементы: 1) «лицо»; 2) «способный рассуждать»; 3) «с богатой интуицией»; 4) «быстро соображающий»; 5) «с природными способностями». Но целесообразность такой замены не очевидна.

Предлагаемый нами метод описания смыслов имен имеет особенно большое значение при составлении специальных терминологических словарей и при введении специальной терминологии в общие словари.

Словари всех видов почти всегда дают описания смысла терминов в отличие от обычных слов, смысл которых, как правило, не определяется. Наблюдения за описанием смыслов терминов в общих и специальных словарях показывают, что авторы обычно руководствуются требованием традиционной логики указывать ближайший род и отмечать видовую специфику. Например, смысл слова *сталь* в Словаре Ожегова и в Словаре АН СССР объяснен так: «твердый серебристый металл, соединение железа с определенным количеством углерода». Здесь ближайшим родом является «твердый серебристый металл», а видовую особенность представляет «соединение железа с определенным количеством углерода».

Однако способ определения смысла терминов, состоящий в выделении ближайшего рода и видовой характеристики, не обеспечивает дифференциального назначения смысла данного термина. Так, смысл слова *сталь* содержит в качестве ближайшего рода «твердый, серебристый металл», а в качестве видовой характеристики «соединение железа с определенным количеством углерода», но те же элементы содержатся и в смысле слова *чугун*. Для того чтобы обеспечить дифференциальную роль смысла данного термина, необходим соответствующий набор дифференциальных семантических элементов.

В общих словарях это требование, как правило, не выполняется. Например, смысл слова *волк* определяется как «хищное животное, родственное собаке»; но хищными и родственными собаке являются волк, песец, шакал, лиса и др. Смысл слова *барс* определяется как «крупное хищное животное из семейства кошачьих». Но крупными хищными из семейства кошачьих являются лев, тигр, барс, леопард и многие другие животные.

Не всегда выполняется указанное выше требование различительности смысла имени и в специальных терминологических словарях. Так, в Словаре лингвистических терминов Ж. Марузо смысл термина *фонема* определяется «как звуковая единица, представляющая совокупность релевантных звуковых характеристик, реализующихся одновременно». В этом определении смысла термина *фонема* ближайшим родом является «звуковая единица», а видовой характеристикой – «совокупность релевантных звуковых характеристик, реализующихся одновременно». Однако предложенное здесь определение смысла термина «фонема» не выполняет полностью дифференциального назначения, позволяя отличить лишь нерелевантные звуковые вариации от фонемы. Различие в свойствах звука *a* в *та* и в *т'а* по данному определению не образует отдельных фонем, так как эти различия не имеют релевантного значения. Но в формах *воды* и *вода* вариации звука *o* и *a* связаны с преобразованием релевантных звуковых свойств. Определение смысла

термина «фонема», данное в Словаре Ж. Марузо, не позволяет установить, являются ли разные звуки *o* и *a* в формах *воды* и *вода* разными звуками и разными фонемами или разными звуками, но одной фонемой. Различные лингвистические школы по-разному решают этот вопрос. Задача специального лингвистического словаря заключается в том, чтобы определить смысл термина «фонема» с точки зрения представителей разных лингвистических направлений. Смысл термина «фонема», сформулированный Ж. Марузо, не позволяет выделить ни для одной лингвистической школы объект, именем которого является фонема, из множества других объектов, имеющих звуковую природу. Стремление определять смысл терминов с помощью ближайшего рода и видовой характеристики является основной причиной неудовлетворительной формулировки смыслов терминов. Для того чтобы смысл термина выполнял различительную функцию, необходимо, чтобы он формулировался в виде набора дифференциальных семантических признаков. Вопрос о том, как установить дифференциальные семантические элементы, каким требованиям они должны удовлетворять, требует особого рассмотрения.

Нам представляется, что подготовка словарей русского языка, в которых сообщались бы смыслы слов в форме набора дифференциальных семантических элементов, имеет большое научное и практическое значение.

К ВОПРОСУ О ПРИЧИННО-СЛЕДСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЯХ В РАЗВИТИИ СТРУКТУРЫ ЯЗЫКА *

Одним из основных вопросов теории развития структуры языка является вопрос о причинно-следственных отношениях. Между причиной и ее следствием можно установить два вида отношений.

В одном случае причина (одна или несколько) определяет одно данное событие. Так, нагревание металла приводит к расширению его объема: нагревание металла есть причина, а расширение его объема – следствие указанной причины. В данном случае следствие находится в однозначном соответствии с некоторой причиной.

В другом случае причина (одна или несколько) определяет не одно событие, а множество событий, из которых реализуется в действительности только одно. Так, подбрасывание кости (куба с шестью гранями) приводит к тому, что он падает одной из 6 сторон. Множество возможных событий, определяемых подбрасыванием кости, равняется 6. Но осуществляется в одном подбрасывании только одно событие.

Подбрасывание кости в условиях весомости есть причина, а следствием является не одно событие, а множество возможных событий, из которых осуществляется только одно. В данном случае ставится вопрос не о том, почему выпала именно данная сторона, а о том, какова мера вероятности выпадения данной стороны. Если куб имеет правильную форму и масса в нем распределена равномерно, то падение куба любой стороной равновероятно. Вероятность есть число, принимающее значение от 1 до 0. В данном примере вероятность того, что выпадет именно данная сторона, равняется $1/6$.

В первом случае причина определяет одно событие. Причинно-следственные отношения этого типа обычно называют динамическими.

Во втором случае причина определяет множество возможных событий, из которых реализуется только одно. Причинно-следственные отношения этого рода обычно называют вероятностно-статистическими.

Оба вида причинно-следственных отношений мы наблюдаем и в развитии языка. Так, в русском языке не было слова *танк*, затем оно появилось. Причиной этого события были определенные исторические события.

* Упершыню надрукавана: Язык и человек : сб. ст. М., 1970. С. 167–192.

В данном случае причинно-следственные отношения имеют динамический или линейный характер.

Но, как правило, отношения между причиной и следствием в развитии структуры языка имеют вероятностный характер. Именно эти отношения рассмотрим в дальнейшем изложении.

Причиной развития языка являются противоречия – разные в различных звеньях структуры языка, а следствием является вероятностный процесс, в котором из множества возможностей преобразования структуры языка, определяемых данной причиной, реализуется только одна.

Рассмотрим с этой точки зрения процесс развития именного склонения в истории русского языка.

Будем рассматривать падежные морфемы как дифференциальные признаки падежа. Отметим прежде всего тот факт, что для выделения одного падежа как единицы внутрипадежного противопоставления древнерусский язык располагал множеством дифференциальных признаков. Так, мест. п. мн. ч. в древнерусском языке имел следующие показатели:

у основ на *о-* – *ѣхъ*, у основ на *jo-* – *ихъ*;

у основ на *а-* – *ахъ*, у основ на *ъ-* – *ѣхъ*;

у основ на согласные и *ь-* – *ѣхъ*.

В древнерусском языке каждый отдельный падеж характеризовался множественностью падежных морфем или множественностью вариантов одной падежной морфемы одного падежа. Это значит, что в основе общевосточнославянского склонения имен существительных лежало противоречие между тождеством назначения единицы внутрипадежного противопоставления в системе склонения и множественностью ее дифференциальных признаков.

В этом противоречии противоположностями являются тождество назначения падежной единицы и множественность ее дифференциальных признаков. Отношение между этими противоположностями не может быть константным, оно содержит в себе источник необходимости своего преобразования. Внутрипадежные противопоставления для данной системы языка имеют константный характер. Устранению подлежит не сама единица, т. е. не падеж как таковой, поскольку он имеет константный характер, а множественность его дифференциальных признаков, т. е. полиморфемность окончания падежа или поливариантность падежной морфемы; существование единицы внутрипадежного противопоставления обладает свойством необходимости, тогда как множественность ее дифференциальных признаков не обладает этим свойством. Необходимость существования одного члена

вызывает необходимость устранения его противоположности. Тем самым возникла историческая задача преодоления рассматриваемого противоречия, которое может быть устранено только путем устранения множественности дифференциальных признаков одной единицы.

Полиморфемность падежного окончания, т. е. множественность дифференциальных признаков одной единицы внутрипадежного противопоставления, принадлежала не одному слову, а множеству слов: разные слова имели разные падежные морфемы в окончании одного падежа, ср. в дат. п. *стол-у*, но *стѣнѣ* или *сын-ови* и т. д.

Имена существительные, имевшие разные индоевропейские основы, заключали в себе одни и те же падежи и различный набор их дифференциальных признаков. Это приводило к выделению склонений, т. е. к разделению слов на классы, каждый из которых имел в окончании соответствующего падежа свои особые падежные морфемы.

Основное противоречие между тождеством назначения единицы внутрипадежного противопоставления и множественностью ее дифференциальных признаков в единственном числе приняло форму противоречия между склонениями, т. е. между набором дифференциальных признаков внутрипадежного противопоставления у разных основ.

Рассмотрим те отношения между склонениями, которые стали источником необходимости преобразования самой системы склонения имен существительных в единственном числе.

Как указано было выше, отношения между единицами внутрипадежных противопоставлений имеют константный характер: существование одного падежа предполагает необходимость существования других падежей. Ввиду этого каждый падеж требует наличия дифференциальных признаков его противопоставления каждому другому падежу в отдельности.

В общевосточнославянском языке не было таких склонений, которые содержали бы особые дифференциальные признаки для каждого падежа в отдельности. Все склонения имели шестичленное противопоставление форм по категории падежа, но ни одно из них не имело шести дифференциальных признаков по числу членов противопоставления. Однако склонения не были тождественными по числу дифференциальных признаков на шесть членов.

У имен муж. р. с основами на *о-* в ед. ч. четыре падежа имеют свои особые дифференциальные признаки: род. – *а*, дат. – *у*, тв. – *мь*, мест. – *ѣ*. Два падежа – им. и вин. – имеют один дифференциальный признак – *ѣ*. Четыре названные падежа противопоставляются друг другу и им. и вин., вместе

взятым. Им. и вин. п. не противопоставляются друг другу, но, взятые вместе, противопоставляются каждому падежу из указанных четырех.

Это значит, что в склонении имен муж. р. с основами на *-о* в ед. ч. на шесть падежей имеется пять дифференциальных признаков противопоставления.

Сопоставим падежные морфемы имен муж. р. с основами на *о-* с падежными морфемами имен муж. р. с основами на *-ь*. В ед. ч. этого склонения имеется только три дифференциальных признака на все шесть падежей: *ь* для им. и вин., *и* для род., дат., мест. и *ьмь* для тв. п. Им. и вин. п. не противопоставляются род., дат. и мест. п., вместе взятым, и тв. п. Это значит, что в склонении имен муж. р. с основами на *-ь* в ед. ч. на шесть падежей имеется только три дифференциальных признака противопоставления.

Падежные противопоставления у основ на *-ь* имеют минимум дифференциальных признаков; в этом склонении только один тв. п. имеет свой дифференциальный признак, на остальные пять падежей приходится два дифференциальных признака. Количество дифференциальных признаков внутри падежного противопоставления у разных склонений было разное: у одних больше, у других меньше.

Склонения, которые имели максимум дифференциальных признаков внутрипадежного противопоставления, были сильными. Склонения, которые имели минимум дифференциальных признаков внутрипадежного противопоставления, были слабыми.

Сильными были склонения основ на *-о* и основ на *-а*. Все другие склонения были слабыми. И так как отношения между склонениями имели неконстантный, внутренне противоречивый характер, то сильные склонения стали распространяться на месте слабых склонений. Судьба слабых склонений была предрешена. Они не обладали необходимыми дифференциальными свойствами и уступали место склонениям, которые отличались большей различительной способностью.

Таким образом, противоречие между тождеством падежа как единицы внутрипадежного противопоставления и множественностью его дифференциальных признаков принимало форму противоречия между сильными склонениями, имевшими максимум дифференциальных признаков на число падежей, и слабыми склонениями, имевшими минимум дифференциальных признаков на то же число падежей. Отмирание слабых склонений и распространение на их месте соответствующих сильных склонений было исторической необходимостью в истории русского языка.

Причиной или источником необходимости преобразования всей системы склонения в древнерусском языке было противоречие между тождеством

назначения морфологической единицы и множественностью способов ее выражения.

Но процесс реализации следствий этой причины имел вероятностный характер.

Так, в род. п. ед. ч. у основ на *-a* была морфема *-и*, а у основ на *-’a* – *-ѣ*. Согласно нашей концепции, причина определяет необходимость устранения множественности морфем в одном падеже. В данном случае каждая из указанных морфем обладала равною вероятностью сохраниться или устраниться. И действительно, в одних говорах русского языка в род. п. ед. ч. у основ на *-’a* морфема *е* из *ѣ* вытеснена морфемой *и*, ср.: *земли* в соответствии с унаследованной формой *землѣ*. В других говорах, наоборот, морфема *и* (орфогр. *ы*) вытеснена морфемой *е*, ср.: *стене* в соответствии с унаследованной формой *стены*.

Факты такого рода многочисленны. В белорусском языке одни говоры закрепили в мест. п. мн. ч. морфему *ох*, ср.: *у стагах*, *ува мхах*, *у вязах* и т. п., другие говоры закрепили морфему *ах*, ср.: *у стагах*, *ува мхах*, *у вязах* и т. п.

Если две морфемы одного падежа получили разное назначение в системе языка, то вопрос о противоречии между единицей падежного противопоставления и множественностью ее дифференциальных признаков, разумеется, снимается; таковы падежные морфемы род. п. ед. ч. *-а* и *-у*: эти морфемы, как известно, получили в языке особые назначения...

Противоречие как источник развития структуры не определяет, почему именно в данном говоре распространилась в дат. п. ед. ч. морфема *е*, а не *а*, в мест. п. мн. ч. морфема *ох*, а не *ах*, и т. п.

Предлагаемая нами концепция причинно-следственных отношений признает незакономерной постановку такого рода вопросов. Причина – в данном случае противоречие между тождеством назначения падежной единицы и множественностью ее дифференциальных признаков – определяет множество возможных событий, из которых в одном данном говоре реализуется только одно из возможных равновероятных событий, а не одно данное отдельное событие.

Если причина определяет множество возможных событий, из которых реализуется только одно, то по отношению к этому событию стоит вопрос только о мере его вероятности, а не о причине того, почему именно одно это событие осуществилось. Незакономерен или во всяком случае неразумен вопрос, почему в одном данном подбрасывании монета упала решкой, а не гербом. Столь же неразумным является вопрос о причинах закрепления в данном говоре в мест. п. мн. ч. морфемы *ох*, а не *ах*, если не имеются

в виду динамические закономерности, заключающиеся во влиянии одного говора на другой. В этой области фактов действуют закономерности другого типа – динамические, а не вероятностные.

Там, где причиной развития является противоречие, процесс развития имеет вероятностный характер. В этих случаях закономерен вопрос о причинах множества возможных событий, из которых реализуется только одно, а не о причинах реализации именно данного одного события.

Там, где причиной являются внешние факторы, процесс развития имеет динамический характер. В этих случаях закономерен вопрос об отдельных причинах отдельных событий.

В языке противоречия, являющиеся источником его развития, не имеют всеобщего характера; они никогда не охватывают всей структуры языка. Противоречия в языке имеют частичный характер, они действуют в отдельных узлах или звеньях структуры языка; в каждом узле структуры языка имеются свои особые противоречия, которые определяют преобразования только в данном звене.

Противоречия, унаследованные восточными славянами в области именного склонения, привели к различным преобразованиям склонения, но они не распространяются на области местоименного склонения или спряжения, в каждой из которых действуют свои особые противоречия. Если в именном склонении основным противоречием было несоответствие между тождеством назначения падежа как единицы внутрипадежных противопоставлений и множественностью его дифференциальных признаков, то в склонении имен прилагательных унаследованные формы рода, числа и падежа были избыточными и возникало противоречие между наличием этих форм в именах прилагательных и отсутствием необходимости в них; вся история склонения имен прилагательных в восточнославянских языках есть история постепенной утраты противопоставленности форм прилагательных по категории рода и падежа; во всех восточнославянских языках утрачена противопоставленность форм имен прилагательных по категории рода в им. и вин. п. мн. ч., унаследованная из общеславянского языка.

В белорусском языке утрачена противопоставленность форм имен прилагательных в тв. и мест. п. ед. ч.; на месте исконной формы мест. п. употребляется форма тв. п., ср.: *цікавіўся добрым канём* и *ехаў на добрым кані*.

В украинском языке утрачена или по крайней мере утрачивается противопоставленность форм имен прилагательных в дат. и мест. п. ед. ч.; на месте исконной формы м. п. закрепляется форма дат. п., ср.: *доброму коню* и *їхати на доброму коні*.

Вместе с тем результаты преобразования в одном звене языка могут создавать условия для тех или других изменений в другом звене. Как известно, в болгарском языке утрачено склонение имен существительных. Это имело большие последствия в области синтаксиса.

В русском языке произошли известные преобразования в видо-временной системе глагола. Это имело свои последствия в области построения предложения; возникли новые соответствия между формами вида глагола двух предложений, объединенных в одном сложном предложении; возникли новые формы придаточных предложений и т. д.

Таким образом, в развитии структуры языка необходимо различать преобразования, вызванные преодолением противоречий в данном узле структуры, и изменения, которые становятся необходимыми в последующих звеньях структуры языка в результате указанных преобразований...

<...> Противоречия, являющиеся источником развития языка, разделяются на два класса. Одни из них имеют внутренний характер, другие – внешний.

Противоречие между назначением данных грамматических средств в структуре языка и возможностями, которыми они обладают в ней для удовлетворения указанного назначения, имеет внутренний характер. Его разрешение приводит к преобразованию структуры языка. Противоречие между множеством дифференциальных признаков одного падежа и тождеством его назначения было основным источником преобразования всей системы именного склонения в древнерусском языке.

Противоречие между множественностью диалектов родного языка и возникающей в эпоху капитализма общностью экономической жизни народа имеет внешний характер по отношению к структуре языка. Его разрешение приводит к образованию литературного языка на национальной основе, обладающего общностью своих норм для всего народа. Обычно это достигается путем закрепления одного из диалектов языка в качестве диалектной основы литературного языка народа. Примеры подобного рода широко известны из истории разных народов.

Взаимосвязь внутренних и внешних противоречий заключается в том, что внешние противоречия являются внешними условиями функционирования, в процессе которого осуществляется действие внутренних противоречий.

Внешние противоречия имеют общесоциологический характер и изменяются независимо от действия внутренних противоречий. Изменение внешних противоречий не ликвидирует унаследованных внутренних противоречий, не создает новых, но в условиях этого противоречия может

своеобразно протекать действие унаследованных внутренних противоречий. Поясним это на примерах. Восточные славяне унаследовали один общий язык с определенным характером внутренних противоречий. Однако тождеству одного общевосточнославянского языка не соответствовало тождество развивавшихся экономических и политических условий жизни народа на обширной территории. Возникли три восточнославянских языка: русский, белорусский и украинский. При этом унаследованные внутривидовые противоречия сохранили свое действие и в отдельных восточнославянских языках, но поскольку процесс преодоления указанных противоречий имел вероятностный характер, постольку он принимал своеобразные формы в каждом отдельном районе. Как было указано выше, восточные славяне унаследовали противоречие между тождеством назначения падежной единицы и множественностью ее дифференциальных признаков. Разрешение этого противоречия было необходимостью в развитии этих восточнославянских языков. Однако в русском и украинском языках падежные морфемы в основах на твердые и мягкие согласные уравнились, ср.: русск. *на воде* и *на земле*, укр. *на воді* и *на землі*; в белорусском языке сохранилось различие указанных морфем в дат. и мест. п. ед. ч. и утрачено в род. п. ед. ч., ср.: в мест. п. *на вадзе* и *на зямлі*, но в род. п. *вады* и *зямли*.

Течение внутривидовых процессов, осуществляющихся на основе действия внутренних противоречий, может принимать разнообразные формы в разных внешних условиях, но в основе всего этого многообразия лежит одна закономерность, если указанное многообразие является в результате преодоления одного противоречия. В его разрешении выражается необходимость внутривидового процесса, но сам процесс имеет вероятностный характер; необходимость в истории языка пробивает себе дорогу сквозь случайность событий; отдельные события в истории структуры языка могут быть случайными, так как самый процесс внутривидовых преобразований имеет вероятностный характер, но в основе его лежит необходимость, поскольку он осуществляется на основе действия внутренних противоречий. История конкретного языка есть история постепенного преодоления внутривидовых противоречий в форме вероятностного процесса в условиях разрешения внешних противоречий в развитии языка.

Предлагаемое понимание принципа развития структуры языка выдвигает необходимость новой постановки вопроса о соотношении синхронии и диахронии. В настоящее время нам нередко приходится слышать обвинения одних лингвистов в том, что они разрывают синхронию и диахронию,

не видят единства между прошлым и настоящим в структуре языка, а других – в том, что они смешивают факты диахронии с фактами синхронии, не видят принципиального различия между структурой языка разных эпох.

В настоящее время отношения между синхронией и диахронией устанавливаются с помощью метода так называемых «срезов».

Предполагается, что произведенный «срез» структуры языка в данное время есть одно синхронное состояние, «срез», произведенный в другое время, представляет собою другое синхронное состояние, а расположение их в хронологической последовательности представляет собою диахронию.

Такое понимание соотношения синхронии и диахронии исходит из предположения, что время бесструктурно и протекает равномерно, непрерывно само по себе, по самой своей сущности, независимо от событий; оно может быть заполнено событиями и может быть свободным от событий, оставаясь тем же временем.

Между тем, такое представление о времени устарело. Физики давно перешли от, казалось бы, естественного предположения, что метрика пространства и времени является наперед заданной, «жесткой», к идее о том, что сама метрика может зависеть от происходящих в природе физических процессов¹.

Время неразрывно связано с событиями. Оно имеет дискретные единицы, называемые интервалами, которые выделяются в процессе протекания событий.

Единицами времени являются периодические события в развитии структуры языка. Для истории языка мы принимаем за абсолютное время периодические события, исчисляемые временем обращения земли вокруг солнца.

Но время в истории развития языка имеет свою особую структуру.

Дискретные единицы времени в развитии языка должны выделяться по событиям в жизни языка, а не по событиям в движении небесных тел.

Дискретной единицей времени в развитии языка является время разрешения данного противоречия.

Так как внутренние противоречия не имеют тотального характера и охватывают только отдельные участки структуры языка, то необходимо различать интервалы развертывания событий в каждом таком звене.

Поясним это на примерах.

¹ Фок В. А. О роли принципов относительности и эквивалентности // Вопр. философии. 1961. № 12. С. 49.

Личные формы глагола употреблялись в общевосточнославянских языках без личных местоимений в позиции подлежащего. Указанные формы глаголов имели по меньшей мере четыре функции: определенно-личную, обобщенно-личную, неопределенно-личную и безличную. Противоречие между тождеством формы и множественностью значения этой формы разрешалось путем распространения личных местоимений в позиции подлежащего при глаголах с определенно-личным значением. С точки зрения абсолютного времени это противоречие было разрешено для личных предложений в конце XVI – начале XVII в.

Ввиду этого случаи отсутствия местоимений в позиции подлежащего в современном русском языке не имеют ничего общего с аналогичными по форме примерами из древнерусских текстов.

Отождествление аналогичных лингвистических событий разного абсолютного времени, например событий XIV–XVI вв., в пределах времени разрешения рассматриваемого противоречия представляет собою правильную логическую операцию, и никакого смещения синхронии и диахронии в таком отождествлении нет. Отождествление аналогичных лингвистических событий разного абсолютного времени, принадлежащих разным интервалам времени разрешения разных противоречий, является неправильной логической операцией и представляет собою смешение синхронии и диахронии. Образцом смешения синхронии и диахронии является отождествление предложений с личными глаголами в сказуемом и безличных местоимений в подлежащем современного русского языка с аналогичными предложениями древнерусского языка.

Рассмотрим еще один пример.

Общеславянский язык-основа имел ряд вариантов одной падежной морфемы тв. п. ед. ч., ср.: *раб-омь* и *сын-ѡмь*. Утрата множественности вариантов указанных морфем началась в общеславянском языке и завершилась в общевосточнославянском языке. Конец этого интервала мы можем связать с абсолютным временем, именно с концом XII и началом XIII столетия.

Но интервал указанных событий охватывает часть того времени, которое принято называть праславянским, и часть того времени, которое принято называть общевосточнославянским или древнерусским.

К данному звену структуры языка указанные два времени представляют собою одно время, одно синхронное состояние, один интервал событий. Этот интервал представляет собою одну дискретную единицу времени в развитии данного звена структуры, и разделение его на части, требование отде-

лять события первой части этого времени от событий второй части того же времени представляет собою неправильную логическую операцию.

В разных звеньях структуры языка являются разными и интервалы дискретного времени. Уже в древнейшее время в славянских языках сложилось соотношение звонких и глухих согласных; в интервал времени функционирования этого соотношения входят многие столетия абсолютного времени; множество интервалов абсолютного времени не нарушают тождества интервала времени функционирования противопоставленности звонких и глухих согласных в структуре языка. В пределах одного интервала времени функционирования звонких и глухих согласных размещаются временные интервалы разных лингвистических событий, например переход *е* в *о*, переход *е* носового в *а* и т. д.

Это и означает, что время в лингвистических процессах имеет свою метрику, свое распределение интервалов, свою структуру. Единицами этой метрики являются лингвистические события, а не события иного плана, например периода обращения земли вокруг солнца.

Вопрос о синхронии и диахронии – это вопрос о синхронизации разных интервалов разных событий в структуре языка, это вопрос о разграничении и различении событий разных интервалов и объединении и отождествлении событий одного интервала. Одним интервалом времени является время разрешения данного противоречия в данном звене структуры языка. Отмирание отсутствия противопоставленности твердых и мягких согласных и развитие указанной противопоставленности в тождественных условиях представляет собою один процесс и одно время, хотя оно охватывает несколько столетий абсолютного времени.

В современном русском языке противопоставление переднеязычных согласных по твердости и мягкости перед гласными *а* и *у* представлено в большой массе исконных слов (ср. *ла* – *ля*, *лу* – *лю*). В области заднеязычных иное соотношение между твердыми и мягкими согласными. В исконных словах заднеязычные согласные перед гласными *а* и *у* тверды, мягкими они являются в отдельных заимствованных словах, ср.: *кахта*, *кюри* и т. п. Не составляет особого труда заметить, что противопоставление по твердости и мягкости переднеязычных и заднеязычных согласных имеет разный характер; гораздо больше требуется проницательности, чтобы заметить тождество в указанном противопоставлении между переднеязычными и заднеязычными согласными. Во многих случаях отождествление разных явлений представляет собою подлинную способность видения, а различение явлений – слепоту.

Итак, смешение синхронии и диахронии мы видим там, где отождествляются явления, принадлежащие разным интервалам времени; отождествление явлений одного интервала времени является необходимой предпосылкой выделения синхронных состояний. Отрицание тождества между событиями одного интервала времени только на том основании, что одни события имели место в одно абсолютное время, а другие – в другое, представляет собою разрыв между синхронией и диахронией.

Интервал времени, выделенный в качестве времени разрешения данного противоречия в данном узле структуры языка, не остается неизменным. Это время перехода от одного состояния в разрешении противоречия к другому состоянию. Для изучения указанных переходов метод «срезов» совершенно не пригоден.

Если система языка в данном синхроническом «срезе» изучается с точки зрения константных отношений, то «срезы» структуры языка могут дать только замкнутую систему взаимосогласованных элементов, содержащих в себе условия необходимости своего сохранения.

Изучение «срезов» с точки зрения константных отношений может показать различие в структуре языка в разные исторические периоды, но оно не может выявить единство исторического процесса и необходимость перехода структуры от одного состояния к другому.

В тех узлах структуры языка, в которых действуют константные отношения, «срез» любого абсолютного времени не покажет изменений.

Любые два «среза» структуры языка, следующие один за другим, представляют собою не закрытые системы, а переходы системы от одного состояния к другому, в связи с изменениями в тех узлах структуры языка, где действуют противоречия. В этих переходах константные отношения могут оставаться неизменными в течение многих веков. Например, противопоставление согласных по звонкости и глухости в положении перед гласными.

В положении перехода от одного состояния к другому находятся в каждый данный момент только неконстантные отношения, содержащие источник необходимости своего преобразования. Поясним это на примере. Восточные славяне унаследовали множество соотношений глагольных моделей и среди них было соотношение типа *делаю* – *делать* и *машу* – *махать*. Это соотношение не было устойчивым; морфологические типы указанных глаголов находились в вариантных отношениях. Морфологические модели глаголов типа *делаю* – *делать* и *машу* – *махать* были различными, между тем различия в функциях они не имели. Было унаследовано, следовательно, противоречие между наличием морфологического различия в построении

указанных глагольных типов и отсутствием необходимости в этих различиях. Это противоречие разрешалось в прошлом и разрешается в настоящее время путем отмирания морфологической модели, представленной глаголами типа *машу* – *махать*, и распространение на ее месте морфологической модели, представленной глаголами типа *делаю* – *делать*. Процесс перехода глагола из класса *машу* – *махать* в класс *делаю* – *делать* происходил в течение всей исторической жизни русского языка и происходит в настоящее время. Современные соотношения *алкает* – *алкал*, *икает* – *икал*, *стега-ет* – *стегал* и явились на месте соотношения *алчеть* – *алкал*, *ичеть* – *икал*, *стежеть* – *стегал* и т. п.

В современном русском языке наблюдаются колебания в употреблении форм *полощет* и *полоскает*, *тычет* и *тыкает*, *хнычет* и *хныкает*, *рыщет* и *рыскает*, *брызжет* и *брызгает*, *машет* и *махает* (в просторечии) и др. По отношению к этим фактам нельзя противопоставить синхронию и диахронию как исключаяющие друг друга построения. В рассматриваемых звеньях языка синхрония, т. е. соотношение, свойственное данному абсолютному времени, представляет собою переход от одного состояния к другому; это значит, что синхрония, т. е. данное абсолютное время, включает в себя и диахронию, т. е. предшествующие отрезки времени, а диахрония содержит в себе синхронию как момент движения. В том звене структуры языка, в котором действует противоречие и соотношение его элементов изменяется, синхрония и диахрония, т. е. разные отрезки абсолютного времени, тождественны и различны. Признание тождества между синхронией и диахронией в рассматриваемых случаях не представляет никакого смешения диахронии с синхронией. Это не означает, что опасности смешения синхронии и диахронии не существует. Во многих диалектологических исследованиях смешение или неразличение синхронии и диахронии стало обычным состоянием.

Было бы неправильным делать вывод, что между синхронией и диахронией нет различия, что системные отношения структуры языка не должны ориентироваться на различие синхронии и диахронии. Системное описание структуры языка в данном синхроническом «срезе» должно выделять константные отношения элементов, которые противоположны соотношению элементов в предшествующих «срезах», и неконстантные отношения, которые находятся в положении перехода от одного состояния к другому. Не видеть различия между первыми отношениями – значит смешивать синхронию и диахронию, не видеть тождества между вторыми – значит разрывать синхронию и диахронию.

История русского языка свидетельствует, что форма *зонт* образована от формы *зонтик*. Между тем в современной структуре русского языка словообразовательные отношения имеют прямо противоположный характер: не *зонт* образуется от *зонтик*, а *зонтик* – от *зонт*. Представление о том, что в современном русском языке *зонт* образуется от *зонтик*, представляло бы собою смешение синхронии и диахронии.

Требование метода исследования видеть тождество между синхронией и диахронией не менее важно, чем требование видеть различие между ними.

Теория развития структуры языка содержит ряд важных проблем, которые должны быть всесторонне обсуждены.

Мы подвергли обсуждению только два вопроса: вопрос о причинно-следственных отношениях в развитии структуры языка и вопрос о метрике времени в том же процессе.

ВЫПИСКА ИЗ ВЫСТУПЛЕНИЯ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА ДОКТОРА ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК Т. П. ЛОМТЕВА*

Литературное наследие Д. И. Писарева до настоящего времени не получило должного исследования в советском языкознании. Опубликованные в последнее десятилетие статья С. Копорского «Высказывания Д. И. Писарева о языке» (Русский язык в школе. № 1. 1940 г.) и статья Ю. С. Сорокина «Естественно-научная лексика в публицистике Д. И. Писарева» (Ученые записки ЛГУ. Серия филологических наук. Вып. 16. 1949 г.) не дают полной картины языковых особенностей творчества Писарева, так как посвящены они частным вопросам.

В дореволюционной же литературе вообще нет каких-либо материалов о языке произведений Писарева, ибо Писарев как революционный демократ был чужд буржуазным ученым того времени. Только в нашу, советскую, эпоху прогрессивная деятельность Писарева заслуженно получила высокую оценку и вызывает к себе глубокий интерес исследователей различных отраслей науки. Отсюда естественно, что поставленная диссертантом М. Г. Булаховым задача исследования лексики наиболее выдающегося произведения Писарева «Реалисты» приобретает особую актуальность.

Характерной особенностью рассматриваемой работы диссертанта является то, что анализ языковых фактов в ней осуществляется на высоком теоретическом уровне.

Исследуя лексику «Реалистов», диссертант устанавливает теснейшую связь языковых явлений с общественно-экономическими факторами, и особенности языка Писарева рассматривает в их обусловленности... борьбой в 60-е годы прошлого столетия и теми позициями, которые занимал в этой борьбе Писарев.

В целях более полного исследования идейного содержания творчества Писарева и особенностей языка и стиля его публицистических произведений диссертант пользуется не только материалами статьи «Реалисты», но и привлекает все остальные произведения публициста, а также многочисленные публицистические статьи его современников (Чернышевского,

*Тэкст прыводзіцца па арыгінале дакумента, прадастаўленага дачкой прафесара М. Г. Булахава В. М. Нікалаевай.

Добролюбова, Некрасова, Шелгунова, Благодетель, Зайцева, Слепцова, Ткачева и др.) и на основании анализа этих данных строит свои выводы и обобщения.

Таким образом, по широте охвата материала диссертация далеко выходит за рамки статьи («Реалисты») и за пределы частного исследования и дает обобщения о лексико-фразеологической системе революционно-демократической публицистики 60-х гг. в целом.

Автор правильно определяет прогрессивную роль Писарева в становлении научно-популярного и публицистического стилей русского литературного языка в начале второй половины XIX в.

В диссертации (глава I) приводятся ценные данные о близости высказываний Писарева о научно-популярном стиле и стилистических приемов Писарева к взглядам на язык и к языковой практике великих революционных демократов Герцена, Добролюбова, Чернышевского. Диссертант правильно объясняет причины этой близости, указывая, что она обусловлена сходством взглядов Писарева со взглядами Добролюбова и Чернышевского по основным общественно-политическим вопросам.

С полным основанием диссертант утверждает, что Писареву принадлежит видная роль в формировании стиля демократической публицистики, послужившего в значительной мере основой для нашей советской публицистики, и отмечает, что многими стилистическими приемами Писарева, как и приемами Добролюбова, Чернышевского, пользовался В. И. Ленин в начале своей общественно-политической деятельности.

Автор диссертации на разнообразном лексико-фразеологическом материале показывает, что «в борьбе за ... точный и художественно выразительный язык, за язык, служащий орудием развития и борьбы, Писарев опирается на лучшие достижения предшествовавшей 60-м гг. литературно-творческой традиции, на язык передовой общественной и научной мысли своего времени, на живой разговорный язык народных масс», что «используя установившиеся стилистико-языковые средства, Писарев в то же время является сам активным творцом в языке» (стр. 370).

Диссертант, последовательно рассматривая различные типы лексики «Реалистов», сравнивая эти типы лексики с показаниями других статей Писарева, а также его современников, вскрывает источники анализируемой лексики и уделяет большое внимание вопросу переосмысления терминологической лексики...

В диссертации показывается, что язык «Реалистов» непосредственно отражает философские, эстетические и литературоведческие проблемы,

весьма остро обсуждавшиеся в период подъема революционного движения в России в связи с крушением крепостнических отношений и началом интенсивного развития капитализма. Писарев, по утверждению диссертанта, в этой борьбе использовал слово как мощное оружие, направленное против представителей реакционного лагеря и содействующее развитию прогрессивной общественной мысли в 60-е гг. Из конкретных примеров, приводимых в различных главах диссертации, видно, что Писарев придавал большое значение стилистическому отбору слов и семантическому их переосмыслению...

Новаторство Писарева в области лексики и фразеологии служило целям развенчивания идей либерализма, скрывавшихся за его пышной фразеологией, и идей консерватизма, облеченных в пуристский языковой наряд. Особое внимание диссертант уделяет приемам, которыми пользовался Писарев для разоблачения идейной пустоты и бессодержательности фразеологии либералов. Целый ряд приводимых в диссертации примеров такого рода из статей Писарева (стр. 367 и др.) явно перекликается с приемами В. И. Ленина, которыми он пользуется в борьбе с фразеологией либералов, а также эсеров.

В диссертации уделяется много внимания вопросу стилистического использования Писаревым терминологии естественных наук и утверждается, что интерес Писарева к этой терминологии обусловлен его материалистическим мировоззрением и его теорией «реализма». При анализе отдельных терминов такого типа диссертант показывает сдвиги в их семантике и дает этим явлениям те или другие объяснения.

Кроме естественно-научной терминологии, автор работы подробно рассматривает и другие типы терминологической лексики «Реалистов» (литературоведческую, эстетическую, общественно-политическую, полит-экономическую и т. д.) и прослеживает судьбу этих терминов в дальнейшей истории русского литературного языка, привлекая обширный материал из публицистики 60-х и последующих годов...

Диссертация представляет собой ценное исследование и в том отношении, что в ней приводится богатый материал, иллюстрирующий положение о том, что язык – это орудие развития и борьбы. Так, например, термин «реализм», используемый Писаревым в специфическом значении «материализм» или «реальное умственное направление», вызвал бешеные нападки на Писарева со стороны представителей реакционного лагеря (Соловьев Н. И. и др.). Интересно также указание диссертанта на то, что слово «реалист» использовалось В. И. Лениным как синоним слова «марксист».

Анализируя лексику и фразеологию Писарева, автор работы большое место отводит просторечно-разговорным и народным элементам языка и показывает, что Писарев, наряду с Чернышевским и Добролюбовым, расширил народную основу публицистического стиля...

В диссертации последовательно рассматриваются и все новообразования Писарева в области лексики и фразеологии, раскрываются приемы этих новообразований и устанавливается их причинная связь с конкретными задачами той борьбы, которую вел публицист против своих литературных и политических противников.

Таким образом, диссертация т. Булахова представляет собой результат вдумчивого, серьезного и самостоятельного исследования; ее автор собрал обширный материал и сумел сделать выводы, отвечающие требованиям, предъявляемым к кандидатской диссертации.

Наконец, следует отметить, что диссертантом при разработке темы привлечено большое количество разнообразной литературы (всего свыше 150 источников), в том числе все важнейшие труды по лексикологии и лексикографии.

К диссертации приложен словарь, полностью охватывающий лексику и фразеологию статьи «Реалисты», который может быть использован при более широких лингвистических разысканиях и при составлении словаря русского языка.

1950 г.

БІБЛІЯГРАФІЯ ПРАЦ Ц. П. ЛОМЦЕВА ПА БЕЛАРУСКАЙ І РУСКАЙ МОВАХ І МОВАЗНАЎСТВЕ

За марксистскую лингвистику // Лит. и искусство. – 1931. – № 1. – С. 115–125.

К критике индоевропеизма и яфетодологизм // Афн Шпрах-фронт. – Киев, 1931. – № 1–2. С. 1–32.

Очередные задачи марксистской лингвистики // Рус. яз. в совет. шк. – 1931. – № 5. – С. 150–161.

Ленинская хрестоматия о языке / под ред.: М. Н. Бучачера, Г. К. Даниловой. – М. ; Л. : Науч.-исслед. ин-т языкознания, 1932. – 80 с. (у суаўт. з Я. В. Лоя).

К вопросу о большевистской партийности в языке В. И. Ленина // Лит. и яз. в политехн. шк. – 1932. – № 1. – С. 12–20.

Беларуская граматыка: Фанетыка і правапіс : навук.-даслед. нарыс. – Менск : Выд-ва Беларус. Акад. Навук, 1935. – 71 с.

Беларуская граматыка: Марфалогія. – Менск : Выд-ва Беларус. Акад. Навук, 1936. – 206 с. (у суаўт. з К. І. Гурскім і М. М. Баркоўскім).

Да гісторыі ўзнікнення беларускай мовы // Звязда. – 1937. – № 88 (16 крас). – С. 3.

Сінтаксіс беларускай мовы : падручнік. – Мінск : Выд-ва акад. навук БССР, 1939. – 134 с. (у суаўт. з К. І. Гурскім, С. Л. Рохкінд, С. І. Рысінай, З. І. Шкляр).

Курс сучаснай беларускай мовы: Фанетыка, марфалогія, лексіка. – Менск : Выд-ва акад. навук БССР, 1940. – 261 с. (у суаўт. з К. І. Гурскім, З. І. Шкляр, С. Л. Рохкінд).

Выражение главных членов предложения в белорусском языке // Уч. зап. БГУ. Сер. филол. – 1940. – Вып. 1. – С. 5–165.

К материально-производственной основе отвлеченного глагола «быть» // Уч. зап. БГУ. Сер. филол. – 1940. – Вып. 1. – С. 195–197.

Класікі марксізма аб некаторых пытаннях мовазнаўства // Сав. шк. – 1940. – № 8. – С. 3–17.

Исследования в области истории белорусского синтаксиса. Составное сказуемое и его изменения в истории белорусского языка. – Минск, 1941. – 300 с. – (Уч. зап. БГУ. Сер. филол. ; вып. 2).

Брацтвы ў гісторыі нацыянальна-вызваленчай барацьбы беларускага народа // Большэвік Беларусі. – 1945. – № 3. – С. 47–51.

Георгі Скарына – першы беларускі кнігавыдаўца // Беларусь. – 1945. – № 6. – С. 13–16.

Авалодаць культурай мовы // Звязда. – 1945. – 25 жн. – С. 3.

Лёс кнігадрукавання на Беларусі пасля Скарыны // Беларусь. – 1945. – № 7. – С. 17–19.

Скарына як пачынальнік беларускай літаратурнай мовы // Беларусь. – 1946. – № 3. – С. 7–13.

Изменения в употреблении глагола относительно категории вида и времени // Докл. и сообщ. филол. фак. МГУ. – 1947. – Вып. 3. – С. 24–27.

Итоги дискуссии по вопросам языковедения в связи с сессией ВАСХНИЛ // Вестн. МГУ. – 1948. – № 12. – С. 37–40.

К дискуссии по лингвистическим вопросам [о книгах В. В. Виноградова «Русский язык», 1947; «Великий русский язык», 1945; «Очерки по истории русского языка XVII–XIX вв.», 1938] // Вестн. МГУ. – 1948. – № 6. – С. 145–153.

К характеристике видовой дифференциации и претеритальных форм глагола в древнерусском языке // Уч. зап. МГУ. Тр. каф. рус. яз. – 1948. – Вып. 137, кн. 2. – С. 70–80.

Несколько замечаний к состоянию видовой дифференциации основ настоящего времени в древнерусском языке // Уч. зап. МГУ. Тр. каф. рус. яз. – 1948. – Вып. 128, кн. 1. – С. 86–90.

Об одной конструкции отрицания в современном русском языке // Докл. и сообщ. филол. фак. МГУ. – 1948. – Вып. 5. – С. 42–45.

Утраты и ограничения в употреблении предложных форм винительного падежа в истории русского языка старшей поры // Докл. и сообщ. филол. фак. МГУ. – 1948. – Вып. 7. – С. 56–66.

Учение А. А. Потебни о субъектном и объектном употреблении инфинитива и вопрос о конструкции «вода пить» // Докл. и сообщ. филол. фак. МГУ. – 1948. – Вып. 8. – С. 11–23.

Марксистско-ленинские основы советского языкознания // Молодой большевик. – 1950. – № 17. – С. 8–20.

Некоторые вопросы марксистско-ленинского учения о национальных языках // Вопр. философии. – 1950. – № 2. – С. 31–50.

[Рецензия] // Совет. кн. – 150. – № 3. – Рец. на кн.: *Аванесов, Р. И.* Очерки русской диалектологии : учеб. пособие / Р. И. Аванесов. – М. : Гос. учеб.-пед. изд-во М-ва просвещения РСФСР, 1949. – Ч. 1.

Белорусский язык : учебник. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1951. – 132 с.

О внутренних законах развития языка // Научная конференция по языкознанию, Москва, июнь 1951 г. : докл. и сообщ. / Моск. ордена Ленина гос. ун-т им. М. В. Ломоносова ; ред. комис.: А. Л. Сидоров (отв. ред.) [и др.]. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1952. – С. 225–253.

Об употреблении глагола относительно категории времени в древнерусском языке // Уч. зап. МГУ. Тр. каф. рус. яз. – 1952. – Вып. 150. – С. 219–254.

Предлоги // Современный русский язык. Морфология : курс лекций / под ред. В. В. Виноградова. – М. : МГУ, 1952. – С. 453–467.

Программа по белорусскому языку. – М. : МГУ, 1952.

О роли накопленных средств языка для дальнейшего развития языка // Вопр. языкознания. – 1953. – № 1. – С. 77–82.

О соответствии грамматических средств языка потребностям взаимопонимания // Вопр. философии. – 1953. – № 5. – С. 76–88.

[Рецензия] // Вопр. языкознания. – 1953. – № 6. – С. 120–128. – Рец. на кн.: Якубинский, Л. П. История древнерусского языка / Л. П. Якубинский. – М. : Учпедгиз, 1953. – 368 с.

Из истории синтаксиса русского языка. – М. : Гос. учеб.-пед. изд-во, 1954. – 77 с.

[Рецензия] // Вопр. языкознания. – 1954. – № 5. – С. 137–144. – Рец. на кн.: Кузнецов, П. С. Историческая грамматика русского языка: Морфология : учеб. пособие / П. С. Кузнецов. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1953. – 302 с.

[Рецензия] // Рус. яз. в шк. – 1954. – № 5. – С. 77–80. – Рец. на кн.: Обнорский, С. П. Очерки по морфологии русского глагола / С. П. Обнорский. – М. : АН СССР, 1953. – 252 с.

Выступление на дискуссии «О теории субстрата» 17–19 февр. 1955 г. на Ученом Совете Института языкознания АН СССР // Докл. и сообщ. Ин-та языкознания АН СССР. – 1955. – Вып. 9. – С. 146–149.

Грамматика белорусского языка : пособие. – М. : Гос. уч.-пед. изд-во, 1956. – 335 с.

Очерки по историческому синтаксису русского языка : учеб. пособие. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1956. – 596 с.

[Рецензия] // Вопр. языкознания. – 1956. – № 4. – С. 111–115. – Рец. на кн.: Вопросы изучения русского языка : сб. лингвист. ст. / Акад. наук Казах. ССР, Ин-т яз. и лит. ; Казах. гос. ун-т им. С. М. Кирова ; под ред. Х. Х. Махмудова. – Алма-Ата : АН КССР, 1955. – 475 с.

[Рецензия] // Рус. яз. в шк. – 1956. – № 3. – С. 106–109. – Рец. на кн.: Уч. зап. каф. рус. яз. Моск. город. пед. ин-та. им. В. П. Потемкина. – 1954. – Т. 33, вып. 3.

О методах объективного анализа грамматических средств языка // Вестн. МГУ. Сер. ист.-филол. – 1957. – № 2. – С. 3–21.

Историческая грамматика русского языка // Программы педагогических институтов / М-во просвещения СССР. – М., 1957 (у суаўт. з Р. І. Аванесавым і П. С. Кузнецовым).

О синтаксических соответствиях тождества и различиях в глагольно-именных сочетаниях в славянских языках. – М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1958. – 24 с.

О синтаксических соответствиях тождества и различиях в глагольно-именных сочетаниях в славянских языках // Исследования по славянскому языкознанию / Акад. наук СССР, Совет. ком. славистов ; гл. ред. Н. И. Толстой. – М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1961. – С. 196–220.

О синтаксических соответствиях тождества и различиях в глагольно-именных сочетаниях в славянских языках : резюме докл. // IV Междунар. съезд славистов : материалы дискуссии : в 2 т. / Акад. наук СССР, Ин-т языкознания ; отв. ред.: М. М. Гухман, Е. А. Бокарев. – М., 1962. – Т. 2 : Проблемы славянского языкознания. – С. 215–216.

Основы синтаксиса современного русского языка : учеб. пособие. – М. : Учпедгиз, 1958. – 165 с.

О вводных и однородных позициях словесных форм в современном русском языке // НДВШ. Филол. науки. – 1958. – № 1. – С. 114–124.

О спорных вопросах теории синтаксиса // НДВШ. Филол. науки. – 1958. – № 4. – С. 3–19.

О возникновении и развитии парной корреляции внутри одного глагола по категории совершенного и несовершенного вида в русском языке // Сборник статей по языкознанию, посвященный профессору Московского университета академику В. В. Виноградову / под общ. ред. А. И. Ефимова. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1958. – С. 231–247.

О некоторых вопросах структуры предложения // НДВШ. Филол. науки. – 1959. – № 4. – С. 83–87.

Об абсолютных и реляционных свойствах синтаксических единиц (О понятии позиция в теории синтаксиса) // НДВШ. Филол. науки. – 1960. – № 4. – С. 15–28.

О природе значения языкового знака. // Вопр. философии. – 1960. – № 7. – С. 127–134.

Выступление // О соотношении синхронного анализа и исторического изучения языков : материалы дискуссии / Акад. наук СССР, Ин-т языкознания ; отв. ред.: М. М. Гухман, Е. А. Бокарев. – М. : Наука, 1960. – С. 71–73.

[Изложение доклада, посвященного проблемам, связанным с учением В. И. Ленина о противоречии как источнике развития и применением этого учения к вопросам истории языка, прочитанном на Ломоносовских чтениях 1960 г., посвящ. 90-летию со дня рождения В. И. Ленина] // Вестн. МГУ. Сер. 7, Филология. Журналистика. – 1960. – № 4. – С. 3–11.

Письмо в редакцию [Ответ на рецензию А. Б. Шапиро на кн. Т. П. Ломтева «Основы синтаксиса современного русского языка». М., 1958] // Вопр. языкознания. – 1960. – № 5. – С. 145–147.

О второстепенных членах предложения // Рус. яз. в shk. – 1960. – № 4. – С. 7–13.

О грамматической форме слова в русском языке // Вестн. МГУ. Сер. 7, Филология. Журналистика. – 1960. – № 4. – С. 85–86.

О синтаксических соответствиях тождества и различия в глагольно-именных сочетаниях в славянских языках: Исследования. – М. : Изд-во АН СССР, 1961. – 24 с.

Сравнительно-историческая грамматика восточнославянских языков: Морфология : учеб. пособие. – М. : Высш. shk., 1961. – 322 с.

Природа синтаксических явлений // Совещание языковедов вузовских и академических учреждений по теоретическим вопросам синтаксиса, Москва, дек. 1960 г. : тез докл. / АН СССР, Отд-ние лит. и яз. ; Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. – М., 1960. – С. 5–9.

Природа синтаксических явлений // НДВШ. Филол. науки. – 1961. – № 3. – С. 26–37.

О совещании по теории синтаксиса // Вестн. МГУ. Сер. 7, Филология. Журналистика. – 1961. – № 5. – С. 61–70.

Язык и речь // Вестн. МГУ. Сер. 7, Филология. Журналистика. – 1961. – № 4. – С. 65–70.

О природе языкового знака и языкового значения // Вестн. МГУ. Сер. 7, Филология. Журналистика. – 1961. – № 1. – С. 80–82.

Проект Программы КПСС и перспективы развития лингвистической науки // НДВШ. Филол. науки. – 1961. – № 4. – С. 192.

Относительно двухступенчатой теории фонем // *Вопр. языкознания*. – 1962. – № 6. – С. 61–69.

Развитие структуры языка // *Дискуссия о проблеме системности в языке*, Москва, 30 янв. – 2 февр. 1962 г. : тез. докл. / Акад. наук СССР, Отд-ние лит. и яз. – М., 1962. – С. 16–18.

Язык и речь // *Язык и речь : межвуз. конф.*, Москва, 27 нояб. – 1 дек. 1962 г. : тез. докл. / М-во высш. и сред. спец. образования РСФСР ; 1-й Моск. гос. пед. ин-т иностр. яз. – М., 1962. – С. 48–60.

[Выступления по докладам М. Виднэс, Р. Якобсона, Р. Триомора и М. Ивич] // *IV Международный съезд славистов : материалы дискуссии : в 2 т.* / Акад. наук СССР, Ин-т языкознания. – М. : Изд-во АН СССР, 1962. – Т. 2 : Проблемы славянского языкознания. – С. 40, 191, 259–260, 275–276.

О конструктивном методе в фонологии // *Конференция по структурной лингвистике, посвященная базисным проблемам фонологии*, Москва, 20–23 мая : тез. докл. / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз. – М. : Изд-во АН СССР, 1963. – С. 59–62.

Классы позиций согласных фонем в современном русском языке, различающиеся по соотношению релевантных и нерелевантных дифференциальных признаков // *Славянская филология : сб. ст.* / Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1963. – Вып. 5. – С. 5–39.

Метод бинарности семантического анализа в логике и лингвистике // *Проблема значения в лингвистике и логике* / Моск. ордена Ленина и ордена Трудового Красного Знамени гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1963. – С. 35–39.

О методах идентификации синтаксических объектов и исчислении их значимостей : доклад на V Международном съезде славистов, София, 17–23 сент. 1963 г. – М. : [б. и.], 1963. – 48 с.

О семантическом изоморфизме // *Проблемы формализации семантики языка : тез. докл. науч. конф.*, Москва, 1964 г. / 1-й Моск. гос. пед. ин-т иностр. яз. – М., 1964. – С. 98–99.

Исчисление значимостей фонологических объектов // *Система языка и обучение речи : тез. докл. межвуз. конф.*, Минск, 25–30 янв. 1964 г. / М-во высш., сред., спец. и проф. образования БССР ; Мин. гос. пед. ин-т иностр. яз. – Минск, 1964. – С. 25–27.

Конструктивное построение смыслов имен с помощью комбинаторной методики (Термины родства в русском языке) // *НДВШ. Филол. науки*. – 1964. – № 2. – С. 108–120.

Современное языкознание и структурная лингвистика // Теоретические проблемы современного советского языкознания / Акад. наук СССР, Отд-ние лит. и яз. – М. : Наука, 1964. – С. 141–152.

[Изложение выступления на республиканской научной конференции по лексикологии и лексикографии при Минском пед. ин-те. 8–10 окт. 1963 г.] // Изв. АН СССР, Сер. лит. и яз. – 1964. – № 2. – С. 173.

Об одной возможности истолкования фонологического развития // Вопр. языкознания. – 1965. – № 3. – С. 89–101.

Принципы бинарности в фонологии // НДВШ. Филол. науки. – 1965. – № 3. – С. 72–87.

Структура предикатных предметов как содержание предложения // Проблемы синхронного изучения грамматического строя языка : тез. докл. и общ. науч. конф., Москва, 7–10 дек. 1965 г. / М-во высш. и сред. спец. образования РСФСР ; 1-й Моск. гос. пед. ин-т иностр. яз. им. Мориса Тореза. – М., 1965. – С. 115–116.

Описание структуры предложения на основе его функционального представления // Slavica. – 1965. – Roč. 34, seš. 3. – S. 422–430.

Типология языков как учение о классах и типах языков // Лингвистическая типология и восточные языки : материалы совещ. / Акад. наук СССР, Ин-т нар. Азии. – М. : Наука, 1965. – С. 39–47.

Причинность и вероятность в развитии языка // НДВШ. Филол. науки. – 1966. – № 3. – С. 129–137.

Структура предложения и состав предикатных предметов // Strukturní typu slovanské věty a jejich vyvoj : sb. symposia «Otázky slovanské syntaxe», Brno 20–22 říjen 1966 r. / ed. J. Bauer. – Brno : Un-ta J. E. Purkyně, 1968. – S. 57–63.

Источники и механизм развития структуры языка // Основные проблемы эволюции языка : материалы Всесоюз. конф, 9–16 сент. 1966 г. : в 2 ч. / М-во высш. и сред. спец. образования УзССР ; Самарк. гос. ун-т им. А. Навои. – Самарканд : Фан, 1966. – Ч. 1. – С. 6–9.

О построении аналитико-смыслового словаря русского языка // Рус. яз. за рубежом. – 1967. – № 3. – С. 30–36.

Структура предложения как выражения отношений между предикатными предметами // Проблемы языкознания : докл. и сообщ. совет. уч.

на X Междунар. конгрессе лингвистов, Бухарест, 28 авг. – 2 сент. 1967 г. / АН СССР, Ин-т языкознания ; отв. ред. К. П. Филин. – М. : Наука, 1967.

Изоморфизм в области семантики // Актуальные проблемы лексикологии : тез. докл. лингвист. конф., Новосибирск, 5–8 мая 1967 г. / Новосиб. гос. ун-т. – Новосибирск, 1967. – С. 7–9.

Принципы выделения дифференциальных семантических элементов // Методы исследования семантики лингвистических единиц : тез. докл. симпозиума, Москва, апр. 1967 г. / Моск. гос. ун-т. – М., 1967. – С. 3–13.

Структура предложения в славянских языках // Типология и история славянских языков и взаимосвязь славянских литератур : тез. докл. и сообщ. – Минск, 1967. – С. 72–74.

Структура предложения в славянских языках как выражение структуры предиката // Славянское языкознание : докл. совет. делегации на IV Междунар. съезде славистов, Прага, авг. 1968 г. / АН СССР ; редкол.: В. В. Виноградов [и др.]. – М. : Наука, 1968. – С. 296–315.

Дифференциальная мощность и функциональная нагрузка фонем // Проблемы современной лингвистики : сб. ст. / Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. – М., 1968. – С. 91–110.

X Международный конгресс лингвистов // Вестн. МГУ. Сер. 7, Филология. – 1968. – № 1 (в соавт. с К. В. Горшковой).

Проблема знака и значения в применении к предложению // Проблемы изучения семантики языка : тез. докл. науч. конф., посвящ. 50-летию Днепропетр. гос. ун-та, сент. 1968 г. / редкол.: Т. П. Ломтев (отв. ред.) [и др.]. – Днепропетровск : [б. и.], 1968. – С. 3–5.

Критерии выделения типов предложений в славянских языках // Zeitschr. für Slawistik. – 1969. – Bd. XIV. – H. 5.

Принципы выделения дифференциальных семантических элементов // Лексика. Грамматика. Материалы и исследования по русскому языку. Уч. зап. Перм. гос. ун-та. – 1969. – № 192. – С. 3–22.

Принципы построения формулы предложения // НДВШ. Филол. науки. – 1969. – № 5. – С. 56–68.

Тождество семантики и различия в выражении как основание интерференции в одном языке в двуязычной среде // Тез. науч. конф., посвящ. проблемам двуязычия и многоязычия, Москва, 1969 г. / АН СССР, Отд-ние лит. и яз. ; АН ТССР, Ин-т яз. и лит. им. Махтумкули. – М. : Наука, 1969.

Парадигматика предложений на основе конвертируемости отношения // Инвариантные значения и структура предложений / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. – М. : Наука, 1969. – С. 104–115.

Отношение порядка как основание выделения уровней синтаксических объектов // Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие : докл. симпозиума, 18–22 апр. 1967 г. / АН СССР, Ин-т языкознания, Ин-т рус. яз. ; редкол.: В. Н. Ярцева и Н. Ю. Шведова (отв. ред.) [и др.]. – М. : Наука, 1969. – С. 143–161.

Законы выбора глаголов и их эквивалентов при конструировании предложения // Актуальные вопросы преподавания русского языка и литературы : междунар. конф. преподавателей рус. яз. и лит., Москва, 22–28 авг. 1969 г. : тез. докл. / Междунар. ассоц. преподавателей рус. яз. и лит. ; Моск. гос. ун-т, науч.-метод. центр. рус. яз. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1969. – С. 216–218.

Структура и парадигматика предложений на основе свойств грамматической категории модальности // Вопросы филологии. К семидесятилетию со дня рождения проф. И. А. Василенко : сб. ст. / редкол.: А. Н. Стеценко (отв. ред.), И. Г. Добродомов, А. К. Панфилов. – М., 1969. – С. 205–232 (Уч. зап. МГПИ ; № 341).

О способах представления структуры предложения // Применение новых методов в изучении языка (Вопросы прикладной лингвистики) : сб. ст. / М-во высш. и сред. спец. образования СССР ; редкол.: Т. П. Ломтев (отв. ред.) [и др.]. – Днепропетровск : Днепропетр. гос. ун-т., 1969. – Вып. 1. – С. 3–8.

Значение, смысл, понятие, термин // Место терминологии в системе современных наук : тез. докл. и сообщ. науч. симпозиума, Москва, 24–27 дек. 1969 г. / Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1970. – С. 85–88.

Принцип отражения и его значение для теоретической грамматики // Ленинизм и теоретические проблемы языкознания / редкол.: Ф. П. Филин (отв. ред.) [и др.]. – М. : Наука, 1970. – С. 263–280.

Принцип отражения и его значение для лингвистической семантики // НДВШ. Филол. науки. – 1970. – № 1. – С. 69–80.

Предмет и смысл языковых выражений // Исследования по современному русскому языку : сб. ст. / под ред. Т. П. Ломтева, А. А. Камыниной. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1970. – С. 132–149.

К вопросу о причинно-следственных отношениях в развитии структуры языка // Язык и человек : сб. ст. / под общ. ред. В. А. Звегинцева. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1970. – С. 167–192. – (Публикации Отделения структурной и прикладной лингвистики / Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова ; вып. 4).

Квантитативы современного русского языка // Памяти академика Виктора Владимировича Виноградова : сб. ст. / Междунар. ассоц. преподавателей рус. яз. и лит. ; Моск. гос. ун-т, науч.-метод. центр рус. яз. ; редкол.: В. Г. Костомаров (отв. ред.) [и др.]. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1971. – С. 106–116.

Вторичные синтаксические отношения между словами в предложении // Проблема истории и диалектологии славянских языков : сб. ст. / редкол.: Ф. П. Филин (отв. ред.) [и др.]. – М. : Наука, 1971. – С. 174–180.

Фонология современного русского языка : учеб. пособие. – М. : Высш. шк., 1972. – 224 с.

Предложение и его грамматические категории : учеб. пособие. – М. : МГУ, 1972. – 197 с.

Структура предложения и вопрос об актуальном членении // Русское и славянское языкознание. К 70-летию чл.-кор. АН СССР Р. И. Аванесова : сб. ст. / редкол.: Ф. П. Филин (отв. ред.) [и др.]. – М. : Наука, 1972. – С. 170–175.

Вопросы выбора глагола // Проблемы двуязычия и многоязычия : сб. ст. / АН СССР, Ин-т языкознания, Ин-т рус. яз. ; АН ТССР, Ин-т яз. и лит. ; редкол.: П. А. Азимов (отв. ред.) [и др.]. – М. : Наука, 1972. – С. 334–343.

Конституенты предложений с глаголами речи // Члены предложения в языках различных типов / редкол.: В. М. Жирмунский (отв. ред.) [и др.]. – Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1972. – С. 50–78.

Внутренние противоречия как источник исторического развития структуры языка // Энгельс и языкознание : сб. ст. / редкол.: В. Н. Ярцева (отв. ред.) [и др.]. – М. : Наука, 1972. – С. 57–80.

Представление структуры предложения как отображения системы с отношениями // Proceedings of the 11-th International Congress of Linguists, Bologna – Florence, Aug. 28 – Sept. 2, 1972. / ed. by L. Heilmann. – Bologna : Societa ed. il Mulino, 1972.

Основные направления в развитии структуры простого предложения в славянских языках // Славянское языкознание : VII Междунар. съезд славистов, Варшава, авг. 1973 г. : докл. совет. делегации / АН СССР ; Совет. ком. славистов ; редкол.: С. Б. Бернштейн [и др.]. – М. : Наука, 1973. – С. 196–210.

Структура предложений с глаголами эмоционального содержания // Славянская филология : сб. ст. / под ред. К. В. Горшковой, А. Г. Широковой. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1973. – Вып. 9. – С. 176–187.

[Рецензия] // Вопр. языкознания. – 1973. – № 6. – С. 144–148. – Рэц. на кн.: Степанов, Ю. С. Семиотика / Ю. С. Степанов. – М. : Наука, 1971. – 167 с.

[Рецензия] // Рус. яз. за рубежом. – 1973. – № 2. – Рец. на кн.: Кубик, М. Лекции по синтаксису русского языка / М. Кубик [и др.]. – Praha : St. ped. naklad., 1971. – 198 с.

Структура предложений в современном русском языке : учеб. пособие. – М. : Изд-во МГУ, 1979. – 198 с.

АСНОЎНАЯ ЛІТАРАТУРА, ПРЫСВЕЧАНАЯ ЖЫЦЦЮ І ДЗЕЙНАСЦІ Ц. П. ЛОМЦЕВА

Булахов, М. Г. Восточнославянские языковеды : биобиблиогр. слов. : в 3 т. / М. Г. Булахов. – Минск : БГУ, 1978. – Т. 3 : Л–Я. – С. 43–54.

Васеко, В. Ломтев Т. П. (К 60-летию со дня рождения и 35-летию научнопедагогической деятельности) / В. Васеко, В. Кириллова // Вестн. Моск. ун-та. Сер. филол. наук. – 1967. – № 2. – С. 81–84.

Германовіч, І. К. Памяці Ц. П. Ломцева / І. К. Германовіч // Весн. Беларус. ун-та. Сер. 4, Філалогія. Журналістыка. Педагагіка. Псіхалогія. – 1972. – № 2. – С. 64–65.

Губкіна, А. В. Распрацоўка граматыкі беларускай мовы ў 1920-я гады / А. В. Губкіна // Новае слова ў мовазнаўстве : матэрыялы V Міжнар. кангрэса беларусістаў «Новае слова ў беларусістыцы», 20–21 мая 2010 г. / пад рэд. С. М. Запрудскага, Г. А. Цыхуна. – Мінск : Четыре четверти, 2012. – С. 330–338.

Гулыга Е. В. Размышления о книге Тимофея Петровича Ломтева «Предложения и его грамматические категории» / Е. В. Гулыга // НДВШ. Филол. науки. – 1973. – № 3. – С. 20–29.

Дерягин, В. Я. Тимофей Петрович Ломтев (1906–1972) / В. Я. Дерягин // Изв. АН СССР, Сер. яз. и лит. – 1972. – Т. 31, вып. 5. – С. 482–483.

Жизнь и научная деятельность Т. П. Ломтева (1906–1972) // Общее и русское языкознание : избр. работы / Т. П. Ломтев. – М. : Наука, 1976. – С. 3–7.

Иванов, В. В. Т. П. Ломтев как фонолог / В. В. Иванов // Общее и русское языкознание / Т. П. Ломтев. – М. : Наука. 1976. – С. 74–75.

Иванов, В. В. О некоторых проблемах изучения и описания фонологических отношений / В. В. Иванов // НДВШ. Филол. науки. – 1973. – № 3. – С. 20–29. – Рец. на кн.: *Ломтев, Т. П.* Фонология современного русского языка / Т. П. Ломтев. – М. : Высш. шк., 1972. – 224 с.

Караткевіч, І. І. Гістарычная непарыўнасць развіцця беларускай мовы / І. І. Караткевіч // Пісьменнік – мова – стыль : матэрыялы III Міжнар. навук. канф., прысвеч. праф. Ц. П. Ломцеву, Мінск, 21–22 верас. 2023 г. / Беларус. дзярж. ун-т ; рэдкал.: М. І. Свістунова (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БДУ, 2023. – С. 90–94.

Ломтев Тимофей Петрович // Русский язык : энциклопедия. – М. : Совет. энцикл., 1979. – С. 135.

Прыгодзіч, М. Р. Цімафей Ломцеў: з гісторыі адной публікацыі / М. Р. Прыгодзіч // Письменник – мова – стыль : матэрыялы III Міжнар. навук. канф., прысвеч. праф. Ц. П. Ломцеву, Мінск, 21–22 верас. 2023 г. / Беларус. дзярж. ун-т ; рэдкал.: М. І. Свістунова (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БДУ, 2023. – С. 95–99.

Сятковский, С. Эволюция синтаксической теории в трудах Т. П. Ломтева / С. Святковский // Общее и русское языкознание / Т. П. Ломтев. – М. : Наука, 1976. – С. 122–124.

Тимофей Петрович Ломтев: К 60-летию со дня рождения // Русск. яз. в шк. – 1966. – № 4. – С. 101–102.

Тимофей Петрович Ломтев: К 60-летию со дня рождения и 35-летию научной деятельности // НДВШ. Филол. науки. – 1967. – № 1. – С. 142.

Трошина, Н. Н. Тимофей Петрович Ломтев / Н. Н. Трошина // Отечественные лингвисты XX века / отв. ред. В. В. Потапов. – М. : ЯСК, 2016. – С. 291–299.

Шапиро, А. Б. Ломтев Т. П. Основы синтаксиса современного русского языка / А. Б. Шапиро // Вопр. языкознания. – 1959. – № 6. – С. 136–141.

Шиловский, А. Н. Принципы и приемы комбинаторной методики, разработанные проф. Т. П. Ломтевым / А. Н. Шиловский // НДВШ. Филол. науки. – 1973. – № 3. – С. 39–41.

Ад складальнікаў.....	3
Не спыняючыся на дасягнутым	4
Скарына як пачынальнік беларускай літаратурнай мовы	6
Да гісторыі ўзнікнення беларускай мовы (пісьмо ў рэдакцыю).....	16
Георгі Скарына – першы беларускі кнігавыдаўца	19
Авалодаць культурай мовы	26
Лёс кнігадрукавання на Беларусі пасля Скарыны	29
Белорусский язык.....	34
О синтаксических соответствиях тождества и различия в глагольно-именных сочетаниях в славянских языках	186
Язык и речь	206
О построении аналитико-смыслового словаря русского языка.....	213
К вопросу о причинно-следственных отношениях в развитии структуры языка	224
Выписка из выступления официального оппонента доктора филологических наук Т. П. Ломтева	238
Бібліяграфія прац Ц. П. Ломцева па беларускай і рускай мовах і мовазнаўстве.....	242
Асноўная літаратура, прысвечаная жыццю і дзейнасці Ц. П. Ломцева.....	253

Навуковае выданне

Замежная беларусістыка

**ЦІМАФЕЙ ЛОМЦЕЎ.
ВЫБРАНЫЯ ПРАЦЫ
ПА БЕЛАРУСКІМ І РУСКІМ МОВАЗНАЎСТВЕ**

Складальнікі

Прыгодзіч Мікалай Рыгоравіч

Роўда Іван Сямёнавіч

Рэдактар *Ж. В. Запартыка*

Мастак вокладкі *М. А. Сарасек*

Мастацкі рэдактар *М. А. Сарасек*

Тэхнічны рэдактар *В. П. Яёуз*

Камп'ютарная вёрстка *І. В. Махнача*

Карэктар *А. Г. Панчанкаў*

Падпісана да друку 04.07.2024. Фармат 60×84/16. Папера афсетная.
Друк лічбавы. Ум. друк. арк. 14,88 + 0,93 укл. Ул.-выд. арк. 17,04 + 0,24 укл.
Тыраж 55 экз. Заказ 208.

Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт.

Пасведчанне аб дзяржаўнай рэгістрацыі выдаўца, вытворцы,
распаўсюджвальніка друкаваных выданняў № 1/270 ад 03.04.2014.

Пр. Незалежнасці, 4, 220030, Мінск.

Рэспубліканскае ўнітарнае прадпрыемства

«Выдавецкі цэнтр Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта».

Пасведчанне аб дзяржаўнай рэгістрацыі выдаўца, вытворцы,
распаўсюджвальніка друкаваных выданняў № 2/63 ад 19.03.2014.

Вул. Чырвонаармейская, 6, 220030, Мінск.